

ISSN 1814 - 6961

ОТАН ТАРИХЫ

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2019, № 4 (88)

4 /2019

Журнал Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Білім және ғылым саласындағы бақылау комитетінің (ҚР БҒМ БҒБК) ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін ұсынылатын басылымдар тізіміне кіреді.

Бас редакторы:
Зиябек Қабылдинов

Редакциялық алқа:

Абдрахманов Толобек Абылович, т.ғ.д., профессор, И. Арабаев атындағы Қырғыз мемлекеттік университетінің ректоры (Қырғызстан)

Акинер Ширин, т.ғ.д., Лондон университетінің профессоры (Ұлыбритания)

Асылбекова Жамиля Мәлікқызы т.ғ.д., профессор, Халықаралық бизнес университеті (Қазақстан)

Аязан Бүркітбай Гельманович, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Мемлекет тарихы институтының директоры

Әбусейітова Меруерт Хуатовна, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Р. Сулейменов атындағы Шығыстану институты «Тарихи материалдарды зерттеу орталығының» директоры, ҰҒА корр.-мүшесі (Қазақстан)

Әлімбаев Нұрсан, т.ғ.к., профессор, ҚР Мемлекеттік музейінің директоры (Қазақстан)

Әжіғали Серік Ескендірұлы, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан)

Буканова Роза Гафаровна, т.ғ.д., профессор, Уфа қаласындағы Башқұр мемлекеттік университеті (Ресей)

Голден Питер Принстон университетінің профессоры (АҚШ)

Жұмағұлов Қалқаман Тұрсынұлы, т.ғ.д., профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Дүние жүзі тарихын зерттеу» орталығының директоры, Германиядағы Геттинген университетінің құрметті профессоры (Қазақстан)

Исмағұлов Оразақ, т.ғ.д., профессор, ҰҒА академигі (Қазақстан)

Көмеков Болат Ешмұхамедұлы, т.ғ.д., профессор, ҰҒА академигі (Қазақстан)

Ламин Владимир Александрович, т.ғ.д., профессор, РҒА корр.-мүшесі, РҒА Сібір бөлімінің Тарих институты (Ресей)

Мансура-Хайдар, профессор (Үндістан)

Масов Рахим Масович, т.ғ.д., профессор, А. Дониш атындағы Тарих, археология және этнография институты (Тәжікстан)

Мұқтар Әбілсейт Қапизұлы, т.ғ.д., профессор, Атырау қаласындағы «Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының директоры (Қазақстан)

Навроцкий Карл, PhD докторы, Гданьск қаласындағы екінші дүниежүзілік соғыс музейінің директоры (Польша)

Осман Мерт, Ататүрк университетінің профессоры (Түркия Республикасы)

Сидхарт С. Саксена, Кембридж университетінің профессоры (Ұлыбритания)

Сон Ен Хун, Хангук шет тілдер университетінің профессоры (Оңтүстік Корея)

Сыдықов Ерлан Бәтташұлы, т.ғ.д., профессор, Л. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры (Қазақстан)

Якуб Алексей Валерьевич, т.ғ.д., профессор, Ф.М. Достоевский атындағы Омск мемлекеттік университет (Россия)

Редакционная коллегия журнала

Абдрахманов Толобек Абылович, д.и.н., профессор, ректор Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева (Кыргызстан)

Абусейітова Меруерт Хуатовна, д.и.н., профессор, член корр. НАН РК, директор центра «Исследование исторических материалов» института Востоковедения имени Р. Сулейменова Комитет науки Министерства образования и науки Республики

Казахстан (Казахстан)

Акинер Ширин, д.и.н., профессор Лондонского университета (Великобритания)

Алимбай Нурсан, к.и.н., профессор, директор Государственного музея Республики Казахстан (Казахстан)

Ажигали Серик Ескендинович, д.и.н., профессор, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Казахстан)

Асылбекова Жамиля Маликовна, д.и.н., профессор, Университет международного бизнеса (Казахстан)

Аяган Буркитбай Гельманович, д.и.н., профессор, директор Института истории государства Министерства образования и науки Республики Казахстан Комитет науки

Буканова Роза Гафаровна, д.и.н., профессор Башкирского государственного университета г. Уфа (Россия)

Голден Питер, профессор Принстонского университета (США)

Жумагулов Калкаман Турсынович, д.и.н., профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, директор «Центра по изучению Всемирной истории», Почетный профессор Геттингенского университета в Германии (Казахстан)

Исмагулов Оразак, д.и.н., профессор, академик НАН РК (Казахстан)

Кумеков Болат Ешмухамедович, д.и.н., профессор, академик НАН РК (Казахстан)

Ламин Владимир Александрович, д.и.н., профессор, член корр. РАН, директор Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Мансура-Хайдар, профессор (Индия)

Масов Рахим Масович, д.и.н., профессор институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша (Таджикистан)

Муктар Абилсейт Капизулы, д.и.н., профессор, директор государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшық» в городе Атырау (Казахстан)

Навроцкий Карл, доктор PhD, директор музея Второй мировой войны в г. Гданьск (Польша)

Осман Мерт, профессор Ататюркского университета (Турция)

Сидхарт С. Саксена, профессор Кембриджского университета (Великобритания)

Сон Ен Хун, профессор университета иностранных языков Хангук (Южная Корея)

Сыдыков Ерлан Батташевич, д.и.н., профессор, ректор Евразийского национального университета имени Л.Гумилева. (Казахстан)

Якуб Алексей Валерьевич, д.и.н., профессор, ректор Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (Россия)

Editorial Board of the Journal

Abdrahmanov Tolobek Abylovich Doctor of Historical Sciences, professor, Rector at the I. Arabayev State university (Kyrgyzstan)

Abuseitova Meruert Huatovna, Doctor of History, professor, Corresponding Member NAS RK, director of the Center for the Study of Historical Materials at the Institute of Oriental Studies named after R. Suleimenov of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee (Kyrgyzstan)

Akiner Shirin, Doctor of Historical Sciences, Professor of London University (Great Britain)

Alimbai Nursan, Doctor of History, professor, Director of the State Museum Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Asylbekova Zhamilya Malikovna Doctor of Historical Sciences, professor at University of International Business, Almaty (Kazakhstan)

Ayagan Burkitbai Gelmanovich, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of State History of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee

Azhigali Serik Eskendirovich, Doctor of History, professor, C.C. Valikhanov Institute of History and Ethnology. Science Committee Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Bukanova Roza Gafarovna Doctor of Historical Sciences, professor at Bashkir state university. Ufa (Russia)

Golden Peter, a professor at Princeton University (USA)

Zhumagulov Kalkaman Tursynuly, Doctor of Historical Sciences, Academician, professor of Al-Farabi Kazakh National University, Director of the Research Center on World History Studies, Emeritus Professor of German Göttingen University (Kazakhstan)

Ismagulov Orazak, Doctor of Historical Sciences, professor. Academician of National Academy of Sciences (Kazakhstan)

Kumekov Bolat Yeshmukhameduly, Doctor of Historical Sciences, professor, Academician of National Academy of Sciences (Kazakhstan)

Lamin Vladimir Alexandrovich, Doctor of History, professor, Corresponding Member. RAS, director of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Россия)

Mansura-Haydar, professor, (India)

Masov Rakhim Masovich, Масов Рахим Масович, Doctor of Historical Sciences, professor A Donish Institute of History, archeology and Ethnography (Tajikistan)

Muktar Abilseit Kapizuly, Doctor of Historical Sciences, professor, Director of the State Historical and Cultural Museum-Reserve "Sarayshyk" in Atyrau (Kazakhstan)

Navrocki Karl PhD, Second world war museum director in Gdansk (Poland)

Osman Mert, professor of the Atatürk University (Turkey)

Sidhart S. Saxena, professor at Cambridge University (Great Britain)

Son Yong Hong, a professor of the Hanguk University of Foreign Languages (South Korea)

Sydykov Erlan Battashevich, Doctor of Historical Sciences, professor, Rector of the L. Gumilev Eurasian National University (Kazakhstan)

Jakub Aleksei Valerievich, Doctor of Historical Sciences, professor, Rector of the Omsk state university named after Dostoevski F.M. (Russia)

Жауапты редактор:

Айжамал Құдайбергенова

Редактор:

Бота Жүнісова

Компьютерде өңдеуші және дизайнер:

Венера Зикирбаева

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,

Алматы қ., Шевченко көшесі, 28,

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,

«Отан тарихы» журналының редакциясы

Телефон: +7 (727) 272-46-54

E-mail: Otanhistory@gmail.com

Электрондық мекен-жай:

<http://infohistory.info>

Журнал 1998 жылдан бастап шығады.

Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде 1998 ж.

9 наурызда тіркеліп, N 158-ж куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

**ДЕРЕКТАНУ ЖӘНЕ ТАРИХНАМА
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
SOURCESTUDING AND HISTORIOGRAPHY**

МРНТИ 03.20

**ИЗЫСКАНИЯ В РЕДКИХ ФОНДАХ БИБЛИОТЕК
(НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)**

Садвокасова Закиш Тлеухановна

ГНС Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК,
д.и.н., проф. Казахстан, г. Алматы. E-mail: tungatar_k@mail.ru

Аннотация. Фонды отечественных архивов хранят огромное количество документов. В то же время, как отметил первый Президент нашей страны Н. Назарбаев в своей программной статье «Семь граней Великой степи», многие свидетельства о жизни предков ждут своего часа в хранилищах по всему миру, и предложил создать программу «Архивы-2025». Одной из поставленных задач модернизации исторического сознания является извлечение ранее неизвестных сведений из фондов хранилищ других государств.

В статье дается описание выявленных новых материалов в ходе экспедиции в Санкт-Петербург по реализации проекта программно-целевого финансирования «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи (выявление, анализ, оцифровка)». Автором анализируются источники по выделенной тематике: участие казахов в восстаниях против политики царизма, этнографические сведения, деятельность миссионеров среди кочевников. Собранные документальные материалы будут полезны не только историкам, источниковедам, религиоведам, но и для специалистов естественных наук, даже работникам промышленности.

Ключевые слова: фонд, документы, публикации, выступление, восстание, религия, православие, ислам, миссионерство, быт, жизнь, казахи, русские, политика.

ҒТАХР 03.20

**СИРЕК КЕЗДЕСЕТІН КІТАПХАНА ҚОРЛАРЫНДАҒЫ ІЗДЕНІСТЕР
(ЖАҢА ҚҰЖАТТЫҚ МАТЕРИАЛДАР)**

Садвокасова Закиш Тлеуханқызы

т.ғ.д., профессор. Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институтының
бас ғылыми қызметкері, Қазақстан, Алматы қ. E-mail: tungatar_k@mail.ru

Түйіндеме Отандық мұрағат қорларында орасан көп көлемде құнды құжаттар сақталған. Сонымен қатар, еліміздің Тұңғыш Президенті Н. Назарбаев «Ұлы даланың жеті қыры» атты бағдарламалық мақаласында «бүкіл әлем мұрағаттарындағы ата-бабаларымыздың өмірі туралы көптеген деректер жариялаудың өз сағатын күтуде» деп көрсете отырып, «Архив-2025» бағдарламасын жасауды ұсынды. Тарихи сананы жаңғыртуда қойылған міндеттердің бірі – басқа мемлекеттердің архив қоймаларында сақталған бұрын белгісіз болған мәліметтерді алу болып табылады.

Мақалада «Шетелдік мұрағаттардағы археографиялық жұмыстар мен Ұлы дала тарихы мен мәдениеті қорлары (сәйкестендіру, талдау, цифрландыру)» мақсатты қаржыландыру бағдарламасын жүзеге асыру барысында Санкт-Петербургке барған экспедиция анықтаған жаңа материалдар сипатталады. Автор жекелеген тақырыптар бойынша деректерді талдайды: көтерілістерге қазақтардың қатысуы, патшалық саясатқа қарсылықтар, этнографиялық ақпарат, көшпелілер арасындағы миссионерлердің

қызметі т.б. Жиналған деректік мәліметтер тарихшыларға, деректанушыларға, дінтанушыларға ғана емес, сонымен қатар жаратылыстанушыларға, тіпті өнеркәсіп саласының қызметкерлеріне де пайдалы болады.

Кілт сөздер: қор, құжаттар, жарияланымдар, көтеріліс, дін, православие, ислам, миссионерлік, күнделікті өмір, өмір, қазақтар, орыстар, саясат.

IRSTI 03.20

RESEARCH IN RARE COLLECTIONS OF LIBRARIES (NEW DOCUMENTARY MATERIAL)

Sadvokasova Zakish Tleuhanovna

Leading Researcher, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology SC MES RK,
Doctor of Historical Sciences, Professor.

E-mail: tungatar_k@mail.ru

Abstract. The collections of the national archives store a huge number of documents. At the same time, as the first President of our country N. Nazarbayev noted in his Program Article “Seven Faces of the Great Steppe”, many testimonies about the life of ancestors are waiting in the wings in repositories around the world, and proposed to create a program “Archives-2025”. One of the tasks of modernization of historical consciousness is the extraction of previously unknown information from the funds of other States.

The article describes the identified new materials during the expedition to St. Petersburg on the implementation of the project of program-targeted financing “ Archaeographic works in foreign archives and funds on the history and culture of the great steppe (identification, analysis, digitization)”. The author analyzes the sources on the selected topics: the participation of Kazakhs in the uprisings against the policy of tsarism, ethnographic information, the activities of missionaries among the nomads. The collected documentary materials will be useful not only for historians, archivists, religious scholars, but for specialists of natural Sciences, even industry workers.

Key words: collection, documents, publications, performance, rebel, religion, orthodoxly, Islam, missionary work, daily life, life, Kazakhs, Russians, policy.

Введение. Осенью 2019 года группа научных сотрудников, в составе ученых Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, работников государственного и национального архивов Республики Казахстан находилась в экспедиции по выполнению проекта программно-целевого финансирования «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи (выявление, анализ, оцифровка)». Командировка в архивы и библиотеки Санкт-Петербурга стала возможной, благодаря поддержке Комитета науки МОН РК.

Целью археографической экспедиции явилось выявление и приобретение ранее неизвестных документов в Российском Государственном историческом архиве и других хранилищах города, а также сбор материалов периодической печати в Российской национальной библиотеке по истории и культуре Казахстана.

Для достижения поставленной цели и во избежание повторов изучались списки ранее привезенных документов, основные фонды Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Национального архива РК (НА РК) и т.д. Ежедневно с коллегами обсуждали ценность выявленных документов РГИА, других архивов города Санкт-Петербурга, Российской национальной библиотеки. Итогом проделанной работы являются тысячи листов уникальных свидетельств по истории и культуре Великой степи, небольшая часть которых получила освещение в данной статье.

Материалы и методы. При изучении архивных документов, материалов фонда редких рукописей, журнальных и газетных статей XVIII - начала XX веков по истории Великой степи были использованы различные методы. Нарративный метод напрямую связан с целью экспедиции, то есть сбор документальных материалов в архивах и редком

фонде редких книг в Российской Национальной библиотеке. Собранные свидетельства необходимо объединить в одно целое. Вследствие образования огромного массива материалов сделана попытка разделить их по тематике и создания четкой картины по какой-либо проблеме, для объединения их в единое исследование. Рассматриваемый метод несколько ограничивает научный труд в рамках описания событий и не позволяет полностью оценить исторический факт. Поэтому, без привлечения других методов, научное исследование теряет свою ценность. В процессе работы над статьей мы также использовали сравнительный, системный и другие методы.

Сравнение позволяет выявить общее и особенное. Изучение документов XVIII-XX веков, к примеру, привело к заключению относительно причин негативного отношения казахов к русским переселенцам, а именно притеснение последними коренного населения, что явилось поводом к столкновениям. То есть, применение этого метода позволило глубже понять политику Российской империи в национальных окраинах.

Компаративный анализ научных исследований современных историков и новых источников привел к заключению о возможности введения выявленных материалов в научный оборот учеными. Обращение к опубликованным трудам позволяет выявить отличия в методологических подходах, зависящее от различных факторов.

Обсуждение. Определение ценности источника связано с его содержанием, информационным богатством, который он несет исследователю. К методам исторического исследования источника, по мнению источниковеда О.М. Медушевской относятся: «критический подход, анализ, интерпретирование – под которым понимается истолкование показаний источника, как с точки зрения их истинного смысла, так и их лучшего объяснения» (Медушевская, 1988: 10). Дальнейшая работа историка с источником рассматривается ею как раскрытие взаимосвязи фактов, их понимание и осмысление в историческом контексте и, наконец, изложение – средство целесообразно выразить результаты исследования.

Проблемы изучения исторических источников всегда являются одними из самых актуальных и трудных в науке. Источники позволяют получить информацию о прошедших событиях. Недостаточно их только обнаружить, извлечь. Необходимо всесторонне, объективно изучить и критически оценить. Одно и то же событие в различных источниках описывается и оценивается по-разному. Случается, что в ходе изучения проблемы, исследователь сталкивается с неожиданными фактами, заключающимися в том, что он обнаруживает совершенно противоположные заключения одного и того же человека на происшедшее. Такой подход объясняется отношением очевидца к прошедшим событиям. Перемена в оценке связана либо с изменениями в обществе, либо с изменением позиции самого автора, описывающего прошлое. Поэтому «свойства исторических источников связаны с обстоятельствами их создания, а общность свойств порождается влиянием процесса индивидуализации и вторичной социализации личности» (Данилевский, Кабанова, Медушевская, Румянцева, 2000: 30). Ценность любой научной работы историков во многом определяется степенью и количеством выявленной в источнике новой «скрытой» информации, недоступной для исследователя при обычном визуальном сравнении и сопоставлении.

К одному и тому же источнику каждый специалист обращается со своими вопросами. Даже историки, изучающие один и тот же документ, черпают из источника именно свою информацию. Допустим, в отчете генерал-губернатора исследователь, занимающийся вопросами аграрной политики, обращает внимание на земельные отношения. Другой, интересующийся проблемами образования, стремится найти ответы на свои вопросы. Третий ищет материалы, рисующие недовольство народных масс существующим режимом и т.д. Но все обязательно используют архивные материалы в научных трудах. Как отметил историк, директор Госархива Российской Федерации С. Мироненко: «Историк, который не работает в архиве – неполноценный историк» (Абрамова, 2015:120).

Не всегда обнаруженные нами материалы представляли собой новые источники, так как отдельные фрагменты документа использовались исследователями в своих научных трудах. Но, как считает российский ученый Н.Т. Абрамова «факт публикации

или использования документа кем-либо из историков не означает отказ от знакомства с ним в архиве. Познание безгранично, информация, заключенная в источнике, неисчерпаема. Каждый исследователь подходит к источнику по-своему, у каждого своя тема, свои задачи, поэтому и информация, извлеченная из источника, будет каждая своя» (Абрамова, 2015:122). Необходимо иметь в виду, что до появления современных копировальных устройств исследователь не имел возможности полностью получить документ. Для него достаточно было использование фрагмента или цитаты из источника, касающихся его научных изысканий. Заниматься перепиской целого документа, не имеющего отношения к научной проблеме исследователя, было нецелесообразно. Один и тот же источник несет информацию по многим вопросам, отчего он изучается большим количеством ученых.

Иногда, историк не находит нужных ему сведений в заказанном документе, и он оставляет запись в листе использования «Просмотр».

В листе использования архивных документов учеными встречались известные имена казахстанских историков. В некоторых материалах даты обращения относятся к 30-50 годам прошлого столетия.

Вследствие того, что тематика документов довольно обширна, не представляется возможным дать обзор всех научных трудов историков. Исходя из поставленной цели предлагаемой статьи, будет дано освещение выявленных новых документальных материалов по отдельным проблемам.

Результаты. Участниками экспедиции проделана огромная работа по выявлению эксклюзивных материалов и их копированию, которые после проведения систематизации будут переданы в хранилища наших архивов. Они станут доступны как ученым, так и для всех, интересующихся историей страны.

Основой статьи послужили газетные и журнальные публикации XIX - начала XX веков. Эти материалы представляют собой научную ценность в том плане, что их авторы в большинстве своем являются очевидцами событий и не всегда их взгляды и мнения совпадают с проводимой политикой российского правительства. Еще один момент, который надо иметь в виду – преимущество их состоит в том, что они очень редко встречаются в фондах архивов.

Так как объем обнаруженных документов исчисляется тысячами страниц, и невозможно дать их полноценный обзор, мы решили выделить часть проблем и несколько подробнее остановиться на них. В статье получили отражение следующие материалы: участие казахов в восстаниях и протестах против политики царизма, этнографические сведения, деятельность миссионеров среди кочевников и их результаты.

Недовольство политикой самодержавия казахи проявляли с начального периода вхождения Казахстана в состав Российской империи и до революций 1917 года. Коренное население выступало против введения административных реформ, заселения русскими крестьянами и казаками своих кочевий, чиновников колониальной администрации. Описания этих протестов можно встретить на страницах печати того времени. В Русском художественном листке 1858 года содержится материал об одном из лидеров национально-освободительного движения в Младшем жузе. В журнальном фонде при изучении «Русского художественного листка» В. Тимма 1858 года обнаружен рисунок бия Исета Кутебарова (написание имени по журналу) и 6 казахов под названием «Киргизы Малой Орды, кочующие у предгорья Усть-Урта» (Русский художественный листок, 1858). Как указано в конце текста: «На рисунке изображены: 1. Бий Исет Кутебаров – известный возмутитель Киргиз-Кайсаков, явившийся с повинною на дневке при Кинь-су-Ать 4 июня 1858 года; 2. Киргизская дьвица Гюль-Бано-Джеманкулова; 3. Мьстный киргизский начальник (против Каменно-Озерной станицы) Ибрагим Байдусовь; 4. Караван-Башь Султань Дусань-Гали Джантурин; 5. Вожакь киргизь Сегюрь Муххамедь-Джановь; 7. Бий Рысь Муххамедь Кутлу-Булатов (с фотогр. арт. поруч. Мухоренко)». О шестом человеке на рисунке информация отсутствует. Приведенный материал является уникальным, который, не исключено, подвигнет ученых к дальнейшим изысканиям. К рисунку имеется текст о протестном движении под руководством Кутебарова. На сегодняшний день это выступление

изучено не полностью, и обнаруженные документы впишут новые страницы в историю национально-освободительного движения казахского народа.

В девяти номерах газеты «Уральские войсковые ведомости», с 31 октября 1876 по 2 января 1877 годов публиковалась статья «Исетай Тайманов старшина Внутренней Орды» (написание имени по оригиналу). Автор статьи, прежде всего, остановился на особенностях жизни, нравов и обычаев уральских казаков, резко отличающихся от других русских губерний. Но отношение их к коренным жителям, выражавшееся в их притеснении, были одинаковыми с другими представителями этого сословия.

Савичев Н. поражается безрассудству восставших казаков, осмелившихся выступить против мощи, им противопоставленной: «Если бы у киргизов было побольше рассуждающих людей, то они поняли простое и ясное дело, что русское правительство гигант, богатырь, отличающийся громадной, страшной силой, и что ему подчиниться по одной уже только этой причине непременно следует» (Савичев, 1875). Не берутся во внимание причины, вызвавшие протест, главной из которых было введение чужих форм управления, далеких и не соответствующих традиционным, веками складывавшимся в среде кочевников. Навязывание языка, религии, культуры на первый взгляд ненавязчивое, несущее свет знаний вызывало негативную реакцию инородцев. Автор не понимает отказ казаков отдавать детей в правительственные школы. Хотя сам предполагает, что родители опасаются христианизации, что и отталкивает их отдавать детей в эти учебные заведения. В этой же статье автор пишет, что собой представляют уральские казаки, их боеспособность. Они привлекались в качестве боевых подразделений в военных операциях по взятию Хивы. В составе Оренбургского отряда находились три Уральские сотни и две в Туркестанском отряде. После дальнего похода они возвращались «украшенные георгиевскими крестами за храбрость, оказанную ими во многих боях...» (Савичев, 1875).

Уральские казаки приняли участие в подавлении восстания, один из его очагов казачий есаул с сотней уральцев «добил и истребил едва ли не последнюю киргизскую шайку Дусана Тажиева» (Савичев, 1875). После военных действий «по усмирению киргизского восстания настала у нас тишь, да гладь, да Божья Благодать» и теперь «живут себе мирно и спокойно» (Савичев, 1875). Однако напрасно считали, что казаки больше не посмеют пойти против «громадной и страшной силы». Степь не раз наполняли кличи, призывающие к очередной битве против врага.

В журнале «Вестник Европы» Н. Серeda в статье «Бунт киргизского султана Кенисары Касимова (1843-1847 гг.)» (Серeda, 1871) подробно описывает противоборство политике царизма одного из ярких представителей казахской аристократии. Руководителя восстания автор называет киргизским Шамилем, мятежником, бунтовщиком, в то же время «замечательным киргизским султаном», умело использовавший в своих целях ошибки и патриархальность местной администрации. После гибели султана «в орде живет память о нем и его подвигах, сложившись в образы легенд и патриотических песен, прославляющих его батырство. Григорий Петрович Половоротов (долго бывший секретарем султана-правителя восточной части), доставил песню «О Кенисаре» на татарском языке с русским переводом, сложенную знаменитым киргизским поэтом Нысанбаем, очевидцем и сообщником Кенисары в его батырстве. Киргизский поэт изображает слезы всех окружавших любимого хана, с которым погубило безвременно много «радужных надежд»!... Надежд, которые, - если б по-прежнему продолжали дремать оренбургские администраторы, могли легко перейти в действительность, и «ключ и врата ко всем азиатским землям и странам» опять ускользнули бы из наших рук» (Серeda, 1871: 690). Заключение автора, позволяет представить какую серьезную опасность для царского правительства, имело выступление под руководством казахского султана. Потеря территории, вошедшей в состав Российской империи, а вместе с ней крушение планов самодержавия по ее заселению безземельным крестьянством, поставщика сырья для зарождающейся промышленности, все вместе взятое сконцентрировалось в последствиях восстановления ханской власти, которого добивался казахский герой.

В газете «Оренбургский листок» от 10 мая 1881 г. Бонифатий Карпов подвергает критике публикацию «Путешествие в Западную Сибирь д-ра Финша и Брэма» (Карпов,

1881), основой которой послужили выступления киргизов против образования Тургайской и Семипалатинской областей и введения нового административного управления. Автор материала являлся свидетелем событий и «походы войск для умирения этого восстания происходили на моих глазах и мне известны до мельчайших подробностей» (Карпов, 1881). Утверждение иностранцев о воинственности киргизов, выразившееся в захвате Уральского гарнизона, вынужденного им сдаться и взятии Новоалександровска, на взгляд Карпова безосновательно, на чем и построена статья. Приводит противоположные сведения, где с гордостью рассказывает о жестокости казаков, расправившихся с безоружными повстанцами: «подтянутые с Кавказа терские казаки кинулись развернутым фронтом в атаку и произвели между киргизами опустошение.. На несколько верст поле было устлано трупами киргиз» (Карпов, 1881).

Интересный материал был обнаружен на страницах журнала «Русская старина» под названием «Из истории пугачевского бунта (В степи у киргиз-кайсаков)», автором которого является В. Снежковский. Он пишет: «Сообщаемые ниже документы относятся ко времени пугачевского бунта (1774 год) и заключает в себе некоторые данные о сношениях киргиз-кайсацкого Нурали-хана с Пугачевым, об участии в бунте Пугачева киргиз-кайсаков и дипломатические сношения астраханской провинциальной канцелярии с Нурали-ханом» (Снежковский, 1890: 790). Автор отмечает уникальность документа и то, что он еще не был в печати. Более того, документ совершенно случайно был замечен автором в нижегородской мелочной лавке. Страницы его служили оберточной бумагой торговца, купившего связку старых рукописей у старьевщика-татарина. «Отыскав лавочку, я уже застал там только небольшую тетрадь» (Снежковский, 1890: 790). Остальные, к сожалению, пропали безвозвратно, так как лавочник завертывал в нее «селедку и прочую снедь, и отсылал по обывателям города»

Статья состоит из двух частей. Первая содержит перевод письма с татарского языка Нурали-хана, адресованного астраханской губернской администрации 12 марта 1774 года (Снежковский, 1890: 791). Во второй части В. Снежковский останавливается на действиях губернской администрации, которая в секретном порядке предлагает переводчику Тонкачеву «под приличным и бесприметным претекстом свести с посланцами хана знакомство и между партикулярными разговорами не подавая к сумнительству ни малейшего вида, постараться разведать как думают о злодее кайсаки и сам хан, в каких оношениях они к нему находятся» (Снежковский, 1890: 793). Подробности поведения казахской знати и царской администрации в период пугачевского восстания мало известны. В казахстанской историографии национально-освободительного движения упор делается на участии казахов в восстании Е. Пугачева и освещается одна сторона, а именно выступление против колониальной политики царизма. Новизна материала заключается в раскрытии новых сведений протеста и места казахов в нем.

Заслуживают внимания журнальные и газетные публикации, где имеется информация об этнографии, состоянии хозяйства казахов, появлении промышленного производств. Среди них можно прочитать статьи, посвященные описанию природы, жизни аулов, характеристике «обитателей киргизской степи», экономическому и общественному быту и т.д.

Об этом писали чиновники, военные, путешественники. К ним можно отнести публикации: «Киргизы» (Назаров, 1821), «Общее обозрение местоположения Киргиз-Кайсацкой степи» (Гавердовский, 1823), 15), «Киргизские шаманы» (Ястребов, 1851), «Письмо из степи» (Залесов, 1858), «Взгляд на экономический и общественный строй киргизов» (Русанов, 1861), «Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. О киргизской степи» (Головачев, 1902) и другие.

Так, в журнале «Вестник Европы», в вводной части статьи указывается, что «Следующие известия о Киргизах взяты из любопытных Записок г-на Назарова, отдельного Сибирского корпуса, посланного в Коканд 1813 года и возвратившагося оттуда в 1814» (Из записок Назарова, 1821: 514). Назаров описал в своих записках города: Ташкент, Туркестан и Коканд, жилища и хозяйство и особо отмечает, что страны, где он побывал мало известны, и поэтому, «достойны всего внимания нашего:

из них выходили народы, опустошавшие Европу и оставившие следы бытия своего в собственном нашем отечестве» (Из записок Назарова, 1821:514). Назаров был включен в состав дипломатической миссии. Ее цель заключалась в выяснении обстоятельств гибели возвращавшихся в 1812 году из Санкт-Петербурга, кокандских посланников в крепости Петропавловской. Корпусный командир, характеризуя Назарова, отмечает, что он «при совершенном знании Татарского языка, наблюдал предметы очами просвещенного человека» Из записок Назарова (Из записок Назарова, 1821:515). В целом, данная статья содержит не только многочисленные этнографические сведения, но и другие, и принесет большую пользу всем ученым, занимающимся изучением истории Казахстана до вхождения в состав Российской империи.

Привлекательной является публикация не только для историков, но и для специалистов естественных наук, и даже работников промышленности, обнаруженная в журнальном фонде Российской Национальной библиотеки. В 1840 году первый раздел «Описание западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи» Горного журнала или собрание сведений о горном и соляном деле с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся, части IV был посвящен представлению территории, «закрывающаяся между Уралом, от впадения в него реки Ори, северозападным берегом моря Каспийского, Усть-Уртом, Большими Барсуками и возвышенностями, идущими между водами с одной Иргиза и Одри с другой стороны, - эта часть перерезана нами в различных направлениях, в течение полугодового пребывания в Киргизской степи» (Ковалевский, Гернгросс, 1840:315). Журнал состоит из четырех, разных по тематике, разделов: I. Геология и геогнозия. Майора Ковалевского и капитана Гернгросса; II. Соляное дело. Соляное производство в Германии, особенно в пиротехническом отношении. Статья Г. Фридриха фон Альберти; III. Горное дело Капитана Карпинского. Четвертый раздел над названием «Смесь», что соответствует содержанию, включающий разные собранные материалы, не связанные друг с другом:

Об опытах над кричной работой в закрытых горнах (Кричная работа связана с получением рыхлого кома размягченного губчатого железа, образующегося при плавке железной руды в условиях низких температур).

Электрохимический способ Г. Деларива золотить серебро и латунь без помощи ртути

О руднике и золотосодержащей породе уральских россыпей.

В разделе «Описание западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи» от общего описания степи автор переходит к отдельным местам, отличающимся своими особенностями. От Мугоджарских гор маршрут шел к «югу и к западу до Усть-Урта, совершенно сходна с прилегающей к Уралу. Она составляет ряд возвышений, имеющих видимую между собою связь, и состоящих из глины и песку, которого наносы, увеличиваясь постоянно к югу, образуют наконец песчаную пустыню, известную под названиями: Больших и Малых Барсуков, Кара-Кума, Кизм-Кума и других» (Ковалевский, Гернгросс, 1840:340). По его мнению, в этой местности встречаются чрезвычайное множество солончаков, образующие непроходимые топи «...иногда же высыхая, во время летних жаров, получают от окристаллизования находящейся в них соли, совершенно белую поверхность, и тогда называются сухими солончаками» (Ковалевский, Гернгросс, 1840: 340). Нами были оцифрованы необычные материалы, относящиеся к описанию военными казахской степи.

В книге П. Головачева, увидевшей свет в Москве ставится задача «дать общую картину природы и жизни Сибири на основании достоверных и свежих данных» (Головачев, 1902: 1) куда включены Акмолинская и Семипалатинская области.

Так, он пишет о растительности, животных степных областей, значении скота в жизни кочевников, жилищах (см. фотографии), одежде, пище и т.д. Головачевым составлена карта расселения инородцев, в том числе и киргизов, определено процентное соотношение по полу, показано «численное отношение между русским и инородческим населением» (Головачев, 1902: 82).

В разделе «Жилища» читатель узнает о необычных домах проживания казахов, разделенные на два вида: зимние и летние. Если, по описанию Головачева, зиму они

проводят в деревянных избах или землянках, то летом их жилищем всегда служит кибитка или юрта. Автор дает подробное описание: «Деревянный решетчатый остов юрты, похожий на птичью клетку (3-4 сажени поперечника и 2-3 сажени высоты), состоит из 2 половин: нижняя представляет круг из нескольких частей деревянной решетки; к ней привязываются изогнутые тонкие жерди, которые вставляются в отверстия, сделанные в деревянном обруче на верху – дымовое отверстие. Завершается подробное пояснение выделением отличительной особенности тюркской от монгольской состоящей в том, что «верх киргизской юрты всегда шарообразен» (Головачев, 1902:92), по сравнению со второй, у которой он конусообразен.

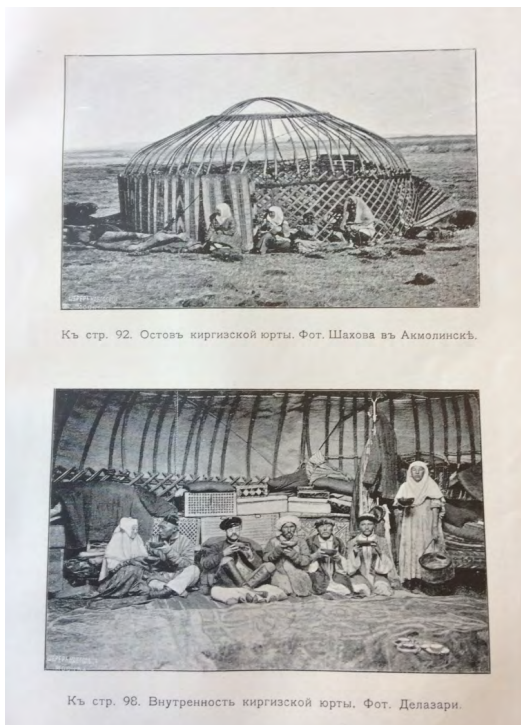

Фото 1-2. Из книги Головачева П. «Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. О киргизской степи»

Несколько короче рассказ о внутренности юрты. Прежде всего, П. Головачев отмечает место приготовления пищи и указывает на то, что у богатых «пища готовится в отдельных юртах. Прямо против входа в юрте помещаются кожаные тюки, сундуки российской работы с имуществом, особенно с приданным девушек. Направо расположено спальное помещение, отделенное пологом, а налево – кладовая за невысокой ширмой из чия» (Головачев, 1902:93). При внимательном рассмотрении лиц людей, сидящих в юрте можно выделить одного мужчину в очках, сильно отличающегося от других по внешнему виду, одежде, обуви. Предположительно: либо это сам фотограф Делазари, либо какой-нибудь русский чиновник, пожелавший попасть в объектив.

Автором дается описание «озер Киргизско-степной окраины» (Головачев, 1902: 53). Особо пишет об «голубых очах степи», то есть озерах, «разбросанных в значительном количестве в Киргизско-степной окраине, где в гористых местностях представляют огромные зеркала прекрасной, чистой воды, окаймленной горами, поросшими густым, сосновым лесом, над которыми возвышаются серые «сопки»; таковы озера: Зерендинское, Щучье, Боровья и т.д. На самом юге Семипалатинской области, у самой китайской границы находится обширное пресноводное озеро Зайсан

(1608 кв.верст в окружности) раскинувшееся в открытой плоской долине. Небольшая глубина доходит до 15 сажен, раньше озеро было глубже» (Головачев, 1902:53).

Подняты вопросы обучения инородцев, религиозной политики, переселения российского крестьянства на земли казахов (см. фото).

Фото 3. Из книги Головачева П. «Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. О киргизской степи»

Автором книги в главе «Новоселы» изложены сведения о жизни переселенцев вдали от родных мест, их адаптация к погодным условиям, окружающей среде, об отношении к коренному населению. Новоселы представлены далеко не однородной и одинаковой массой людей, а отличаются друг от друга «по степени благосостояния». Причем, приезжавшие на новое место жительство, могли неплохо устроиться при условии «обеспеченности» их на родине (Головачев, 1902:164). Изначально отмечается, что переселенцы, в рассматриваемый период, уже составляли заметную часть населения Сибири и их материальное положение как старожилов, было намного лучше по сравнению с вновь прибывающими крестьянами. «Здесь в 1892 году 92 процента новоселов обзавелись капитальными жилищами, 3/5 имели более трех лошадей и голов крупного скота на дворе и посева по 5 десятин, в среднем. Казенные земли Томской и Тобольской губерний уже стоят на втором месте, а еще хуже земли Акмолинской и Семипалатинской областей» (Головачев, 1902:164). К лучшим землям отнесены плодородные земли Алтайского округа.

П. Головачев анализирует причины, «тормозящее благосостояние новоселов» (Головачев, 1902: 165). Они связаны, на его взгляд, с отсутствием воды и покосов, и для убедительности приводит данные: «В 1895 году, например, из 41 поселка в Акмолинской области 14 оказались совершенно лишенными пресной воды» (Головачев, 1902: 165).

Свидетельства П. Головачева в некоторой степени перекликаются с книгой очерков «Переселенцы и новые места» одного из писателей-народников В. Дедлова, писавшим о землях Казахстана. Так о Кустанае, особенно приглянувшимся переселенцам, их упорном стремлении завладеть плодородными землями, он посвящает главу. В ней он пишет о мечте многих русских мужиков, взоры которых в последнее десятилетие были устремлены на Кустанай. «Земля - киргизская; тридцать копеек за десятину в год; десятин в 4000 кв.сажен. Возьмешь в аренду у киргизцев 10 десятин, а паши тридцать; ничего не понимают, вовсе простаки» (Дедлов, 1894:47).

Для строительства домов имеется необходимый материал - недалеко расположен лес Ары, где может производиться вырубка либо за определенную плату, «тихим манером бери». Радует крестьянина возможность пасти скот там, где ему захочется,

причем даром. «Тобольней травы на Тоболе – три дня покосил, на всю зиму хватит. Пшеница родит по триста пудов, и закружилась мужицкая голова, и потянулась переселенческая кибитка, и сколько неодолимых препятствий преодолено: со стороны не пускают за недоимки, - берут месячные паспорта, точно идут в соседние уезды на заработки; старшину умасливают и задабривают, а то так попросту убегают по ночам, бросая дворы и старую землю» (Дедлов, 1894:47).

Преодолевая всякие препятствия, когда по дороге теряют скотину и вынуждены становиться на заработки и зарабатывать на новую. «Все деньги вышли, - питаются Христовым именем и воруют траву в чужих лугах, деготь в чужих дворах, кизяк и зерно по киргизским зимовкам. Не раз мужика избивают в кровь с членовредительством казак, башкиры, киргизы. Не раз его задерживают за просроченный вид, за воровство, за поправки. Задержат, вздуют и отпустят: не кормить же его за свой счет, не вводить же казну в убытки отправкой по этапу. Месяцы проходят в пути и в мытарствах, - но, наконец, вот он и Тобол, вот она, безграничная и нетронутая степь, тобольная темно-зеленая трава и бор Ары» (Дедлов, 1894:47).

Книга же П. Головачева представляет собой собрание сведений из сибирских газет последних лет, записок специалистов, среди которых перечисляются фамилии профессоров, казаков, геологов: Д.Н. Анучин, Г.Н. Потанин, В.А. Обручев, А.П. Герасимов, Э.Ф. Лесгафт и многие другие. Используются заметки некоторых золото и рыбопромышленников, лиц, занимавшихся изучением природы и жизни Сибири, собственные наблюдения.

Политика самодержавия была направлена не только на колонизацию земель, но и на изменение духовной жизни казахского народа. С этой целью шло наступление на его язык и религию. Деятельность служителей церкви, миссионеров не ограничивалась влиянием на веру казахов. Она неразрывно связана и с политикой русификации, получившей отражение на страницах печати. Исследователям, занимающимся проблемой освещения религиозной политики самодержавия среди инородцев, большую помощь окажут отчеты миссий. В ежегодных отчетах Алтайской и Киргизской миссий Томской епархии имеются подробные сведения о их деятельности. В одном из отчетов отмечается, что усилия миссионеров киргизской миссии встречают препятствия со стороны «близких и родных магометанской среды» (Отчет, 1887:13). Особенно это касается женщин, желающих перейти в православие. Тем не менее, в прошедшем году «юная церковь киргизская увеличилась девятью юными членами своими» (Отчет, 1887:13).

Во всех отчетах обязательным является представление приходов и расходов сумм за год. Так, указывается, на что были потрачены деньги: на содержание миссий, на дело школьного образования инородческих детей, устройство духовных учреждений, разъезды миссионеров, канцелярские товары и т.д.

В Отчете о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской миссий за 1891 год даются сведения о неблагоприятных условиях, влияющих на работу служителей (Отчет, 1892). По заявлению Каргинского миссионера вредное влияние оказывают на новокрещенных стана торгоши. «Эти искатели наживы на счет чужого добра с дерзкою наглостью не стесняются открыто вооружать новокрещенных инородцев против миссионера» (Отчет, 1892:14). Приводит случай, когда «один смелый и ловкий обманщик торгош ухитрился продать какому-то простаку инородцу фунт изюму за целых десять рублей, убедив покупателя в том, что это была царская ягода, которую ест один царь, и возбуждив в нем, таким образом охоту, во что бы то ни стало отвесть этой ягоды» (Отчет, 1892:14).

Указывает еще на одно обстоятельство, отрицательно сказывающееся на поведение инородцев – это появление русских приисковых рабочих, «составляющих по общему признанию, подонки и отребье сибирского рабочего класса» (Отчет, 1892:15). Они заражали инородцев сквернословием, увлекали их к бесшабашной и разгульной приисковой жизни. Подобная нелестная характеристика отдельных представителей пролетариата, почти не встречалась в исторической литературе. В советский период, подобный образ трудящихся масс, вообще не допускался, так как они были передовыми борцами в борьбе против буржуазии.

В отчетах содержится немало свидетельств нелегкой жизни неопитов в среде единоверцев. Приняв православие, они порой выполняли прежние мусульманские обряды, тщательно скрывая свои действия от миссионера. Другие, соглашаясь со словом, идущим от служителя русской церкви, возвращались в родную среду, а миссионеру приходилось говорить о том, что «духовные птенцы улетали в степь» (Отчет, 1888:32). Чаще всего поиски их не давали результатов. Даже предписание Степного генерал-губернатора уездным начальникам о принятии энергичных мер по их поиску оказались безуспешными, так как «отыскать 6-7 человек новокрещеных, в необъятной степи, среди сотен тысяч кочевников так же трудно, как трудно найти камешек, опущенный на дно моря». (Отчет, 1888:3).

В одном из отчетов Киргизской миссии проповедник христианства с сожалением писал, что крещеные киргизы ждали от своего хозяина, уже его единоверца – русского более теплого отношения к ним, в чем глубоко ошибались и вынуждены идти работать к другому.

На страницах российской периодической печати можно познакомиться и с другими сообщениями, так или иначе связанными с вопросами конфессиональной жизни казахов. Для примера приведем некоторые из них. В журнале «Сибирский вестник» за 1889 год помещена статья «Из путевых заметок миссионера» (Ивановский, 1889), в издании «Миссионер» Православного миссионерского общества от 24 июля 1877 года помещен отчет «Записка, читанная в общем собрании Православного миссионерского общества» (Записка, 1877), в другом его выпуске - 11 декабря можно прочитать материал под названием «Жители Туркестана и их религиозно-нравственная жизнь» (Жители, 1877), в газете «Московские церковные ведомости» 23 июня 1885 года читатели могли узнать о деятельности миссионеров в казахской степи из материала «Киргизы и начало их обращения в христианство» (Киргизы, 1885). Как видим, заглавия некоторых публикаций не отражают полностью их содержание. Тем более, о возможности почерпнуть информацию о нашем народе. Хотя в них немало имеется сведений, которые мы стремились найти.

Выявленные материалы по отчетам миссий, периодической печати представляют собой ценную информацию для историков, религиоведов, социологов, этнографов и т.д. Ведь миссионеры, описывая свою деятельность, анализируют положение дел, обстоятельства, повседневную жизнь инородцев, ищут слабые стороны с тем, чтобы использовать их. Обязательно сравнивают образ жизни кочевника с русским переселенцем, выискивая возможности влияния на него. Нередко миссионеры стараются создать образ коренных жителей, используя довольно негативные выражения. К чести некоторых миссионеров можно отнести редко встречающийся объективный подход в оценке последствий влияния традиций русского быта на инородцев. Они не скрывают порой и те черты кочевников, перенятые переселенцами, облегчающими их положение в новой среде.

Заключение. Представленный обзор опубликованных разных сведений не является полным, так как, исходя из задач мы остановились лишь на отдельных выдержках. В нашу задачу не входило полное описание всех перечисленных источников. Основой статьи вообще могла послужить одна из тем, что в перспективе мы и планируем в дальнейшей работе. Однако, из представленной информации можно создать достаточно ясную картину привезенных источников.

Результаты экспедиции – это огромный пласт документальных материалов, которые пополняют фонды казахстанских архивов. Это лишь одна сторона. Не исключено, что привезенные материалы подтолкнули отечественных ученых к новым идеям, разработке современных концепций в объяснении казалось бы давно известных фактов и событий прошлого.

Следует помнить, что реализация Государственной программы «Архивы-2025», это не просто собрание сведений из хранилищ мирового сообщества. Это воспитание гордости за свой народ, патриотизма, любви к родине. Как отмечено в статье «Семь граней Великой степи», модернизация исторического сознания направлена на молодое поколение и его «Приобщенность к национальной истории формирует чувство единства своих истоков у всех казахстанцев».

Статья написана в рамках выполнения проекта Программно-целевого финансирования «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи (выявление, анализ, оцифровка)»

Литература:

- Абрамова Н.Г. «Архивы вознаграждают ищущих» // Вестник Московского университета. Сер. 8. Ист. №3, 2015. С. 119-128.
- Бий Исет Кутебаров // Русский художественный листок В. Тимма. №31, 1858 г.
- Взгляд на экономический и общественный быт киргизов (из путевых заметок Русанова) / Томские губернские ведомости. 22 сентября 1861 г.
- Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. О киргизской степи. М., 1902. С.51-281.
- Дедлов В. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. 208 с.
- Жители Туркестана и их религиозно-нравственная жизнь // «Миссионер» Православного миссионерского общества 11 декабря 1877 г.
- Залесов И. Письмо из степи // Военный сборник. №6. 1858. С. 487-492.
- Записка, читанная в общем собрании Православного миссионерского общества // «Миссионер» Православного миссионерского общества. 24 июля 1877 г.
- Из записок Назарова. «Киргизы» // Вестник Европы. №16. 1821. С. 514-521.
- Ивановский С. Из путевых заметок миссионера // Сибирский вестник. 1889.
- Источниковедение. Теория. История. Метод / Под ред. И.Н. Данилевского, В.В. Кабанова, О.М. Медушевской, М.Ф. Румянцевой. М.: РГГИ, 2000. 702 с.
- Карпов Б. Повествование иностранцев о киргизском бунте 1869 г. / Оренбургский листок. 1881 г.
- Киргизы и начало их обращения в христианство / Московские церковные ведомости. 23 июня 1885.
- Медушевская О.М. История источниковедения в XIX – XX вв. М.: МГИАИ, 1988. 70 с.
- Общее обозрение местоположения Киргиз-Кайсацкой степи. Извлечение из записок Г. Гавердовского // Сибирский вестник. 1823. С. 43-60.
- Описание Западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи // Горный журнал, или собрание сведений о горном и соляном деле с привосокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. Часть IV. СПб, 1840 г. С.315-345.
- Отчет об алтайской и киргизской миссиях Томской епархии за 1886 год. Бийск, 1887 г.
- Отчет о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1891 год. Томск, 1892.
- Отчет об Алтайской и киргизской миссиях за 1887 год. Томск. 1888.
- Савичев. Н. Исета́й Тайманов старшина Внутренней Орды / Уральские войсковые ведомости 31 октября 1876 г. 2 января 1877 г.
- Серета Н. Бунт киргизского султана Кенисары Касимова (1843-1847 гг.) // Вестник Европы. 1871. С. 655-690.
- Снежковский В. Из истории пугачевского бунта. (В степи у киргиз-кайсаков) // Русская старина. 1890. С. 790-796.
- Ястребов М. Киргизские шаманы // Москвитянин. №8. 1851. С. 300-311.

References:

- Abramova N.G. «Arhivy voznagrazhdayut ishchushchih» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Ist. №3, 2015. S. 119-128.
- Bij Iset Kutebarov // Russkij hudozhestvennyj listok V. Timma. №31, 1858 g.
- Vzglyad na ekonomicheskij i obshchestvennyj byt kirgizov (iz putevyh zametok Rusanova) / Tomskie gubernskie vedomosti. 22 sentyabrya 1861 g.
- Golovachev P. Sibir'. Priroda. Lyudi. Zhizn'. O kirgizskoj stepi. M., 1902. S. 51-281.
- Dedlov V. Pereselency i novye mesta. Putevye zametki. SPb., 1894. 208 s.
- Zhiteli Turkestana i ih religiozno-nravstvennaya zhizn' // «Missioner» Pravoslavnogo missionserskogo obshchestva 11 dekabrya 1877 g.

- Zalesov I. Pis'mo iz stepi // Voennyj sbornik. №6. 1858. S. 487-492.
Zapiska, chitannaya v obshchem sobranii Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva // «Missioner» Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva. 24 iyulya 1877 g.
Iz zapisok Nazarova. «Kirgizy» // Vestnik Evropy. №16. 1821. S. 514-521.
Ivanovskij S. Iz putevyh zametok missionera // Sibirskij vestnik. 1889.
Istochnikovedenie. Teoriya. Istoriya. Metod / Pod red. I.N. Danilevskogo, V.V. Kabanova, O.M. Medushevskoj, M.F. Rumyancevoj. M.: RGGI, 2000. 702 s.
Karpov B. Povestvovanie inostrancev o kirgizskom bunte 1869 g. / Orenburgskij listok. 1881 g.
Kirgizy i nachalo ih obrashcheniya v hristianstvo / Moskovskie cerkovnye vedomosti. 23 iyunya 1885.
Medushevskaya O.M. Istoriya istochnikovedeniya v XIX – XX vv. M.: MGIAI, 1988. 70 s.
Obshchee obozrenie mestopolozheniya Kirgiz-Kajsackoj stepi. Izvlechenie iz zapisok G. Gaverdovskogo // Sibirskij vestnik. 1823. S. 43-60.
Opisanie Zapadnoj chasti Kirgiz-Kazach'ej ili Kirgiz-Kajsackoj stepi // Gornyj zhurnal, ili sobranie svedenij o gornom i solyanom dele s privosokupleniem novyh otkrytij po naukam, k semu predmetu odnosyashchimsya. CHast' IV. SPb, 1840 g. S. 315-345.
Otchet ob altajskoj i kirgizskoj missiyah Tomskoj eparhii za 1886 god. Bijsk, 1887 g.
Zalesov I. Pis'mo iz stepi // Voennyj sbornik. №6. 1858. S. 487-492.
Vzglyad na ekonomicheskij i obshchestvennyj byt kirgizov (iz putevyh zametok Rusanova) / Tomskie gubernskie vedomosti 22 sentyabrya 1861 g.
Golovachev P. Sibir'. Priroda. Lyudi. ZHizn'. O kirgizskoj stepi. M., 1902. S.51-281.
Dedlov V. Pereselency i novye mesta. Putevye zametki. SPb., 1894. 208 s.
Otchet ob altajskoj i kirgizskoj missiyah Tomskoj eparhii za 1886 god. Bijsk, 1887 g.
Otchet o missiyah Tomskoj eparhii Altajskoj i Kirgizskoj za 1891 god. Tomsk, 1892.
Otchet ob Altajskoj i kirgizskoj missiyah za 1887 god. Tomsk. 1888.
Savichev. N. Isetaj Tajmanov starshina Vnutrennej Ordy / Ural'skie vojskovye vedomosti 31 oktyabrya 1876 g. 2 yanvarya 1877 g.
Sereda N. Bunt kirgizskogo sultana Kenisary Kasimova (1843-1847 gg.) // Vestnik Evropy. 1871 S. 655-690.
Snezhkovskij V. Iz istorii pugachevskogo bunta. (V stepi u kirgiz-kajsakov) // Russkaya starina. 1890. S. 790-796.
Yastrebov M. Kirgizskie shamany // Moskvityanin. №8. 1851. S. 300-331.

МРНТИ 03:61:21

ЭТНОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Галиев А.А.¹, Гейбуллаева Р.², Баткалова К.³

¹доктор исторических наук, профессор. КазУМОиМЯ им. Абылай-хана.

Казахстан, г. Алматы. E-mail: galiev_a@mail.ru

²доктор филологических наук, профессор. Бакинский Славянский университет.

Азербайджан, г. Баку. E-mail: rahilya_g@hotmail.com

³докторант PhD КазНУ им. аль-Фараби.

Казахстан, г. Алматы. E-mail: kuralai07@gmail.com

Аннотация. История развития семиотики в национальных республиках СССР начинается с 1970-х гг. За это время сформировалось несколько направлений, которые развивались в рамках от тартусско-московской до французской семиотической школы.

С обретением независимости, в бывших республиках СССР семиотика, с одной стороны, предается относительному забвению, но с другой стороны, с развитием опыта научных конференций и прямых научных контактов с учеными других стран устанавливаются новые связи, расширяется сфера направлений науки. Важным для семиологов CIS стало знакомство с трудами Э. Тарасты, а вскоре и с ним самим и Международной ассоциацией семиотики (IASS), который он возглавляет около двадцати пяти лет. Как Президент IASS он приложил большие усилия для интеграции ученых CIS в мировое семиологическое пространство.

Ключевые слова: семиотика, этносемиотика, история, Казахстан, Азербайджан, Финляндия, Тарасты, IASS.

ҒТАМР 03:61:21

ТҮРКІ ТІЛДІ МЕМЛЕКЕТТЕРДЕГІ ПОСТ-КЕҢЕСТІК ЭТНОСЕМИОТИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Галиев А.А.¹, Гейбуллаева Р.², Баткалова К.³

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор. Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ.

Қазақстан, Алматы қ. Электрондық пошта: galiev_a@mail.ru

²филология ғылымдарының докторы, профессор. Баку славян университеті.

Әзірбайжан, Баку. Электрондық пошта: rahilya_g@hotmail.com

³докторант PhD, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,

Қазақстан, Алматы қ. Электрондық пошта: kuralai07@gmail.com

Түйіндеме. КСРО-ның ұлттық республикаларында семиотиканың даму тарихы 1970 жылдардан бастау алады. Осы уақыт ішінде Тарту-Мәскеу мектебінің аясында француз семиотикалық мектебіне дейінгі бірқатар бағыттар қалыптасты.

Тәуелсіздікке қол жеткізгеннен кейін, КСРО-ның бұрынғы республикаларында семиотика салыстырмалы түрде бір жағынан ұмытыла бастағанымен, екінші жағынан, ғылыми конференциялар тәжірибесінің дамуымен және шет елдердің ғалымдарымен тікелей ғылыми байланыстар мен жаңа ынтымақтастық орнатылуы нәтижесінде аталмыш ғылымның аясы бірқатар кеңеюде. Бұл ретте, ТМД семиологтары үшін Э. Тарастидің еңбектерімен, кейіннен өзімен және оның жиырма бес жылға жуық уақыт бойы басқарып келген Халықаралық семиотика қауымдастығымен (IASS) танысу аса маңызды болды. IASS президенті ретінде ол ТМД ғалымдарын әлемдік семиологиялық кеңістікке интеграциялауға көп күш жұмсады.

Кілт сөздер: семиотика, этносемиотика, тарих, Қазақстан, Әзірбайжан, Финляндия, Тарасты, IASS.

**ETHNOSEMIOLOGIC STUDIES IN THE POSTSOVIET TURKIC
SPEAKING STATES**

Galiyev A.A.¹, Geybullayeva R.², Batkalova K.³

¹Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazakh University of the International Relations and World Languages named after Abylaykhan, Kazakhstan, Almaty. E-mail: galiev_a@mail.ru

²Doctor of Philological Sciences, Professor. Baku Slavic University. Azerbaijan, Baku. E-mail: rahilya_g@hotmail.com

³PhD Student, Kazakh National University named after Al-Farabi. Kazakhstan, Almaty. E-mail: kuralai07@gmail.com

Abstract. The history of the development of semiotics in the national republics of the USSR begins with the 1970s. During this time, several directions were formed, which developed in the framework of Tartu-Moscow to the French semiotic school.

With the attainment of independence, in the former Soviet republics, the semiotics, one side, is devoted to a relative oblivion, but on the other hand, with the development of the experience of scientific conferences and direct scientific contacts with scientists from other countries, new connections are established, the sphere of science's fields is expanding. Important for the semiologists from CIS was the acquaintance with the works of E. Tarasti, and soon with himself and the International Association of Semiotics (IASS), which he heads about twenty-five years. As the President of IASS, he made great efforts to integrate CIS scientists into the world's semiological space.

Key words: Semiology, Ethnosemiology, History, Kazakhstan, Azerbaijan, Finland Tarasti, IASS.

Введение. Семиотика, - наука о знаковых системах. Ее раздел – этносемиотика, возник на стыке этнологии (социально-культурной антропологии) и собственно семиотики. Значение этой науки для понимания традиционной культуры можно понять из слов одного из ее основателей Клода Леви-Стросса, который отмечал : «Совокупность обычаев одного народа всегда отмечена каким-то стилем, они образуют системы. Я убежден, что число этих систем не является неограниченным и что человеческие общества... никогда не творят в абсолютном смысле, а довольствуются тем, что выбирают определенные сочетания в некоем наборе идей, которые можно воссоздать» (Леви-Стросс, 1984:78).

Иначе говоря, каждый народ создает свою систему, состоящую из знаков, и каждая такая система уникальна. Эти системы создавались как инструмент для познания окружающей действительности, ее упорядочивания. В них каждый элемент природы или общества имел свое место и эти системы, реализуемые в традиционной культуре в виде моделей социокосмоса, могут быть сравнимы с таблицей Менделеева. Реконструкция знаковой системы дает ключ к пониманию мировоззрения народа.

Материалы и методы. В семиотике, как научной дисциплине выработаны свои методы исследования. Они основаны на понимании знака в широком смысле как материального объекта, которому при определенных условиях соответствует некое «значение», могущее быть чем угодно – реальной или вымышленной вещью, явлением, процессом (Агеев, 2002: 50-51).

Эти знаки образуют знаковые системы, о чем говорилось выше. При помощи этих знаков образуются различные тексты, не обязательно письменные или вербальные, они могут быть и визуальными. Текстами являются и различные обряды, ритуалы и т.д. Значение этносемиотики для понимания глубинной сути тех или иных явлений культуры непреходяще и его трудно переоценить, особенно в ситуации недостаточности письменных текстов. Но собственно говоря это замечание было необходимо только для понимания актуальности изучаемого явления, коими являются этносемиотические исследования. В данном же случае, наша статья является больше историографической, в силу чего мы используем в качестве материала и объекта исследования сами работы

этносемиологов. Соответственно, пользоваться мы будем методами общепринятыми в историографических исследованиях.

Обсуждение. На территории бывшего Советского Союза семиотические исследования вообще и семиотики культуры в частности были в основном сосредоточены в Тарту, Москве, Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Были изданы сборники «Этнические стереотипы поведения»; «Этнические стереотипы мужского и женского поведения»; Древние системы письма. Этническая семиотика; Этнознаковые функции культуры и др. (Этнические стереотипы, 1985; Этнические стереотипы, 1991; Древние системы. 1986; Этнознаковые функции. 1991).

В Тарту выпускались «Труды по знаковым системам». В настоящее время журнал стал международным.

Большой вклад в развитие семиотики внесли Байбурун А. (1983), Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Н.Л. Жуковская и др. (Иванов, Топоров, 1965; Иванов, Топоров, 1974; Иванов Вяч., 1998; Иванов Вяч., 2000. Иванов Вяч., Гамкрелидзе. 1984; Цивьян, 1990; Жуковская, 1988).

В их работах мифы многих народов рассматриваются как знаковые системы. Были реконструированы мифологические системы различных тюрко- и ираноязычных народов. Среди ряда работ, посвященных семиотике культуры тюрков, следует выделить монографию А.М. Сагалаева и И.В. Октябрьской «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал» (Сагалаев, Октябрьская, 1990). Авторы приводят большой фактический материал, рассматривают различные модели Космоса и Социума тюрков, анализируют различные ритуалы как знаковые системы.

На развитие семиотики культуры одного из народов Северного Кавказа – ираноязычных осетин, оказали влияние работы французского исследователя Жоржа Дюмезиля. В своих работах он реконструировал индоевропейскую трехфункциональную модель Космоса и Социума. Он также показал, что мифология осетин восходит к мифологии саков и объяснил различия в тюркской и индоевропейской моделях мира (Дюмезиль, 1986; Дюмезиль, 1990).

Реконструкции мировоззрения скифов посвятил свои работы Д.С. Раевский (Раевский, 1985).

Определенное развитие семиотика культуры получила и в Центральной Азии, республиках Северного Кавказа и Закавказья.

Так, казахстанский исследователь Ю.А. Зуев, в своих работах, посвященных истории древних тюрков, применял методы семиотики, что расширило информационные возможности источников. Он рассмотрел генеалогический миф казахов, которые считали, что их предком был Алаш-хан (Пестрый-хан). При этом многие ученые пытались связать его с одним из реальных исторических лиц. Ю.А. Зуев показал, что понять образ Алаш-хана можно только при помощи семиотики. В древний период, гунны и тюрки маркировали разные стороны света различными цветами: юг - красным, север - черным, запад - белым, восток – голубым. Правитель, брал жен из различных племен, чтобы закрепить единство государства. Но так, как каждое племя обитало в одной из сторон света, то в ставке правителя (центре), все цвета (= стороны света) смешивались. Сумма цветов давала пестроту. Поэтому имя правителя было Алаш (Зуев, 1998).

Еще в советский период Ю.А. Зуев рассмотрел генеалогические мифы древних тюрков и усуней как семиотические тексты. Было показано, что в обоих мифах рисуется одна модель мира, и исследователь пришел к выводу об идентичности тюрков и усуней. Во многом этот вывод был основан также на цветовой символике. Так этноним Усунь, был связан с понятием Небо = Асман. Этноним Кок Тюрк (Голубые, Небесные Тюрки) также связан с понятием Восток, Небо (Зуев, 1967).

Рассматривая социальную организацию тюрков, Ю.А. Зуев показал, что в его основе лежал принцип бинарной оппозиции. Позже им была опубликована отдельная монография, в которой он подверг тщательному анализу различные элементы этнознаковых систем древнеиранских и древнетюркских племен и народов и показал их семантику (Зуев, 2002).

В.П. Юдин в работе «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...» рассмотрел цветовое

обозначение Орд как единой знаковой системы. Название орд связано с цветом юрт, которые поставил Чингис-хан для своих сыновей. Цвет юрт определял ранг сыновей (Юдин, 1983).

Результаты. Одной из первых собственно семиотических работ, написанных казахстанским автором, стала статья Б. Ибраева «Космогонические представления наших предков» (Ибраев, 1973) где он предпринял попытку реконструкции различных моделей Космоса казахов.

Этнолог Н.Ж. Шаханова в своих работах широко использует методы семиотики. Так, жилище казахов – юрта, рассматривается как знаковая система в книге «Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки)» (Шаханова, 1998).

В другой своей работе, Н. Шаханова предложила семантический анализ компонентов традиционной материальной культуры казахов: жилища (юрты), системы питания, одежды, возрастных классов и т.д. Говоря о юрте, автор в частности пишет, что здесь имеется левая (женская) и правая (мужская) половины. Наиболее высоким семиотическим статусом наделяется (торь), расположенный напротив входа. Торь связан с понятием «Верх». В ходе совместной трапезы, здесь располагается самый почетный (самый старый) гость. Вход связан с понятием «Низ». Юрта является антропоморфной моделью мира. Разные части юрты имеют такие названия как «ребро», «глаз» и т.д. (Шаханова, 1999).

Н.Ж. Шахановой поставлена и решена проблема введения феномена казахской традиционной культуры в парадигму культурологической герменевтики. Корпус составляющих ее элементов атрибутирован как целостная знаковая система, несущая в себе информацию не только о фактах, наличествующих в укладе традиционной жизни этноса, но и о множественных символических значениях, свидетельствующих о чувствующем и мыслящем человеке, о его связях с себе подобным, с обществом, природой, космосом. Семантико-семиотическому анализу подвергнуты такие параметры культуры как жилище (юрта), одежда, пища, ритуальная музыка, обряды перехода (рождение, этапы взросления, смерть), категория «кут».

Конкретные факты и явления кочевой культуры рассмотрены в контексте общечеловеческих понятий: судьба, счастье, жизнь, смерть и т.п. Феномен традиционной культуры рассмотрен также в качестве возможного компонента в строительстве новой ментальности, способа социального поведения в контексте полиэтничного состава молодого независимого государства, с декабря 1991 года вставшего на путь демократического развития.

Работы А.А. Галиева посвящены реконструкции моделей Космоса и Социума различных тюркоязычных народов. Модель мира гуннов, реконструируется в книге «Моде-каган» и некоторых статьях (Галиев, Кумеков, 2003; Galiev, 1997; Галиев, 2003.).

В статье «Archetypical ideas of society division among the Central Asian nomads», рассматривается социальная структура гуннов. Их общество делилось на две фратрии (левая и правая), и состояло из 24 родов. По мнению автора, общество гуннов создано в соответствии с антропоморфной моделью мира. 24 рода делятся на две части, что соответствует 24 ребрам (12 + 12). Каждый род происходил от одного их ребер. Их расположение (левое / правое, верх / низ) определяло положение рода в иерархической структуре. Жертвоприношение являлось ритуалом архетипа, в котором происходила реактуализация (обновление) Социума и Космоса. Поэтому каждая часть тела жертвенного животного соответствовала определенному человеку, представителю рода (группы). В ходе совместной трапезы происходила также социализация членов общества. Так как каждому участнику трапезы полагалась определенная часть мяса и определенное место (Galiev, 1997).

В статье «Шаньюй хунну», показан знаковый характер ритуала обхода. В ходе его шаньюй «собирал» страну (Галиев, 2003).

В книгах «Модель Социума и Космоса казахов», «Традиционное мировоззрение казахов» реконструируются модели мира тюрко – и ираноязычных народов Евразии. Показано, что модель мира древних тюрков, а также современных кыргызов и туркмен, аналогична модели мира гуннов. Хотя казахи являются тюркоязычным народом, их

модель мира восходит к индоевропейской (скифо-сакской). Казахи разделяются на три части – жуза. Каждый жуз связан с одной из функций – сакральной, военной, производством материальных благ. Каждому жузу соответствует определенное место в юрте в ходе совместной трапезы. Кроме того, казахи делят мясо жертвенного животного на три части, так же как и ираноязычные осетины. Наиболее почетной частью является голова, наименее – нижняя часть. И таким образом в ходе совместной трапезы, представителю каждого жуза будет соответствовать определенная часть мяса. Этим символизируется, что каждый жуз, подобно индийской варне произошел от одной из частей тела Первозжертвы (Пуруша у индийцев). Но в отличие от индийских варн, трехфункциональная модель казахов является не реальной, а идеальной. В жизни, представители жузов не связаны с выполнением только одной из функций.

Так же как и Ю.А. Зуев, А. Галиев связывает имя казахского хана Алаш с суммой цветов. Но он считает, что эта сумма образовалась не только от сложения четырех сторон света. Индоевропейцы, в том числе саки, древние предки казахов, связывали каждую из трех функций с одним из цветов. Алаш, является правителем не только четырех сторон света (Космос), но Социума (трех функций).

В этих же работах реконструируется тюркский ритуал избрания хана. Этот ритуал рассматривается как текст, образованный из различных знаков. Смысл текста-ритуала заключается в реактуализации Социума и Космоса, которые приходят в упадок после смерти правителя. Избрание нового хана – символическое обновление мира.

Такой же смысл имеют и анализируемые в книге ритуалы: иранский Новруз и башкирский каргатуй (Галиев, 1994; Галиев, 1997. Galiev, 2006).

В статье «Архаические институты Спарты и казахов (сравнительно-типологический анализ), социальные институты таких разных народов как казахи и греки-спартанцы рассматриваются как знаковые системы. Автор приходит к выводу, что обе эти системы являются вариантами трехфункциональной индоевропейской организации общества (Галиев, 2007).

Различные обряды и представления тюрков рассматриваются и в ряде статей (Галиев, 1991; Галиев, 1992; Галиев, 1994; Галиев, 1995).

В книге В.С. Уарзиати и А.А. Галиева «Символы и знаки Великой степи (История культуры древних кочевников)» реконструируются модели мира скифо-саков, хунну, тюрков, кыпчаков. В частности показано, что в основе модели мира средневековых кыпчаков лежали представления о Мировом Дереве (Уарзиати, Галиев, 2006).

Рассмотрению казахского общества и ханства как знаковой системы посвящена отдельная монография (Галиев, 2015).

Археолог З. Самашев описал наскальные изображения в Восточном Казахстане и показал, что многие из них имеют знаковый характер (Самашев, 1992).

Он же, в соавторстве с С.Самашевым и Н.Базылханом предлагает рассматривать древнетюркские тамги как знаковую систему (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010).

Такая интерпретация открывает новые возможности в понимании тамг как ранних кочевников, так и собственно казахов.

Статья археолога Е. Смагулова посвящена анализу знаковой системы позднесредневекового города Отрар (Смагулов, 1979).

Обряды перехода, также рассматривались как знаковые системы. В частности свадебный и родильный обряды были исследованы Ж. Ерназаровым (Ерназаров, 2001 и др.).

Семиотические исследования получили развитие и в Кыргызстане. Ш.Б. Акмолдаева в монографии «Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас»)» на обширном материале текстов «Манаса» реконструирует древнекыргызскую модель мира в ее пространственно-временном и социальном аспектах. Автором выявлено структурообразующее начало в древнекыргызской картине мира: Манас=мировое дерево. Рассматриваются мир людей, этические воззрения древних кыргызов, вещный мир. Особое внимание уделено проблеме этногенеза кыргызов, происхождению «Манаса». Осуществлен сопоставительный анализ «Манаса» и древнеиндийской мифологии. Освещена историография текстологических, культурологических, историко-этнографических исследований «Манаса». На материалах эпической

культуры кыргызов подобное исследование предпринято было впервые (Акмолдаева, 1996).

В диссертации Осмоновой Н.И. «Символическая картина мира древних кыргызов» раскрывается природа и сущность символической картины мира древних кыргызов. Диссертация дает более глубокое, научно-теоретическое понимание и осмысление самобытности национальной картины мира, отраженной в устном народном творчестве, а также в ритуалах, традициях и обычаях, выражающих основные типы коллективного и индивидуального бытия людей кочевого социума.

В первой главе на большом теоретическом материале дается анализ понимания проблемы символа и попытки изучения мифа как символа в историко-философском аспекте.

Во второй главе на основе материалов устного народного творчества и этнографических источников раскрываются истоки и сущность символичности мифологического мышления. Исследуется культ Тенир как символ отображения космоса, природы и тотема; юрта как символ тождества макро- и микрокосма, а также имя и слово как специфические социокультурные символы, отражающие духовный способ освоения и осмысления мира древними кыргызами. В работе также нашли отражение разработки проблем сказительного творчества манасчи, которые через свой личный опыт и переживания переносили и воспроизводили духовный опыт предков в виде архетипических образов, наполняя их тем самым символическим смыслом.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейших исследований (Осмонова, 2005).

Некоторые туркменские ученые также используют методы семиотики. В своих работах О. Гундогдыев показал знаковый характер многих явлений культуры туркмен (Gundogdyew, Jykyuew, 2002; Gundogdyew, 2003).

Культура восточноиранских этносов древности и современности (скифов, саков, алан, осетин) также получила освещение с точки зрения семиотики в республиках Центральной Азии и Северного Кавказа.

А.К. Акишев в книге «Искусство и мифология саков» реконструировал мировоззрение и мифологию саков, народа близкого по языку и культуре скифам. Для этого он обратился к семантике образов искусства «звериного» стиля. Главный объект исследования, - Золотой человек, сакский вождь погребенный в кургане Иссык (Алма-Атинская обл.). Автор показал, что кулах (головной убор) вождя является моделью Космоса, воплощением Мировой горы. Четыре стрелы в кулахе символизируют четыре стороны света. В костюме имеются изображения Мирового дерева и различных животных. Автор рассмотрел значение образов животных в искусстве саков и цветосимволизм в их мировоззрении. Таким образом, костюм Золотого человека, является моделью Космоса, а сам вождь – сакральной фигурой (Акишев, 1984).

Работы выдающегося осетинского исследователя В.С. Уарзиати (1952-1995 гг.), (Галиев, 2014; Galiev, 2015) посвящены различным сторонам традиционной культуры осетин. Более глубокому пониманию этого способствуют методы семиотики, применяемые автором. Им написаны такие монографии, получившие международное признание как: «Народные игры и развлечения осетин» и «Праздничный мир осетин» (Уарзиати, 1987; 1995).

Работы, посвященные скифо-сакскому и аланскому наследию в культуре осетин вошли в книгу Уарзиати В.С., Галиев А.А. «Символы и знаки Великой степи (История культуры древних кочевников)» (Уарзиати, Галиев, 2006).

В статье «К истории этно-культурной символики алан-осетин» показано, что осетинский Алгуз (один из первопредков), является своего рода двойником казахского первопредка Алаша. Его имя также означает «Пестрый», и эта пестрота – воплощение царем трех функций.

Статья «Из истории скифо-сакского наследия» посвящена рассмотрению значения пива и алкогольных напитков в культуре осетин и тюрко-монгольских народов. Настоящую знаковую систему представляют гербы государств. В статье «Средневековый герб алан-осетин» В.С. Уарзиати рассмотрел значение образов на гербе Осетии. Показано, что все используемые символы – Горы и барс, являются

воплощением картины мира этого уникального народа. Мировая Гора - это Космос, гармонию в котором охраняет барс. Эти образы присутствуют и в костюме Золотого человека (Уарзиати, Галиев, 2006).

Работы В. Уарзиати, несомненно, внесли значительный вклад в изучение знаковых систем как осетин, так и казахов. Именно поэтому сборники его трудов неоднократно издавались и переиздавались как в Москве, так и во Владикавказе. В последнем издании, профессор Л.А. Чибиров следующим образом охарактеризовал упомянутую выше монографию: «Продолжением работы Вилена Савельевича по межнациональным контактам следует считать монографию «Символы и знаки Великой степи», написанную в соавторстве с казахским ученым А.А. Галиевым. ...В новой книге акцент делается на ранее неизученные вопросы истории древних и средневековых кочевников евразийских степей – ираноязычных саков, скифов и алан – и тюркоязычных – хунно-гуннов, древних тюрков и кипчаков. Глубинную суть этих взаимоотношений авторы книги иллюстрируют на ярких примерах культурно-генетических связей современных осетин и казахов» (Чибиров, 2017:10).

Таким образом, можно отметить, что в работах исследователей Центральной Азии и Северного Кавказа, получили освещение с точки зрения семиотики различные аспекты культуры и этнической истории различных тюрко- и ираноязычных народов древности и современности. Были реконструированы модели Социума и Космоса этих народов.

С обретением независимости, в бывших республиках СССР семиотика, с одной стороны, предается относительному забвению, но с другой стороны, с развитием опыта научных конференций и прямых научных контактов с учеными других стран устанавливаются новые связи, расширяется сфера направлений науки. Так в Казахстане помимо этносемиотических исследований, которые вели этнологи и археологи, стали заниматься семиотикой пространства, знаковыми системами в архитектуре (А. Нурдубаева) и искусстве. В частности, была защищена кандидатская диссертация по семиотике ювелирных украшений (Мамбетова, 2005). Этой проблемой давно и успешно занимается этнолог и востоковед Ш.Ж. Тохтабаева (Тохтабаева, 2005). Она же раскрыла проблему семиотики и этикетных отношений у казахов (Тохтабаева, 2013).

Курс общей семиотики успешно читается на факультете философии и политологии Казахского Национального университета имени аль-Фараби, Казахского института искусств им. Т. Жургенева. Известный болгарский семиолог, специалист в области коммуникаций и семиотике рекламы Христо Кафтанджиев (Christo Kaftandjiev) ведет подготовку специалистов в Семипалатинском университете и параллельно осуществляет руководство студентами PhD на факультете востоковедения Казахского Национального университета им. аль-Фараби. По его инициативе преподаватели и студенты различных университетов Казахстана участвуют в работе летней школы по семиотике в Созополе (Болгария), где знакомятся с работами ведущих семиологов из разных стран мира. Эти же ученые, в том числе Ээро Тараста из Финляндии читают им лекции и проводят практические занятия.

Важным для семиологов СНГ стало знакомство с трудами Э. Тараста, а вскоре и с ним самим, Международной ассоциацией семиотики (IASS – International Association for Semiotic Studies) и Международным Институтом Семиотических исследований (ISI - International Semiotics Institute), который он возглавлял около двадцати пяти лет. Как Президент IASS он приложил большие усилия для интеграции ученых СНГ в мировое семиологическое пространство. Ученые представляли доклады на традиционных конгрессах по семиотике, а по его приглашению эти исследования стали частью совместных престижных научных проектов. Так, казахстанские и азербайджанские ученые приняли участие в работе зимней (2009) и летней (2013) школ семиотики 25th International Summer School for Semiotic and Structural Studies в Иматре (Финляндия), организованной Институтом Семиотики (ISI) и IASS в Иматре, 3 Международной конференции в Каунесе, организованной Международным Институтом семиотических исследований и др. (Batkalova, Galiev, 2009; 2013; 2015).

По его рекомендации А. Галиев (Казахстан), Р. Гейбуллаева (Азербайджан) и

Л. Пак (Узбекистан) были введены в состав Исполнительного Комитета IASS. Эти ученые, а также А. Алымбаева (Кыргызстан), Р. Мурадов (Туркменистан) стали членами Правления Академии Культурного Наследия (The Academy of Cultural Heritage (Хельсинки - Афины), президентом которой является Э. Тараста (Исмагамбетова, Баткалова, 2015).

В 2014 г. профессор Тараста в качестве приглашенного профессора прочитал курс лекций для студентов и профессорско-преподавательского состава Казахского Национального Университета им. аль-Фараби. Многие студенты выразили желание писать диссертации PhD под его руководством. С 2014 г. были установлены тесные связи между Казахским Национальным Университетом и Хельсинкским Университетом для подготовки семиологов.

Статья Э Тараста по экзистенциальной семиотике переведена на казахский и в 2014 на азербайджанский язык. Она опубликована в «Ученых Трудах» Бакинского славянского университета. В апреле 2017 г. проф. Э. Тараста стал участником конференции «Сравнительное литературоведение: прототипы и повторяющиеся культуры» в Университете Хазар в Баку, организованной Азербайджанской ассоциацией сравнительного литературоведения (AzCLA), где выступил с пленарным докладом «Culture and transcendence – the concept of transcendence through the ages». В 2018 г. Тараста являлся членом организационного комитета международной конференции “The Interpretation of Nizami’s Cultural Heritage in the Modern Period”, организованной Международным Центром Низами Гянджеви и AzCLA в Баку, где он представил один из ключевых докладов на тему “Theories for Different Cases of Irredentism in the Oriental and Western Cultures Through Their History: a Postcolonial and Existential Semiotic Approach”.

Теория экзистенциальной семиотики, разработанная Ээро Тараста имеет большие возможности для применения в разных областях гуманитарного знания. Поэтому она изучается на факультете Философии и политологии КазНУ им.аль-Фараби, факультете Востоковедения в КазУМОиМЯ и Академии искусства в Казахстане, Бакинском славянском университете в Азербайджане.

Тараста является членом редколлегий научных журналов издаваемых в КазНУ и Академии Искусств в Казахстане и продолжает работу по подготовке специалистов-семиологов для различных государств CIS.

Еще одним направлением, которое в последние годы разрабатывается в Казахстане в последние годы является изучение знаковых систем корейского и японского народов, которые проводятся в КазНУ им. Аль-Фараби и КазУМОиМЯ им.Абылайхана. Ученые семиологи изучают такие аспекты традиционной культуры как обряды жизненного цикла (Свиридова, 2014; Свиридова, 2015; Свиридова, 2016; Batkalova, Galiev, 2016; Югай, 2018), реконструируют модели мира (Баткалова, Галиев, Югай, 2016), анализируют такие категории как цвет и число (Югай, 2016, Югай, Галиев, 2018), роль знаковой системы в формировании этно-культурной идентичности (Batkalova, Galiev, Yugay M., 2019).

Впервые была сделана попытка осмыслить Корейское государство как семиотическую модель (Свиридова, Галиев, 2014) и знаковую систему корейцев как целостное явление (Галиев, Курманбекова, Аксаналиева, Жукабаева, 2019). Причем последняя работа, выполненная при Центре Корееведения КазУМОиМЯ им. Абылайхана была поддержана Core University Program for Korean Studies Министерства Образования Республики Корея.

Семантикой цветовых обозначений занимается в Узбекистане Л. Пак (Пак, 2017).

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что семиотическая наука развивалась в Советском Союзе в рамках Московско-Тартуской школы. Собственно говоря, эта школа была одной из ведущих и в ее рамках одним из наиболее сильных направлений являлась этносемиотика. Наиболее сильные представители этой школы были сосредоточены в европейской части страны. Но уже в советский период в некоторых национальных республиках, в том числе Казахстане отдельными учеными (Зуевым Ю.А., Юдиным В.П. и др.) велись исследования сопряженные с изучением знаковых систем древних и средневековых тюрко и ираноязычных народов.

После распада СССР, семиотика получила новый импульс в тюркоязычных государствах СНГ, благодаря полученной возможности развивать непосредственные связи с зарубежными коллегами и центрами, такими как IASS и ISI. Можно сказать, что семиотика Центральной Азии и Азербайджана стала составной частью мировой семиотической науки, благодаря тесным связям, установившимся между учеными. Не будет преувеличением сказать, что президент IASS Э. Тарастин внес и вносит огромный вклад в развитие этой интеграции.

Сейчас ученые государств Центральной Азии и Азербайджана активно участвуют в жизни мирового семиотического сообщества. Они учатся и преподают в зимних и летних школах, участвуют в работе международных семиотических организаций, публикуются в специализированных журналах и выступают с докладами на различных симпозиумах. Получили развитие такие направления семиотики как этносемиотика японцев и корейцев, семиотика театра, кино, архитектуры.

В ряде вузов Казахстана читаются курсы и спецкурсы по семиотике, для их чтения приглашаются ведущие специалисты из европейских университетов. Э. Тарастин (Финляндия) и К. Кафтанджиев (Болгария) являются руководителями казахстанских диссертантов. Наши студенты слушают курсы по семиотике в университетах-партнерах. В ближайшее время будут защищены докторские PhD диссертации и опубликованы новые исследования.

Литература

- Агеев В. Семиотика. Москва: «Весь мир», 2002.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Акмолдаева Ш.Б. Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас»). Бишкек, 1996.
- Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. Л.: Наука, 1983.
- Баткалова К., Галиев А., Югай М. Модели мира японской культуры // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. 2016. №1. Сс.70-74.
- Галиев А. Социум в духовной культуре тюрков // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. Уфа, 1991. С. 23-24.
- Галиев А.А. Ритуал избрания хана – архетипический ритуал // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Уфа, 1992. С.22-24.
- Галиев А.А. Социальные отношения казахов и их отражение в мифе и ритуале // Востоковедение в Башкортостане. Уфа, 1992. Сс. 38-40.
- Галиев А.А. Модель Социума и Космоса казахов. Алматы: КазгосИНТИ, 1994.
- Галиев А.А. Модели мира тюркской культуры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1994. С. 27-31.
- Галиев А.А. Реактуализация Космоса в обрядах тюрков // Культура кочевников на рубеже веков. Алматы, 1995. С. 152-160.
- Галиев А.А. Традиционное мировоззрение казахов. Алматы: Фонд Евразия, 1997.
- Галиев А.А. Шанью хунну // Вестник Казахской Академии Труда и Социальных отношений. 2003. № 1 (6). С. 60-69.
- Галиев А.А. Вода в мифе, традиции, ритуале // Простор. 2003. № 5. С. 74-77.
- Галиев А.А. Архаические институты Спарты и казахов (сравнительно-типологический анализ) // Античный вестник. Алматы, 2007.
- Галиев А.А., Кумеков Б.Е. Моде-Каган. Алматы: Аруна, 2003.
- Галиев А. В. С. Уарзити. К 60-летию ученого (1952-1995) // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. ФГБОУ ВПО СОГУ им. К.Л. Хетагурова; ФГБУН СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО. А, 2014. С. 13-19.
- Галиев А.А. Казахское ханство: структура, экстра-образ и знаковый аспект. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2015
- Галиев А., Курманбекова В., Аксаналиева Ж., Жукабаева А. Этническая семиотика

- корейцев. Алматы: КазУМОиМЯ, 2019.
- Древние системы письма. Этническая семиотика. М.: Наука, 1986.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990.
- Ерназаров Ж Семиотическая интерпретация традиционной свадебной обрядности казахов // Вестник КазГУ. Серия историческая. №14. С. 36-46.
- Ерназаров Ж. Разрезание пут как семиотическое моделирование жизненного пути ребенка // Историческая наука в XXI веке. Материалы международных Бекмахановских чтений. Алматы. 2001. Ч.2. С. 348-353.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука 1988.
- Зуев Ю.А. Древнетюркское генеалогическое предание как источник по ранней истории тюрков. Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.
- Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). Алматы, 1998.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- Ибраев Б. Космогонические представления наших предков // Декоративное искусство СССР, 1973, № 8. С. 40-44.
- Иванов Вяч.Вс. Очерки по предыстории и истории семиотики // Избр. Труды. Т.1. М.: «Языки русской культуры», 1998.
- Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры // Избр. Труды. Т. 2. М.: «Языки русской культуры», 2000.
- Иванов Вяч.Вс., Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.1-2. Изд. Тбилисского университета, 1984.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.,1965.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.,1974.
- Исмагамбетова З., Галиев А., Баткалова К. Экзистенциальная семиотика Э. Тараста (На основе анализа Eero Tarasti "Seinund Shein: Explorationsin Existential Semiotics" // Вестник КазНУ. Сер. философия. 2015. № 4 (53). С. 61-65.
- Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984.
- Мамбетова А.И. Семиотика ювелирных украшений в традиционной культуре Казахстана. СПб, 2005.
- Осмонова Н.И. Символическая картина мира древних кыргызов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии. СПб., 2005.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука. 1977.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., Наука, 1985.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990.
- Самашев З. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992.
- Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: Abdi, 2010.
- Смагулов Е. К изучению знаковой системы позднесредневекового Отрара // ИАН КазССР. Серия общественных наук. 1979. № 6.
- Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахов мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
- Тохтабаева Ш.Ж. Этикет у казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2013.
- Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987.
- Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. М., 1995.
- Уарзиати В.С., Галиев А.А. Символы и знаки Великой степи (История культуры древних номадов). Алматы, 2006.

Пак Л.В. Символика и бинарность цвета в свадебной обрядности (На примере корейцев Узбекистана) // Корееведение Казахстана. Алматы. 2015. Вып. 3(2015). С.291-297.

Свиридова В. Трансформация свадебной обрядности корейского народа с течением времени // Материалы 3-й международной конференции молодых ученых корееведов. Доклад. Москва, 2014.

Свиридова В. Символизм первой годовщины ребенка «Толь» коре сарам и корейцев Южной Кореи в диахроническом разрезе // Известия корееведения Центральной Азии. Вып. № 22. Алматы, 2015.

Свиридова В. Символизм первой годовщины ребенка «Толь» коре сарам и корейцев Южной Кореи в диахроническом разрезе // Известия корееведения Центральной Азии. Вып. № 22. Алматы 2015.

Свиридова В.А. Обрядовая культура корейцев Казахстана и Южной Кореи. Lambert, 2016.

Свиридова В., Галиев А. Правитель и государство как этнознаковая система (на примере Казахского ханства и Кореи) // Политическое лидерство в государственном строительстве: преемственность идей и времени». Алматы: МУИТ, 2013. С. 28-33.

Свиридова В., Галиев А. Корея и Казахское ханство как семиотические системы // Корееведение Казахстана. Сб.статей. Алматы: КазУМОиМЯ, 2014. Вып. 2. С. 175-181.

Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. Е.М. Кочиева. А.П. Донченко. В 2-х томах. Владикавказ: Абета, 2017.

Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука. 1990.

Чибиров Л.А. Вилен Уарзиати и его кавказоведческие исследования // Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. Е.М. Кочиева. А.П. Донченко. Владикавказ: Абета, 2017.

Шаханова Н.Ж. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы. 1998 .

Шаханова Н.Ж. Семантико-семиотический анализ традиционной культуры казахов (философско-культурологический аспект). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Алматы. 1999.

Этнические стереотипы поведения. СПб., 1985.

Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

Этнознаковые функции культуры. М., Наука. 1991.

Югай М. Семантика цвета в традиционной японской культуре // Вестник

КазНУ. Серия востоковедения. 2016 .№4.

Югай М. Двухстадийная погребальная обрядность Японии как культурная модель // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. 2018. № 6.

Югай М. Символика числа в традиционной японской культуре // Международная научная конференция «FARABI ALEMİ». 2016.

Югай М. Культурные коды как основа формирования этнического самосознания японцев // IX Международная научно-практическая конференция «История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты» (Россия, г. Новосибирск). 2018. №4(6).

Югай М. Галиев А. Архетипические значения основных цветов (белый, красный, черный) в контексте истории и культуры японского народа // Электронный научный журнал edu.e-history.kz 2018. №2 (14).

Юдин В.П. «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...» // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 106-164.

Batkalova K., Galiev A. Rites de Passage in Japanese Traditional Culture The International Conference on Japan and Japan Studies 2016. Official Conference Proceeding/ The Int. Academic Forum 2016. Sakae. 1-16-26-201. Naka Ward, Nagoya. Aichi, Japan. Pp. 91-102.

Batkalova K., Galiev A. Kazakh People in a Semio-Crisis Period. 3rd International Conference of Numantia (ICoN 2016). Program and Abstracts. Kaunas. 23-26 May 2016. International Institute of Semiology. Kaunas University of Technology. Kaunas, 2016. p.62

Batkalova K., Galiev A., Yugay M. Sacred Treasures as Cultural Text and “Symbol of

Newlife” XLinguae, 2018. №2.

Batkalova K., Galiev A., Yugay M. Traditional Mechanisms of Ethno-Cultural Identity Constructions in Japan: Life-Cycle Customs and Rituals //Вестник КазНУ. Серия историческая. 2019. Том 92. №1.

Galiev A. Archetypical ideas of society division among the Central Asian nomads // Annual Central 24-25 Eurasian Studies Conference Indiana University. Bloomington. 1997. Pp. 24-25.

Galiev A. A kazakok hagyományos világepe // Turan 2005 # 4-5. Pp. 97-145. 2006 # 1. Pp. 75-130.

Galiev A.V. Warziati (1952-1995) A Biographical Report Southern Semiotic review. №-6 2015 <http://www.southernsemioticreview.net/issue-6/>. Pp.86-91.

Galiev A. Mythology and the social structure of the Kazakh Idan ja lannen myytit. Imatra. Finland.2009. Pp.10-14.

Galiev A. Shaman Culture in the Kazakh context // 25 th International Summer School for Semiotic and Structural Studies. Imatra, Finland, June 8-11, 2013. P.10.

Galiev A. Baksy (Shaman) And World Model Of Kazakh People Semiotics of Cultural Heritages: Authenticity to Informatics. International Semiotics Conference Abstract Booklet. 7-10 May. 2015. Istanbul Universitesi, Istanbul, Turkiye. 2015. P.18.

Gundogdyew O., Jykyew A. Turkmenlerin milli oyunlary. National Games of Turkmen. Ashgabat. 2002.

Gundogdyew O. Turkmen baydalary. Turkmen Flags. Ashgabat. 2003.

References:

Ageev V. Semiotika. Moskva: «Ves mir», 2002.

Akishev A.K. Iskusstvo i mifologiya sakov. Alma-Ata, 1984.

Akmoldaeva Sh.B. Drevnekyrgyzskaya model mira (na materialah eposa «Manas»). Bishkek, 1996.

Bayburin A. K. Zhilische v obryadah i predstavleniyah vostochnykh slavyan. 2-e izd., ispr. L.: Nauka, 1983.

Batkalova K., Galiev A., Yugay M. Modeli mira yaponskoy kulturyi// Vestnik KazNU. Seriya vostokovedeniya. 2016. #1. Cs.70-74.

Galiev A. Sotsium v duhovnoy kulture tyurkov // Problemy duhovnoy kulturyi tyurkskikh narodov SSSR. Ufa, 1991. S. 23-24.

Galiev A.A. Ritual izbraniya hana – arhetipicheskiy ritual // Vostokovedenie v Bashkortostane. Istoriya. Kultura. Ufa, 1992. S. 22-24.

Galiev A.A. Sotsialnyie otnosheniya kazahov i ih otrazhenie v mife i rituale // Vostokovedenie v Bashkortostane. Ufa, 1992. S. 38-40.

Galiev A.A. Model Sotsiuma i Kosmosa kazahov. Almaty: KazgosINTI, 1994.

Galiev A.A. Modeli mira tyurkskoy kulturyi // Problemy etnicheskoy istorii i kulturyi tyurko-mongolskikh narodov Yuzhnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy. M., 1994. S. 27-31.

Galiev A.A. Reaktualizatsiya Kosmosa v obryadah tyurkov // Kultura kochevnikov na rubezhe vekov. Almaty, 1995. S. 152-160.

Galiev A.A. Traditsionnoe mirovozzrenie kazahov. Almaty: Fond Evraziya, 1997.

Galiev A.A. Shanyuy hunnu // Vestnik Kazahskoy Akademii Truda i Sotsialnykh otnosheniy. 2003. # 1 (6). S. 60-69.

Galiev A.A. Voda v mife, traditsii, rituale //Prostor. 2003. # 5. S. 74-77.

Galiev A.A. Arhaicheskie institutyi Spartyi i kazahov (sravnitelno-tipologicheskiy analiz) //Antichnyiy vestnik. Almaty, 2007.

Galiev A.A., Kumekov B.E. Mode-Kagan. Almaty: Aruna, 2003.

Galiev A. V.S. Uarziati. K 60 letiyu uchenogo (1952-1995). // Narodiy Kavkaza: istoriya, etnologiya, kultura. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.S. Uarziati. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. FGBOU VPO SOGU im. K.L. Hetagurova; FGBUN SOIGSI VNTs RAN i RSO-A. Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO. A, 2014. . S. 13-19.

Galiev A.A. Kazahskoe hanstvo: struktura, ekstra-obraz i znakovyy aspekt. Almaty: KazUMOimYa im. Abylay hana, 2015

- Galiev A., Kurmanbekova V., Aksanalieva Zh., Zhukabaeva A. Etnicheskaya semiotika koreytsev. Almaty: KazUMOiMYa, 2019.
- Drevnie sistemyi pisma. Etnicheskaya semiotika. M.: Nauka. 1986.
- Dyumezil Zh. Verhovnyie bogi indoevroyeytsev. M.: Nauka, 1986.
- Dyumezil Zh. Skifyi i nartyi. M.: Nauka, 1990.
- Ernazarov Zh. Semioticheskaya interpretatsiya traditsionnoy svadebnoy obryadnosti kazahov // Vestnik KazGU. Seriya istoricheskaya. #14. S. 36-46.
- Ernazarov Zh. Razrezanie put kak semioticheskoe modelirovanie zhiznennogo puti rebenka // Istoricheskaya nauka v XXI veke. Materialy mezhdunarodnykh Bekmahanovskih chteniy. Almaty. 2001. Ch. 2. S. 348-353.
- Zhukovskaya N.L. Kategorii i simvolika traditsionnoy kulturyi mongolov .M.:Nauka 1988.
- Zuev Yu.A. Drevnetyurkskoe genealogicheskoe predanie kak istochnik po ranney istorii tyurkov. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kand. ist. nauk. Alma-Ata, 1967.
- Zuev Yu.A. O formah etnosotsialnoy organizatsii kochevyih narodov Tsentralnoy Azii v drevnosti i srednevekovye: pestraya orda, sotnya (sravnitelno-tipologicheskoe issledovanie) // Voennoe iskusstvo kochevnikov Tsentralnoy Azii i Kazahstana (epoha drevnosti i srednevekoviya). Almaty, 1998.
- Zuev Yu.A. Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. Almaty: Dayk-Press, 2002.
- Ibraev B. Kosmogonicheskie predstavleniya nashih predkov // Dekorativnoe iskusstvo SSSR, 1973, # 8. S. 40-44.
- Ivanov Vyach.Vs. Ocherki po predyistorii i istorii semiotiki // Izbr. Trudyi. T. 1. M.: «Yazyki russkoy kulturyi», 1998.
- Ivanov Vyach.Vs. Izbrannyye trudyi po semiotike i istorii kulturyi // Izbr. Trudyi. T. 2. M.: «Yazyki russkoy kulturyi», 2000.
- Ivanov Vyach.Vs., Gamkrelidze T.V. Indoevroyeytskiy yazyk i indoevroyeytsyi. T. 1-2. Izd. Tbilisskogo universiteta, 1984.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavyanskyye yazykovyye modeliruyushchie semioticheskiye sistemyi (Drevniy period). M., 1965.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey. M., 1974.
- Ismagambetova Z., Galiev A., Batkalova K. Ekzistentsionalnaya semiotika E.Tarasti (Na osnove analiza Eero Tarasti "Seinund Shein: Explorationsin Existential Semiotics" // Vestnik KazNU/ Ser. filosofiya. 2015. # 4 (53). S. 61-65.
- Levi-Stross K. Pechalnyie tropiki. M.: Myisl, 1984.
- Mambetova A.I. Semiotika yuvelirnyih ukrasheniy v traditsionnoy kulture Kazahstana. SPb, 2005.
- Osmonova N.I. Simvolicheskaya kartina mira drevnih kyrgyzov». Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk po spetsialnosti 09.00.03 – istoriya filosofii. SPb., 2005
- Raevskiy D.S. Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyit rekonstruktsii skifskoy mifologii. M.: Nauka. 1977.
- Raevskiy D.S. Model mira skifskoy kulturyi. M.: Nauka,1985.
- Sagalaev A.M., Oktyabrskaya I.V. Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual. Novosibirsk: Nauka, 1990.
- Samashev Z. Naskalnyie izobrazheniya Verhnego Priirtyishya. Alma-Ata: Gyilyim, 1992.
- Samashev Z., Bazyilhan N., Samashev S. Drevnetyurkskiye tamgi. Almaty: Abdi, 2010.
- Smagulov E. K izucheniyu znakovoy sistemyi pozdnesrednevekovogo Otrara // IAN KazSSR. Seriya obschestvennyih nauk. 1979. # 6.
- Tohtabaeva Sh.Zh. Serebryanyiy put kazahskikh masterov. Almaty: Dayk-Press, 2005.
- Tohtabaeva Sh.Zh. Etiket u kazahov. Almaty: Dayk-Press, 2013.
- Uarziati V. S. Narodnyie igryi i razvlecheniya osetin. Ordzhonikidze: Ir, 1987.
- Uarziati V. S. Prazdnichnyiy mir osetin. M., 1995.
- Uarziati V.S., Galiev A.A. Simvoliyi i znaki Velikoy stepi (Istoriya kulturyi drevnih nomadov). Almaty, 2006.
- Pak L.V. Simvolika i binarnost tsveta v svadebnoy obryadnosti (Na primere koreytsev

- Uzbekistana) // Koreevedenie Kazahstana. Almaty. 2015. - Vyp. 3(2015). S.291-297.
- Sviridova V. Transformatsiya svadebnoy obryadnosti koreyskogo naroda s techeniem vremeni» // Materialy 3-y mezhdunarodnoy konferentsii molodyih uchenyih koreevedov. Doklad. Moskva, 2014.
- Sviridova V. Simvolizm pervoy godovschinyi rebenka «Tol» kore saram i koreytsev Yuzhnoy Korei v diahronicheskom razreze» // Izvestiya koreevedeniya Tsentralnoy Azii. Vyp. # 22. Almaty, 2015.
- Sviridova V. Simvolizm pervoy godovschinyi rebenka «Tol» kore saram i koreytsev Yuzhnoy Korei v diahronicheskom razreze» // Izvestiya koreevedeniya Tsentralnoy Azii. Vyp. # 22. Almaty 2015.
- Sviridova V.A. Obryadovaya kultura koreytsev Kazahstana i Yuzhnoy Korei. Lambert, 2016.
- Sviridova V., Galiev A. Pravitel i gosudarstvo kak etnoznakovaya sistema (na primere Kazahskogo hanstva i Korei) // Politicheskoe liderstvo v gosudarstvennom stroitelstve: preemstvennost idey i vremeni». Almaty: MUIT, 2013. S. 28-33.
- Sviridova V., Galiev A. Koreya i Kazahskoe hanstvo kak semioticheskie sistemyi // Koreevedenie Kazahstana. Sb.statey. Almaty: KazUMOiMYa, 2014. Vyp. 2. Sc. 175-181.
- Tsivyay T.V. Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira. M., Nauka. 1990.
- Chibirov L.A. Vilen Uarziati i ego kavkazovedcheskie issledovaniya // Uarziati V.S. Izbrannyye trudy: Etnologiya. Kulturologiya. Semiotika / Sost. E.M.Kochieva. A.P.Donchenko. Vladikavkaz: Abeta, 2017.
- Shahanova N.Zh. Mir traditsionnoy kulturyi kazahov (etnograficheskie ocherki). Almaty. 1998 .
- Shahanova N.Zh. Semantiko-semioticheskiy analiz traditsionnoy kulturyi kazahov (filosofsko-kulturologicheskiy aspekt). Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskih nauk. Almaty. 1999.
- Etnicheskie stereotipyi povedeniya. SPb., 1985;
- Etnicheskie stereotipyi muzhskogo i zhenskogo povedeniya. SPb., 1991;
- Etnoznakovyye funktsii kulturyi. M., Nauka. 1991.
- Yugay M. Semantika tsveta v traditsionnoy yaponskoj kulture // Vestnik KazNU. Seriya vostokovedeniya. 2016 . #4.
- Yugay M. Dvuhstadiynaya pogrebalnaya obryadnost Yaponii kak kulturnaya model // Vestnik KazNU.Seriya vostokovedeniya. 2018.
- Yugay M. Simvolika chisla v traditsionnoy yaponskoj kulture // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «FARABI ALEMI». 2016.
- Yugay M. Kulturnyye kodyi kak osnova formirovaniya etnicheskogo samosoznaniya yapontsev // IX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspektyi» (Rossiya, g. Novosibirsk). 2018. #4(6).
- Yugay M., Galiev A. Arhetipichesskie znacheniya osnovnyih tsvetov (belyiy, krasnyiy, chernyy) v kontekste istorii i kulturyi yaponskogo naroda // Elektronnyiy nauchnyiy zhurnal edu.e-history.kz 2018. #2 (14).
- Yudin V.P. «Ordyi: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya...» // Kazahstan, Srednyaya i Tsentralnaya Aziya v XVI-XVIII vv. Alma-Ata: Nauka, 1983. S. 106-164.

САЯСИ ТАРИХ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
POLITICAL HISTORY

ҒТАХР 03.20.00

ЕСЕТ КӨТІБАРҰЛЫ БАСТАҒАН КӨТЕРІЛІС

Күникеев Аман Дәулетұлы¹, Мурзаходжаев Қуаныш Мәдиұлы²

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері, Алматы қ., Қазақстан, e-mail: aman.kunikeev@mail.ru

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері, PhD докторанты, Алматы қ., Қазақстан, e-mail: kuka_ist@mail.ru

Түйіндеме. XVIII ғ. екінші жартысынан бастап патша өкіметі Орта Азия территориясында өз үстемдігін орнатуға батыл қадамдар жасауға бел буды. Соның ішінде ұлан-ғайыр аумақты иемденіп отырған Қазақ хандығы империялық амбицияның ықпалында қалды. Отарлау процесі барлық бағытта жүргізілді, мәселен рухани отарлау, шоқындыру, экономикалық тұрғыда бағындыру, саяси қысым жасау, т.б. секілді барлық құралдар сәтті қолданылды. Ата-бабадан мирасқа қалған қазақ жері, тілі мен діні, рухани құндылықтары жойылудың аз ақ алдында қалды. Осы тұста елдің болашағы үшін өз басын бәйгеге тіккен ұлтжанды батырлар тарихи сахнаға көтерілді. Солардың бірі әрі бірегейі Есет Көтібарұлы.

Мақалада авторлар осы нар тұлғаның патшалық өктемдік пен озбырлыққа қарсы бас көтеруінің басынан аяғына шейінгі тарихымен таныстыра отырып, архивтік деректер мен зерттеушілердің еңбектеріне сүйеніп ұлт-азаттық көтерілістің барысына тоқталады. Есет батырдың кіші жүз арасында сөзі өтімді әрі халықты бір мақсатқа жұмылдыра алуы авторлардың қызығушылығын тудырған. Каспий мен Арал аралығында пайда болған көтерілістің мақсаты, салдары, орны мен рөлі, нәтижесі нақты фактілер тұрғысында баяндалған. Алайда, зерттеушілердің пайымдауынша, Есет Көтібарұлы бастаған көтерілістің әлі күнге шейін көлеңкелі тұстары ашылмай, қазіргі Ресей Федерациясы архивтерінің қойнауында өзінің ғалымдарын күтуде.

Кілт сөздер: Есет Көтібарұлы; патша өкіметі; отарлау саясаты; ұлт-азаттық көтеріліс; Қоқан, Хиуа, Бұқар хандықтары; кіші жүз; Арал маңы; Жоламан Тіленшіұлы; Жанқожа Нұрмұхамедұлы.

МРНТИ 03.20.00

ВОССТАНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
ЕСЕТА КОТИБАРУЛЫ

Куникеев Аман Даулетович¹, Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич²

¹ научный сотрудник института Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, г. Алматы, Казахстан, e-mail: aman.kunikeev@mail.ru

² научный сотрудник института Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, PhD докторант, г. Алматы, Казахстан e-mail: kuka_ist@mail.ru

Аннотация: Во второй половине XVIII в. царское правительство начало предпринимать решительные шаги к установлению своего доминирования на территории Центральной Азии. В частности, Казахское ханство, занимающее обширную территорию, стало более отчетливо ощущать на себе грозное влияние имперских амбиций. Колонизаторская политика велась во всех направлениях, для этой цели успешно применялись все инструменты, такие как духовная колонизация, насильственное крещение, экономическое подчинение, политическое давление и др. Под натиском царской империи казахские духовные ценности, такие как язык,

культура, история, религия, и даже земля унаследованная от предков, стояли на грани исчезновения. В это непростое время во имя будущего страны и казахского народа на историческую арену вышли батыры. Одним из них и был батыр Есет Котибарулы.

В статье авторы на основе архивных документов и материалов освещают ход национально-освободительного движения, а также прилагают усилия для восстановления всей картины хода событий. Огромный интерес вызывает сама личность Есета Котибарулы, который благодаря своей харизматической личности сумел объединить весь Младший жуз в борьбе против колониальной политики царской империи. Определены и проанализированы главные цели восстания, причины возникновения, роль и место Котибарулы в этом историческом процессе. Несмотря на огромный источниковедческий и историографический материал, объективная оценка этому историческому событию до сих пор не была дана.

Ключевые слова: Есет Котибарулы; царское правительство; колониальная политика; национально-освободительное движение; Коканское, Хивинское и Бухарские ханства; младший жуз; Приаральский регион; Жоламан Тленшиулы; Жанкожа Нурмухамедов.

IRSTI 03.20.00

THE UPRISING UNDER THE LEADERSHIP OF YESSET KOTYBARULY

Kunikeyev Aman Dauletuly¹, Murzakhodzhayev Kuanysh Madievich²

¹scientific researcher of Institute of History and ethnology named after Ch. Valikhanov, Almaty, Kazakhstan, e-mail: aman.kunikeyev@mail.ru

² scientific researcher of Institute of History and ethnology named after Ch. Valikhanov, PhD student, Almaty, Kazakhstan, e-mail: kuka_ist@mail.ru

Abstract: In the second half of the XVIII century the tsarist (tsar - emperor of Russian empire) government began to take decisive steps to establish its dominance in Central Asia. In particular, the Kazakh Khanate, which occupied a vast territory, began to more clearly feel the terrible influence of the imperial ambitions. Colonization policy was carried out in all directions using their all methods such as spiritual colonization, forced baptism, economic subjugation, political pressure, etc, where successfully used for this purpose. Under the pressure of the imperial empire, Kazakh spiritual values, such as language, culture, history, religion, and even the land inherited from their ancestors stood on the verge of extinction. At this difficult time, the batyrs entered the historical arena in the name of the future of the country and the Kazakh people. One of them was the batyr Yesset Kotybaruly.

In this article, the authors cover the course of the national liberation movement, and also make efforts to restore the whole picture of the course of events (on the basis of archival documents and materials). Of great interest is the personality of Yesset Kotybaruly, who, thanks to his charismatic personality, managed to unite the entire Younger Zhuz in the fight against the colonial policy of the Russian empire. The main goals of the uprising, the causes of the occurrence, the role and place of Kotybaruly in this historical process are identified and analyzed. Despite the huge source study and historiographic material, an objective assessment of this historical event has not yet been given.

Key words: Yesset Kotybaruly; tsarist government; colonial policy; national liberation movement; Kokan, Khiva and Bukhara khanate; the younger zhuz; Aral region; Zholaman Tilenshiuly; Zhankozha Nurmukhamedov.

Кіріспе. XVIII-XIX ғасырлар Қазақ халқының өмірінде аса қиын да күрделі кезең ретінде тарих беттерінде қалды. Бұл кезең Қазақстан тарихында өз мемлекеттілігін жоғалту процесімен сипатталады. Әлемдік империализм күшейген бұл дәуірде қазіргі қазақ жерінде Ресей империясының отарлау саясаты толықтай жүзеге асырылып, оның салдарынан қазіргі Қазақстан жері Ресейге қарады. Бұл ғасырларда Қазақ хандығы мен Ресей арасындағы саяси байланыстар әуелі жартылай, кейіннен толықтай отарлану сипатында жүргізілді. Дегенмен, аймақта билік тарапынан империялық

саяси процестер жүргізілгенімен, екі ел, екі халық бір-біріне құрметпен қарады. Ресейдің саясаты отаршылдық сипат ала бастағанымен қазақ хандары мен сұлтандары тарапынан Ресейді қолдамау және тіпті оның отаршылдық саясатын қолдамай, түрлі дипломатиялық жолдар арқылы онымен саяси байланысқа түсіп отырды. Мысалы мұндай саясаттың үдесінен шыға білген хандардың бірі Абылай хан болды. Біз білетіндей, Ресей империясының қазақ жерін отарлауы бірнеше ғасырларға созылды. Отарлаудың алғашқы нышандары XVIII ғасырда біліне бастады, ал XIX ғасырда толығымен аяқталды.

Міне, осындай ел басына төнген ең ауыр да қауіпті кезеңдерде халық арасынан дана ақылгөй адамдардың дүниеге келуі қажеттіліктен туған процесс болатын. Кез келген ойшыл дүниетанымының қалыптасуына оның өмір сүрген ортасы, белгілі бір уақыт кеңістігі, оның саяси-әлеуметтік ахуалы тікелей әсер ететіні даусыз. Адамды заманы, қоғамы өсіретіні шындық. Қазақ хандығының әлемдік империалистік мемлекеттердің тырнағына іліне бастаған кезде қазақ арасында елім, жерім деп еңіреген ұлдардың тууы заңдылық еді. Солардың бірі XIX ғасырдың 40-50 жылдары Қазақстанның батыс, оңтүстік-батыс аудандарында Ресей империясының отаршылдық қимылдарына қарсы күрес жүргізген қазақ батырларының бірі Есет Көтібарұлы болды.

Материалдар мен зерттеу әдістері. Тақырыпқа талдау жүргізу барысында зерттеушілер негізгі материалдар ретінде Қазақстан Республикасының Орталық Мемлекеттік архивінің құжаттарын пайдаланды. Сонымен қатар Ресей патшалығының Қазақстан территориясын отарлау саясатын қарастырған отандық ғалымдардың еңбектері қолданылды. Осы тақырып аясында жарыққа шыққан құжаттар жинақтары да башылыққа алынды.

Зерттеу жұмысында деректанудың негізгі үш принципі басшылыққа алынды. Методологиялық негізін жалпы тарих ғылымындағы методтар мен арнайы әдістер қолданылды. Соның ішінде салыстырмалы талдау мен синтез, тарихилық принцип, объективтілік, жүйелік әдіс, т.б.

Талқылау. Еліміз тәуелсіздігін алғаннан кейін қазақ халқының жүріп өткен жолына, тарихына үніліп, еркін сана тұрғысында көптеген мәселелер ой елегінен өткізілген болатын. Соның ішінде Ресей патшалығының бодандығын бастан өткізген кезең зерттеушілердің назарынан тыс қалмады. Соған орай патшалық биліктің қазақ жерін отарлау саясатына қатысты көптеген еңбектер жарыққа шықты. Онда ұлт-азаттық көтерілістерге, оның басшыларына тоқталғандығы мәлім. Мәселен, Е. Бекмаханов өзінің фундаменталды «Қазақстан XIX ғасырдың 20-40-жылдарында» атты еңбегінде Кенесары Қасымұлы көтерілісін сипаттай отырып, сол замандағы қазақ халқының басындағы ауыр заманды суреттеп, Есет Көтібарұлын да сөзге тиек етеді (Бекмаханов, 1994). Ж. Қасымбаев та XIX ғ. 40-60 жылдарын баяндағанда Көтібарұлына тоқталады (Қасымбаев, 1993). Архив құжаттары негінде Есет батырдың жеке тұлғасына қатысты, көтерілістің мән-жайын баяндайтын құжаттар мен материалдар жинағы жарыққа шыққан (Киреев, Джагалин, Шахматов, 1964). Сонымен қатар біршама ғылыми мақалалар мен зерттеулер жарияланған. Алайда, бұл көтерілістің барлық факторлары қамтылған, жан-жақты тұрғыда зерттелген, қазақ халқының өзінің біртұтастығын сақтау мен нығайту жолындағы күресі аспектісінде әлі қарастырылмай келуде.

Нәтижелер. Халық арасында Есет батыр деген атпен танылған XIX ғасырда қазақ халқын көтеріліске бастаған лидерлердің бірі болған Есет Көтібарұлы 1807-1888 жылдары өмір сүріп, өмірінің үлкен бөлігін орыс отаршылдығына қарсы өткізген өз заманының дара туған қаһармандарының бірі болды. Халық арасында алғашында терең танылмағанымен кейіннен отаршылдықтың қас жауына айналған, ел тәуелсіздігін ойлаған қазақтың әйгілі батырларының бірі ретінде елге мәшһүр болды.

Елімізде тәуелсіздік жылдарынан бастап қазіргі кезге дейін қазақ халқы үшін еңбек еткен жеке тұлғалардың өмірі мен қызметін зерттеу әлі күнге дейін жалғасуда. Жеке адамның өмірі мен қызметіне қатысты зерттеулер жыл санап артуда және жаңа, тың мәліметтермен толығуда. Елімізде жүргізіліп отырған Елбасы Н. Назарбаевтың бастамасымен жарияланған «Рухани жаңғыру» бағдарламасы және «Ұлы Даланың жеті қыры» атты жобалары Ұлы далада ұмыт болған немесе ескерілмей келе жатқан есімдердің қайта жаңғыруына бастама болары сөзсіз. Есет Көтібарұлының есімі жана

есімдер қатарында болмағанымен, оның қызметі мен еңбегіне қатысты қазіргі кезде отандық ғалымдар тарапынан жаңаша баға беріліп жатыр. Солардың бірі, қазіргі кезде заманауи тарихи көзқарастар мен пікірлер Есет Көтібарұлының тәуелсіздік жолында қызмет еткен саяси тұлға ретінде көрсету оның қызметіне қатысты тарихи баға берудің қажеттігін көрсетіп, ол тақырыптың ғылыми өзектілігін арттыра түсті.

Ресей империясының отаршылдық саясатына қарсы ұлт-азаттық қозғалыстың басшысы болып танылған Есет Көтібарұлы Кіші жүздің Қабак руынан шығып, өз заманында аузы дуалы, қоғамды басқарушы адамдардың бірі ретінде саналған. Есет Көтібарұлы қазіргі Ақтөбе облысының Шалқар ауданында туған. Оның балалығы мен жігіттік шағы орыс отаршылдығының күшейген кезеңіне тұспа-тұс келді. Өзінің өмір сүрген ортасында белсенді, батыл адам ретінде танылған ол ерте кезден Ресей империясының аймақтағы отаршылдық қимылдарына қарсы күресудің негізгі бастамашыларының бірі болды.

1822-1824 жылдары Ресей империясының қазақ жерінде отаршылық саясаты мен қимылдарының жаңа кезеңі басталды. Төрт ғасыр бойы үстемдік құрып өмір сүрген хандық билік жойылды. Бұл жағдай қазақ халқының мемлекетінің жойылғанын және оның Ресей империясының боданы екендігін заңды түрде бекітіп берді. Қазақ халқы мен жері Ресей империясының әкімшілік мемлекеттік губернияларының құрамына енгізілді. Қазақ елінің бір бөлігі Бөкей Ордасы Нарын құмында резервацияға айналды. Бұдан соң Ресей билігі қазіргі Қазақстан жерінің орталығы мен оңтүстігіне қарай тереңдей енді. Барлық қимылдар отаршылдық сипатта ашық жүргізілді. Оның басты мысалдары ресейлік казак әскери отаршылдары қазақ шаруаларының шұрайлы жерлері мен жайылымдарын ешбір негізсіз тартып ала бастады. Мұның барлығы қазақ шаруалары мен бұқара халықтың наразылықтарын қоздырды. Дәлірек айтқанда, қазақ елінің басына күн туды.

Мұндай факторлар қазақ жігіттерін, батырлары мен ту ұстаған ерлерін атқа қондырды. Басты мақсат, орыс отаршылдығына жол бермеу, қолдан шыққан ел мен жерді қайтару. Мұның барлығы XIX ғасырдың 30-жылдары Бөкей Ордасында Исатай мен Махамбет бастаған көтерілістен соң орын алып, ол біртіндеп бүкіл қазақ жеріне тарады. Оңтүстікте Есет және Жанқожа батырлар бастаған көтеріліс қимылдары бой көтерсе, Кенесары ханның күресі бүкіл қазақ жерін қамтыды (Мажитов, 2007:124-125).

Соның ішінде Есет Көтібарұлы бастаған қазақтардың Ресей империясының отарлау қимылдарына қарсы көтерілісі ерекше тарихи мәнге ие болды деп көрсете аламыз. Есет батыр қазақ қоғамында жеке батыр ретінде алғашқы көтеріліс қимылдарына атақты қазақ батыры, Кіші жүзде табын руынан шыққан атақты қолбасшы Жоламан Тіленшіұлының көтерілісі кезінде жақсы танылды. Бұған дейін Кіші жүз жерінде орын алған әр түрлі саяси көтерілістерде көзге түсіп, соның негізінде аты ел арасында тараған еді. Бұл кезде Жоламан батырдың Ресей билігіне қарсы шығуының себептері 1822 Орта және 1824 жылы Кіші жүзде хандық биліктің жойылуынан кейін-ақ қазақ жерінде орыс шептерінің құрылуымен байланысты еді.

Ресей империясының Орынбор әкімшілігі Елек өзенінің бойындағы табын руының жерлерін тартып алып, бекіністер сала бастайды. Орал, Елек, Бердянка, Құраты өзендерінің бойында 29 бекініс бой көтеріп, ол Жаңа Елек шебі деп аталды. Өз жерлерінің тартып алынуына қарсы шығып, табын руының игі жақсылары бірнеше рет Орынбор әскери губернаторы П.К.Эссенге өздерінің бұрынғы жайылымдарын қайтару жөнінде өтініш жасағанымен, Эссен: «Патша ағзам император олардың шағымдарын негізсіз деп, ал тіпті қандай да бір қанағаттандыруға тұрарлық емес деп мойындады» (Исенов, Елкей, 2012:149) деген жауап қайтарады.

1822 жылы Жоламан батыр өзінің әділдікке жетуге ұмтылысы сәтсіз аяқталғанына қарамастан, бір жыл өткен соң Жоламан Эссенге тағы да хат жолдайды. 1823 жылы 6 тамызда урядник Плешков арқылы Эссенге жолдаған хатында, Жоламан қазақтардың наразылығының басты себептерін айқын да анық ашып көрсетіп, талаптарын баяндайды. Мұнымен шектелмей Жоламан батыр Ресей билігіне хат жазу арқылы өзінің саяси талаптарын тоқтатпады. Мұның барлығы 1824 жылы Жоламан Тіленшіұлының Кіші жүз батырларымен алғашқы көтеріліс қимылдарын бастауға алып келеді. Осы көтерілістен бастап, Есет Көтібарұлы көбінесе Жоламан батырдың

жанынан табыла білді. Жоламан батыр өзінің алғашқы әрекеттерінен бастап, мұндай қимылдарын кейін де жалғастырып отырды.

Жоламан тарханның патша үкіметіне жариялаған соғысының кең қанат жайған кезі 1835 жылы болды. Осы тұста Орск мен Троицк арасында Жаңа Шеп салынуы нәтижесінде 10 мың шаршы шақырымнан астам жерінен айырылған, жағалбайлы, жаппас, алшын, арғын, қыпшақ рулары өз беттерінше күреске шыға бастады. Осы жылдарда Есет Көтібарұлы аймақта болып жатқан көтеріліске белсене араласады. Ол Жоламан бастаған Кіші жүз қазақтарының осы жылдардағы көтеріліс қимылдарының қол бастаған қатысушысы болды. Жоламан Тіленшіұлына Іле, Қобда, Елек, Ембі өзендері бойында көшіп-қонып жүрген қазақтар қосылды, Жоламан батыр бастаған соғыстың кейінгі кезеңі Исатай Тайманұлының бастаған көтерілісіне қосылуымен жалғасын тапты (Бекмаханов, 1994:105).

Уақыт өте, аймақтағы (Кіші жүзде) халықтың кең құрметіне бөленген Есет Көтібарұлы сол кездегі қазақ сұлтаны, кейіннен хан болған Кенесары Қасымұлының көтерілісімен де пара-пар келгенін атап өту керек. Есет Көтібарұлы жеке қолбасшы ретінде әскер бастап үлгермегенімен, оның халық арасында танымал болуына оның халық үшін жасаған ерлігі оның тез танылуына жағдай жасады. Кенесары мен Есет Көтібарұлының арасында байланыс қандай болды десек, тарихшы В.Ф. Шахматовтың айтуынша Есет батыр мен Кенесары Қасымұлы арасында айтарлықтай байланыс болмаған. Керісінше бұл тұлғалар бір-біріне қыр көрсетіп, ол Есет батырдың Кенесары Қасымұлының бүкіл қазаққа ұлы хан ретінде мойындағысы келмегенімен сипатталады. Оның себептерін Кенесары ханның Есет батыр бастаған халықтан салық төлеуді талап етуімен түсіндірген (Шахматов, 1946:111-113).

Бірақ, 1841 жылы маусым айында старшина Күлетай Кукановтың Орск бекініс коменданты полковник Исаевқа берген түсіндірме жазбасында Ырғыз өзенінің жоғары ағысы бойында қоныстанған ауылдарда тұратын халықтың Кенесарыны жылы ілтипатпен қабылдағанын хабарлай келе Шекті, Төртқара, Жаппас, Шөмекей руларынан кептеген қазақтардың жиналғанын Кенесарыны халықтың кең қолдауының бір көрінісі деп сипаттайды. Есет батырдың Кенесары ханға өкпесінің бір себебі хан Кене ұлы хандыққа отырып, жариялаған тұста оның әкесі Көтібар батыр ханнан аймақтағы тыныштықты талап етіп, арада кішігірім түсінбеушілік саяси факторлар орын алды (Қасымбаев, 1993:43).

Бірақ, Көтібардың Кенесары хан болып сайланған кезде онымен қандай түсінбеушілік орын алғанын білу қиынға соғады. Себебі Көтібар батырдың өлген уақыты кейбір мәліметтерде 1823, ал кей деректерде 1833 жылы қайтыс болған деп көрсетіледі. Көтібар батыр мен оның ұлы Есеттің ерлігі жайлы зерттеген аталған орыс зерттеушісі В. Шахматов: «Есет был сыном известного в Малой орде бия и батыра Шекты Котибара, убитого в 1833 году казаками рода Жагалбайлы во время одного набега. Власть над родом к нему перешла по наследству от отца» – деп мәлімет берген (Шахматов, 1946:112-113). Өз кезегінде зерттеушілер тарапынан осындай келіспейтін фактілер де туындап жататыны да жоқ емес.

Есет Көтібарұлы қазақ даласын иемденіп, халықты ата мекенінен зорлықпен айырған отаршылдық жүйеге барынша қарсылық көрсеткен. Бұл патша үкіметінің жарлықтары мен билеушілердің өзара жазысқан хаттарынан анық байқалады. Сонымен бірге қазақтың біртіндеп егіншілік кәсіпті үйренуіне ықпал жасаған адам ретінде де аталады. Орысқа қарсы көмек беруге келіскен Хиуа ханының сатқындығынан кейін барып, патша үкіметінің билігіне иілуге мәжбүр болған (Киреев, 1964:8-11).

Есет Көтібарұлының келесі бір қызметі оның 1847-1848 жж. Жанқожа Нұрмұхамедұлымен бірлесіп Сырдарияның төменгі бөлігіндегі Хиуалық және Қоқандық басқыншыларға қарсы күрес жүргізуі болды. Бұл кезеңде Қазақстанның оңтүстігінде өзбек хандықтары күшейіп, олар Сырдың бойындағы қалалар мен елді-мекендерге шабуыл жасап, халықтың берекесін қашырды. Есет Көтібарұлы хиуалықтарға қарсы күресте Жанқожа Нұрмұхамедұлына бірнеше рет көмек көрсетті. Хиуалық хан Жанқожадан тек сұлтандардың ғана емес, сондай-ақ батырлардың қолымен де құтылуға тырысты.

Аймақта хиуалықтар мен қоқандықтардың әрекеттеріне тойтарыс берген Есет

Көтібарұлы мен Жанқожа Нұрмұхамедұлының қимылдары басқыншылардың қимылдарына үлкен бөгет болды. Осыған байланысты Хиуа ханы Жанқожадан сұлтандардың ғана емес, батырлардың да қолымен құтылуға тырысты және ол бойынша айла-амалдар ойластырды. 1844 жылы ол Есет Көтібарұлықа мынадай хат жіберді: «Жеңілуді білмейтін, жеңімпаз жаулап алушы Хорезм шахы:

Күрметті, қадірлі және адал Есет батырға!

Хан мейірбандығымен және сыйластығымен сендіріп және үміттендіре отырып, егер сен Тілеуқабак руының батыл жігіттерімен ауыз біріктіріп Жанқожаны ұстап алсаң немесе өлтіріп әкеп берсең, сөйтіп менің тапсырмамды орындап шықсаң, шексіз күрметке, мейірбандық пен қамқорлыққа, басқаларды алдында ізетке және ықыласқа бөленетінің күмәнсіз. Ал олай болмаған жағдайда мен Тілеуқабак халқын тас-талқан етемін. Қасиетті Рамазан айының 10-жұлдызы күні 1260 жылғы дүйсенбіде жазылды». Алайда халық батыры Жанқожа Нұрмұхамедұлының туысы болған Есет Көтібарұлы Хиуа ханының арандатуына көнбеді және қайта керісінше, Хиуа басшыларына қарсы күресте Жанқожаға барынша көмек көрсетуін жалғастырды (Қазақстан тарихы, 2010:386).

Осылайша, тарихи әдебиеттерде Арал өңірінің қазақтары аталған Есет Көтібарұлы мен Жанқожа Нұрмұхамедұлының жетекшілігімен отаршылдық езгімен бірге қарсы көтерілді. Олар екі бөлікке: Үлкен шекті және Кішкене шекті болып бөлінетін шекті руынан шыққан еді. Біріншісіне – Есет Көтібарұлы, ал екіншісіне Жанқожа Нұрмұхамедұлы басшылық етті.

Есет Көтібарұлы өзі қарайтын Үлкен шекті руы арасында ғана емес, сонымен қатар өздерімен іргелес қоныстанған көршілес Адай, Табын, Шөмекей, Орташа, Кішкене Шекті рулары мен басқаларының арасында да зор беделге ие болды. Есет Көтібарұлы осы аталған ағайын руластарымен бірге Жоламан батырмен бірге орыстардың Елек бекінісіне шабуыл жасаған болатын, ал одан соң 1847-1848 жылдарда Жанқожа Нұрмұхамедұлымен бірлесе отырып, Сырдарияның төменгі ағыстарында Хиуа және Қоқан жаулап алушыларына қарсы күрес жүргізді.

Есет батыр мен оның үзеңгілестері болған Жоламан Тіленшіұлы мен Жанқожа Нұрмұхамедұлы сынды батырлармен бірігіп тек Ресей емес өзбек хандықтарына қарсы соғысуы аймақта геосаяси жағдайдың үлкен мәселеге айналғанын айтпаса да ұғынуға болады. Бұл кезде Хиуа хандары мен Қоқан бектері қазақ жері арқылы Ресеймен сауда жасап, ол үшін аймақты өз бақылауына ұстауға тырысқан. Алайда, бұл оңайға соқпай жергілікті жердегі қазақ сұлтандары мен батырлары өзбек басқыншылығына қарсы соғыс қимылдарымен жауап беріп отырған.

Бұл кезде Есет Көтібарұлы бір жағынан Қазақстанның оңтүстігінде өзбек хандықтарымен күресіп, сонымен бірге орыс отаршылдарына қарсы саяси күресті жалғастырды. Нақтырақ айтқанда Есет Көтібарұлы 1847-1858 жылдары аймақтағы ресейлік отарлаушылыққа қарсы соғыстар жүргізіп, онда Арал теңізінің батыс жағалауын, Үлкен және кіші Борсық құмдары мен Мұғалжар тауларын, Жем, Сағыз, Ырғыз, Елек, Ойыл, Қыйыл өзендерін жағалай қоныстанған қазақтардың Ресейдің отаршылдық саясатына қарсы көтерілістеріне басшылық жасаған. Есет басқарған топ шекараға жақын орналасқан Ресей бекеттеріне шабуыл жасап отырды.

1847 жылғы 18 шілдеде Жем ауданында Есет Көтібарұлы өз адамдарымен Орынбор және Орал әскерлерінің 200 казағынан және патша әскері қатарында қызмет еткен сұлтандар басқарған 120 қазақтан құрылған жазалау отрядына шабуыл жасады. 30 адамнан айырылған көтерілісшілер Жемнің жоғарғы ағыстарына қарай шегінуге мәжбүр болды. Үкімет әскерлері ізіне түскен олар Арыс-Бұта және Имеш-шаған алқаптарына жасырынды. Санжар Асфендияров Есет Көтібарұлының әскери шеберлігі туралы былай деп жазды: «Көтібарұлын ұстау үшін отрядтары жіберілді, бір жіберілген отряд жақсы жасақталған болатын, бірақ табысқа жете алмады. Есет батыр өзінің жер жағдайын білетіндігін пайдаланды, былайша айтқанда көзден ғайып болды» (Асфендияров, 1936:227).

Осылайша, XIX ғасырдың екінші жылдарында Есет Көтібарұлы орыстардың отарлауына қарсы белсенді күрес жүргізіп, Арал теңізіне бет алған Ресей әскерлеріне қатты қарсылық көрсетті. Бұл кездегі Ресей империясының отарлау экспансиясы

енді Сыр бойына өткен болатын. Сырдың орта және төменгі ағысында өмір сүрген халықтар бұл уақытта аймақта не Қоқанның не Ресейдің, не Хиуаның билігін тани алмай дал болған еді. Дегенмен, аймақта Ресей империясына қарсы күресуде Хиуа мен Қоқан билеушілері жергілікті қазақтарды мұсылман халық ретінде орыстарға қарсы үгіттеумен айналысқан болатын.

Бірақ, аймақтағы қазақтар Ресейдің де өзбек хандарының да билігін тануға ниетті болмай шықты. Себебі, аймақтағы қазақтарда дербестік толықтай сақталып тұрған еді. Сондықтан, Арал маңындағы қазақтар Сыр мен Арал өңірін сыртқы басқыншылардан қалай да болмасын қорғап қалуды қолға алды. Соның ішінде Есет Көтібарұлы асқан белсенділік танытты. Бұл жағдай 40-жылдардың соңынан бастап 50-жылдарға ұласты. Бұл жөнінде В.В. Григорьев былай деп жазды: «Ең әрі дегенде 50-жылдарда далада Есет Көтібарұлы пайда болды. Ол Ақмешітті алу үшін жарақтандырылып жатқан экспедицияға түйелер беруден бас тартты. Билеуші сұлтан Арыстановты өлтірді... Есет оны ұстауға жіберген біздің отрядтардан қашып, үш жыл қатарынан иен далада жортып жүрді» (Қазақстан тарихы, 2010:386-387).

Орынбор губернаторы В.А. Обручев қазақтардың көтерілістері кең қанат жаймас үшін оның алдын алуға тырысып, ертеден қолданып келе жатқан әдістердің бірі - қазақтардың игі жақсылары мен ру басшыларына сый-сияпат пен марапаттаулар көрсетті. Осылайша, патша шенеунігі жергілікті қазақ билеушілері тарапынан бекініс салуға қолдау іздеді. Райымда бекініс құрылысы салынады деген кезден-ақ қарсы шыға бастаған қазақтардан қауіптенген В.А. Обручев құрылыс жұмыстарын жүргізетін экспедицияның құрамын күшейтуге мәжбүр болды. Бекініс құрылысына аттанған экспедицияның құрамы 9 штаб офицері, 100 обер офицер, 332 унтер офицер, 5985 қатардағы жауынгер, 756 саптан тыс әскер және мыңнан астам башқұрт жасақтарынан тұрды.

Райымды басқару міндеті далалық жорықтардан мол тәжірибе жинақтаған подполковник Ерофеевке жүктелсе, Сыр бойының қазақтары туралы деректер жинап, қазақтар мен патша әкімшілігінің арасында байланыс орнататын шенеунік қызметі Орынбор Шекара комиссиясының кеңесшісі Субханкуловқа тапсырылады. Дегенмен қазақтардың бекіністің салынуына қарсы күресі бір сәтте тоқтамай, ашық түрде сипат алды. Олар орыстардың көпестері мен азық-түлік тиеген көліктеріне жиі-жиі шабуылдар жасап, түтін салығын төлеуден бас тартты немесе жаппай Хиуаға көшіп кетті.

Осыған байланысты генерал-лейтенант А.Е. Толмачевтың жіберген мәліметтерінде: «Сырдың төменгі ағысында қоныстанған қазақтар бекініс құрылысына мүлдем қарсы. Олардың рубасылары арнайы кеңес өткізіп, онда орыс әскерлеріне қарсылық көрсету және орыс көпестеріне шабуыл жасау жөнінде шешімге келген. Бұл шешімді орындау үшін Есет Көтібарұлы мен Жарас Өтепов Бестамаққа аттанып кеткен» (Ибраев, 2013), - деп жазылған. Хатта көрсетілгендей көтерілістерге Есет Көтібарұлы мен Жарас Өтепов сияқты қазақтың ру басшылары басшылық жасап, Ресейдің отаршылдық саясатына қарсы белсенді күрес жүргізіп, Арал теңізіне бағыт алған әскерлеріне қатты қарсылық көрсетеді.

Орынбор өкімет орындары өзіне Есетті қайткенде де ұстауды және оны патша өкіметін мойындауға мәжбүр етуді мақсат етіп қойды. Оны ұстауға подполковник Кузьминский мен Дерышев, сондай-ақ майор Михайлов басқарған жазалау отряды жіберілді. Олар көтеріліске қатысушыларды және Арал теңізінің Оңтүстік Батыс жағалауындағы бейбіт халықты аласыз жазалады. Бұл қанқұйлы оқиға алдыңғы қатарлы орыс жұртшылығының үлкен ашу-ызасын туғызды. А.И. Герцен шығарып тұрған «Колокол» журналы: «Атам заманнан бергі соғыстар немесе монғол шапқыншылықтары кезінен бері қанішерлігі жөнінен полковник Кузьмин мен майор Дарышевтің шапқыншылығы сияқты ешбір зұлымдық болған емес...» - деп жазды.

Есет батырдың көтерілісі қазақ тарихында айтулы оқиғалардың бірі ретінде тарих сахнасына шықты. Орынбор генерал-губернаторы көтерілісшілерді басу үшін жазалау отрядтарының бірінен кейін бірін жіберді. Бірақ Есет ауылдары мен ауыр жүктерін дер кезінде Борсық құмдары мен Үстіртке көшіріп жіберуге үлгеріп отырды. Ол өз жігіттерін екі топқа бөлді, олар даламен жүріп отырып, орыс керуендеріне шабуыл

жасады және жазалау отрядтарымен жұмыстар жүргізді (Ноғайбаева, 2017:108).

Есет батыр бастаған көтерілістің алғышарттары, себептері Ресейдің отарлық саясатынан туындады. Патша өкіметінің XIX ғ. бірінші жартысындағы Кіші жүздегі әскери-отарлық езгісі, қазақтар құқықтарының шектелуі мен олардың саяси-әлеуметтік жағынан қаналуы және патшалық Ресейдің бұл өңірді экономикалық тұрғыдан жаулап алуы бір-бірімен астасып, қазақ халқының өмір сүруіне аса қауіп төндірді. Есет ұйымдастырған әскердің ішінде бүкіл Кіші жүзге белгілі батырлар: Бекет Серкебайұлы, Ерназар Кенжалыұлы, Әзберген Мұңайтпасұлы, Қарақұл Қонақбайұлы, Мәуміт Сейітпенбетұлы, Дәуіт Асауұлы, Алдаш Байғанаұлы, Мамай Достанұлы, Ақтан Ақайұлы, Байқазак Жолдасбайұлы, Елтізер Қуатұлы, Жәлімбет Қуатұлы, Бөкенбай Тілегенұлы және т.б. болған. Отаршылдық езгіге қарсы шыққан.

Кіші жүздің батырлары халықтың қолдауына ие болып, азаттық көтерілістеріне басшылық жасайды. Батырлар мен билер бастаған қазақтар патша өкіметінің басқыншылық саясатына қарсылық ретінде патшалық Ресейден Орталық Азия хандықтарына жол тартқан сауда керуендерін шабуылдап, орыс саудасына зиян келтірді және Хиуа хандығымен бірлесе отырып патшаның жазалаушы әскерлеріне қарсы шықты және бекіністі шептерді шапты. XIX ғасырдың ортасында Кіші жүздегі ең белгілі әрі беделді батырлардың бірі Қарағұл Қонақбайұлы еді. Ол өз кезегінде патша үкіметіне де, Хиуа хандығына да, тіпті дала аймағында бекітілген билеуші сұлтандарға да бағынбаған тәуелсіз тұлға еді... Хан билігін жоюды мақсат еткен патша үкіметі... сұлтан топтарын бір-біріне қарсы қойып, қырқыстыра бастады.

Осындай жағдайда орын алған саяси аласапыран оқиғалардың басты себебі – отарлық саясатта жатқандығын бірден түсінген халық қалаулылары – билер Кіші жүзде белсенді қимылдармен көзге түсті. Бұл кезде Есет батырдың жақтастары күн санап көбейді. Әсіресе, Есеттің ең жақын серігі шекті руы Қабақ бөлімінен шыққан атақты би Қарағұл Қонақбайұлы ел тағдыры таразыға түскен сәтте билік тізгінін азаттық жолындағы күреспен байланыстырып, 11 жылға созылған көтерілістің басты жетекшілерінің біріне айналды (Құрманалин, 2006:7-8).

Ресей отаршылдығына қарсы Есет батыр бастаған Кіші жүз қазақтарының ұлт-азаттық күресінде Әзберген Мұңайтпасұлының рөлі ерекше. Ол Есеттің кеңесшісі, көмекшісі әрі туысы ретінде белгілі (Асанов, 2014:14-15) болып, азаттық қозғалысы тарихында өзіндік орнын қалдырған. Патша езгісі мен отаршылдығынан құтылудың жалғыз жолы - Хиуаға қосылу деп білген Әзберген би көтеріліс кезінде-ақ Хиуа хандығымен арадағы саяси одақтастық байланысты бірден-бір жақтаушысына айналып, көтерілістің негізгі күштерін басқарған. Ол көтеріліс барысында өз ұстанымдарының беріктігімен ерекше көзге түскен бірден-бір тарихи тұлға.

Есет Көтібарұлының жанына топтасқан қазақ батырларының бірі және оның басты көмекшісі ретінде Шөмішті Табын руының белгілі биі, әрі батыры Дәуіт Асауұлын айтуға болады. XIX ғасырдың 50-жылдарында Орынбор ведомствосына қарасты болған табын руының қарақойлы бөлімшесін басқарған ол өзі бай адам болатын. Бар малын шығындап болса да Есет батырға қосылып, азаттық үшін күреске шыққан. Екі мыңнан астам жылқысы болған оның 1855 жылы көтеріліске қатысқаны туралы мәліметтер Дәуіт батырдың бұл күреске белсене кіріскенін көрсетеді (ҚРОМА, 4478:56).

Азаттық жолындағы күресте Дәуіттің ұстанған бағыты Әзберген Мұңайтпасұлымен бір сарында болғандықтан Дәуіт Асауұлы Есет бастаған көтерілісті өз руымен бірге барынша қолдайды және көрші мұсылман мемлекеті Хиуамен жақсы қарым-қатынаста болған. Дәуіт Асауұлы да Есет батыр бастаған қазақтардың көтерілісі аяқталғаннан кейін де отаршылдыққа қарсы күресін бір сәтте тоқтатпайды (ҚРОМА, 4478:56-57). Хиуа ханымен байланыс орнатқан Дәуіт пен Әзберген билер, өздерінің орыс отаршылдығына қарсы күресі жолында әлі де патша өкіметінің құрығы жете қоймаған жерлердегі кейбір мұсылман күштерін жұмылдыруға ұмтылған (ҚРОМА, 4479:224).

Есет батырдың төңірегіне топтасқан қазақ батырларының ішінен Төртқара руынан шыққан Байқазак Жолдасбайұлы мен Қаракесек Ақтан Ақайұлы да азаттық қозғалысқа өз үлестерін қосты. Кейін жоғарыда аталған батырлар Сыр өңіріндегі Жанқожа Нұрмұхамедұлы бастаған қазақтардың ұлт-азаттық көтерілісіне де белсене қатысып, ел мүддесі үшін күресті.

Есет батырдың өмірінде осы Әзберген бидің қызметі өте зор болған. Досқа адал, дұшпанға қырғидай тиетін Әзберген Мұңайтпасұлының қызметі өте зор болғанына тарих куә. Бұл жылдарда Кіші жүздің Үлкен шекті, Табын руының көп бөлігі Үргі, Тайлы алқабына және Қоңырат өңіріне көшіп барды. Кейде Есет Көтібарұлының өз туысы саналған осы Әзберген Мұңайтпасов би мен бірге Қоңыратқа жақын Әзберген деген жерді қоныстанған кезі де болды. Сол уақытта оның атымен елді-мекеннің де аты аталатын.

1855 жылы Орынбор губернаторлығының басшылығы Есет батыр мен Кіші жүздегі ірілі-ұсақты көтеріліске баса назар аударуға мәжбүр болды. Ресей империясының басқа аймақтарынан білікті әсери мамандар мен күштер тартып, тек көтерілісті басып қана қоймай, отарлау шараларын одан ары қарай жалғастыру көзделді. 1840-1850 жылдары Орынборда жеке әскери жасақты басқарған генерал-майор, атақты әскери маман И.Ф. Бларамберг Есет Көтібарұлының көтерілісін жаныштау үшін арнайы әскери және қаржылай шаралар қабылдайды (ҚРОМА, 4479:4).

Тіпті, кейіннен көтеріліс саябырсығанмен де Әзберген би Мұңайтпасұлы Есет Көтібарұлының патша әкімшілігі қарамағына өтуіне келіспей, қарсылығын жалғастырып, Хиуа жеріне өтіп кетті. 1858 жылы Орталық Азияға жорық жасаған М.Н. Галкин өзінің сапарында Қоңырат қаласындағы Әзбергеннің тамаша бағында дем алғанын жазады. Әзберген биді Хиуа ханы сол жерді мекендеген қазақтардың билеушісі етіп тағайындап, орыс билігіне қарсы көтерілген және Ресей билігін мойындаған қазақтарға қарсы күресуге басшылық жасауды ұсынады. Әзберген би болса, ханға Ресей мен Хиуаның қол астында екіге бөлініп кеткен қазақ халқының бір-бірімен байланысып тұруына еркіндік берілген жағдайда ғана келісетіндігін, бірақ ханның қазақтарға ойына келгенін істегісі келетін ниетін қолдамайтынын, қай жерде жүрсе де, Ресей билігіндегі қазақтар немесе Хиуа иелігіндегі қазақтар ішінде ме, халқының мүшкіл жағдайына қарамастан, мұндай тапсырманы орындай алмайтындығын білдіреді (Ибраев, 2013).

Есет Көтібарұлы, Әзберген Мұңайтпасұлы мен Жарас Өтеулы және басқа да батырлар мен билер қазақтарға хат таратып қана қоймай, патша өкіметінің отаршылдық саясатына қарсы белсенді күрес жүргізіп, Сыр өңіріне бағыт алған патша әскерлеріне белсенді түрде қарсылық көрсетеді. Ресей империясының Сыр бойында әрбір қадам басуы бүкіл қазақ даласын толық жаулап алудың кезекті сатылары еді. Өйткені Ресей империясы бүкіл қазақ даласын өз билігіне енгізген жағдайда ғана, Орталық Азия хандықтары мен Шығыс Түркістанды және одан басқа Азиялық мемлекеттерді өз отарына айналдырып, Еуропадағы бәсекелесі Англияның Азиядағы мүддесіне нұқсан келтіре алатын. Сондықтан Ресей империясының сыртқы саясатында қазақ даласы, соның ішінде Сыр өңірі ең өзекті стратегиялық аймақ ретінде орын алды. Осы мақсатты жүзеге асыру жолында патша өкіметі барлық амалдарын, айла-әрекеттерін пайдаланды.

Алайда Әзберген ауылдарының орналасқан жері Хиуа ханының ойынан шықпады. Сондықтан 1859 жылы ол Әзберген Мұңайтпасұлын Сырдарияның сол жағасынан оң жағасындағы Дәуқара деген жерге күштеп көшіруге тырысты. Бұл жөнінде орыс жансыздары Перовск әкімшілігіне былай деп баяндады: «Қоңырат түбінде шегінерден бұрын Хиуа хандарының інісі Әміре Әмудария сағасындағы бекіністе қоршауда қалған қазақтың биі Әзбергеннің сол өзеннің оң жағасына өтуіне және Дәуқараға көшіп кетуіне жәрдемдесу үшін қайық жинауға бұйрық берді. Бірақ өз ниетін орындап үлгерме алмай Хиуаға қайтып баруға мәжбүр болды. Сыбыстарға қарағанда Әзбергенде 7500-ге дейін шаңырақ бар, ол өзіне қарасты малдың бір бөлігін Дәуқараға жіберіп те үлгерген, бірақ оның өзі ол жаққа өтуге батылы бармай отыр» (Қазақстан тарихы, 2010:387).

Ресей империясына қарсы күресте көптеген қақтығыстар орына алды. 1853-1854 жылдары Кіші жүз қазақтарының шекаралық әкімшілікпен қақтығыстары болды. «1853 жылы осы көтерілісті басуға сұлтан Арыстан Жантөрин, екі казак отряды мен 200 жігітті бастаған сұлтан Таукин, Орал бекінісінен майор Михайлов пен 600 жігітті бастаған сұлтан Е. Қасымов аттанды. Патша әкімшілігінің бұл жоспарынан хабардар болған Есет батыр Көтібарұлы шекті ауылдарын Үстіртке жіберіп, өзі

800 жігітпен жазалаушы отрядтарды күтіп қалды. Жақсы қаруланған жазалаушы отрядтардың көтерілісшілерге қарсы бұл жорықтары нәтижесіз болды. Орынбор генерал-губернаторының нұсқауымен көтерілісті басу келесі көктемге қалдырылды. Есет батыр Көтібарұлы 1853-1854 жылдың қысын Үлкен Борсықта өткізді. 1854 жылы көтерілісшілердің саны 1500-ге жетті.

Есет Көтібарұлы бастаған қазақтар Ресей үкіметінің алдына: қазақ қауымынан түйе жинауды тоқтату, жайылымдық жерге еркіндік беріп, Жем, Мұғалжар, Елек, Қобда, Жайық өзендерінің бойларына көшіп-қонуға мүмкіндік жасау туралы талаптарын қойды. 1855 жылы Орынбор генерал-губернаторы Кіші жүздің бір топ билеуші сұлтандарына көтерілісті басып, Есет батырды қолға түсіруге қатаң тапсырма береді. Маусымның аяғында тапсырманы орындау үшін 900 адамдық отрядпен, өзіне бекітілген екі зеңбірегі бар казак жүздігі және дистанция бастықтарымен бірге Арыстан Жантөрин жорыққа аттанып, Ор бекінісінен 140 шақырым жер шамасындағы Елек өзенінің жоғарғы сағасындағы Суықсу шатқалына келіп сонда жасырынып бекінеді. Сұлтан ордасы мен көтерілісшілер арасында бірнеше күн бойы келіссөз жүргізіліп, екі жақ нақты шешімге келе алмайды. Осыдан кейін Есет батыр өз адамдарымен кеңесіп, сұлтан ордасына шабуыл жасауды ойластырады.

1855 жылы шілдеде көтерілісшілер сұлтан ордасын тұтқиылдан шабуылдап, А. Жантөрин бастаған он шақты би-старшындарын өлтіріп, казак отрядын талқандайды. Есет қолының осы жеңісінен кейін Орынбор әкімшілігі бас көтерушілерді жазалауды күшейтеді. Қазақ ауылдарын қырғынға ұшыратып, 1856 жылы қыркүйекте А. Есмамбетов, Қ. Қарин және Е.Айнақұловтар атылып, 1857 жылы Ерناзар Кенжалин, Бекет Серкебаев тағы басқа 18 адам Сібірге жер аударылды.

Есет Көтібарұлы көтерілістің соңғы жылдарында, яғни 1857-58 жылдарда Қоңырат қазақтарының арасында болды. 1857 жылғы 21 маусымда Перовск фортының жедел қимыл қызметкерлері «бүлікшіл Есет Көтібарұлы қазір өз ауылдарымен бірге Арал теңізінің жағалауына жақын хиуалық Қоңырат қаласына жақын жерде отыр» деп атап өткен.

1858 жылы қазақтың ішінде Есет Көтібарұлы та бар бірнеше билері, полковник Игнатъев басқарған Хиуаға орыс дипломатиялық миссиясын Қоңыраттан Хиуаға дейін бастап барды. Есет Хиуаға Ресейге қарсы күресті жалғастыру үшін ханнан көмек алу мақсатымен барған еді. Бастапқыда хан Есетке 2500 адам бөлуге уәде берді, бірақ кейін хан өз уәдесінен айнып қалды (Қазақстан тарихы, 2010:387).

Хиуа ханы қазақ даласындағы қарсылығын қайтадан жалғастырып, Ресей империясының Сыр бойына қарай жылжуына қарсы қазақтардың көтеріліске шығуын жан-жақты қолдап, өз белсенділігін арттыра бастайды. Мысалы, Хиуа ханының Кіші жүздің билері мен батырларына арналған хатында: «...қажет болған жағдайда, бір құдайдың қалауымен, біздің өзіміз де сансыз әскерді ертіп, алмас қылышты қолға алып жылжи аламыз. Бірақ біздер көтерілгенше менің боданымдағы әйгілі батырлар мен рубасылар қолға қару алып бірігіңдер, сөйтіп бізге көмек көрсетіңдер. Сіздердің еңбектеріңіз ескеріледі және ар алдында еңселеріңіз түспейді» (Ибраев, 2013), - делінеді.

Хиуа ханының өкілдері қазақ ауылдарына келіп, оларды орыстарға қарсы жаппай көтеріліске шығуға шақырса, хиуалық әскерлер қазақ көтерілісшілерімен біріге отырып орыстардың барлаушы әскерлеріне және орыстардың ықпалындағы ауылдарға шапқыншылықтарын күшейтеді. Хиуа ханымен қатар шектілердің батыры Есет Көтібарұлы және орыс билігіне наразылық танытқан қазақ сұлтандары Кіші жүз қазақтарының руларына хаттарын таратып, оларды мұсылмандық бірлік пен қозғалысқа шақырады. Мұсылмандық бірлік арқылы патша өкіметінің жаулаушылық іс-әрекеттеріне қарсы күреске шақыру алған қазақтар, бұл азаттық қозғалысқа барынша қосылып, оны жан-жақты қолдаған. Тіпті, оған Қоқан иелігіндегі қазақтарда қосылған. Мысалы, 1849 жылы қарашада Тамды өзенінен Милютин мен Батырашкин бастаған қазақтар балық аулауға келген кезде Бұхарбай Естекбайұлы, Байқадамның баласы Сейіл, Сүйіндік бастаған 100 адам оларға тұтқиылдан бас салып, екеуін өлтіріп, ал қалған үшеуін тұтқынға алып Қоқанға алып кетеді (Ибраев, 2013).

Өз кезегінде экономикасы нашар, әскери қуаты әлсіз және ортағасырлық

даму сатысынан көтеріле алмаған феодалдық Қоқан мен Хиуа хандықтары Ресей империясына төтеп беруге шамасы жетпеді. Оған Қоқан хандығындағы өзара қырқысу соғысы, Хиуа хандығындағы түрікмендер мен қарақалпақтардың көтерілісі, сонымен қатар Хиуа, Бұхар және Қоқан хандықтарының өзара үздіксіз соғыстары кедергі болды. Яғни, Орта Азиялық хандықтардың өзара ынтымағы болмағандықтан, патша өкіметінің басқыншылық саясатына қарсы тұруға біртұтас майдан құра алмады. Нәтижесінде, уақыт көрсеткендей патша әскерлерінің Сыр өңірі арқылы Орталық Азияға ешқандай кедергісіз баса-көктеп кіруіне жағдай жасалды. Райым бекінісі салынуының әскери жағынан маңызы зор болып, орыс әскерлеріне Қоқан хандығының иелігіне кіруге мүмкіндік берді. Сыр бойындағы қоқандықтардың ең мықты бекінісі саналатын Ақмешітті басып алуға қолайлы жағдай жасалды.

Осылайша, Қоқандықтардың Ақмешітті қайтарып алмақ әрекеттері басталмай жатып-ақ сәтсіздікке ұшырайды. Себебі Қоқан хандығындағы саяси жағдай қайтадан шиеленісіп, тақ үшін талас-тартыс тағы да өз күшіне мінеді. Екінші жағынан Бұқар хандығы да Қоқанға қауіп-қатер төндіріп, хандықтың жағдайы қиындай түседі. Осы жағдай Сыр бойына бекініп алған Ресей империясы үшін Оңтүстікке қарай жылжуға мүмкіндік берсе де, патша өкіметі бұл қолайлы сәтті пайдалана алған жоқ. Өйткені Түркиямен болған соғыс, Есет Көтібарұлы бастаған қазақтардың көтерілісін басуға күштердің бөлінуі патшалық Ресейдің өңірде қажетті әскери күштерді топтастыруға шамасы келмей, Қоқанға қарсы шешуші әрекеттерге бара алмады. Сырдағы патша әскери-әкімшілігі кішігірім қарулы әскерлерді Елекей Қасымұлына ғана емес басқа да қазақ билеушілеріне жасақтап беріп, Қоқан мен Хиуа иелігіндегі Ресей билігіне өткісі келмеген қазақ руларының малдарын айдап әкелуге жұмсап отырады.

Орыс әкімшілігі көтеріліске шыққан қазақтар арасына қазақтың рулық үстем топтары қатарынан тыңшылар жіберді. Орыстың жазалаушы отрядтары Есет Көтібарұлын қолдаған бірнеше рулардың ауылын шапты, олардың малын айдап, дүние-мүлкін алып кетті. Бірақ Есет Орынбор ведомствосы жазалаушы күштерімен күресін дегенмен де жалғастыра берді. 1858 жылы ғана ол патша өкіметінің бейбіт шарттарын өз еркімен қабылдады. Бұл жөнінде В.В. Григорьев: «... бірақ Есетті дегенмен қолға түсіре алмады. Ол өзіне кешірім жасауға уәде берілген кезде генерал-губернатор Катенинге кейіннен өз еркімен келді» - деп жазды.

Ақыры 1858 жылы қыркүйекте Бородин басқарған жазалаушы отрядтың көмегімен Есеттің қозғалысы біржола басылады. Есет Көтібарұлы патша өкіметіне адал қызмет етуге ант берді. Ол дистанция бастықтары сияқты түтін салығын төлеуден босатылады. Есет өз сөзінде тұрып, патша өкіметіне қызмет көрсетті. Ол Үлкен шекті руы басшыларының бірі болып сайланады, сондай-ақ Ырғыз уездік бастығының көмекшісі болып тағайындалды. Мұнан кейінгі өмір деректерінде батырдың патша үкіметімен келісімге келіп, Қабақ руының басқарушысы болып белгіленгені айтылады және 1873 жылы Хиуа жорығына қатысқаны үшін патшадан алтын медаль алды. Осы жорық үшін оған «Адалдығы үшін» алтын медалі берілді. 80 жылдан астам өмір сүріп, Есет Көтібарұлы қайтыс болды және Ақтөбе облысындағы Шалқар станциясына жақын Шолақжиде деген жерде өз руының зиратына жерленді (Энциклопедиялық анықтамалық, 2006:233-234).

Есет Көтібарұлының барлық әулеті ел қорғауға араласып, аттары тарихта қалған. Әкесі Көтібардың ерлігі өз алдына бір төбе немере ағасы Арыстан батыр Тінәліұлы, інілері Бекет Серкебайұлы, Ерназар Кенжалыұлы да тарихта қалған жандар. Арыстан, Көтібар, Есет есімдері «Айман-Шолпан» жырына арқау болған. Есеттің арғы атасы Қалдыбай батыр еліміздің оңтүстігіндегі Сайрам шабуылына қатысып, сүйегі Түркістанда қалған. Есеттің арғы тегі Алтын Орда мен Ноғайлы ұлысының әміршісі болған, атақты «ел қамын жеген «ер Едігеге» барып тіреледі.

Көтерілістің негізгі қозғаушы күші езілген қазақ шаруалары болып, олар отанының тәуелсіздігі үшін қасық қаны қалғанша шайқасты. Есет Көтібарұлы бастаған бұл көтерілістің сипаты стихиялық болып, ол өзінің дегеніне толықтай жете алмады. Көтерілістің жеңілу себептері: қазақ шаруаларының ұйымдасуының әлсіздігі, жеке ақсүйек феодалдарының опасыздығы. Көтеріліс жеңілгенімен аймақтағы қазақтардың Ресей әкімшілігіне оңайлықпен берілмейтінін көрсетті және Оңтүстік Қазақстандағы

Қоқан билеушілерінің озбырлығы қазақ еңбекшілерінің, Ресейдің құрамына кіруіне ұмтылған алғышарттардың пісіп-жетілуіне себепші болды.

1856-1861 жылдары Ресей сыртқы істер министрлігі Азия департаментінің директоры болған Е. Ковалевский Хиуа сапары кезінде Есет Көтібарұлымен кездескенін былайша суреттейді: «Арал маңындағы Кіші жүз қазақтарының кейбір топтарынан құрылған отаршылдыққа қарсы қозғалысты басқаруынан бұрын Есетті сайын дала торабынан кездестірдім. Есет Геркулес сияқты атлетикалық дене бітімді, сұлу келбетті және ерлік іс-әрекеттері кез-келген еуропалықты таң қалдыратындай және бұл қасиеттері өз отандастарына да қатты әсерін тигізген» (Төреханов, 2008:8-9). Ол өзінің батырлығымен, орасан зор дене күшімен, парасатты ақыл-ойымен, қызыл тілге шешендігімен, сондай-ақ ат құлағында ойнайтын шабандоздығымен халыққа ерекше танылған еді. Оның әскери қолбасшылық өнерге шеберлігі, бір орыннан екінші орынға жедел ауысып кете алатын тактикалық тапқырлығы жақсы қаруланған, күші басым орыс әскерлерін қапыда қалдырып, талай рет жеңіске жеткізді.

Есет Көтібарұлы ғажайып шешен адам болатын, өз тыңдаушыларын үйіріп әкетіп, ерлік күреске жігерлендіре білетін. Ағылшын зерттеушісі Бульжер Демитриус Чарльз Есет батырдың өз руластарын патша үкіметіне қарсы күреске жігерлендіре шақырғаны туралы жазды: «Рас, олардың аттары мен қаруы бар. Ат пен қару бізде жоқ деп кім айта алады? Біздің мұхит түбіндегі құмның қиыршығы сияқты көп екеніміз өгірік пе? Өздерің мойын бұрып қараңдаршы: шығыс пен батыста, солтүстік пен оңтүстікте де қаптаған қалың қазақтарды көретіндерің анық.

Есет Көтібарұлының осындай ерен еңбегінің арқасында оның аты бүкіл қазақ даласына тез тарады. Оның ерлігі туралы тек деректер тек Қазақстанда ғана емес, сонымен бірге шетелдерден де табылып жатты. Есет Көтібарұлы жөнінде деректерді XIX ғасырда оның өзінің көзі тірісінде онымен кездескен жиһангерлер, тарихшылар, саяхатшылар, шығыстанушылар, жеке ізденушілер мен қоғам қайраткерлері жазып кеткен. Мысалы, XIX ғасырдағы қазақ даласын еуропалықтарға алғаш рет таныстырған поляктың демократ-революционері, суретші Бронислав Залеский 1865 жылы Парижде француз тілінде шығарған «Қазақ сахарасына саяхат» деген кітабында Есеттің суретін жариялаған.

Сол сияқты сонау заманда Еуропада, Ресейде суретке түсірілген, ол суреттері кезінде газет-журналдарда жарық көрген санаулы адамдардың бірі болды. Тарихшы ғалым Самат Өтенияз Ұлыбританияның Лондон ұлттық кітапханасының сирек кітаптар қорынан алып келген 1865 жылы ағылшын тілінде жарық көрген қазақ даласы жайлы кітаптың көшірмесінің 33-беті Есет батырға арналған. Онда Есеттің сегіз ұлының үлкені – Назардың да суреті басылған екен. Есет Көтібарұлының барлық әулеті ел қорғауға араласып, аттары тарихта қалған (Нысанбаев, 2001:424-425).

Қорытынды. Қорыта айтқанда Есет Көтібарұлы өз заманының батыры, шешен, ел бастайтын дара кісілердің бірі болып, өмірінің соңына дейін елі мен жерінің азаттығы үшін күрескен аса белсенді қоғам қайраткерлерінің бірі болды. Қазақ жерінің батысы мен оңтүстік-батысын сыртқы жаудан қорғап, ел тыныштығын қорғайтын батыр азамат ретінде еліміздің тарихында қалды. Есет Көтібарұлының батыр болуына, әсер еткен басты фактор – ол өз заманының бейберекет, аумалы-төкпелі болуында еді. Ал батырлық болмысы мен тегі атадан өткен батырлық қасиеттер еді. Осы тұста оның әкесі Көтібар мен оның бабаларының батырлығы туралы да ғылыми қорытынды жасаған орынды. Есет батырдың Жоламан, Жанқожа сынды қазақ батырларына келіп қосылуы оның қолының қысқалығын көрсетеді. Дәлірек айтқанда, Есеттің жанында мықты қазақ жігіттері көп болғанымен, оларды тамақпен және киім, қару-жарақпен қамтамасыз ететіндей қаржысы көп болмады. Ол тек қана соғысты жүргізу тактикасын жақсы меңгерді және соғыстан бас тартпайтын қайсар мінезімен ерекшеленді. Есеттің ресейлік және қоқандық шенділермен келісуде дипломатиялық шеберлігі аз болғанымен, ол жанында жиналған жігіттерді ел қорғауға бағыттап, олардың басын отаршылдарға қарсы соғысқа жақсы ұйымдастыра білген. Осының негізінде, Есет Көтібарұлы өзінің қайсарлығымен, батырлығымен қазақ тарихында қалды. Оның ел тыныштығы жолындағы еңбегі мен халқының азаттығы үшін күресін болашақ ұрпақ ешқашан ұмытпақ емес.

Әдебиет:

- Асанов Ж. Әзберген батыр // Мәдениет, 2014. №11. 14-16 б.
- Бекмаханов Е. Қазақстан XIX ғасырдың 20-40-жылдарында. Алматы: Санат, 1994. 416 б.
- Ираев У.С. Ресейдің Сыр бойын жаулап алуы. 03.09.2013 [электронды ресурс] / URL: <https://e-history.kz/kz/contents/view/1117> (кіру уақыты 10.09.2019).
- Исенов Ә.И., Елкей Н. Патша үкіметіне қарсы Жоламан батыр бастаған соғыс // Академик Зұлқарнай Алдамжар атындағы Қостанай әлеуметтік-техникалық университетінің Хабаршысы, 2012. №4. 148-155 бб.
- Киреев Ф.Н., Джагалин М.О., Шахматов В.Ф. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы): сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 572 с.
- Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Бес томдық. 3 том. Алматы: Атамұра, 2010. 766 б.
- Қазақстан тарихы. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: Аруна лтд, 2006. 768 б.
- Қазақстан. Ұлттық энциклопедия. 3 том. Г-Ж. / Бас ред. Ә. Нысанбаев. Алматы: Қазақ энциклопедиясының Бас редакциясы, 2001. 720 б.
- Қасымбаев Ж. Кенесары хан. Алматы: Қазақстан, 1993. 112 б.
- Қазақстан Республикасының Орталық Мемлекеттік архиві (ары қарай ҚРОМА) 4-к, 1-т, 4478-іс, 56-57 пп.
- ҚРОМА 4-к, 1-т, 4479-іс, 4-п, 224-п.
- Құрманалин С. 1847-1858 жылдардағы кіші жүздегі ұлт-азаттық көтеріліс және Қарағұл Қонақбайұлы // Ақтөбе мемлекеттік педагогикалық институтының Хабаршысы, 2006. №4. 7-9 бб.
- Мажитов С.Ф. Народно-освободительное движение в Казахстане XVIII – начала XX вв.: проблемы истории, теории и историографии. Автореф. дисс. Алматы. 2007. 24 б.
- Ноғайбаева М.С., Омарбеков Т.О., Кәрібаев Б.Б., Қаражан Қ.Қ. Қазақстан (Қазақ елі) тарихы. Алматы: ЛитРес, 2017.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. Второй. Под ред. проф. С.Д. Асфендиярова. Алма-Ата; М.: Казахстан, 1936. 330 с.
- Төреханов Т. Дала Геркулесі=Геркулес степей. Алматы: Атамұра, 2008. 584 б.
- Шахматов В.Ф. Есет Котибаров // Известия Казахского филиала АН СССР, серия историческая. Вып. 2 (23). 1946.

References:

- Asanov Zh. Azbergen batyr // Madeniet, 2014. №11. 14-16 b. [in kazakh].
- Bekmahanov E. Qazaqstan XIX gasyrdyng 20-40-zhyldarynda. Almaty: Sanat, 1994. 416 b. [in kazakh].
- Ibraev U.S. Resejding Syr bojyn zhaulap aluy. 03.09.2013 [elektronny resurs] / URL: <https://e-history.kz/kz/contents/view/1117> (kiru uaqyty 10.09.2019). [in kazakh].
- Isenov O.I., Elkej N. Patsha ykimetine qarsy ZHolaman batyr bastagan sogys // Akademik Zulqarnaj Aldamzhar atyndaŷy Qostanaj aleumettik-tekhnikalyq universitetining Habarshysy, 2012. №4. 148-155 bb. [in kazakh].
- Kireev F.N., Dzhagalin M.O., Shahmatov V.F. Kazahsko-russkie otnosheniya v XVIII-XIX vekah (1771-1867 gody): sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata: Nauka, 1964. 572 s. [in russian].
- Qazaqstan tarihy (kone zamannan byginge dejin). Bes tomdyq. 3 tom. Almaty: Atamyra, 2010. 766 b. [in kazakh].
- Qazaqstan tarihy. Enciklopediyalyq anyqtamalyq. Almaty: Aruna ltd, 2006. 768 b. [in kazakh].
- Qazaqstan. Ultyq enciklopediya. 3 tom. G-ZH. / Bas red. A. Nysanbaev. Almaty: Qazaq enciklopediyasynyng Bas redakciyası, 2001. 720 b. [in kazakh].
- Qasymbaev ZH. Kenesary han. Almaty: Qazaqstan, 1993. 112 b. [in kazakh].
- QROMA (Qazaqstan Respublikasynyng Ortalyq Memlekettik arhivi) 4-к, 1-т, 4478-іс,

56-57 p. [in russian].

QROMA 4-к, 1-т, 4479-ис, 4-р, 224-р. [in russian].

Qyrmanalin S. 1847-1858 zhyldardagy kishi zhyzdegi ult-azattyq koterilis zhane Qaragyl Qonaqbajuly // Aqtobe memlekettik pedagogikalyq institutynyng Habarshysy, 2006. №4. 7-9 bb. [in kazakh].

Mazhitov S.F. Narodno-osvoboditel'noe dvizhenie v Kazahstane XVIII – nachala XX vv.: problemy istorii, teorii i istoriografii. Avtoref. diss. Almaty. 2007. 24 b. [in russian].

Nogajbaeva M.S., Omarbekov T.O., Karibaev B.B., Qarazhan Q.Q. Qazaqstan (Qazaq eli) tarihy. Almaty: LitRes, 2017. [in kazakh].

Proshloe Kazahstana v istochnikah i materialah. Sb. Vtoroj. Pod red. prof. S.D. Asfendiyarova. Alma-Ata; M.: Kazahstan, 1936. 330 s. [in russian].

Torekhanov T. Dala Gerkulesi=Gerkules stepej. Almaty: Atamura, 2008. 584 b. [in kazakh and russian].

Shahmatov V.F. Eset Kotibarov // Izvestiya Kazahskogo filiala AN SSSR, seriya istoricheskaya. Vyp. 2 (23). 1946. [in russian].

МРНТИ 03.20

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-ЧЕЧЕНЦЕВ НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Жанбосинова Альбина¹, Казбекова Айнур²

¹доктор исторических наук,

профессор кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова,
Казахстан, г. Оскемен. E-mail: sovetuk@rambler.ru

² магистр истории, старший преподаватель ВКГУ им. С. Аманжолова
г. Оскемен. E-mail: akasbekova2008@mail.ru

Аннотация. Советская история насыщена множеством интереснейших событий, имеющих как позитивный, так и трагический оттенок. К числу последних относятся депортационные операции, когда в результате насильственного переселения несколько сотен тысяч «неблагонадежных» этносов обрели новое местожительство. В числе тех, для кого Казахстан приобрел статус второй родины стали спецпереселенцы чеченцы с Северного Кавказа.

Проблема, предложенная в качестве статьи имеет множество исследовательских ракурсов, авторы рассмотрели адаптационные практики стратегии выживании чеченских спецпоселенцев в условиях Восточного Казахстана. Междисциплинарный подход позволил авторам выявить адаптационные практики чеченцев в решении жилищного, продовольственного вопросов. Непривычные климатические условия, минимальный набор жизнеобеспечения, сложные интеграционные процессы и взаимодействие с местным населением детерминировали поиск иноэтнических поведенческих практик, в число которых вошли уголовно наказуемые деяния, как за воровство, бегство с мест поселения.

Стратегия поведения и адаптация чеченцев различалась внутренним отношением к статусу депортированного, изгнанного народа. Дисперсное состояние спецпереселенцев чеченцев, обуславливали стратегию и тактику выживания.

Ключевые слова: депортация, адаптация, выживание, фронтир, антропология, голод, поселение, репрессии.

ҒТАХР: 03.20

АРНАЙЫ ҚОНЫС АУДАРЫЛҒАН ШЕШЕНДЕРДІҢ БЕЙІМДЕЛУ ТӘЖІРИБЕЛЕРІ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН МЫСАЛЫНДА

Жанбосинова Альбина¹, Казбекова Айнур²

¹тарих ғылымдарының докторы, С. Аманжолов атындағы ШҚМУ Қазақстан тарихы кафедрасының профессоры, Қазақстан, Өскемен қ. E-mail: sovetuk@rambler.ru

² тарих магистрі, С. Аманжолов атындағы ШҚМУ Қазақстан тарихы кафедрасының аға оқытушысы, Қазақстан, Өскемен қ. E-mail: akasbekova2008@mail.ru

Түйіндеме. Кеңес тарихы келелі және қасіретті күйге ие түрлі қызықты оқиғаларға толы. Соңғылардың қатарына күштеп қоныс аудару нәтижесінде мыңдаған жүз «сенімсіз» этностардың жаңа тұрғылықты жері болған депортациялық операциялар жатады. Қазақстанды екінші Отан мәртебесінде санайтындардың қатарында Солтүстік Кавказдан арнайы қоныс аударылған шешендер болды.

Мақала ретінде ұсынылған мәселенің көптеген зерттеу қырлары бар, авторлар Шығыс Қазақстан жағдайында арнайы қоныс аударылған шешендердің өмір сүру стратегиясының бейімделу тәжірибесін қарастырды. Пәнаралық тәсіл авторларға шешендердің тұрғын үй, азық-түлік мәселелерін шешуде бейімделу тәжірибесін анықтауға мүмкіндік берді. Өзгеше климаттық жағдайлар, тіршілік деңгейінің төмендегі, күрделі интеграциялық процестер және жергілікті халықпен араласу өзге этникалық мінез-құлық тәжірибесін қарастыруға себепкер болды, олардың қатарына үрлық, қоныс орындарынан қашу сияқты қылмыстық жазаланатын әрекеттер кірді.

Шешендердің мінез-құлық стратегиясы мен бейімделуі депортацияға ұшыраған, қуғындалған халықтың мәртебесіне деген ішкі қатынасымен ерекшеленді. Арнайы қоныс аударылған шешендердің дисперсиялық жағдайы тірі қалудың бейімделу формаларын белгіледі.

Түйін сөздер: депортация, бейімделу, өмір сүру, фронтир, антропология, аштық, қоныс аудару, қуғын-сүргін.

IRSTI: 03.20

ADAPTATION PRACTICES OF FORCED SETTLERS-CHECHENS ON THE EXAMPLE OF EASTERN KAZAKHSTAN

Zhanbosinova Albina¹, Kazbekova Ainur²

¹ Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History of Kazakhstan EKSU named after S. Amanzholov, Kazakhstan, Oskemen. E-mail: sovetuk@rambler.ru

² Master of History, Senior Lecturer, Department of History of Kazakhstan, EKSU named after S. Amanzholov, Kazakhstan, Oskemen. E-mail: akasbekova2008@mail.ru
E-mail: akasbekova2008@mail.ru

Abstract. Soviet history is full of many interesting events that have both a positive and a tragic connotation. The latter include deportation operations, when as a result of the forcible resettlement several hundred thousand “unreliable” ethnic groups acquired a new place of residence. Among those for whom Kazakhstan acquired the status of a second homeland were forced settlers - Chechens from the North Caucasus.

The problem proposed as an article has many research perspectives, the authors examined the adaptation practices of the survival strategy of Chechen forced settlers in East Kazakhstan. An interdisciplinary approach allowed the authors to identify the adaptive practices of Chechens in solving housing and food issues. Unusual climatic conditions, a minimum set of livelihoods, complex integration processes and interaction with the local population determined the search for foreign ethnic behaviors, which included criminal offenses, such as theft, fleeing from places of settlement.

The Chechens' behavior strategy and adaptation differed in their internal attitude to the status of deported, expelled people. The dispersed state of the Chechen forced settlers the adaptive forms of survival.

Key words: deportation, adaptation, survival, frontier, anthropology, hunger, settlement, repression.

Введение. К классике жанра в современной исторической науке можно отнести историю депортаций. Казахская ССР стала местом дислокации насильственно переселённых корейцев, ингушей, поляков, курдов, немцев, чеченцев и т.д. Восточный Казахстан стал пунктом размещения депортированных немцев, поляков и чеченцев, согласно государственной программе насильственного переселения.

Актуальность предложенной проблематики заключается в том, что тема всегда рассматривалась глобально на фоне всех депортационных операций. Предложенное исследование рассматривает адаптационные практики стратегии выживания чеченских спецпоселенцев. В частности, авторы акцентируют внимание на вариантах решения жилищного вопроса, социально-территориального фронта, стратегии выживания в условиях нехватки продуктов. Актуальность тематического направления обусловлена изменением ракурса современной исторической науки, где все более заметными становятся тенденции к антропологизации, что усиливает интерес к истории повседневной жизни.

Фокус исследовательских интересов имеющихся публикаций направлен на анализ трагических событий, включая сам процесс депортации и описание культурной травмы депортантов в условиях спецпоселения.

Проблематика насильственных переселений в условиях репрессивной политики советского государства на начальном этапе архивной революции носила конъюнктурный характер, казалось, авторы соревновались, кто больше выдаст сенсационных материалов. Нужно признать, что первые работы, затронувшие депортацию, как политику советского государства появились в зарубежной историографии.

Современная зарубежная историография, рассматривает депортацию как войну советского государства против «пятой колонны» (Burds, 2007), как «этнические чистки» (Gelb, 2000) и т.д. Зарубежные исследователи советологи рассматривают проблемы репрессий, депортацию в фокусе термина «сталинизм» анализируя содержание фрагментарной памяти, где память о сталинизме рассматривается как память о государственном терроре (Blackwood, 2017).

Отдельные авторы, как Дж. Бурдс полагают, что косвенной причиной депортации чеченского народа в годы войны Советского государства с Германией явился Кавказ, ставший точкой преткновения в период II мировой войны, по причине своего стратегического положения и, как он пишет: «...that supplied more than 90 percent of Soviet gas and fuel reserves», наличия 90% запасов в СССР газа и топливных ресурсов на Кавказе. Он же считает, что чеченский народ вел партизанскую войну в горах Кавказа с НКВД (Burds, 2007).

Российская историческая наука внесла значительный вклад в освещение проблематики насильственного перемещения народов, их последующей реабилитации. Особо следует отметить труды Н.Ф. Бугая (2011, 2012, 2003), в большинстве которых рассматриваются вопросы историографии и источниковедения насильственных переселений «поруганных», «наказанных» народов; «неблагонадежность» обусловила их выселение. Акцент на вопросах взаимоотношения двух групп участников – местного населения и водворенных депортантов в фокусе социальной адаптации рассмотрела Т. Щеглова (2019).

Исследования казахстанской историографии по предложенной тематике, затрагивают следующие блоки:

- этническую чистку в рамках шпиономании, терроромании, диверсионии, получивших отражение в директивных письмах, изданных ГУГБ НКВД начала 1937 г. где основным приоритетом являлось предотвращение шпионско-террористической деятельности предполагаемого врага возможного противника предстоящей войны;
- насильственное перемещение и вторичные репрессии на местах нового поселения

(уголовное наказание депортантов за определенные виды нарушений, попадающих под статью 58 пп.1-14 УК), что было реализовано накануне и в годы Великой Отечественной войны, и после ее окончания;

- принудительную трудовую повинность, когда все трудоспособное население переселенцев было мобилизовано в рабочие колонны.

Значительный вклад в историографию проблемы внесли научные исследования Т.С. Кульбаева, А. Хегая (2000), Ж.А. Еремекбаева (2009). Авторы на основе широкого круга источников раскрыли историю депортации чеченцев и ингушей, проанализировали социально-правовое положение спецпоселенцев, процессы реабилитации. Вопросам истории депортированных этносов, прибывших на территорию Казахстана посвящены диссертации казахстанских ученых, как например Ж.У. Кыдыралиной (Кыдыралина, 2000), М.Ж. Сулейменовой (Сулейменова, 2001), Н.А. Абуова (Абуов, 2008), А.Н. Табулденова (Табулденов, 2009). Авторы проанализировали правовое положение спецпереселенцев в Западном, Центральном, Северо-Казахстанской, Кокчетавской областях Казахстана. Опираясь на материалы региональных архивов, они проанализировали материально-бытовые условия жизни депортированных, их трудоустройство, вклад в народное хозяйство, миграционные и демографические изменения. Женское восприятие депортаций как отдельной страницы этих трагических процессов показала З. Сактаганова (Сактаганова, 2019).

Историографический обзор по проблеме показывает, что исследователи расширили информационное поле по истории депортаций. Вместе с тем, анализ современных зарубежных публикаций по представленной теме, демонстрирует диапазон употребляемых словосочетаний в заглавии, который не отличается обширным разнообразием, является общим научным лексиконом для многих авторов, в основном это: «The Soviet experiment», «mass killing and genocide», «Terror against nations», «Ethnic cleansing», «ethnic and national purges», «The target groups», «Soviet Deportations», «Nationality as a stigma», «Special settlements», «The Repression of Soviet Koreans», «Forced Deportation», т.е. это и террор, и репрессии, и этнические чистки. Лишь в двух случаях прозвучали названия: «The Soviet war against 'fifth columnists': The case of Chechnya, 1942-44».

Методология и методы. В теоретико-методологическом плане вышеуказанные работы, несмотря на разброс мнений, и оценок едины в противопоставлении советской репрессивной системы и репрессируемого этноса, как жертвы террора. История депортации чеченского народа на территорию Восточно-Казахстанской области, несмотря на значительный объем печатной продукции, как в России, в Казахстане, так и в дальнем зарубежье, не стала предметом детального исследования с позиции локально-исторических параметров на стыке междисциплинарных связей. Отсутствие прямых научных разработок по проблеме определило цель публикации: раскрыть своеобразие адаптации чеченцев социокультурном пространстве локальной истории отдельно взятого района в условиях депортации.

Авторы предполагают рассмотреть зону фронта по Т. Баррету (Барретт, 2000) на основе комплексного междисциплинарного анализа, где объектом исследования является территория Восточного Казахстана, предметом исследования - вопросы истории депортации и интеграции чеченского этноса в социокультурное пространство.

Источниковой базой послужили материалы фонда Архива Президента Республики Казахстан, ввиду обращения к локальной истории, несомненную ценность представляют материалы Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО), Специального госархива ДП ВКО. Обнаруженные материалы способствуют восстановлению объективной картины повседневности, хозяйственно-бытового трудоустройства спецпереселенцев-чеченцев.

При написании статьи, были учтены имеющиеся научные публикации по представленной теме исследования. Методологией и методами исследования является комплексный междисциплинарный подход. Опора на теоретические концепции современной исторической науки позволила авторам осмыслить документальные артефакты, т.е. архивные материалы, исторические источники в фокусе взаимодействия с социокультурными структурами, повлиявшими на их содержание.

В основу статьи положены общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, статистический метод; специальные исторические методы; научные методы на стыке междисциплинарных подходов, в том числе методу устного опроса.

Результаты. Согласно первоначальному плану от 22 декабря 1943 года на территории Казахской ССР планировалось разместить 400 тысяч человек спецпереселенцев с Северного Кавказа, в том числе по колхозам 325000, по совхозам 40000, по промпредприятиям 35000 (ГАРФ, 9479:16). На территорию Восточно-Казахстанской области предполагалось отправить 30000 тысяч (ГАРФ, 9479:6). Географическое размещение спецпереселенцев определялось запросами основных отраслей экономики Казахстана – цветной металлургией, лесной, сельским хозяйством. Для трудоустройства спецпереселенцев, в первую очередь, выбирались промышленные предприятия, леспромхозы и колхозы, в которых имелись площади свободной земли и ощущался недостаток рабочей силы.

Чеченцы, прибывшие на территорию ВКО, были размещены в 8 районах области. На 1 сентября 1944 г. в Восточно-Казахстанской области насчитывалось спецпереселенцев-чеченцев 6906 семей, с численностью 29238 человек. Наибольшая концентрация спецпереселенцев-чеченцев наблюдалась в Лениногорском (2481 семей, 10937 человек) и Кировском районах, с учетом п. Аблакетка (1569 семей, 6542 человек) (ГАВКО, 2750:66.) В приграничных районах области спецпереселенцы - чеченцы не размещались.

Согласно архивным данным, на 1 апреля 1945 г. в Восточно-Казахстанской области насчитывалось спецпереселенцев-чеченцев - 6 320 семей, 24 719 человек. География расселения на 1 апреля 1945 года по районам области показывает, что наибольшая концентрация чеченцев наблюдалась в Лениногорском (8808 человек, 2268 семей) и Кировском районах (6055 человек, 1463 семей) (ГАВКО, 2741:8).

В организационных мероприятиях были задействованы множество ведомственных структур, среди которых основную роль играли Облисполкомы и НКВД. Объем переписки в момент решения организационных вопросов по приему и размещению спецпереселенцев, ее содержание свидетельствует о бюрократическом коллапсе и нерасторопности административного ресурса на местах. Объективные и субъективные обстоятельства повлияли на изменения в планах по приему и размещению спецпереселенцев. Временные рамки депортационной операции обусловили определенные трудности для спецпереселенцев с Северного Кавказа, связанные с климатическими особенностями Восточного Казахстана. Сводки НКВД сообщали, что в период прибытия эшелонов со спецпереселенцами ожидался снегопад и метели. Для отдыха и обогрева переселенцев в пути следования от станций разгрузок до мест вселения были созданы 550 промежуточных пунктов, обеспеченных топливом и питанием для детей и плохо одетых спецпереселенцев. Колхозы и колхозники должны были выделить брезенты, кошмы, теплую одежду, вяленную обувь с целью предохранения от обморожения и непогоды.

Одним из самых сложных вопросов размещения на местах стал жилищный, несмотря на то, что на уровне республиканского руководства принимались решения к быстрейшему хозяйственному и трудовому устройству прибывших спецпереселенцев в Казахстан. В области были направлены специальные уполномоченные НКВД, занимавшиеся учетом и подготовкой наличной свободной жилплощади, а также изыскания дополнительной площади путем уплотнения местного населения. На местах расселения было предложено провести учет всех пустующих домов и передать их в собственность нуждающимся спецпереселенцам. В летний период предполагалось помочь в ремонте передаваемого жилища. Вместе с передаваемым жильем за спецпереселенцами закреплялись приусадебные участки. В первую весну многие депортированные спецпереселенцы по вине правления колхозов не смогли засеять выданные им приусадебные участки, СНК Казахстана рассмотрел вопрос о выделении семьям засеянных участков из внеплановых засевов колхоза (ГАРФ, 9479: 182, 285). Анализ архивных источников позволяет предположить, о наличии регламентированной документированной процедуры подготовки республиканским руководством встречи спецпереселенцев с Северного Кавказа. В документах были

расписаны множество нюансов, начиная с момента выселения и даже питание, вплоть до возвращения живности и зерна на местах расселения.

Однако, на местах расселения спецпереселенцев ждала жилищная катастрофа, судя по воспоминаниям очевидцев: «Рядом с лесозаводом наскоро построили дощатый барак из горбыля и теса, добавляя опилки и в таких почти можно сказать, скотских» условиях, они (депортированные спецпереселенцы) жили в первое время» (Полевые исследования, Барсуков). Повседневные вариации решения жилищной проблемы истекали из спецпоселенческих реалий на местах. Часть спецконтингента из Чечено-Ингушской АССР была размещена в рабочих поселках «Иртышгэстроя». Во временные жилые и наскоро приспособленные под жилье общие бараки и с 2-ярусными нарами были вселены мужчины, женщины и дети в количестве 3400 человек, хотя при сравнительно нормальном расселении туда едва ли позволительно было помещать более 2000 человек» (АП РК, 186:24). Отдельные чеченские семьи ютились в пекарне, проживали в помещении клуба, где за неимением топчанов и нар спали на голом полу (ГАВКО, 2750:48). В отдельных случаях, как например в колхозе имени Тельмана спецпереселенцев разместили в доме, использовавшемся ранее как детские ясли. Ввиду его аварийного состояния, детские ясли были закрыты, однако это не помешало местной власти разместить там чеченские семьи. Дом состоял из двух комнат, где поселили 9 семей, общей численностью 33 человека. Строение представляло собой полуразрушенное здание с зияющими оконными рамами и сломанной печью (ГАВКО, 2750:63).

Понимая, что местные органы не смогут им помочь, спецпереселенцы практически «вгрызались в землю», сооружая себе землянки. В Шемонаихе, где сейчас располагается школа им. Н. Островского на улице имени Чапаева, во второй половине 40-х годов XX века, можно было наблюдать компактное проживание чеченцев, построивших там свои землянки из дёрна. Топили свои самостроенные мазанки заготовленных хворостом (Дубинчик, 2005). Конечно, местная власть по возможности старалась поддержать и привлечь спецпереселенцев к самостоятельной постройке жилья из местных материалов. Информация о постройке 53 квартир-землянок для предприимчивых чеченцев прозвучала в отчетной документации по Восточному Казахстану, как пример решения жилищного вопроса (ГАВКО, 2750:63).

Озвученное властью предложение об изыскании жилплощади для депортантов путем уплотнения и заселения в пустующие постройки, детерминировало всплеск недовольства со стороны местного населения. 103 семьи спецпереселенцев расселили путем уплотнения в домах колхозников Шемонаихинского района, 140 семей поселили в обособленных домах, принадлежащих колхозникам. Местное население потребовало их немедленного освобождения. Наблюдались факты насилия, оскорбления, самовольного изгнания чеченцев из колхоза, случаи избиения, даже убийства «... колхозник Никитин в колхозе «Хлебороб» с целью освобождения своей квартиры от спецпереселенца чеченца Исаева убил его лопатой, насмерть, за что приговорен к 5 годам лишения свободы» (ГАВКО, 2741:34).

Правительством был продуман алгоритм решения жилищного вопроса путем финансирования строительства. Пункт восьмой Постановления ГОКО за №5073сс от 31 января 1944 г., к слову сказать, принятого практически за месяц до выселения чеченцев с Северного Кавказа, о выдаче спецпереселенцам денежных ссуд на строительство домов, надворных построек, хозяйственное устройство так и не был выполнен. Соответственно, новое жилищное строительство для спецпереселенцев было в большей степени сорвано, выделенные СНК СССР финансы на индивидуальное жилищное строительство не были освоены. Согласно распоряжения СНК СССР за №796с от 16 января 1944 года, выделенные стройматериалы гвозди, стекло, лес, так и не были отгружены из-за неподачи вагонов (ГАРФ, 182:197, 225).

В какой-то степени в Шемонаихинском районе судя по статистическим данным жилищный вопрос был решен, так например в пустовавших 62 домах – проживало 204 семьи, во вновь отстроенных 127 землянках и полуземлянках – 237 семей; в отремонтированных 13 домах – 20 семей, в купленных 46 домах – 46 семей. Вместе с тем 90% семей спецпереселенцев, не имели топлива (ГАВКО, 3420:1). В холодных

квартирах дети закутывались в лохмотья, что способствовало быстрой зашивленности и простудным заболеваниям. Чеченцы были обречены не только на холодное существование в условиях сибирской зимы Восточного Казахстана, а также на полную антисанитарию, ввиду недопустимой скученности проживания.

Очень важно отметить сплоченность и спаянность чеченского этноса в попытке решения адаптационных проблем, возникавших в новых местах поселения. Особое место в чеченской культуре играл обычай взаимопомощи «белхи» (болх - работать) (Хасбулатова, 2017). Традиционная взаимопомощь чеченского этноса в условиях спецпоселения стала одной из форм культурной адаптации, возможностью сохранения системы этнокоммуникативных связей. Обычай взаимопомощи «белхи» можно отнести к стратегии выживания в условиях депортации, следует учесть, что интеграция чеченского народа в социокультурное пространство Восточного Казахстана оказалась непростым делом. «Белхи» в новом жизненном пространстве Казахстана стал некоей смычкой, протянув незримые нити на Кавказ, создав этническую корпорацию, где мужчины выполняя тяжелые строительные работы, возводили новый семейный очаг для представителей своего круга, а женщины не только занимались изготовлением кирпича из самана, но и украшением нового жилища. Местные старожилы вспоминали как чеченские депортанты строили саманные дома: «...Хочу отметить, что чеченцы жили очень дружно. Они выжили только из-за того, что дружные были. Когда им разрешили строить дома, то они строили дома вместе. В один день они все собирались вместе. Сначала начинали вместе делать кирпичи из самана. Я помню, у них был бубен и гармошка. Они работают – работают, а когда перерыв, то играют на бубне и гармошке и пляшут. Они за один день могли сделать кирпичей из самана на целый дом. Когда саман высохнет, то они за день стены всего дома выкладывали. Строили быстро, благо проблем с пиломатериалом не было. Буквально за один год все они из барака переселились в эти дома. Сейчас только один дом их сохранился, можете посмотреть» (Полевые исследования, Барсуков).

*Рисунок 1. Саманный дом построенный спецпоселенцами-чеченцами
г. Шемонаиха*

Следующая проблема депортационной операции заключалась в решении продовольственного вопроса, это был комплекс спецпереселенческой стратегии выживания. Изначально депортанты с Северного Кавказа в значительном большинстве своем прибыли на места расселения с запасами продовольствия, а именно кукуруза, пшеница, мука от трех до пятидесяти пудов и более (ГАРФ, 182:249).

Из воспоминаний Марьям Мусаевой «В Старых Атагах объявили, что чеченцев по приказу Сталина выселяют. Всех собрали, начали увозить из села. К нам пришли трое военных и спросили, есть ли взрослые ... Военные сказали, что их не стоит ждать,

они не придут, и начали мне помогать собирать кое-что, предложили взять с собой продукты, теплые вещи. Из продуктов оказалась кукурузная мука, из теплых вещей – мамино пальто и старая отцовская фуфайка. Я настояла и взяла швейную машину «Зингер», она дала возможность выжить в Казахстане...» (Сактаганова, 2019:117). Предполагаем, что такая возможность была не у всех чеченцев в момент начала переселения.

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР за №350-102 от 3 апреля 1944 г. до 15 апреля чеченцы, расселенные в колхозах должны были получить приусадебные участки и семена на весенний сев. Обеспечение спецпереселенцев-чеченцев землей и посевным фондом облегчило бы решение продовольственной проблемы, обеспечило бы семьи жизненно важными продуктами с огорода. Повседневная практика жизнеобеспечения чеченцев между принятыми государственными документами и реализуемой политикой власти на местах расселения слишком разнилась по содержанию. Государственная документальная процедура по депортантам предусматривала разрешение комплекса вопросов, начиная с момента выселения и до факта расселения. Колхозный председатель рассматривал прибывших в рамках «временного фактора» (Щеглова, 2019), не особо торопясь с выполнением решения правительства, «... что в этих участках будут сеять спецпереселенцы? Мы (т.е. колхозы) помочь семенами за неимением их не сможем, а своих семян, спецпереселенцы не имеют...» (ГАВКО, 2750:4).

Продукты, выделенные спецпереселенцам до нового урожая в соответствии с 7 пунктом ГОКО за №5073сс от 31 января 1944 г., отмечалось в сводке от 2 мая 1944 года, выдавались из расчета сто грамм муки и 60 грамм крупы на одного человека в день, что являлось недостаточным. Спецпереселенцы не имели собственных продуктов, а колхозы не могли выделить дополнительные продуктовые объемы ввиду их отсутствия (ГАРФ, 182:197).

29 мая 1944 года согласно Постановлению Совнаркома СССР, предполагалась выдача спецпереселенцам на местах расселения продовольственного зерна и скота в окончательный расчет за оставленный ими в местах выселения аналог. Была предусмотрена выдача зерна из расчета 19 килограмм на каждого человека, в первую очередь обеспечивались остро нуждающиеся чеченские семьи. Понимая великое искушение в условиях военного времени, учитывая острую нехватку продовольствия среди населения, правительство возложило контроль на силовые ведомства. Во всех пунктах выдачи спецпереселенцам продовольствия дежурили работники НКВД, в случае срыва и расхищения, на виновных заводились уголовные дела. Л. Берии сообщали, что задача продовольствия преследует двойную цель, не только решение продовольственной проблемы, но и повышение производительности труда и рабочей дисциплины среди спецпереселенцев (ГАРФ, 182:286).

СНК Казахской ССР в обращении в Совнарком СССР с целью улучшения положения чеченских семей, просило разрешить использовать для выдачи спецпереселенцам 16 тысяч голов крупнорогатого скота, 73 тысячи овец, закупленных в Казахстане для освобожденных районов. Выдали СНК Казахской ССР для чеченцев 3135 голов и волов, и 300 волов из Узбекской ССР. При этом в третьем и четвертом квартале 1944 года в порядке возврата скота, чеченским спецпереселенцам в Казахской ССР планировалось передать 87521 голов скота или 17504 тонн живого веса, в 1945 году 76506 голов (ГАРФ, 182:146, 254). На 2 мая 1944 года Наркоммясомолпром даже не приступал к выдаче спецпереселенческим хозяйствам по одной телке, не выполнив два постановления от 31 января за №5073сс и 9 марта 1944 года за №255-74сс. При отсутствии крупного рогатого скота разрешалось выдавать взамен его овец и коз из расчета по 200 кг живого веса за одну голову крупного рогатого скота (ГАРФ, 182:197).

Например, в Шемонаихинском районе, по состоянию на 1 сентября 1944 г. из 603 семей получили скот – 351 семья, нетелей – 70 голов, крупный рогатый скот – 118 голов, овец – 325 голов, всего было выдано – 67,7 тонны. Получив скот, чеченские семьи столкнулись с отсутствием кормов для животных, колхозы и совхозы специально затагивали отвод сенокосных участков для спецпереселенцев. Из 16 колхозов и 4 совхозов, где расселялись спецпереселенцы-чеченцы, корма, заготовили

только 23 семьи (ГАВКО, 2750:65). Поголовно наблюдались факты грубейшего нарушения установленного правительством порядка выдачи скота спецпереселенцам. В отдельных колхозах, как например им. Пушкина, вместо обязательных к выдаче 33 голов овец, чеченским семьям выдали баранами. По состоянию на 20 декабря 1944 г. было забито 47% коров, 77% овец¹. Оставшийся скот после массового забоя, был взят на фермы колхозов и совхозов на стойловое содержание (ГАВКО, 3420:1).

Не только отсутствие кормов и страх голодной смерти, но и в целом возможностей содержать полученный скот вынуждало чеченские семьи забивать его (АП РК, 82:93).

Повсеместно в Восточном Казахстане остро стояла проблема обеспечения продовольствием, работники сельпо нарушали порядок выдачи продуктов питания спецпереселенцам. Вместо разовой выдачи на 5 дней выдавали на 25 дней. Спецпереселенцы полученные продукты быстро израсходовали и остались без продовольствия. Местные колхозы не имели реальных возможностей оказания вторичной продовольственной помощи спецпереселенцам. В колхозах области подобная ситуация наблюдалась во многих районах, депортированные чеченские семьи оказались на грани истощения, не могли двигаться, пухнуть от голода. В отдельных случаях отмечались факты голодной смерти, подтвержденные медицинскими работниками и колхозным руководством. Шемонаихинском районе по состоянию на 1 августа 1944 г. согласно архивным документам спецпоселенцам-чеченцам выдали 54701 тонн продзерна. Однако это не спасло от голодной смерти чеченские семьи. Коллективные заявления-жалобы спецпереселенцев в райспецкомендатуру о крайне тяжелом положении, с указанием, что выданные 100 граммов муки по 50 граммов крупы давно закончились, и «... мы уже не можем ходить и прийти к Вам. Если Вы к нам не приедете, мы не знаем, что с нами будет» (ГАВКО, 2750:4). Чеченские семьи оказались в тисках голодной смерти, 70% семей находились на стадии истощения. Руководством комендатуры Шемонаихинского НКВД был составлен список истощенных чеченцев численностью 131 человек, для получения от Областного исполнительного комитета, выделенных 393-х килограммов хлеба, в среднем по 3 килограмма на человека. Районный исполнительный комитет выдал лишь 119 килограммов, оставив остальное на более поздний срок выдачи (ГАВКО, 3420:1).

О попытках социальной адаптации чеченцев к новым условиям, о попытках социальной взаимопомощи сообщали местные жители: «Жилось в то время всем нелегко, мы сами на одной картошке сидели... но помогали чеченцам, где картошкой, где семенами. Интересный факт помню, чеченцы привезли с собой семена своей кукурузы. Посадили кукурузу, и она выросла высокая, но плодов не дала, не вызрела, так как вегетационный период у нее большой и в наших условиях она не прижилась. Чеченцы стали использовать нашу кукурузу, она хоть низкорослая и початки маленькие, но дает плоды. У чеченцев кухня построена на кукурузе, и они потом активно использовали нашу кукурузу» (Полевые исследования, Барсуков).

Вопросы трудоустройства и закрепления спецпереселенцев на местах поселения вызывали большие сложности, являлись серьезной проблемой адаптационных процессов. Нерасторопность председателей колхозов, руководителей промышленных предприятий приводила к безработному состоянию чеченцев. Первые не спешили их брать на баланс колхоза, т.к. возникала проблема снабжения спецпереселенцев, вторые не желали решать комплекс вопросов, связанных с их жизнеобеспечением. Констатация проблемы прозвучала на одном из совещаний на уровне Облсполкома: «...на 5 апреля 1944 г. на работу в совхозы и колхозы принято только 375 человек, что составляло 24,2% трудоспособного населения из числа спецпереселенцев. Работа по вовлечению спецпереселенцев в члены колхозов еще не начата, на 5 апреля 1944 года в члены колхоза не оформили ни одного спецпереселенца (ГАВКО, 2750:4).

Страх голодной смерти толкал людей на самые отчаянные действия. Первые послевоенные годы отмечены ростом хищений. «Как и все рабочие совхозов, рабочие Михайловского совхоза с октября 1946 года по настоящее время не получают хлебный паек, вследствие чего в совхозе наблюдается систематическое воровство зерна (ячменя). Например в ночь с 11 марта на 12 марта на 3-й ферме рабочий Закурдаев и

¹Процент подсчитан авторами

три чечена украли 70 килограмм семенного ячменя, при обходе управляющий фермой Чанов и кладовщик поймали их с ячменем и зерно обратно высыпали на склад. 11 марта 1947 г. на этой же ферме из 60 рабочих не вышло на работу 11 человек, мотивируя, что они сидят без хлеба. Член ВКП(б) Хусаинов работает старшим транспортным рабочим, имеет 6 детей, из-за отсутствия хлеба дети пухнут, его жена в феврале украдала 20 килограмм ячменя, но была поймана. 20 февраля 1947 г. Министерство мясомолочной промышленности телеграфировало о том, что совхозы должны с февраля месяца получать продовольственный паек, но до сих пор со стороны Облторга нарядов нет. Положение в совхозах со снабжением очень напряженное» (ГАВКО, 4226:9).

Стратегия выживания в условиях тотального режима спецпоселения, заставляла их придумывать новые способы ухищрения в борьбе с голодной смертью. Сами депортанты те трагические события озвучивают со слезами на глазах, как они воровали скот: «...приезжал как-то с Чечни дедушка. Мы разговорили с ним, кто-кому, как родственник. Он собирался в Шемонаиху на могилы родным. Я ему рассказала, что у меня тоже бабушка, дедушка там похоронены, назвала их имена, оказалось, что они с одной деревни Старых Атагов. Выяснилось, что он знает моей мамы родного дядю. Дедушка долго молча сидел, потом покачал головой, и слезы у него покатались. Он сказал: я очень хорошо знаю и помню его.... Сколько людей он спас от голода. Я спросила как он спас? Умирали люди от голода, есть ничего не было. Он и двое парней наблюдали в деревне, кто как живет, сколько скота имеют. В какой двор сколько скотины зашло, если один, две головы они не трогали. Клич бросал, оказывается мой дядя, сегодня вечером собираемся, якобы устраиваем вечеринку, чтобы не было подозрения. А тем временем, пока все «веселились», они шли в сарай, выводили корову или телку, и резали на берегу реки Уба. Он вспоминал: «...сколько Уба унесла шкур, кишков и голов...». Потом все собирались, делили мясо поровну всем, по кусочкам. Вот так, оказывается он спас многих от голодной смерти...» (Полевые исследования, Сельмурзаева).

На общем фоне жизни в условиях депортации наблюдались озлобленность, депрессия. Архивные документы отмечают случаи издевательского отношения к спецпереселенцам, избияния и даже убийства. Чеченам настал конец, все умирают и я скоро умру. На партучет становится Алмаев Васса «не хочу, я теперь никому не нужен, работал я раньше председателем колхоза, два раза был в Москве, был депутатом, а теперь мне пришел конец, мне 62 года, разве это моя работа тащить на себе лес. Дети мои умерли, еще ребенок больной, а я как враг, мне все равно конец» (ГАВКО, 2750:16).

Магомедов Ахмад «Нас специально советское правительство выслало в Казахстан, чтобы мы вымерли с голода, ведь нас сейчас осталось очень мало, много чеченцев вымерло с голоду, тысячи невинных томятся в тюрьмах» (СГА ДП ВКО, 3534:18).

Вторичные репрессии в отношении спецпоселенцев не прекращались и после окончания военных действий, из общей численности спецпоселенцев на протяжении 1949 года от 75 до 85% были повторно репрессированы и отправлены в лагеря, от 5 до 15% находились в бегах, от 7 до 10% были арестованы за нарушения режима и политические преступления (ГАВКО, 80).

К политическим преступлениям относили озвученные слухи о скором возвращении, как например «...переселённых чечен будут отправлять обратно на Северный Кавказ, работать не надо, надо все вещи продавать, т.к. больше 2-х пудов провозить не разрешат» (СГА ДП ВКО, 3521:10) «.. в советской стране жить нельзя, колхоз это тюрьма народа, в этой тюрьме работаем мы чеченцы...» (СГА ДП ВКО, 3523:21).

Впервые в документах нами обнаружен гимн спецпереселенцев с Кавказа, архивный текст набран на русском языке в переводе с чеченского. Депортированный на восток Казахстана чеченский народ пел песню о том, как их переселили с Кавказа, содержание песни призывало не забывать о дне переселения. Органами НКВД песня была признана антисоветской, враждебной, а, Сулейманова Шалмана, распевавшего песню на чеченских сборищах с 1948 г., обвинили в распространении антисоветской пропаганды:

Помнишь, ты Шарпудин, как нас согнали на базарной площади вечером

Тот вечер нам объявили,
Что все чеченцы должны расстаться с родиной.
Какой это печальный вечер был для нас.
Так же отбивали, как колхозное стадо стариков от молодых,
Из которых делали две группы.
После отделения нас, наши жены и дети
возвращались по домам, проливая слезы.
Этот вечер и это утро мы не должны забывать.
На колхозном дворе нас под конвоем погрузили на автомашины,
Как колхозное стадо.
Ты помнишь Шарпудин! На станциях стояли эшелоны.
Поданные для погрузки нас и отправки в Дальнюю Сибирь.
Помните, друзья,
Как после погрузки, мы с вами кричали
Великому Аллаху (Мубарик Ходжа).
От которого мы просили помощь.
Так же мы не должны забывать
Как нас разрознили от своих родственников
И разбросали по всей Сибири (Казахстан)
Мы должны помнить вечно, как переселили нас
Мы просим Вас Мубарик Ходжа (аллах)
Оказать нам содействие в Черной Сибири
Мы стали жить бесправными и ущемленными.
Какое ты счастливое, солнце.
Ты освещаешь и видишь Северный Кавказ
Мы не признавали своего бога,
Но он все же доказал
Мы с вами не должны забывать бога (СГА ДП ВКО, 3716:56)

Песня не имеет автора, Сулейманов Шалман впервые услышал в Семипалатинске в 1947 г. в исполнении спецпереселенца Хасана из Чарского района, заучив и дополнив ее содержание, называя Казахстан Сибирью стал петь на чеченских посиделках.

В переводе песни отсутствуют слова, которые упоминаются фигурантами дела, такие как «Какое утро было, золотое солнце. Помните как нас сгоняли под оружием в мечети, сажали в эшелоны, арестовывали почетных людей, как плакали жены, матери и дети. Как издевалась советская власть, лишила нас человеческих прав, лишила всего, что нам дал аллах» (СГА ДП ВКО, 3716:232) За эту песню Сулейманов Шалман и Висаев Минкаил в 1951 году были приговорены 20 годам, в 1954 году им сократили срок до 8 лет.

Аресты граждан из числа депортированного населения в Восточный Казахстан, повторная их ссылка в другие районы позволяют заявить о вторичности репрессий или второй волны карательных акций, направленных против отдельных субъектов, выразивших протест, оказавших неповиновение, сопротивление режиму.

Выводы. Архивные источники и материалы полевых исследований регионального компонента депортации чеченского народа позволили раскрыть некоторые драматические страницы в жанре устная история, микроисторический подход увидеть индивидуальное отношение к прошлому и учесть документальные свидетельства о прошлом.

Спецпереселенцы с Кавказа попадали в непривычные климатические условия, выполняли тяжелую физическую работу, жили в непригодных для жизни помещениях, антисанитария, нехватка продовольственных пайков, теплой одежды, высокая смертность способствовали появлению в их среде озлобленности, враждебности, имелись случаи открытых выступлений. Повседневное пространство спецпоселения и его инфраструктура представляли минимальный набор жизнеобеспечения для спецпереселенцев, что было совершенно недостаточно для выживания. Следует отметить, что местное население наряду с властями оказывало посильную помощь спецпереселенцам.

Стратегия поведения и адаптация чеченцев различалась внутренним отношением к статусу депортированного, изгнанного народа. Дисперсное состояние спецпереселенцев чеченцев и их фронтальные условия обуславливали стратегию и тактику выживания. Непримируемые вступали на путь конфликта, нарушения правовых норм, последнее совершалось ради спасения своих близких (кража для спасения голодающих воспринималась как героизм), категория смирившихся, понимала бессмысленность противостояния и необходимость выживания в новых условиях, шла на диалог с местной властью, с местным населением, что можно обозначить как фронтальное взаимодействие.

Несмотря на сложность и противоречивость интеграции чеченского народа, спецпереселенческий фронталь пытались улучшить свой социальный статус попыткой активного участия в социально-экономических процессах и возможностью сохранения группой этнической идентичности. Внешние границы чеченского фронта остались размыты ввиду их дисперсного состояния, последнее явилось следствием их насильственного перемещения. В качестве стратегии адаптации депортированных чеченцев следует отметить возведение временных, налаживание отношений с местным населением, которому тоже было несладко в условиях военного времени, работа в трудовых коллективах. В районах расселения чеченский народ столкнулся с множеством проблем, порожденных безответственностью и бездушием, а порой огромной загруженностью районных властей.

Тяжело проходила хозяйственная адаптация спецпереселенцев, выдача скота предполагала решение продовольственной проблемы путем его постепенного разведения, умножения. Для этого должны были быть созданы условия и оказана элементарная экономическая поддержка чеченских хозяйств, в частности с кормами, с помещениями для скота, проведением разъяснительной работы и пр. В результате спецпереселенческие хозяйства столкнулись дилеммой сохранить скот или забить его, ввиду обреченности последнего на гибель в условиях отсутствия возможностей его содержания.

В условиях депортации переселенцы испытывали на себе целый спектр неблагоприятных воздействий, от естественных климатических особенностей региона до искусственно созданных проблем, например, отказ в медицинском обслуживании спецконтингента, нехватка продовольствия, одежды. Проблемы объяснимы с точки зрения военного времени, социально-экономической ситуации, бюрократического подхода районных, областных органов власти, неразвитой инфраструктурой и т.д.

Мы не можем говорить о полном пренебрежении областного руководства, факты свидетельствуют о попытках партийных органов на местах решать вопросы с расселением, трудоустройством чеченцев. Можно сослаться на военное время, вместе с тем документальная процедура программы насильственного переселения, запускалась постепенно, можем предположить, что в случае выполнения всех пунктов региональными органами власти, возможно, удалось бы избежать столь тотальной катастрофы и гибели ни в чем неповинного чеченского народа, столь травмирующей ситуации на местах расселения, не говоря уже о формате бесчеловечной перевозки.

Работа выполнена в рамках проекта КН МОН РК: «Память о жертвах политических репрессий (1920-1950-е гг.) и ее фиксация в сакральном ландшафте Казахстана (на примере Восточного Казахстана)». ИРН проекта: AP05130870.

Литература:

Абуов Н.А. Депортации народов в Казахстан в 1936-1957 годы (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Караганда, 2008. 28 с.

Архив Президента Республики Казахстан (далее АП РК) Ф. 708. Оп. 8. Д. 186.

АП РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 82.

Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Имперский период. Самара, 2000. С. 163-195.

Burds J. The Soviet war against 'fifth columnists': The case of Chechnya 1942-1944// Journal of Contemporary History. 2007. V. 42. I. 2. P.267-314. с. 267-314.

Blackwood M. Fatima Gabitova: repression, subjectivity and historical memory in Soviet Kazakhstan//Central Asian Survey. 2017. 36:1, 113-130, DOI: 10.1080/02634937.2016.1223017.

Бугай Н.Ф. Л. Берия - И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М.: «Гриф и К», 2011. 510 с.

Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. – начало XXI в.). М.: «Гриф и К», 2012. 480 с.

Бугай Н.Ф. По решению правительства союза ССР. Нальчик: Эл-фа, 2003. 928 с.

Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ) Ф. Р9479. Оп. 1. Д. 182.

Государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее ГАВКО) Ф. 1п. О. 1. Д. 2741.

ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2750.

ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3420.

ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1 Д. 4226.

ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Д. 80.

Gelb M. Ethnic cleansing in the USSR, 1937-1949 // Russian Review. 2000. V. 59. I. 3. P.472-474.

Дубинчик Н.Г. «Трагедия переселенцев» //Ленинское знамя сегодня № 17 от 31 мая 2005.

Ермекбаев Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. 508 с.

Кульбаев Т.С., Хегай А., Депортация. А.: «Данекер», 2000. 274 с.

Кыдыралина Ж.У. Спецпереселенцы и трудармейцы в Западном Казахстане (1937-1957 гг.). Дисс... к.и.н. - Алматы, 2000. 158 с.

Полевые исследования. Информант Барсуков С.П., г. Шемонаиха, 2017.

Полевые исследования. Информант Сельмурзаева Р.К., г. Риддер, 2017.

Сактаганова З. Г. Фрагменты воспоминаний депортированных женщин: адаптация и жизнь в Казахстане // Мир Большого Алтая. 2019. №5 (2). С. 232-247.

Сулейменова М.Ж. Историческая роль депортированных народов и репрессированных социальных групп в развитии народного хозяйства Центрального Казахстана в 1930-1940-е годы. Дисс... к.и.н. Караганда, 2001. 124 с.

Табулденов А.Н. Депортации народов и эвакуационно-миграционные процессы в Северном Казахстане (1937-1956 гг.) автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Уральск, 2009. 24 с.

Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (далее СГА ДП ВКО) Ф. 19. Оп. 2. Д. 3521.

СГА ДП ВКО. Ф. 19. О. 2. Д. 3523.

СГА ДП ВКО. Ф. 19. О. 2. Д. 3534.

СГА ДП ВКО. Ф. 19. О. 2. Д. 3716.

Щеглова Т.К. Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939-1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений //Мир Большого Алтая Т. 5. №2. 197-231

Хасбулатова Зулай Имрановна «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи, связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX-XX вв // *Общество: философия, история, культура*. 2017. №8. http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2017/8/history/khasbulatova.pdf

References:

Abuov N.A. Deportacii narodov v Kazahstan v 1936-1957 gody (na materialah Severo-Kazahstanskoj i Kokchetavskoj oblastej): avtoref. dis... kand. ist. nauk: 07.00.02. Karaganda, 2008. 28 s. [in Russian]

Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan (dalee AP RK) F.708. O.8. D.186. [in Russian]

- AP RK. F.708. O.8. D.82. [in Russian]
- Barrett T.M. Liniya neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii // Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednih let. Imperskij period. Samara, 2000. S. 163-195. [in Russian]
- Burds J. The Soviet war against ‘fifth columnists’: The case of Chechnya 1942-1944 // Journal of Contemporary History. 2007. V.42. I.2. P.267-314. s.267-314.
- Blackwood M. Fatima Gabitova: repression, subjectivity and historical memory in Soviet Kazakhstan // Central Asian Survey. 2017. 36:1, 113-130, DOI: 10.1080/02634937.2016.1223017.
- Bugaj N.F. L. Beriya - I. Stalinu: «Posle Vashih ukazanij provedeno sleduyushchee...». M.: «Grif i K», 2011. 510 s. [in Russian]
- Bugaj N.F. Problemy repressij i rehabilitacii grazhdan: istoriya i istoriografiya (XX v. – nachalo XXI v.). M.: «Grif i K», 2012. 480 s. [in Russian]
- Bugaj N.F. Po resheniyu pravitel'stva soyuza SSR. Nal'chik: El-fa, 2003. 928 s. [in Russian]
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee GARF) FR9479.O1.D.182. [in Russian]
- Gosudarstvennyj arhiv Vostochno-Kazahstanskoj oblasti (dalee GAVKO) F.1p. O.1. D. 2741. [in Russian]
- GAVKO. F. 1p. Op. 1. D. 2750. [in Russian]
- GAVKO. F. 1-p. O. 1. D. 3420. [in Russian]
- GAVKO. F. 1-p. O. 1 D. 4226. [in Russian]
- GAVKO. F. 462. Op. 4. D. 80. [in Russian]
- Gelb M. Ethnic cleansing in the USSR, 1937-1949 // Russian Review. 2000. V. 59. I. 3. P. 472-474.
- Dubinichik N.G. «Tragediya pereselencev» // Leninskoe znamya segodnya № 17 ot 31 maya 2005. [in Russian]
- Ermekbaev CHEchency i ingushi v Kazahstane. Istoriya i sud'by. Almaty: Dajk-Press, 2009. 508 s. [in Russian]
- Kul'baev T.S., Hegaj A., Deportaciya. A.: «Daneker», 2000. 274 s. [in Russian]
- Kydyralina ZH.U. Specpereseleny i trudarmejcy v Zapadnom Kazahstane (1937-1957 gg.). Diss... k.i.n. Almaty, 2000. 158 s. [in Russian]
- Polevye issledovaniya. Informant Barsukov S.P., g. Shemonaiha, 2017. [in Russian]
- Polevye issledovaniya. Informant Sel'murzaeva R.K., g. Ridder, 2017. [in Russian]
- Saktaganova Z. G. Fragmenty vospominanii deportirovannyh zhenshchin: adaptaciya i zhizn' v Kazahstane // Mir Bol'shogo Altaya. 2019. №5 (2).S.232-247. [in Russian]
- Sulejmenova M.ZH. Istoricheskaya rol' deportirovannyh narodov i repressirovannyh social'nyh grupp v razvitii narodnogo hozyajstva Central'nogo Kazahstana v 1930-1940-e gody. Diss... k.i.n. Karaganda, 2001. 124 s. [in Russian]
- Tabuldenov A.N. Deportacii narodov i evakuacionno-migracionnye processy v Severnom Kazahstane (1937-1956 gg.) avtoref. dis... kand. ist. nauk: 07.00.02. Ural'sk, 2009. 24 s. [in Russian]
- Special'nyj gosudarstvennyj arhiv Departamenta policii Vostochno-Kazahstanskoj oblasti (dalee SGA DP VKO) F.19.O.2. D. 3521. [in Russian]
- SGA DP VKO. F.19.O.2. D. 3523. [in Russian]
- SGA DP VKO. F.19.O.2. D. 3534. [in Russian]
- SGA DP VKO. F.19.O.2. D. 3716. [in Russian]
- Sheglova T.K. Antropologiya ekstremal'nosti: social'naya i kul'turno-bytovaya adaptaciya etnicheskikh deportantov (1939-1949 gody) i prinyimayushchego sel'skogo obshchestva na yuge Zapadnoj Sibiri v kontekste prinuditel'nyh pereselenij // Mir Bol'shogo Altaya. T. 5. №2. 197-231 [in Russian]
- Hasbulatova Zulaj Imranovna «Belhi» kak tradicionnaya forma vzaimopomoshchi, svyazannaya s hozyajstvennym i semejnym bytom chehencev v XIX-HKH vv // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2017. №8. http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2017/8/history/khasbulatova.pdf [in Russian]

МРНТИ 03.09.55

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕВОЕННОГО КАЗАХСТАНА

Байпейсова Гульнар Мухаметкалиевна¹, Рамазанова Фердания Сержановна²

¹Казахский гуманитарно-юридического инновационный университет
г. Семей. Республика Казахстан. E-mail: gbaypeisowa@mail.ru

²к.и.н., Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет
г. Семей Республика Казахстан. E-mail: ramazan16@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации женского образования в общей стратегии власти послевоенного Казахстана. Обращение к данной проблеме продиктовано научным интересом в направлении систематизации концептуальных подходов к оценке неоднозначных процессов общественной жизни советской страны рассматриваемого периода. Была предпринята попытка дать современную интерпретацию политики советской власти в области реализации женского образования, переосмысления процесса трансформации личности женщин под воздействием исторической реальности послевоенного времени. Для достижения целей исследования авторы использовали принципы и методы единства и многообразия процессов исторического развития, обуславливающие научно-исторический характер исследования. Применение их позволило определить тенденции, выявить особенности и закономерности политики советского государства в области женского вопроса в исследуемый период.

Ключевые слова: модернизация, политика, советская власть, послевоенный период, гендер, женское образование, гендерное сознание, гендерный дисбаланс.

ҒТАХР 03.09.55

ҚАЗАҚСТАНДА СОҒЫСТАН КЕЙІНГІ БІЛІМ БЕРУ САЯСАТЫНДАҒЫ ГЕНДЕРЛІК ӨЛШЕМДЕР МӘСЕЛЕСІНЕ

Байпейсова Гүлнар Мұхаметқалиқызы¹, Рамазанова Фердания Сержанқызы²

¹Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті,
Семей қ., Қазақстан Республикасы, E-mail: gbaypeisowa@mail.ru

²тарих ғылымдарының кандидаты,
Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті,
Семей қ., Қазақстан Республикасы, E-mail: ramazan16@list.ru

Түйіндеме. Мақаланың мақсаты - соғыстан кейінгі кезеңдегі әйелдердің білімі, соғыстан кейінгі Қазақстандағы кеңестік қайта құру мәселелерін зерттеу. Бұл мәселені шешу қарастырылып отырған кезеңдегі кеңестік елдің әлеуметтік өміріндегі екіұштылық процестерді бағалаудың тұжырымдамалық тәсілдерін жүйелеу бағытындағы ғылыми қызығушылықты талап етеді. Кеңес үкіметінің әйел білімін жүзеге асыру саласындағы саясатына қазіргі заманғы түсінік беруге, соғыстан кейінгі кезеңдегі тарихи шындықтың әсерінен әйелдердің жеке тұлғасын өзгерту процесін қайта қарастыруға талпыныс жасалды. Зерттеу мақсаттарына жету үшін авторлар зерттеудің ғылыми және тарихи табиғатын анықтайтын тарихи даму процестерінің бірлігі мен әртүрлілігі принциптері мен әдістерін қолданды. Оларды пайдалану бізге оқу кезеңіндегі әйелдер мәселесі саласындағы кеңес мемлекетінің бағыттарын анықтауға, ерекшеліктері мен заңдылықтарын анықтауға мүмкіндік берді.

Кілт сөздер: модернизация, саясат, Кеңес өкіметі, соғыстан кейінгі кезең, гендер, әйел білімі, гендерлік сана, гендерлік тенгерімсіздік.

IRSTI 03.09.55

TO THE QUESTION OF THE GENDER MEASUREMENT OF POST-WAR KAZAKHSTAN'S EDUCATION POLICY

Baypeisova Gulnar Mukhametkaliyeva¹, Ramazanova Ferdania Serzhanovna²

¹Kazakh Humanities-Law Innovation University,

Semey, Republic of Kazakhstan E-mail: gbaypeisowa@mail.ru

²Candidate of Historical Sciences, ¹Kazakh Humanities-Law Innovation University,
Semey, Republic of Kazakhstan. E-mail: ramazan16@list.ru

Abstract. The article discusses the implementation of women's education in the overall power strategy of post-war Kazakhstan. Addressing this problem is dictated by scientific interest in the direction of systematizing conceptual approaches to assessing the ambiguous processes of the social life of the Soviet country of the period under consideration. An attempt was made to give a modern interpretation of the policy of the Soviet government in the field of the implementation of female education, to rethink the process of transformation of the personality of women under the influence of the historical reality of the post-war period. To achieve the objectives of the study, the authors used the principles and methods of unity and diversity of the processes of historical development, which determine the scientific and historical nature of the study. Their use allowed us to identify trends, to identify the features and patterns of the policy of the Soviet state in the field of women's issues in the study period.

Key words: modernization, politics, Soviet power, the post-war period, gender, female education, gender consciousness, gender imbalance.

Введение (актуальность проблемы исследования). Проблемы гендерного образования в современной его интерпретации практически выстраивались в контексте советской реализации женского вопроса, создания институциональных условий для юридического равноправия мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни, в том числе и в образовании.

Рассматриваемый период характеризуется неоднозначностью, сложностью процессов, имевших место во всех сферах жизнедеятельности общества. Воздействие социально-экономической динамики послевоенного времени на гендерный баланс в обществе востребовало широкой вовлеченности различных категорий населения во все сферы общественного производства.

Для обеспечения экономического развития страны, решения задачи восстановления народного хозяйства власть разрабатывает государственную политику в отношении женщин, которая превращается в идеологический и политический фактор, способствовавший формированию кадрового потенциала, социализации женщин, в особенности национальных республик СССР. Все это отражало характер политики государства и взаимообусловленность предпринятых им экономических и политических преобразований, модернизации духовной сферы.

Исходя из намеченного курса партии коммунистов, советская практика создавала культивируемую образовательную среду с приоритетом активного формирования у женского населения профессиональной культуры участия в модернизационных процессах преобразования экономики и культуры. Как нам известно, импульсы социальной модернизации исходили из России, которая, начиная с 18 в., определяла формационное и социокультурное развитие Казахстана. Несомненно, что не следует рассматривать период модернизации в Казахстане в отрыве от аналогичных процессов, проходивших на территории всего СССР, так как Казахская ССР (так именовалась наша страна) являлась одной из союзных республик.

Первоочередной задачей являлось приведение в действие интенсивных резервов роста активности женщин через систему образования, профессиональной подготовки. В этих условиях женское образование приобретало особую важность. С решением этой проблемы наряду с множеством других связывалась реализация курса советского государства на развитие экономики, науки, культуры.

Значимость образовательного уровня женского населения в общей стратегии власти побуждала общество решать вопросы обязательности и всеобщности образования. От этого зависела степень эффективности государственной политики в области подготовки специалистов с высшим образованием из числа женщин в целом по стране и в союзных республиках в особенности. Отсюда большое внимание придавалось работе по подготовке женских национальных кадров в системе высшего образования. В этих условиях большое значение приобретает и ориентация на повышение доли девушек, особенно казашек среди студентов высших учебных заведений. Вовлечение девушек-казашек в высшие учебные заведения до конца 50-х годов, а по мнению некоторых исследователей до начала 60-х годов, оставалось актуальной проблемой республики (Научно-аналитический обзор, 1992:24).

В этой связи актуальным представляется исследование вопросов образовательного уровня женского населения и их места в общей стратегии советской власти послевоенного Казахстана.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составили базовые концепты о единстве и многообразии процессов естественно-исторического развития в разное время. Применение их позволяет понять тенденции, выявить особенности и закономерности политики советского государства в области женского вопроса с учетом динамики взаимозависимости гендерной и образовательной составляющих сталинской модернизации на территории Казахстана в исследуемый период. Методами исследования явились: методы исторической интерпретации источников, историко-хронологический, сравнительно-исторический, обобщения и систематизации. Принципы и методы, применяемые авторами, обуславливают научно-исторический характер исследования.

Источниковой базой исследования явились материалы архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан, архива Академии Наук Республики Казахстан, архивов Семипалатинской и Южно-Казахстанской областей, материалы периодической печати.

Обсуждение. Практика научного исследования женской проблематики формировалась по мере накопления материала и опыта решения вопросов социальной компетентности и востребованности женщин, официальной и различной публицистической и научной информации.

В ряду специальных работ по женской истории, по истории развития образования, науки, культуры исследуемого периода следует выделить работы, имевшие общесоюзное значение - известными авторами исследований данного вопроса являлись В.Л. Бильшай, П.М. Чирков, концептуальную позицию которых отличала идеологическая направленность и классово-партийный подход к рассматриваемым проблемам (Бильшай, 1959; Чирков, 1978).

Исследованию национальной специфики решения женского вопроса в Советском Союзе были посвящены работы Ж. Татыбековой (Киргизия), Р.Х. Аминовой (Узбекистан), Н. Арыковой (Казахстан) и др. (Татыбекова, 1967; Аминова 1975; Арыкова, 1930). Вследствие того, что Казахстан был одной из союзных республик Советского Союза, политическая практика в женском вопросе имела схожие, универсальные формы и технологии разрешения. Анализ научной литературы позволяет признать, что ее авторы преподносят усилия партии коммунистов, советской власти по решению женского вопроса как безусловно прогрессивные, которые априори имели позитивные результаты в области обеспечения женщинам равного с мужчинами доступа к образованию, свободы выбора профессиональной ориентации, содействия активному политико-экономическому продвижению женщин.

Группа исследований, в которых освещается исторический опыт политики партии в области решения вопросов женского образования представлена работами М. Козгамбаевой, К. Садвакасовой, А. Жакиповой, К. Кунантаевой (Козгамбаева, 1968; Садвакасова, 1969; Жакипова, 1971; Кунантаева, 1978). Авторы констатируют, что изменения в положении и статусе женщин произошли вследствие предоставления правовых возможностей получения среднего и высшего образования и практики советской политики. Диссертационные работы М. Козгамбаевой, К. Садвакасовой

исследуют вопросы организации женского образования в 20-30-е годы XX в. Автор К. Кунантаева раскрывает историю женского образования в неразрывной связи с развитием системы народного образования в республике.

Следует отметить, что исследования вышеуказанных авторов истории женского образования практически ограничивались партийно-политической оценкой и господствовавшей методологией, но отличались введением в оборот большого фактологического материала.

В контексте общесоюзных советских тенденций развивалась и историография высшего образования, науки. Авторы К.Т. Галкин, Н.Л. Чуткерашвили, А.Ж. Жаманбаев, К. Жуламанов, Ш.Ю. Тастанов в процессе исследования вопросов развития высшего образования и науки раскрывают тесную взаимосвязь и взаимообусловленность политической практики и процессов развития образования и науки (Галкин, 1957; Чуткерашвили, 1961; Жаманбаев, 1972; Жуламанов, 1976.; Тастанов, 1975; 1982). Исследования тех лет проводились на основе партийно-классовой методологии, раскрывали вопросы развития высшего образования и науки в политическом контексте, доказывая позитивность и результативность деятельности партийно-государственного руководства.

Краткий обзор литературы советского периода позволяет констатировать, что в указанных научных трудах интересующие нас вопросы вовлечения и подготовки женщин в системе высшей школы и науки не являлись предметом специального исследования, а затрагивались в процессе рассмотрения общих проблем высшего образования и науки.

Современный этап в историографии новейшей истории Казахстана связан с переосмыслением многих проблем отечественной истории, появлением работ, основанных на объективном научном знании, новых методологических подходах в оценке советского опыта осуществления культурно-образовательной политики. Разработке методологии способствовали исследования по историографии женщин советского Востока, по воссозданию процесса возникновения и развития научной мысли в области женской проблематики на протяжении советского периода развития исторической науки, изучение закономерностей исторического и перспективного развития научных исследований положения женщины в Казахстане в период с 20-х по 80-е годы XX века (Научно-аналитический обзор, 1990; Бырбаева, 1996; Карпыкова, 1997).

С позиций современного видения историко-культурных процессов освещены вопросы истории формирования и развития интеллигенции, деятельности государства в области развития культуры и образования в работах казахстанских ученых Х.М. Абжанова, Л.Я. Гуревича, Р.М. Жумашева, А.Т. Капаевой, С.М. Туменовой (Абжанов, 1992; Абжанов, Гуревич, 1992; Жумашев, 2002; Капаева, 2004; Туменова, 1998).

Группа исследований, в которых затрагивается вопрос гендерного измерения образовательной политики, представлена работами таких современных российских, казахстанских ученых как Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, О.А. Хасбулатовой, Р. Балгозиной (Здравомыслова, Темкина, 1999:177; Балгозина, 2006; Хасболатова, 2005). К этой группе следует отнести научные труды А.Б. Самаковой, Г.Г. Соловьевой, Г.А. Алтынбековой, Г.А. Андиржановой по проблемам гендерной политики, равноправия, политического продвижения женщин (Самакова, 2004; Соловьева, 1999; Алтынбекова, 2001; Андиржанова, 2004).

Несмотря на то, что отдельные аспекты темы нашего исследования в той или иной мере освещались в опубликованных ранее работах, они не являлись предметом специального рассмотрения в отечественной литературе. «...Ключевые моменты состояния национальной культуры в 50-80-е годы остались вне зоны современного научного осмысления, либо освещены с позиций устаревшей марксистской методологии» (Капаева, 2004:39). К таким аспектам можно отнести вопросы, связанные с повышением уровня профессионального образования женщин, подготовки кадров-специалистов из их числа, вклад женщин в развитие образования, науки республики в послевоенные годы.

Краткий обзор научной литературы свидетельствует о необходимости углубления

научного поиска в направлении систематизации теоретико-методологических подходов к оценке сложной, неоднозначной социокультурной истории советского общества послевоенного времени и видения путей разрешения гендерных и образовательно-профессиональных противоречий в условиях модернизации современного казахстанского общества.

Результаты. Советский период оказал огромное влияние на все стороны жизнедеятельности, в том числе и на гендерный порядок общества. С позиции культурной парадигмы советский опыт обеспечил вхождение женщин в систему общественного производства, всеобщее и профессиональное образование, профессиональную самореализацию.

Безусловно, идеология и политика формировали новую культуру ценностей и потребностей женщин, освобождая их от традиционных стереотипов. Идеологизированность советского общества отражалась на сфере воспитания и обучения, так как образовательные цели определялись социальным заказом общества. В качестве цели декларировалось формирование гармонично развитой, общественно активной личности. Но этот процесс был достаточно сложным и противоречивым, определяемым не только интересом общества, но и состоянием ментальности социальных групп населения.

В послевоенный период проблема профессиональной подготовки учительских кадров оставалась актуальной, что было обусловлено растущей потребностью в специалистах сфер экономики и культуры. В 1945-1946 учебном году в школах министерства просвещения республики учительский корпус составлял 36154 чел., в т.ч. женщин - 22639. Из 37523 учителей на 1 января 1946 года только 17,5 % имели высшее образование и 28% среднепедагогическое (ЦГА РК, 15:90.; ЦГА РК, 699:120). Решение проблем всеобщего, сохранения контингента учащихся, вовлечения девушек в учебу, в особенности казашек и представительниц других восточных национальностей всецело зависело от целенаправленной работы школ. Война обострила трудности школьного обучения, состояние школ характеризовалось слабой материальной базой, уменьшением численности учащихся на 30%, учителей на 14% (Казахстан за 40 лет, 1960:420). Численность девушек-казашек в старших классах и в 50-е годы оставалась незначительной. К примеру, в Южно-Казахстанской области за период с 1940 по 1950 гг. окончили среднюю школу 126 девушек-казашек. В 1947 г. в школах системы народного образования республики обучалось в 8 классах 14101 девушка, в т.ч. - 1789 казашек, в 10 классах обучалось 6220 девушек, в т.ч. 612 казашек (Архив Президента РК, 1859:237).

Для рассматриваемого периода характерно противоречие между потребностями общества в кадрах-специалистах и интересами девушек-женщин в вопросах образования. Трудности процесса формирования и развития мотивации к обучению и образованию, в особенности у девушек – казашек, уйгурок, узбечек были связаны с условиями социальной среды, семьи, традиционных устоев, возможностей родителей. В 1947г. в учреждениях системы просвещения разных регионов республики был введен персональный учет девушек-казашек, обучающихся в 8-10 классах школ и педучилищ (ЦГА РК, 518:67; ЦДНИ, 70:96; ГА ЮКО, 2597:7; ГА ЮКО, 2566:56). Организация учета девушек-казашек, политико-воспитательная и разъяснительная работа среди родителей и учащихся, практика родительских лекториев явились в условиях того времени необходимой мерой, обеспечивающей формирование образовательных интересов женской молодежи и открывающей доступ в профессиональные учебные заведения.

Приведенные статистические данные свидетельствуют, что проблема учета и вовлеченности девушек восточных национальностей в учебу оставалась актуальной. В составе 77405 учащихся казахских средних школ девочки составляли 31665 чел., из них в 8-10 классах обучалось всего 3450. Так, в составе учащихся старших классов в Восточно-Казахстанской области девочки составляли 43%, Западно-Казахстанской-42%, Актюбинской-31%, Кустанайской-13,9%, Джамбулской-12,4%, а в Южно-Казахстанской –9,5%. Так, в январе 1949 г. руководство республики принимает решение «О мерах по сохранению контингента учащихся старших классов школ» (ЦГА

РК, 160: 1, 17). Школа оставалась главным фактором в формировании образовательных интересов женской, в особенности национальной молодежи, так как решение проблем всеобщего, сохранения контингента обучающихся зависело от учебно-воспитательной работы педагогического коллектива школ. В этом направлении продолжалась работа и в последующие годы. Так, в 1952 г. в школах-интернатах в 8-11 классах обучалось по Акмолинской области 142 девушки-казашки, по Актюбинской - 248, по Гурьевской – 443 (ЦГА РК, 2201: 3,5,7). Обзор статистических данных показывает, что численность девушек-казашек в старших классах и в 50-е годы оставалась незначительной.

В целях решения данных вопросов школа использовала свои профессиональные учительские кадры, при этом остро испытывая в них недостаток. Поэтому в послевоенные годы развитие учительских и педагогических институтов в республике было обусловлено актуальностью их подготовки и развития образовательных интересов молодежи, в особенности женской. Именно женское высшее образование в этих условиях приобретало особую значимость. В 1946-1947 учебном году в педагогических и учительских институтах республики обучалось 4932 студента, из них - 3211 женщин, в т.ч. 902 – казашки (Архив Президента РК, 1423:17).

Особое место и значение в реализации женского образования в Казахстане имел Казахский государственный женский педагогический институт, открытый в 1944 году. Сеть высших учебных заведений в республике в послевоенный период непрерывно росла, потребность в особенности педагогических кадрах была огромна. В этих условиях формирование учительских кадров зависело как от уровня знаний, умений, способствующих решению педагогических задач, так и от уровня мотивации, наличия ценностей и убеждений, составляющих основу личности и деятельности педагога. Если в 1946 г. в числе специалистов с высшим образованием было 4319 женщин-педагогов, то в 1947- 5416 (ЦГА РК, 1146: 13; ЦГА РК, 567: 26a).

Вместе с тем проблема образовательной и профессиональной подготовки женщин продолжала оставаться нерешенной – значительным был отсев девушек коренной национальности, сохранение контингента старшеклассниц до окончания школы оставалось на повестке дня. Активной силой целенаправленной образовательной политики выступала не только школа, но и общественность республики. Гражданскую заинтересованность в судьбах детей проявили женщины – деятели науки, культуры Казахстана, обратившись ко всем девушкам республики с призывом «овладеть высотами знаний, получив высшее образование... непрерывно совершенствовать свои знания...сочетая практическую работу с научной деятельностью» (Казахстанская правда, 1949).

За 1947-1950 гг. в республике было открыто 6 новых институтов. В 1950-1951 учебном году женщины в составе студентов высших учебных заведений составляли 42,7% (Культурное строительство, 1960:85).

За период с 1948 по 1951 гг. вузы республики подготовили 7040 женщин-специалистов, в т. ч. 1380 казашек, что составило 19,6 процентов от их общего числа (Большевик Казахстана, 1952:59).

Флагманом университетского, да и в целом высшего образования в республике был Казахский государственный университет им. С.М. Кирова. В 1949 г. в университете в составе 2195 студентов обучались 1033 девушки (ЦГА РК, 264:11).

В 1950/51 учебном году в 26 вузах обучалось 13317 женщин (Культурное строительство Казахской ССР, 1960:85). К тому же в различных высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда в 1950 г. обучалось 77 девушек-казашек (ЦГА РК, 2107:18).

Следует учитывать, что усилия институтов власти республики были направлены на сохранение контингента девушек до окончания школы, оказание помощи при поступлении в вузы для продолжения учебы. Так, при приеме студентов предусматривался прием 50 % девушек к общему объему, в том числе: девушек-казашек - 25 %; при приеме в аспирантуру набор 50 %, в т. ч. 30 % казашек (ЦГА РК, 1717:15, 16, 17).

Однако при устойчивом росте общей доли специалистов с высшим образованием из числа женщин данная тенденция не могла служить определяющим показателем

процесса вовлеченности женщин коренной национальности в систему высшего образования. Так, в республике в 1952 г. из числа 33 тыс. женщин-учителей казашек было 7100 человек, в числе 4560 женщин-врачей было 106 казашек и всего 55 представительниц коренного этноса - специалистов сельского хозяйства (ЦГА РК, 2107:18).

Общеизвестно, что система образования всегда выступает одним из важнейших объектов воздействия со стороны государства. Социализация и перестройка женского сознания тщательно и непрерывно культивировалась, общественная практика создавала идеал образованной женщины. Государственная образовательная практика 40-50 гг. XX в. целенаправленно расширяла образовательные возможности женщин в системе высшего образования.

Советское руководство республики в 1952 г. принимает специальное решение по улучшению обучения и воспитания девушек-казашек в школах, средних специальных и высших учебных заведениях, сыгравшее важную роль в развитии женского образования (Кунантаева, 1980:27).

В соответствии с этим активизировались усилия, направленные на количественный рост кадров специалистов из числа женщин казахской национальности. Например, в 1953 г. количество выпускников вузов составило 17926, из них 10323 – женщины, в том числе - 2063 казахской национальности. На долю педагогических вузов пришлось 4418 выпускниц, в их числе 890 казашек, а учительские институты подготовили 5784 женщин, казашек – 1170 (ЦГА РК, 2331:49, 58, 59). Особенно большой была заинтересованность советского общества в подготовке преподавательских кадров из числа женщин, что объясняется той первостепенной ролью, которую они призваны играть в образовательно-воспитательной деятельности. Именно на решение этой цели и было направлено развитие в послевоенные годы учительских и педагогических институтов.

Данная тенденция была характерна в целом для системы образования всей страны. Союзное правительство принимало меры по расширению и совершенствованию деятельности педагогических учебных заведений, созданию в них устойчивого состава профессорско-преподавательских кадров, постоянного контингента студентов, развитию аспирантуры, введению специальной годичной подготовки к преподавательской деятельности успешно окончивших эти заведения (Паначигин, 1975:114).

Данный подход нашел свое воплощение в постановлении правительства СССР 1953 г. «О мерах по улучшению подготовки педагогических кадров для вузов СССР» (ЦГА РК, 207:134).

При этом подготовка научно-педагогических кадров, тем более из числа женщин, отставала от темпов развития высшей школы. В условиях реализации женской политики послевоенного времени было важно, чтобы во всех звеньях системы образования, начиная от общеобразовательной подготовки, обучение способствовало формированию высокой профессиональной мобильности женщин. Именно развитие такой способности должно было быть положено в основу приобщения к творчеству, в том числе педагогическому и научному.

Следует признать, что образование явилось средством, с помощью которого общество увеличило возможность выбора между традиционным представлением женщин о своем месте в обществе и современным образом ее жизни. С этой точки зрения хочется отметить значимость мероприятий в области решения «женского вопроса», предпринятых советским режимом, и важность переворота в сознании женской части населения, связанного с трансформацией женских ценностных установок.

Педагогическая деятельность превращалась в специализированную, наиболее активную форму проявления общественно-трудовой активности и потенциала женщин.

В то же время следует отметить, что реальная нерешенность многих проблем, связанных с изменением профессионального статуса женщин, выравниванием их образовательно-культурного уровня, созданием условий для получения ими высшего образования, социализацией личности женщин в качестве участников научно-педагогического процесса по-прежнему, как и в предыдущий период советской истории,

требовала государственного регулирования образовательной системы, кадровой политики, ресурсного потенциала общества в целом. Надо признать, что кадровый потенциал республики по своим основным параметрам, в том числе и количественным, оставался еще недостаточным для масштабной послевоенной экономической и культурной модернизации страны. Так, в 1950 г. в числе преподавателей Кзыл-Ординского педагогического и учительского институтов было 6 женщин - казашек, в Уральском - 6, в Семипалатинском, Карагандинском, Чимкентском по 5 женщин-казашек, в Актюбинском - 7 (ЦГА РК, 1889: 37, 41, 44, 46, 47, 49).

Как видим, наиболее актуальным в послевоенной повестке дня в рассматриваемом нами аспекте являлся вопрос обеспеченности научно-педагогическими кадрами высших учебных заведений и научных учреждений республики.

Процесс развития сети высших учебных заведений не сопровождался соответствующим распределением научно-педагогических кадров научной квалификации. В областных вузах не хватало штатных преподавателей с ученой степенью и званием. Так, в составе 78 научно-педагогических кадров педагогического и учительского институтов г. Семипалатинска в 1948/49 учебном году было 30 женщин, в т. ч. 3 казашки. Степень кандидата наук имели 5 преподавателей, из них только одна 1 женщина (ЦДНИ, 35:4, 45).

В 1950 г. в высших учебных заведениях системы Министерства просвещения в составе 819 научно-педагогических кадров было 334 женщины, из них 36 ассистентов, 89 старших преподавателей и 147 преподавателей. За 5 лет их число возросло на 129, что составило 463 (ЦГА РК, 1053:13). Женщины - педагоги были слабо представлены и в числе кадров научной квалификации. Так, в 1950г. в числе 9 профессоров была только одна женщина, а в числе 46 доцентов - 9 женщин-преподавателей (ЦГА РК, 1889:9.; ЦГА РК, 2071:175), по данным 1955 г. в числе 5 профессоров - 1 женщина, 93 доцентов – 24 женщины (ЦГА РК, 1053:13).

Во многих областных вузах женщин кандидатов наук насчитывались единицы. Так, в Уральском педагогическом и учительском институтах в 1950 г. преподавало 4 женщины-кандидата наук, в Семипалатинском - 3, в Актюбинском и Чимкентском институтах не было ни одной женщины с ученой степенью (ЦГА РК, 1889:41, 42, 44, 47, 49).

В этой связи важное значение приобретал вопрос подготовки научных кадров через аспирантуру. В системе Министерства просвещения аспирантура функционировала только при Алма-Атинском пединституте им. Абая. В 1950г. в ней обучалось 44 аспиранта, из них - 23 женщины. К началу 60-х годов институт готовил через аспирантуру научно-педагогические кадры по 28 специальностям (ЦГА РК, 225: 201).

Наряду с вузовской подготовкой научных кадров в послевоенные годы, с открытием в 1946 г. Академии Наук (АН) Казахской ССР, продолжает функционировать аспирантура при институтах АН. В 1950 г. аспирантуре АН в обучалось 129 женщин, тогда как при аспирантуре КазГУ - 34 женщины (ЦГА РК, 839:93, 30, 87). Как видим, аспирантура высших учебных заведений и Академии Наук республики являлась основной формой подготовки научно-педагогических и научных кадров. Так, в 1951 году в институте аспирантуры республики обучалось уже 220 женщин, в т. ч. 70 казашек (Большевик Казахстана, 1951:12). Из них 99 обучалось в аспирантуре АН. Думается, что процесс подготовки научных кадров не только в сфере обучения (вузов), но и в сфере собственно научной деятельности в полной мере отвечал задачам, как декларировалось тогда во всех партийно-государственных директивах, 5-летних планов развития народного хозяйства и научно-технического прогресса. Так, более многочисленная группа аспирантов в 60 человек обучалась по техническим направлениям, по биологическим – 38, историческим – 33, медицинским – 29, экономическим – 21, химическим – 17 (ЦГА РК, 359:50).

Процесс вовлечения женщин в систему высшего образования и науки способствовал относительному росту их доли в общем числе научных работников. Если в 1951 г. в республике ученую степень доктора наук имели 11 женщин, из них 2 казашки; степень кандидата наук 117 женщин, в т. ч. 28 казашек (Сталин жолы, 1951:1), то в 1953 г. ученую степень доктора и кандидата наук имели 197 женщин (Коммунист Казахстана,

1953:32). Приведенные данные убеждают в том, что суть кадровой политики в высшем образовании и науке республики заключалась и в количественном росте удельного веса женщин в составе научно-педагогических кадров, и в повышении их научной квалификации. С учетом того, что вся духовная сфера советского общества испытывала на себе жесткий идеологический контроль, и на высшую школу совместно с институтом науки как ее составляющих в процессе подготовки квалифицированных специалистов механически переносились политические установки и командно-административные методы руководства.

Научно-педагогическая деятельность на этом фоне являлась более значимой формой проявления деятельностной сущности женщин, позволявшей женщине, в особенности коренной национальности, творить и производственную, и семейную жизнь. Развитие послевоенной экономики, культуры, процессы урбанизации существенно изменили социальные позиции женщин. Города как центры образования и культуры, социальной активности и мобильности способствовали «врастанию», в особенности представительниц титульной нации, в профессиональный социум советского общества. Одним из инструментов социальной адаптации коренного населения к реалиям советской действительности в контексте политики широкомасштабной русификации выступало овладение русским языком. В принципе это не означало подавления местного языка, однако на практике знание русского языка являлось преферентным условием для профессионального роста (Сыдыков, 1998:219).

Практический опыт советского женского образования наглядно подтверждал: образовательный уровень казашек, хотя и имел тенденцию роста, оставался не высоким. Так, в 1959 г. на 1000 женщин - казашек приходилось 145 с высшим, средним и неполным образованием. Аналогичный показатель среди русских женщин составлял 301 (Итоги Всесоюзной переписи населения, 1959:44). Но при этом следует учесть, что представители русской национальности в составе населения республики на тот период являлись многочисленным этносом, к тому же более урбанизированным.

Научно-педагогическая деятельность накладывает отпечаток на мировосприятие, систему ценностей личности женщины. Продолжая оставаться объектом общественного воздействия, идейно-политической деятельности советской власти казахская женщина, определяя значимость тех или иных видов жизнедеятельности, приобретает к ним на основе культивируемых обществом мировоззренческих установок. Но вместе с тем, данная сфера деятельности является общественной по своей природе, характеру развития. Ее результатам присуща не только социальная значимость, но и новизна, которая делает эту форму активности способной обеспечить развитие различных сфер общественной жизни и личности самой женщины.

В 1960 г. в вузах Министерства высшего образования в составе 3493 научно-педагогических работников было 1165 женщин, в т. ч. 250 казашек, 723 русских. Из общего числа женщин имели ученую степень доктора наук — 4, кандидата наук - 210 человек. В четырех мединститутах Министерства здравоохранения работало 593 женщины-преподавателя, в т. ч. 83 казашки. Из общего числа женщин ученую степень доктора наук имели 3, а кандидата наук - 62 человека (ЦГА РК, 1221: 10, 11, 119). Приведенные данные не позволяют утверждать, что политика государства и партии по продвижению женщин имела половинчатый характер. Следует подчеркнуть, что принимаемые властью меры были соразмерны и адекватны потребностям и возможностям того времени. Как следствие, заинтересованность женских масс в получении научной и педагогической квалификации способствовала тому, что профессиональная занятость женщин стала социальным стандартом, обеспечивая постепенный рост профессиональных возможностей женщин в высшей школе и науке.

Как известно, в науковедческой литературе выделяют 4 составляющие научного потенциала: организационную, кадровую, материально-техническую, научно-информационную. В исследуемый период организационные условия оптимизации подготовки кадров науки и высшей школы были обусловлены не только целями государства, но и объективными потребностями общественной практики. Как в годы сталинизма, так и в условиях хрущевской «оттепели», в начале 60-х годов XX в. Развитие сети вузов не сопровождалось соответствующим территориальным и

отраслевым распределением кадров научной квалификации. В 1963 г. более 80 % докторов наук и более 50 % кандидатов наук были сосредоточены в вузах г. Алма-Аты. Вопросы подбора, подготовки научно-педагогических кадров неоднократно обсуждались на коллегии Министерства высшей школы. Так, на коллегии 1963 г. был освобожден от занимаемой должности ректор Кзыл-Ординского пединститута за неудовлетворительное состояние подготовки и подбора научно-педагогических кадров. В КазГУ, основном центре подготовки кадров преподавателей для вузов в 1961/1962 учебном году обучался 2821 студент, в т.ч. женщин - 1561, казашек - 481. В 1961 г. университет окончили 323 девушки. По данным на 1.01.1961 г. в аспирантуре республики обучалось: при АН 343 аспиранта, в т.ч. 87 женщин, при Министерстве сельского хозяйства - 26 женщин, высшего образования - 71, здравоохранения - 32 женщины (ЦГА РК, 387:1, 3; ЦГА РК, 1846:2; ЦГА РК, 223:4, 5, 6, 7).

Незначительным был и уровень обеспеченности различных отраслей науки квалифицированными кадрами из числа женщин. Так, аспирантуру при Алма-Атинском зооветинституте с 1932 по 1958 гг. окончили 57 аспирантов, из них: 9 женщин. В аспирантуре КазГУ в 1959 г. обучалось 27 женщин, из них: по химическим наукам - 8, филологическим - 6, палеоботанике - 1, историческим - 1 и т.д. В 1964 г. над докторской и кандидатской диссертациями по химическим наукам в вузах Министерства высшего образования работало 16 женщин. В 1964 г. в аспирантуре вузов большее число аспирантов было по химическим, филологическим, геолого-минералогическим, биологическим, педагогическим наукам. Наименьшее число аспирантов-женщин - по философским, юридическим, экономическим, искусствоведческим наукам. Так, в аспирантуре консерватории обучалось в 1964 г. 5 женщин-аспирантов (ЦГА РК, 282: 96, 107, 76; ЦГА РК, 384: 38-40, 57, 61, 157).

Как видим, процесс подготовки и вовлечения женщин, прежде всего казашек, в науку продолжал оставаться до конца 60-х гг. XX в. актуальнейшей задачей культурной и научной политики советского государства. Это отставание от темпов и масштаба данного процесса в пределах страны можно объяснить множеством факторов, в числе которых на наш взгляд следует указать особенности и живучесть традиций в отношении к роли и месту женщины на Востоке, устойчивость консервативных взглядов на социальный статус женщины, исторически сложившиеся определенные черты характера восточной женщины. В этом же ряду стоят и такие проблемы, связанные с вытеснением и ограничением сферы действия национального языка и повсеместной русификацией, что создавало значительные трудности в профессиональной мобильности для казахской части населения, в том числе и женской.

Существенным для понимания изменений в процессе подготовки женщин-специалистов и соотнесения их с реальным положением вещей, исключения идеализации картины советского образования являются выявленные нами факты из материалов фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан, архива Академии Наук РК. Согласно их данным, в вузах республики на конец 50-х - начало 60 х гг. XX в. в числе 3157 научно-педагогических работников женщины составляли 1097, что равнялось 34,5% от общего числа, из них женщин титульной нации насчитывалось 239, что составляло 7,5% к общему числу преподавателей и 22% к общему числу женщин-преподавателей (ЦГА РК, 45:284). По состоянию на 1960 г. среди докторов наук было всего 11 женщин, среди кандидатов - 536 (Казахстан в цифрах, 1988:19).

В том числе, в медицинских вузах в 1965 г. ученую степень доктора наук имели 16 женщин. В общей численности женщин-докторов наук доминируют медицинские, химические и биологические науки. В 1964г. в КазГУ выполнялось 30 хоздоговорных тем, руководителями 7 из них являлись женщины-ученые (ЦГА РК, 28:258.; ЦГА РК, 1406:184). Как видим, в распределении научных работников по квалификационной и отраслевой иерархии существовала выраженная гендерная асимметрия.

Гендерный дисбаланс имел место и в структурной, функциональной иерархии научно-педагогических кадров. Согласно статистической отчетности за 1948 г. научно-руководящую должность директора, заместителя директора в вузах Министерства просвещения занимали 2 женщины, декана - 5, заведующего кафедрой - 24. В вузах

Министерства здравоохранения женщины занимали только должность заведующего кафедрой - 6 человек. К середине 50-х годов в составе научно-руководящего персонала из числа женщин не наблюдается значительных карьерных изменений. В 1960 г. в вузах Министерства высшего образования на научно-руководящей должности директора, заместителя директора, декана было 5 женщин, в должности заведующего кафедрой - 56. В 4 мединститутах на научно-руководящей должности работало 40 женщин, из них: 32 заведующими кафедрой (ЦГА РК, 2071:175). Как видно, представленность женщин среди научно-руководящих должностей оставалась неизменной.

Надо полагать, что в основе гендерной диспропорции в целом всего общества, и в том числе сфере высшего образования и науки, лежат социальные установки, обусловленные своеобразием ментальных предпочтений казахстанского общества, его социокультурными и историческими условиями, разностью социальных ролей мужчины и женщины, заниженной самооценкой, степенью самостоятельности женщины.

Заключение (выводы). Социокультурные стереотипы, гендерная культура общества в условиях государственной политики советской власти не позволяли формировать целостное гендерное сознание советских людей, влиять на изменение моделей поведения и взаимодействия гендерных общностей. Это в полной мере относимо и к послевоенному времени в истории нашей страны.

Послевоенный период советской истории составляет важный этап в развитии профессиональной занятости женщин. Формирование личности женщины - преподавателя высшей школы, научного работника, ученого - сложный процесс, неразрывно связанный с развитием всех сфер общественной жизни. Несмотря на нерешенность многих проблем, трудности, противоречия, недостатки этот процесс в целом носил устойчивый поступательный характер.

В целях научной исторической объективности, переосмысления восприятия советской действительности следует подчеркнуть значимость достижений государственной политики советской власти в решении женского вопроса, в том числе в образовании: доступность и всеобщность среднего образования, бесплатное высшее образование, возможности профессионального образования и роста. Советская модернизация общества, продолжавшаяся и в послевоенное время, сформировала определенную культурно-образовательную среду для дальнейшего развития женского ресурсного потенциала общества, преодоления гендерных диспропорций в институте образования и науки.

Литература

- Абжанов Х.М. Сельская интеллигенция Казахстана: исторический опыт формирования и социальной практики (1946-1985 гг.). Алма-Ата, 1992. 418 с.
- Алтынбекова Г.А. Женщины и политические процессы. Алматы, 2001. 125 с.
- Аминова Р.Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент: Фан, 1975. 355 с.
- Андиржанова Г.А. Обеспечение социально-политических прав женщин: мировой опыт и Казахстан: диссерт... канд. полит. наук. Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2004. 127 с.
- Архив Президента РК Ф. 708. Оп. 10. Д. 1423.
- Архив Президента РК Ф. 708. Оп. 11. Д. 1859.
- Арыкова Н. Раскрепощение трудящихся женщин. Алма-Ата, 1930. 42 с.
- Балгозина Р.О. Эмансипация женщин в Казахстане: исторический опыт и политические уроки (1917-1941гг.). Учебное пособие для вузов. Семипалатинск, 2006. 172 с.
- Бейсенова М. Советская женщина - активный строитель коммунизма. // Коммунист Казахстана, 1953. № 3. С.32.
- Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959. 263 с.
- Большевик Казахстана. 1952. С. 59
- Бырбаева Г.Б. Некоторые проблемы историографии женского вопроса в Казахстане (1941-1945 гг.). Алматы: Гылым, 1996. 28 с.

- Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. Москва: Советская наука, 1958. 176 с.
- Государственный Архив Южно-Казахстанской области. Ф. 121. Оп. 1. Д. 2597.
- Государственный Архив Южно-Казахстанской области. Ф. 121. Оп. 1. Д. 2566.
- Гуревич Л.Я. Интеллигенция Казахстана и политика тоталитарного государства в сфере науки и высшего образования (1946-1985 гг.). Алматы, 1994. 476 с.
- Жакипова А. Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1971. 179с.
- Жаманбаев К.Ж. Высшая школа Казахстана. Алма-Ата: Гылым, 1972. С. 205.
- Женщины Советского Востока в зарубежной историографии. Научно-аналитический обзор. Алматы, 1990. 37 с.
- Жуламанов К. Совершенствование высшего образования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 216.
- Жумашев Р.М. Очерки истории культуры Казахстана (1917-1991 гг.). Караганда: КарГУ, 2002. 148 с.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999, №6. С. 177.
- Интеллигенция Казахстана: история, теория, современность. Научно-аналитический обзор. Алматы: Гылым, 1992. С.24.
- Итоги Всесоюзной переписи населения. 1959. Казахская ССР. Алма-Ата, 1962. С.44.
- Казахстан в цифрах. Крат. стат. сб. Алма-Ата, 1988. С.19.
- Казахстан за 40 лет. Алма-Ата, 1960. С. 420.
- Капаева А.Т. Культура и политика (Государственная политика в области культуры в Казахстане во второй половине 40-х-к. 80-х гг.). Алматы: Атамұра, 2004. 327 с.
- Капаева А.Т. Культура и политика (Государственная политика в области культуры в Казахстане во второй половине 1940-х - 1980 гг.). Алматы: Атамұра, 2004. С.39.
- Карпыкова С.С. Женщины Казахстана: проблемы историографии (20-80-е годы XX века). Дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 185 с.
- Козгамбаева М. Из истории женского образования в Казахстане (1917-1940 гг.). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Алма-Ата, 1968. 18с.
- Культурное строительство Казахской ССР. Алма-Ата, 1960. С.85.
- Кунантаева К. Развитие женского образования в Казахстане (1920-1975 гг.) Автореферат дисс. ... д. пед. наук. Ташкент, 1980. С.27.
- Кунантаева К.К. Квершинам знаний: (Развитие женского образования в Казахстане. 1920- 1977гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1978. 136с.
- Обращение женщин – деятелей науки, культуры Казахстана к девушкам республики. //Казахстанская правда, 5 августа. 1949 г.
- Паначигин Ф.Г. Педагогическое образование в СССР. М., 1975. С. 114.
- Поздравление 8 марта // Сталин жолы. 1951. № 2. С. 1.
- Работа среди женщин. Усъезд КП (б) Казахстана.//Большевик Казахстана, 1952. № 1. С.59.
- Садвокасова К. Развитие женского образования в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1969. 135с.
- Самакова А.Б. Гендерная политика в контексте социальной трансформации казахстанского общества: Дис...канд. полит. наук. Алматы, 2004. 168с.
- Соловьева Г.Г. Гендерные исследования: мировоззрение и методология (философско-психологическое основание). Алматы, 1999. 48с.
- Сыдыков Е.Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы (1917-1937 гг.). Алматы, 1998. С.219.
- Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция (проблемы становления и развития). Алма-Ата: Гылым, 1982. 256 с.
- Тастанов Ш.Ю. Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов (на примере Казахстана). Алма-Ата: Казахстан, 1975. 200 с.
- Татыбекова Ж. Женщины Советского Киргизстана в борьбе за социализм

и коммунизм. Исторический опыт раскрепощения женщин Востока в процессе строительства социализма и коммунизма. Фрунзе: Илим, 1967. 258 с.

Туменова С.М. Создание и развитие учебных заведений культуры и искусства в 1917-1960 гг. А., 1998. 178с.

Хасболотова О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реальность. Иваново, 2005. 372с.

Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ф. 698, Оп.4. Д. 567.

ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 4. Д. 839.

ЦГА РК. Ф. 698. Оп.4. Д. 1221.

ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 4. Д. 1223.

ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 4. Д. 1053.

ЦГА РК. Ф. 1352. Оп. 2. Д. 264.

ЦГА РК. Ф. 1352. Оп. 2. Д. 1406.

ЦГА РК. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 518.

ЦГА РК. Ф. 1681. Оп. 3. Д. 28.

ЦГА РК. Ф. 1982. Оп. 1. Д. 387.

ЦГА РК. Ф. 1982. Оп. 1. Д. 1846.

ЦГА РК. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 45.

ЦГА РК. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 225

ЦГА РК. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 282.

ЦГА РК. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 384.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 160.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп.1. Д. 699.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 1146.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 1717.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1 Д. 1889.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1 Д. 2071.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2107.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2201.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2331.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 3. Д. 15.

ЦГА РК. Ф. 1997. Оп. 1. Д. 207.

Центр документации новейшей истории г. Семей (далее ЦДНИ г. Семей). Ф. 645. Оп. 2. Д. 70.

ЦДНИ г. Семей. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 35.

Центральный Государственный Архив АН РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 359.

ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2107.

Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937гг.). М.: Политиздат, 1978. 213 с.

Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. Москва: Высш. Школа, 1961. 240 с.

Шаяхметов Ж. О недостатках и задачах идеологической работы в партийных организациях республики. //Большевик Казахстана, 1951. № 7. С. 12.

References

Abzhanov H.M. Sel'skaya intelligenciya Kazahstana: istoricheskij opyt formirovaniya i social'noj praktiki (1946-1985 gg.). Alma-Ata, 1992. 418 s.

Altynbekova G.A. ZHenshchiny i politicheskie processy. Almaty, 2001. 125s.

Aminova R.H. Oktyabr' i reshenie zhenskogo voprosa v Uzbekistane. Tashkent: Fan, 1975. 355 s.

Andirzhanova G.A. Obespechenie social'no-politicheskikh prav zhenshchin: mirovoj opyt i Kazahstan: dissert. ... kand.polit.nauk. - Almaty: KazNu im. Al'-Farabi, 2004. 127s.

Arhiv Prezidenta RK F. 708. Op. 10. D. 1423.

Arhiv Prezidenta RK F. 708. Op. 11. D. 1859.

Arykova N. Raskrepushchenie trudyashchihsya zhenshchin. Alma-Ata, 1930. 42 s.

- Balgozina R.O. Emansipaciya zhenshchin v Kazahstane: istoricheskij opyt i politicheskie uroki (1917-1941gg.). Uchebnoe posobie dlya vuzov. Semipalatinsk, 2006. 172s.
- Bejsenova M. Sovetskaya zhenshchina - aktivnyj stroitel' kommunizma. //Kommunist Kazahstana, 1953. № 3. S.32.
- Bil'shaj V.L. Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR. M., 1959. 263 s.
- Bolshevik Kazahstana. 1952. S. 59
- Byrbaeva G.B. Nekotorye problemy istoriografii zhenskogo voprosa v Kazahstane (1941-1945 gg.). Almaty: Gylym, 1996. 28 s.
- Galkin K.T. Vysshee obrazovanie i podgotovka nauchnyh kadrov v SSSR. Moskva: Sovetskaya nauka, 1958. 176 s.
- Gosudarstvennyj Arhiv Yuzhno-Kazahstanskoj oblasti. F. 121. Op. 1. D. 2597.
- Gosudarstvennyj Arhiv Yuzhno-Kazahstanskoj oblasti. F. 121. Op. 1. D. 2566.
- Gurevich L.YA. Intelligenciya Kazahstana i politika totalitarnogo gosudarstva v sfere nauki i vysshego obrazovaniya (1946-1985 gg.). Almaty, 1994. 476 s.
- Zhakupova A. Razvitie semejno-brachnyh otnoshenij v Kazahstane. Alma-Ata: Kazahstan, 1971. 179s.
- Zhamanbaev K.ZH. Vysshaya shkola Kazahstana. Alma-Ata: Gylym, 1972. S. 205.
- Zhenshchiny Sovetskogo Vostoka v zarubezhnoj istoriografii. Nauchno-analiticheskij obzor. A., 1990. 37s.
- Zhulamanov K. Sovershenstvovanie vysshego obrazovaniya v Kazahstane. Alma-Ata: Nauka, 1976. S. 216.
- Zhumashev R.M. Oчерki istorii kul'tury Kazahstana (1917-1991 gg.). Karaganda: KarGU, 2002. 148 s.
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Issledovaniya zhenshchin i gendernye issledovaniya na Zapade i v Rossii //Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1999, №6. S.177.
- Intelligenciya Kazahstana: istoriya, teoriya, sovremennost'. Nauchno-analiticheskij obzor. Almaty: Gylym, 1992. S.24.
- Itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya. 1959. Kazahskaya SSR. Alma-Ata, 1962. S.44.
- Kazahstan v cifrah. Krat. stat. sb. Alma-Ata, 1988. s.19.
- Kazahstan za 40let. Alma-Ata, 1960. S.420.
- Kapaeva A.T. Kul'tura i politika (Gosudarstvennaya politika v oblasti kul'tury v Kazahstane vo vtoroj polovine 40-h-k. 80-h gg.). Almaty: Atamyra, 2004. 327 s.
- Kapaeva A.T. Kul'tura i politika (Gosudarstvennaya politika v oblasti kul'tury v Kazahstane vo vtoroj polovine 1940-h - 1980 gg.). Almaty: Atamyra, 2004. S.39.
- Karpykova S.S. Zhenshchiny Kazahstana: problemy istoriografii (20-80-e gody HKH veka). Dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk. Almaty, 1997. 185 s.
- Kozgambaeva M. Iz istorii zhenskogo obrazovaniya v Kazahstane (1917-1940 gg.). Avtoref. dis. kand. ped. nauk. Alma-Ata, 1968. 18s.
- Kul'turnoe stroitel'stvo Kazahskoj SSSR. Alma-Ata, 1960. S. 85.
- Kunantaeva K. Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Kazahstane (1920-1975 gg.) Avtoreferat diss. na soisk. uchenoj stepeni d. ped. nauk. Tashkent, 1980. S.27.
- Kunantaeva K.K. K vershinam znaniy: (Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Kazahstane. 1920- 1977gg.). Alma-Ata: Kazahstan, 1978. 136s.
- Obrashchenie zhenshchin – deyatelej nauki, kul'tury Kazahstana k devushkam respublik. //Kazahstanskaya pravda, 5 avgusta. 1949 g.
- Panachigin F.G. Pedagogicheskoe obrazovanie v SSSR. M., 1975. S. 114.
- Pozdravlenie 8 marta. //Stalin zholy. 1951. № 2.S.1.
- Rabota sredi zhenshchin. Us'ezd KP (b) Kazahstana. //Bol'shevik Kazahstana, 1952. № 1. S.59.
- Sadvokasova K. Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Kazahstane. Alma-Ata: Kazahstan, 1969. 135s.
- Samakova A.B. Gendernaya politika v kontekste social'noj transformacii kazahstanskogo obshchestva: Dis. ...kand.polit.nauk. Almaty, 2004. 168s.
- Solov'eva G.G. Gendernye issledovaniya: mirovozzrenie i metodologiya (filosofsko-psihologicheskoe osnovanie). Almaty, 1999. 48s.
- Sydykov E.B. Rossijsko-kazahstanskije otnosheniya na etape stanovleniya totalitarnoj

sistemy (1917-1937 gg.). Almaty, 1998. S.219.

Tastanov SH.YU. Kazhskaya sovetskaya intelligenciya (problemy stanovleniya i razvitiya). Alma-Ata: Gylym, 1982. 256 s.

Tastanov SH.YU. Sovetskij opyt formirovaniya i razvitiya intelligencii ranee otstalyh narodov (na primere Kazahstana). Alma-Ata: Kazahstan, 1975. 200 s.

Tatybekova ZH. ZHenshchiny Sovetskogo Kirgizstana v bor'be za socializm i kommunizm. Istoricheskij opyt raskreposhcheniya zhenshchin Vostoka v processe stroitel'stva socializma i kommunizma. Frunze: Ilim, 1967. 258 s.

Tumenova S.M. Sozdanie i razvitie uchebnyh zavedenij kul'tury i iskusstva v 1917-1960 gg. A., 1998. 178s.

Hasbolatova O.A. Rossijskaya gendernaya politika v HKH stoletii: mify i real'nost'. Ivanovo, 2005. 372 s.

Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazahstan (dalee CGA RK). F. 698, Op. 4. D. 567.

CGA RK. F. 698. Op. 4. D. 839.

CGA RK. F. 698. Op. 4. D. 1053.

CGA RK. F. 698. Op. 4. D. 1221.

CGA RK. F. 698. Op. 4. D. 1223.

CGA RK. F. 1352. Op. 2. D. 264.

CGA RK. F.1352. Op. 2. D. 1406.

CGA RK. F.1655. Op.2. D. 518.

CGA RK. F. 1681. Op. Z. D. 28.

CGA RK. F. 1692. Op. 1. D. 160.

CGA RK. F. 1692. Op. 1. D. 699.

CGA RK. F. 1692. Op. 1. D. 1146.;

CGA RK. F. 1692. Op.1. D. 1717.

CGA RK. F. 1692. Op. 1 D. 1889.

CGA RK. F. 1692. Op.1. D. 2071

CGA RK. F. 1692. Op.1. D. 2107.

CGA RK. F. 1692. Op.1. D. 2201.

CGA RK. F.1692. Op. 1. D. 2331.

CGA RK. F. 1692. Op. 3. D. 15.

CGA RK. F. 1982. Op.1. D. 387.;

CGA RK. F. 1982. Op.1. D. 1846.;

CGA RK. F. 1982. Op. 2. D. 45.

CGA RK. F. 1982. Op. 2. D. 225.

CGA RK. F. 1982. Op. 2. D. 282.

CGA RK. F. 1982. Op. 2. D. 384.

CGA RK. F. 1997. Op. 1. D. 207.

Centr dokumentacii novejshej istorii g. Semej (dalee CDNI g. Semej). F. 645. Op. 2. D.

70.

CDNI g. Semej. F.1403. Op.1. D.35.

Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv AN RK. F.2. Op.1. D.359.

CGA RK. F 1692. Op. 1. D. 2107.

Chirkov P. M. Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR (1917-1937gg.). M.: Politizdat, 1978. 213 s.

Chutkerashvili E.V. Razvitie vysshego obrazovaniya v SSSR. Moskva: Vyssh. Shkola, 1961. 240 s.

Shayahmetov Zh. O nedostatkah i zadachah ideologicheskoy raboty v partijnyh organizacijah respubliki. // Bol'shevik Kazahstana, 1951. № 7. S. 12.

IRSTI: 03.20

THE CONCEPT OF EURASISM AND THE DEVELOPMENT OF MAIN BRANCHES OF STRATEGIC PARTNERSHIP IN CONTEMPORARY HISTORY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abdildabekova A.M¹, Ilyassova Z.S², Teleuova E.T.³

¹Candidate of historical sciences,

Associate Professor of Kazakh National University named after al-Farabi, Kazakhstan, Almaty, E-mail: abdiaigul@mail.ru

²Candidate of historical sciences, Associate Professor of Eurasian National University after L.N.Gumilyov, Kazakhstan, Nur-Sultan. E-mail: zita.08@mail.ru

³Candidate of historical sciences, Associate Professor of Kazakh National University named after al-Farabi, Kazakhstan, Almaty, E-mail: teleuova@mail.ru

Annotation. The article analyses the essence of the concept of Eurasism and its meaning in the development of main branches of strategic partnership in contemporary history of the Republic of Kazakhstan. Independent vision, perception and values of Eurasism presented and developed by the first President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev are effectively used in practice on continuing and consecutive basis and embodied in the country's foreign policy. For Kazakhstan, Eurasia is a unique region where ethnic, cultural and religious groups have peacefully lived and co-existed for ages showing mutual trust, confidence and understanding. The idea of space and geography is an important factor in planning and defining foreign policy goals of any state, and it is even more significant for Kazakhstan, a big country with no access to the sea. Geographically, Kazakhstan is an Asian country, only 10% of its territory is situated in Europe, but geopolitically, geoeconomically and geohistorically it considers itself a Eurasian country.

The goal of this article is to study and analyse foreign policy consequences of Eurasism policy, problems and achievements of Kazakhstan foreign policy within the task of multi-vector strategic partnership strengthening.

Key words: the concept of Eurasism, geopolitics, strategic partnership, multi-vector nature

FTAMP 03.20

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАН ТАРИХЫНДАҒЫ СТРАТЕГИЯЛЫҚ ӘРІПТЕСТІКТІҢ НЕГІЗГІ БАҒЫТТАРЫН ДАМУ ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ

Абдилдабекова А.М¹, Ильясова З.С², Телеуова Э.Т.³

¹тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, әл-Фараби атындағы

Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы, e-mail: abdiaigul@mail.ru

²тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ профессоры.

Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: zita.08@mail.ru

³тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, әл-Фараби атындағы

Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы, e-mail: teleuova@mail.ru

Аннотация. Мақалада еуразияшылдық ұғымының мәні және оның Қазақстан Республикасының қазіргі тарихындағы стратегиялық әріптестіктің негізгі салаларын дамытудағы маңызы талданады. Қазақстан Республикасының тұңғыш Президенті Нұрсұлтан Назарбаев ұсынған және әзірлеген еуразиялықтың тәуелсіз пайымы, қабылдауы мен құндылықтары тәжірибеде тұрақты және дәйекті негізде тиімді пайдаланылады және елдің сыртқы саясатында іске асырылады. Қазақстан үшін Еуразия-бұл этникалық, мәдени және діни топтар ғасырлар бойы бейбіт өмір сүріп, өзара сенім, сенімділік және түсіністік таныта отырып, бірге өмір сүрген бірегей аймақ.

Кеңістік пен география идеясы кез келген мемлекеттің сыртқы саяси мақсаттарын жоспарлау мен анықтаудағы маңызды фактор болып табылады және бұл теңізге шыға алмайтын Қазақстан, үлкен ел үшін аса маңызды. Географиялық жағынан Қазақстан Азия елі болып табылады, оның аумағының тек 10% ғана Еуропада орналасқан, бірақ геосаяси, геоэкономикалық және геоисторлық жағынан ол өзін еуразиялық ел деп санайды. Осы мақаланың мақсаты көпвекторлы стратегиялық әріптестікті нығайту міндеті шеңберінде Еуразиялық саясаттың сыртқы саяси салдарларын, Қазақстанның сыртқы саясатының проблемалары мен жетістіктерін зерттеу және талдау болып табылады.

Түйін сөздер: тұжырымдама, Еуразияшылдық, геосаясат, стратегиялық әріптестік

МРНТИ: 03.20

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА И РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Абдилдабеков А.М.¹, Ильясова З.С.², Телеуова Э.Т.³

¹кандидат исторических наук, доцент,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, Алматы, e-mail: abdiaigul@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент, и.о. профессор,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан г. Нур-Султан, E-mail: zita.08@mail.ru

³кандидат исторических наук, доцент,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, Алматы, e-mail: teleuova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется сущность понятия евразийства и его значение в развитии основных отраслей стратегического партнерства в современной истории Республики Казахстан. Независимое видение, восприятие и ценности Евразийства, представленные и разработанные Первым Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым, эффективно используются на практике на постоянной и последовательной основе и воплощаются во внешней политике страны. Для Казахстана Евразия-это уникальный регион, где этнические, культурные и религиозные группы веками мирно жили и сосуществовали, проявляя взаимное доверие, уверенность и понимание. Идея пространства и географии является важным фактором в планировании и определении внешнеполитических целей любого государства, и это еще более важно для Казахстана, большой страны, не имеющей выхода к морю. Географически Казахстан является азиатской страной, только 10% его территории находится в Европе, но геополитически, геоэкономически и геоисторически он считает себя евразийской страной. Целью данной статьи является изучение и анализ внешнеполитических последствий политики Евразийства, проблем и достижений внешней политики Казахстана в рамках задачи укрепления многовекторного стратегического партнерства.

Ключевые слова: концепция Евразийства, геополитика, стратегическое партнерство, многовекторность

Introduction. Strategic partnership as a term of interstate relations presupposes a number of conditions. First of all, there must be strategic goals crucially significant for partner nations, which cannot be achieved within simple collaboration, but only through bringing bilateral relations to a higher, quality level of partnership. There must be really important indicators of mutual collaboration in main areas – economic, energetic, political, military. Unlike allied relations, strategic partnership does not imply a strict system of responsibilities in political, economic, humanitarian or security areas.

Main strategic partners of Kazakhstan are Russia, China, the USA, European Union.

There are more than 15 countries in the circle of states which Kazakhstan considers its strategic partners. On the whole, in the opinion of the first President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev, open foreign policy line of Kazakhstan contributed to the fact that the republic has only allies and strategic partners in the world. Kazakhstan diplomats stress that the term “strategic partnership” does not stand for nuances of diplomatic terminology, but for special status of collaboration the achievement requires regular meetings of the heads of two states, mutual understanding and support in the international arena, as well as high dynamics of bilateral collaboration in various areas; strategic partnership contributes to the realization of long-term interests of the Republic of Kazakhstan, furthering the integration of the country into the global system of political and economic relations and improvement of the nation’s well-being (Gazette of diplomacy, 2008).

Methodology. The term “Eurasia” originates from classical theories and the concept of “geopolitics” defined and developed by British geographer sir Halford Mackinder in 1904, which he used to define a huge piece of land to the east of Ural. He claimed that the one who controls this vast territory will control all world politics (Sengupta, 2009).

The term “Eurasism” is mostly a politically ideological and philosophic concept with multiple specific features and aspects, which were mentioned again and again at different historical periods by philosophers, historians, as well as independent political organizations and figures pursuing their respective aims (Бжезинский, 1998:4).

In Russia the concept of Eurasism with all its changes and modifications is still a very powerful, dominating and active discourse in historic and cultural, scientific and also national, political, ideological discussions.

Literature review. The vision of Eurasism in Kazakhstan and creation of Eurasian Union on the basis of Eurasian solidarity is an official policy (ideology) developed, launched and implemented by Nursultan Nazarbayev, the first President of the Republic of Kazakhstan. It is fundamentally different from Russian and other forms from the point of view of basic goals, tasks, methods, lines and mechanisms of implementation.

In the beginning of 1990s the government of Kazakhstan suggested the concept of Eurasism based on the idea that Kazakhstan is situated both in Asia and Europe and acts as a kind of a “bridge between Asia and Europe”. Kazakhstan’s Eurasism was declared its official ideology by top leaders of the country with the stress on consolidation of peace, solidarity and unity between nations on the basis of morality, spirituality, cultural and historical interaction between the people of different ethnic and language, cultural and religious groups. According to A. Nissanbayev and V. Dunayev, all these historical events and circumstances have contributed to the creation of objective and favourable conditions and basis for a strong integration process (Shrielman, 2009:69-85).

The head of state Nursultan Nazarbayev suggested his vision of Eurasism for the first time in his speech at Moscow State University in spring of 1994, when he mentioned a number of projects, including the formation of Eurasian Union. He also presented his concept of Eurasism claiming that if you look at the map, it is easy to see that there is a subsequent vertical row of Eurasian countries, from Russia in the north to India in the south, which are still not closely connected to the East or the West. He called this continuous row of countries situated along the meridian of the centre of Eurasia a “waiting row”. Despite all the differences between these countries, they present a rather strong group as for potential resources and possibilities which have influence not only on the balance of strength in Asia and Eurasia, but even on geopolitical balance in the whole world (Nysanbayev, 2010).

Nursultan Nazarbayev believes that Kazakhstan lies in the “epicentre of the world” with its new capital Nur-Sultan being “the heart of Eurasia”. A large number of scientists and high-ranking professionals in Kazakhstan support this point of view and promote it. It has also become part of the culture and education programmes. In one of his books (Nazarbayev, 1997:117-144) Nazarbayev says that it is crucial for Kazakhstan to develop its own multinational culture by bridging cultural gaps between various national, ethnic, and religious groups. In his article in a Russian paper *Izvestiya* (25 October, 2011), Nursultan Nazarbayev also presented his vision of Eurasism and pointed out the following principles the Eurasian Union should be based upon. 1) Pragmatism of the economy. 2) Free will of the participants, who should decide for themselves whether they want to stay within their borders,

or join the global world and global market. 3) Equality, mutual respect and sovereignty. 4) Creation of national institutions within the member-countries that will not interfere with their sovereignty (Nazarbayev, 2003:5-6). The president also pointed out that the Eurasian Union will not in any way be an attempt to revive the Soviet Union.

It is not surprising that Kazakhstan developed its own vision of Eurasism, that was integrated within the national language to talk about the domestic and the foreign policy of the country. Kazakhstan is the largest, the richest, and the most stable multinational country in the Central Asia that has always been interested in developing closer partnership with former soviet republics. Kazakhstan is a unique country, as it has both Asian and European origins, and combines the best traits of both cultures.

Regis Gente (Nazarbayev, 2003) thinks that the idea of Eurasism developed in Kazakhstan due to the concerns about the influence of Russia, and thus, this idea has become the main principle of the geopolitical and foreign policy of the country. Eurasism as a philosophic concept is the basis of the relationships of Kazakhstan with both Western (the USA, the EU, etc.) and Asian countries.

Main part. As already mentioned, Kazakhstan positions itself as a bridge between Asia and Europe, and is willing to conduct active policy through its membership in the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE), the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA), the Commonwealth of Independent States (CIS), the Organisation of Islamic Cooperation (OIC), etc. By implementing its active Eurasian involvement policy, Kazakhstan will be able to overcome the “curse” of its geographical location and turn it into a benefit by establishing balanced partnership with the world’s major countries (Назарбаев, (Nazarbayev) 2011).

According to T. Kaliyev, the key vectors of the strategic partnership of Kazakhstan are the following: integration vector aimed at former Soviet Union countries; Eastern vector; European vector; and American vector (Генте, 2010). Let us consider these four vectors in more detail.

Integration vector aimed at former Soviet Union countries Russia and the CIS countries have always been the major areas of Kazakhstan’s foreign policy, as every aspect of life in the country was greatly influenced by the social and economic structure of the USSR that had been determining the ethnic and demographic structure, the spheres of culture, education, information, and science of the region for quite a long time (Olkott, 2002).

The Republic of Kazakhstan closely collaborates with Russia due to the economic, political, ethnic, linguistic, demographic, religious, and geographic factors. For both Nur-Sultan and Moscow, it is a strategic partnership based on mutual trust, economic collaboration, and political dialogue, and following the national interests, pursuing the stability, and security of the countries on the local and international levels. Kazakhstan and Russia have a lot in common. They have similar views on the future development, and the key principles of the Development Strategy of Kazakhstan 2030 and the Russian Development Strategy 2020 are practically the same. The direction and dynamics of the current reforms in both countries are also quite similar. Experts say that, although Kazakhstan and Russia may have very different interests, especially in the sphere of economy, any potential problem or misunderstanding can be resolved through a constructive dialogue between the two countries (Kaliyev, 2019).

Since the time Kazakhstan acquired its independence, it has been actively collaborating with other countries of Central Asia both in political and economic spheres, although these countries have never been considered as strategically important as Russia. Among the strategic partners of Kazakhstan are Uzbekistan, Kyrgyz Republic, Tajikistan, and Turkmenistan. It is of greatest priority for the Republic of Kazakhstan to establish and develop partnership with the neighbouring countries.

One of the reasons for such policy is security: many Kazakhstan politicians point out that being an independent country, Kazakhstan formed a so called “partnership belt” all along its borders. Uzbekistan, Kyrgyz Republic, and Turkmenistan are on the one side of this belt, and Russia and China - on the other. Another reason for such a policy may be the energy factor.

American vector The USA are of the highest priority of Kazakhstan’s foreign policy. For both Nur-Sultan and Washington, it is a strategic partnership based on mutual trust, economic collaboration, and political dialogue, and following the national interests, pursuing the

stability, and security of the countries on the local and international levels (Kushkumbayev, 2009:52).

Among the key documents determining the development of this partnership, is the Charter on Democratic Partnership between the United States of America and the Republic of Kazakhstan. During his visit to the USA in 1997, Nursultan Nazarbayev signed the Agreement on the exploration of Pre-Caspian oil and gas deposits, the Programme for economic partnership between the United States of America and the Republic of Kazakhstan, and a number of other agreements. Clinton, in his return visit to Kazakhstan, pointed out that Kazakhstan is the strategic partner of the USA in Central Asia (Gazette of diplomacy, 2006:155). Kazakhstan and the USA have preserved this partnership ever since.

Among the key spheres of partnership between the two countries are the following: non-proliferation of nuclear weapons, military defense and security, trade and economic, and energy (Gazette of diplomacy, 2006). Both countries abide by the principles of freedom, equal opportunities, peace, partnership, dialogue, and mutual understanding. Kazakhstan actively supports some of the international programmes conducted by the USA, such as the idea of the Eurasian Land Bridge, or the New Silk Road.

Kazakhstan is highly apt in promoting integration processes within the region. Since 2011, Kazakhstan and the USA have been discussing the ways of implementing the New Silk Road project. Security and sustainable development of Central Asia are, therefore, the major spheres of strategic partnership between Kazakhstan and the US.

It is also worth mentioning, that Kazakhstan diplomats refer to this partnership as one of the most stable. The characteristic feature of this partnership is that it focuses more closely on the international security initiatives introduced by the USA, rather than on trade and economic cooperation or partnership in the energy sector, although the USA is still one of the major investors for Kazakhstan. While the EU focuses mostly on the energy factor in its partnership with Kazakhstan, the USA pays more attention to the region's security.

European vector

Strategic partnership with the European Union is one of the major objectives of Kazakhstan's foreign policy. For the EU, as well as for Russia and China, one of the key spheres of collaboration is the energy sector. Among the OPECK members, Kazakhstan, after Russia and Norway, is the third largest supplier of energy to the EU (Ivatova, 2006: 213].

The sphere of prospective partnership also includes energy efficiency, renewable energy, clean coal technologies and carbon capture and storage, as well as further development of the energy infrastructure. The EU also encourages the economic diversification in Kazakhstan by sharing its own experience and know-hows in economics.

Among the major partnership spheres is also the sphere of education. Developed European countries also serve as an example of progressive market economy and lifestyle, international investment, and stable and mutually profitable trade partnership (Mavkebayeva, 2011:103].

Partnership agreement between the EU and the Republic of Kazakhstan was signed in 1999, followed by a number of agreements in energy, transport, and nuclear sectors. In 2005, the EU announced Kazakhstan its strategic partner in the region due to the role that Astana plays in solving the problems of global energy security.

On 29 August 2008, the president of the Republic of Kazakhstan adopted and signed the state development programme for 2009-2011 "Route to Europe". The key objectives stated in the programme are the following: to attract direct international investment; to reach strategic partnership with European countries by closer collaboration in the technologies, energy, transport and machine building sectors; to improve the infrastructure and the regulatory framework of Kazakhstan using the experience of European countries (Kaliyeva, 2010).

On 27 June 2011, the Republic of Kazakhstan and The European Union started discussing new and broader partnership agreement that would cover all the spheres of long-term collaboration.

Italy, France, Germany, and Spain - the leading European countries - are considered to be the key partners of Kazakhstan in Europe, with Italy, France, and Germany being Kazakhstan's major investors. Partnership with these countries has already brought significant results, especially in the economy sector. Collaboration with Spain is an example of a different kind

of partnership. Kazakhstan diplomats point out the dynamics of cooperation in the sphere of politics, while the economic collaboration is not so active. They believe, however, that Spain is one of the most stable and persistent partners of Kazakhstan. This partnership is characterised by mutual trust and understanding. Thus, Spain actively supported Kazakhstan's candidacy for chairmanship of the OSCE, thanks to which all the member countries voted for Kazakhstan during the Council of Foreign Ministers meeting in Madrid in 2007. In 2010, Kazakhstan's government considered the dynamics and character of this partnership as a guarantee of complete mutual understanding and support, which allowed Kazakhstan to promote its initiatives within the framework of the OSCE and make significant progress in negotiations with the EU (Katler, 2010:7). Kazakhstan and Spain have also similar views on many aspects of their foreign policies.

Kazakhstan is also very interested in partnership with Hungary, as there are no unsettled issues between the two countries. Besides, Hungary has always been defending Kazakhstan's national interests in Europe. Hungary is one of the leaders in Central and Eastern Europe. It went successfully through the transition period and has become a powerful member of the EU (Bulegenov, 2010:62).

It is also worth mentioning Kazakhstan's strategic partnership with Turkey as part of the European vector, because Turkey is the Western country from the point of view of geopolitics. Turkey works in close collaboration with Europe, it is a member of NATO and an associated partner of the EU. Both Turkey and Kazakhstan are determined to develop and protect the democracy and secularization of their societies, and their foreign policies are also focused on developing their partnership with the West (Ibrayev, 2008: 219).

Strategic partnership agreement between Kazakhstan and Turkey was signed on 22 October 2009, during the official visit of Nursultan Nazarbayev to Turkey. At another meeting in 2010, presidents of both countries listed the following sphere of prospective partnership: energy, energy transportation, agriculture, construction, health care, sports, and tourism. They also pointed out that the partnership between the two countries is based on the similarity of history, culture and values of their nations (Laumulin, 2009:199-200). Turkey is considered to be the leading partner of Kazakhstan in the sphere of economics, and Kazakhstan, in turn, is one of the major trade partners of Turkey in Central Asia. There is also a stable political partnership characterised by mutual understanding and support of international initiatives.

Eastern vector

If we look at the map, we can see that Kazakhstan borders with Russia in the North-West, and China in the East, which are both dynamically developing countries that play great role in the world politics. It is therefore important for Kazakhstan to support and develop partnership with its neighbours, especially with China, the borderline between the two countries is 1700 km.

In 1995, being a Nuclear Power, China guaranteed security to Kazakhstan. During the visit of Nursultan Nazarbayev to China in 1999, a project of mutual partnership agreement for the XXI century was developed. However, back then China refused to discuss strategic partnership with Kazakhstan (Syroezhkin, 2010:76), and good-neighbourly relations agreement was not signed until December 2002. In 2005, the two countries finally signed a strategic partnership agreement. China has gradually become Kazakhstan's leading trade partner, while Kazakhstan is China's second largest trade partner among the CIS countries. Kazakhstan has a large number of gas and oil deposits, and China is one of the largest consumers on the world energy market. In the past few years, cooperation between the two countries in the energy sector has been increasing rapidly.

Within the framework of the Shanghai Cooperation Organisation, Kazakhstan and China encourage economic and trade cooperation and work on various regional and international problems (Glison, 2001). Recently, the Chinese government was concerned by the actual goals and objectives of the Eurasian Customs Union, as it is sometimes described by the European mass media as proactive organisation headed by Russia. Kazakhstan, however, criticized this approach as lacking sufficient foundation and being untrue to the reality (Nazarbayev, 2011:8).

Strategic partnership between Kazakhstan and China is based on the energy sector. Considering the growing need for carbon in China, and Kazakhstan's policy of transport

route diversification, both countries are interested in developing this partnership. Thus, for Kazakhstan, China may serve as a large export market of uranium. The trade turnover between Kazakhstan and China is practically the same as between Kazakhstan and Russia. Kazakhstan and China have also been developing their partnership in the financial sector. Among the spheres of collaboration are the following: financing of large projects, export credit insurance and information transfer, as well as involving commercial banks in the development of financial markets in both countries by opening branches and bank subsidiaries.

Discussion

The Eurasian policy of Kazakhstan pursues the following goals: to improve its relationships with Russia and other Eurasian countries; to create a balance between Asia and Europe, serving as bridge between East and West, as a source of peace, stability and neutrality; and to create harmonic multinational society within the country. The Eurasism policy of Kazakhstan does not oppose globalisation, but instead considers it as an alternative way of development and integration, which allows Kazakhstan to get integrated in the world processes.

Having acquired its independence, Kazakhstan has pursued a multivector foreign policy, aimed at supporting partnership with Russia, China, Japan, the USA, the EU, and other countries that play great role in the Eurasian politics and economy. Kazakhstan has already developed stable partnership with Russia and China within the framework of the SCO, and is now eager to strengthen this partnership by means of the Eurasian Customs Union.

Thorough study of the Eurasism policy conducted by Kazakhstan demonstrates, that it is aimed at economical integration on a regional level, which can be reached by involving former-soviet countries and leaving aside all the controversies and problematic issues of politics, ideology, or security.

The vital point of strategic partnership in any sphere for Kazakhstan are the following.

- Political collaboration and mutual support in foreign policy (high level of mutual trust, transparency, equality, common policy concerning the key world issues, such as nuclear disarmament, as well as promotion Kazakhstan's national interests in the world structures, and recognising its leading role in Central Asia).

- Economic collaboration (investment and trade).

- Collaboration in the energy sector (energy transportation).

- Security factor.

Conclusion

There is no doubt that the foreign policy of our country is one of the most important and key questions. Eurasism today is one of the ideological traditions, the futuristic orientation of which contributes to its active revival. In the modern Eurasian concept put forward by N. Nazarbayev, true integration predetermines unconditional respect for the sovereignty and independence of States and their true equality. The idea of Eurasian creation and tolerance has become fundamental in the state policy pursued in the country. It harmoniously echoes the spiritual nature and national feature of the Kazakh people: tolerance, good neighbourliness, friendliness, openness. The idea of Eurasism in the policy of Kazakhstan was based exactly on the friendly and diplomatic relations with foreign countries not only in economic sphere, but also in other areas, such as educational, social, political and etc. Kazakhstan has a lot of strategic partners from all over the world thanks to the concept of eurasism and now the number of countries which interested in the ideology of eurasism is rising day by day. It is clear, that Kazakhstan's authorities pay a lot of attention to strategic partnership with other countries, as it is of great importance. Such partnership, however, does not presuppose that political and economic interest of partner countries should coincide completely. Thus, Kazakhstan will never end a partnership upon the requirement of some third party, however powerful and important it may be. It is therefore, very difficult to determine any of the foreign policy vectors as the most important. They are all valuable to Kazakhstan and lie within the framework of its multivector foreign policy.

It is also interesting, that Kazakhstan diplomats define the relations with the USA and the EU as strategic partnership, while they may use other terms - such as alliance - referring to Kazakhstan's partnership with Russian and China.

Strategic partnership does not always require any kind of formal agreement or other

document. It seems, that in most cases it is enough to sign some basic partnership agreements or even discuss the major collaboration spheres in person. One more important thing is that Kazakhstan should promote its national interests in the world alongside with diplomatic strategy and do not forget own history and culture.

From the beginning of its activity the Eurasian Union does not create obstacles for a multi-vector, multi-polar foreign policy, Kazakhstan's entry and inclusion in other regional associations corresponding to the priorities and goals of the state policy of our Republic. The idea of Eurasism is not identified with any one country, it is aimed at such unity and integrity that would not put down and assimilate the uniqueness of peoples, but, on the contrary, feed on their diversity. After all, the fundamental feature of modern Eurasia is the ethno-cultural wealth and the connection in one model of elements of Turkic, Islamic, Slavic and Western European civilizations.

Литература:

Бжезинский З. Большая шахматная доска: американское первенство и его геостратегические императивы. Основные Книги, Нью-Йорк, 1998.

Булегенов Е. Казахстанско-испанские отношения: современное состояние, проблемы и перспективы. // Дипломатия жаршысы. 2010, № 1 (23).

Выступление министра иностранных дел Республики Казахстан Марата Тажина в «Фонд Карнеги за международный мир» [речи Марат Тажин, министр иностранных дел Республики Казахстан, по Карнеги за международный мир] (Вашингтон, 1 октября 2008 г.): «Казахстан в Глобальном мире» [Казахстан в глобальном мире] // Дипломатия жаршысы, 2008, № 4 (18).

Внешнеполитическая деятельность Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева в 2011 году // внешнеполитическая деятельность Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в 2011 году. Б. К. Султанов. Алматы, 2012.

Генте Р. ОБСЕ, во имя мира в Европе; Казахстан или Евразийская геополитика // Le Monde diplomatique (английское издание) (2010) восстановлено 29 октября 2011 г. www.mondediplo.com/2010/11/18osce.

Глисон Г. Межгосударственное сотрудничество в Центральной Азии от СНГ до Шанхайского форума. *Europe-Asia Studies*, 53 (7) (2001).

Иватова Л. Казахстан и США: обзор и анализ основных этапов стратегического партнерства двух стран [Казахстан и США: обзор и анализ основных этапов стратегического партнерства двух стран] // Дипломатия жаршысы, 2006, № 3 (9).

Интервью министра иностранных дел Республики Казахстан К. Токаева агентству Казинформ: у Казахстана нет альтернативы для другой внешней политики [интервью министра иностранных дел Республики Казахстан К. Токаева агентству Казинформ: у Казахстана нет альтернативы для внешней политики] // Дипломатия жаршысы, 2006, № 1.

Казахстан Республикасы туралы шетел бақ-дайджесі (1 Мамыр-10 маусым). Астана, 2011.

Ибраев Р. Казахстан и Венгрия в эпоху глобализации // Дипломатия жаршысы, 2008, № 1 (15).

Калиев Т. Политика равенства. Интеграционный вектор на постсоветском пространстве. Интеграционный вектор в постсоветских государствах // ЦентрАзия. 30.010.2019. от [HTTP:// www.centrasia.ru/newsA.php?st=1306702440](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1306702440).

Калиева Р. Казахстанский путь вхождения в мировое пространство: эффект европейского вектора // дипломатия жаршысы, 2010, № 1 (23).

Катлер Р. Казахстан углубляет отношения с Европой. *Asia Times Online* (2010) восстановлено 22 июня 2019 года. http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/LJ29Ag01.htm

Кушкумбаев С. К. Внешняя политика Казахстана в глобальном мире // перспективы партнерства Казахстана в новых геополитических и геоэкономических условиях: материалы круглого стола (Алматы, 22 октября 2008 г.). Алматы, 2009.

Лаумулин М. Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы, 2009.

Мавкебаева Г. Энергетической дипломатии Европейского Союза в Центральной

Азии и Республике Казахстан: приоритеты, партнерства. // Европейский союз – Казахстан – Россия: перспективы сотрудничества с Китаем [Европейский союз - Казахстан – Россия: перспективы сотрудничества с Китаем]: сборник трудов IV Международной научно-практической конференции (г. Алматы, 21 июня 2011 года). Алматы, 2011.

Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы [Евразийский союз: идеи, практика, перспективы], 1994-97. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.

Назарбаев Н. А. На пороге XXI века. Алматы, 2003.

Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего [Евразийский союз: от идеи к истории будущего] // Известия, 2011, 28 октября.

Нысанбаев А., Дунаев В. Евразийская доктрина Н. А. Назарбаева (Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева). Алматы: Институт философии и политических исследований при Министерстве образования и науки Республики Казахстан, 2010 .

Олкотт М. Б. Казахстан: невыполненное обещание. Фонд Карнеги За международный мир, Вашингтон, округ Колумбия, 2002 год.

Сенгупта А. Концептуализация евразийской геополитики: дебаты и дискурсы о «глубинке» // Азиатская Россия: партнерства и сообщества в Евразии / Сучандана Чаттерджи, Анита Сенгупта, Сусмита Бхаттачарья (ред.), Шипра, Калькутта, 2009.

Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству В трех книгах. Книга 1. В начале пути [в начало пути]. Алматы, 2010.

Шриельман В. А. сделать мост: Евразийский дискурс в постсоветском мире. Обзор антропологии Восточной Европы, 27 (2), 2009, стр. 69-85.

Эксклюзивное интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Казахстан в Соединенных Штатах Америки Ерланом Идрисовым [уникальное интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Казахстан в Соединенных Штатах Америки Ерланом Идрисовым] // Дипломатия жаршысы, 2012, № 2 (35). Дипломатия жаршысы, 2006, № 3 (9).

References

Bzhezinski Z. The grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. Basic Books, New York, 1998.

Bulegenov E. Kazakhstansko-ispanskije otnoshenija: sovremennoe sostojanie, problemy i perspektivy [Kazakhstan-Spain relationships: modern state, problems and prospects] // Diplomatiya zharshysy, 2010, № 1 (23).

Vystuplenie Ministra inostrannykh del Respubliki Kazakhstan Marata Tazhina v «Fond Karnegi za Mezhdunarodnyj Mir» [Speech of Marat Tazhin, the Minister for Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, at Carnegie Endowment for International Peace] (Washington, 1 October, 2008): «Kazakhstan v Globalnom Mire» [Kazakhstan in global world] // Diplomatiya zharshysy, 2008, № 4 (18).

Vneshnepoliticheskaja dejatel'nost' Prezidenta Respubliki Kazakhstan N. A. Nazarbaeva v 2011 godu [Foreign policy activities of N.A. Nazarbayev, the President of the Republic of Kazakhstan, in 2011] / Edit. By B.K. Sultanov. Almaty, 2012.

Gente R. OSCE, in the name of peace in Europe; Kazakhstan or Eurasian geopolitics // Le Monde diplomatique (English Edition) (2010) Retrieved October 29, 2011, from www.mondediplo.com/2010/11/18osce

Gleason G. Inter-State Cooperation in Central Asia from the CIS to the Shanghai Forum. Europe-Asia Studies, 53 (7) (2001), pp. 1077–1095.

Ivatova L. Kazakhstan i SShA: obzor i analiz osnovnyh jetapov strategicheskogo partnerstva dvuh stran [Kazakhstan and the USA: review and analysis of main steps of strategic partnership of the two countries] // Diplomatiya zharshysy, 2006, № 3 (9).

Intervju Ministra inostrannykh del Respubliki Kazakhstan K. Tokayeva Agentstvu KAZINFORM: U Kazakhstana net alternativy dlja drugoj vneshnej politiki [Interview of K. Tokayev, the Minister for Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, to KAZINFORM Agency: Kazakhstan has no alternative for foreign policy] // Diplomatiya zharshysy, 2006, № 1.

Kazakhstan Respublikasy turaly shetel BAK-tar materialdarynyn dajdzhesi (1 мамыр-10 маусым). Astana, 2011.

Ibraev R. Kazakhstan i Vengrija v usloviyah globalizacii [Kazakhstan and Hungary in the age of globalisation] // *Diplomatija zharshysy*, 2008, № 1 (15).

Kaliyev T. Politika ravnovesija. Integracionnyj vektor na postsovetskom prostranstve [The policy of balance. Integrational vector in the post-Soviet states] // *CentrAsia*. 30.05.2011. – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1306702440>

Kaliyeva R. Kazakhstanskij put' vhozhenija v mirovoe prostranstvo: effekt evropejskogo vektora [Kazakhstan's way of entering the universal space: European vector effect] // *Diplomatija zharshysy*, 2010, № 1 (23).

Cutler R. Kazakhstan deepens relations with Europe. *Asia Times Online* (2010) Retrieved June 22, 2011, from http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/LJ29Ag01.htm

Kushkumbayev S.K. Vneshnjaja politika Kazakhstana v globalnom mire [Foreign policy of Kazakhstan in the global world] // *Perspektivy partnerstva Kazakhstana v novyh geopoliticheskikh i geoekonomicheskikh usloviyah* [Kazakhstan partnership prospects within new geopolitical and geoeconomical conditions]: roundtable discussion materials (Almaty, 22 October, 2008). Almaty, 2009.

Laumulin M.T. Centralnaja Azija v zarubezhnoj politologii i mirovoj geopolitike [Central Asia in foreign political science and world geopolitics]. V. V: *Centralnaja Azija v XXI stoletii* [Central Asia in the 21st century]. Almaty, 2009.

Mavkebaeva G.A. Energeticheskaja diplomatija Evropejskogo Sojuza v Centralnoj Azii i Respubliki Kazakhstan: priority sotrudnichestva [Energetic diplomacy of European Union in Central Asia and the Republic of Kazakhstan: partnership priorities] // *Evropejskij Sojuz – Kazakhstan – Rossija: perspektivy sotrudnichestva s Kitaem* [European Union - Kazakhstan – Russia: prospects of partnership with China]: Collected works IV of the International research and practice conference (Almaty, 21 June 2011). Almaty, 2011.

Nazarbayev N.A. Evrazijskij sojuz: idei, praktika, perspektivy [Eurasian Union: ideas, practice, prospects], 1994-97. M.: Fond sodejstvija razvitiju socialnykh i politicheskikh nauk [Assistance fund for the development of social and political sciences], 1997

Nazarbayev N.A. Na poroge XXI veka. Almaty, 2003.

Nazarbayev N.A. Evrazijskij sojuz: ot idei k istorii budushhego [Eurasian Union: from the idea to the history of the future] // *Izvestiya*, 2011, 28 October

Nissanbayev A., Dunayev V. Evrazijskaja doktrina N.A. Nazarbayeva (Eurasian Doctrine of the Nursultan Nazarbayev). Almaty: Institut filosofii i politicheskikh issledovanij pri Ministerstve obrazovaniya i nauki Respubliki Kazahstan [Institute of philosophy and political research under the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan], 2010.

Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled promise. Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C., 2002

Sengupta A. Conceptualizing Eurasian geopolitics: debates and discourses on the 'Heartland' // *Asiatic Russia: Partnerships and communities in Eurasia*/Suchandana Chatterjee, Anita Sengupta, Susmita Bhattacharya (Eds.), Shipra, Kolkata, 2009.

Syroezhkin K. L. Kazahstan – Kitaj: ot prigranichnoj trgovli k strategicheskomu partnerstvu [Kazakhstan – China: from cross-border trade to strategic partnership]. In three books. Book 1. V nachale puti [In the beginning of the road]. Almaty, 2010.

Shrielman V.A. To make a bridge: Eurasian discourse in the post-Soviet world. *Anthropology of East Europe Review*, 27 (2), 2009, pp. 69–85

Ekskljuzivnoe intervju s Chrezvychajnym i Polnomochnym Poslom Respubliki Kazakhstan v Soedinennyh Shtatah Ameriki Erlanom Idrisovym [Unique interview with Yerlan Idrisov, Ambassador extraordinaire and plenipotentiary of the Republic of Kazakhstan in the United States of America] // *Diplomatija zharshysy*, 2012, № 2 (35). *Diplomatija zharshysy*, 2006, № 3 (9)

**ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ ҰЛЫ ЕСІМДЕРІ
ВЕЛИКИЕ ИМЕНА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ
THE GREAT NAMES OF THE GREAT STEPPE**

МРНТИ 03.20.00

**ВКЛАД Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Игібаев С.К.

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова.
г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Аннотация. В данной статье рассматривается вклад Ч.Ч. Валиханова в изучение истории народов, населявших территорию Центральной Азии в эпоху древности, средневековья и нового времени. Исследователь отмечает относительно мягкий климат, тучные луга Илийского края, Семиречья и побережья озера Иссык-Куль, выгодные для ведения скотоводческого и земледельческого хозяйства. Поэтому в этих местах утвердились, в разное время, сильные орды: юечжи, усунь, саки, дулу и другие. Востоковед установил роль духовных лиц – ходжей в обществе, показав их междоусобную борьбу на политической арене Восточного Туркестана на примере черногорцев и белогорцев. Ученый убедительно показал, как завоеватели Восточного Туркестана умело использовали разногласия между ходжами, переросшие в враждебные отношения в борьбе за светскую власть, на примере установления власти джунгарских ханов в этой стране, поддерживавших то одну, то другую сторону враждующих партий. Он высказал свое мнение об этнической принадлежности юечжи. Ч. Валиханов считал, что юечжи являются тюркским народом, а не ирано-язычным. В исследованиях ученого заметное место занимает сложение казахского народа, образование Казахского ханства и определение этнонима «казах». По его мнению, сложение казахского народа и время правления Алаш-хана относится к середине XIV века.

Ключевые слова: Семиречье, грамота, Кашгар, ходжа, путешественник, аксакал, торговля, тюре, Джангир, крепость.

ҒТАХР 03.20.00

**Ш.Ш. УӘЛИХАНОВТЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ
ТАРИХЫН ЗЕРТТЕУГЕ ҚОСҚАН ҮЛЕСІ**

Игібаев С.К.

тарих ғылымдарының докторы, С. Аманжолов атындағы ШҚМУ-нің Қазақстан тарихы кафедрасының профессоры. Өскемен қ. Қазақстан.

Түйіндеме. Бұл мақалада Ш. Ш. Уәлихановтың ежелгі, Орта ғасыр және жаңа заман дәуірінде Орталық Азия аумағын мекендеген халықтардың тарихын зерттеуге қосқан үлесі қарастырылады. Зерттеуші салыстырмалы түрде жұмсақ климатты, шүйгін шөпті, Іле өлкесінің, Жетісу мен Ыстықкөл көлінің жағалауын, мал шаруашылығы мен егін шаруашылығы үшін тиімді деп есептейді. Сондықтан да бұл жерлерде әр уақытта: юечжи, усундар, сақ, дулу және басқалардың мықты ордалары орнады. Шығыстанушы қаратаулықтар мен актаулықтардың мысалында Шығыс Түркістанның саяси аренасындағы өзара күресті көрсете отырып, қоғамдағы рухани тұлғалар – қожалардың саяси басшылық үшін өз ара күресін қарастырады. Ғалым Шығыс Түркістанды жаулап алған жоңғар хандары өз билігін орнату мақсатында

біреге бір жағын, біреге екінші жағын қолдап, елді әлсіретіп, Шығыс Түркістанда өз биліктерін орнатты. Ол юечжаның этникалық тегін зерттеп, олардың иран тілдес емес түрік тілдес екенің дәлелдеді. Ғалымның зерттеулерінде қазақ халқының, Қазақ хандығының құрылуы және «қазақ» этнонимінің анықтамасы елеулі орын алады. Оның пікірінше, қазақ халқының қалыптасуы және Алаш ханның басқару уақыты XIV ғасырдың ортасына жатады.

Түйін сөздер: Жетісу, грамота, Қашғар, қожа, саяхатшы, ақсақал, сауда, төре, Жәңгір, бекініс.

IRSTI 30.20.00

CH. VALIKHANOV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE CENTRAL ASIAN PEOPLES HISTORY.

S.K. Igibaev

doctor of historical Sciences, Professor,
Department of history of Kazakhstan East Kazakhstan
state University im. S.Amanzholova. Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

Abstract. This article examines the CH. CH. Valikhanov's contribution to the study of the history of the peoples who inhabited the Central Asian territory in the ancient, medieval and modern times.

This article discusses the contribution of Ch.Ch. Valikhanov in the study of the history of the peoples inhabiting the territory of Central Asia in the era of antiquity, the Middle Ages and modern times. The researcher notes a relatively mild climate, fat meadows of the Ili region, the Zhetysu and the shores of Lake Issyk-Kul, favorable for livestock and agriculture. Therefore, in these places strong hordes were established at different times: yuezhi, uisyn, sak, dulu and others. The orientalist established the role of religious missionaries - the Khodja in society, showing their internecine struggle in the political arena of East Turkestan on the example of the Chernogorcy and Belogorcy. Valikhanov Sh. convincingly showed how the conquerors of East Turkestan skillfully used the disagreement between the Khodjas, which grew into hostile relations in the struggle for secular power, by example Dzungarian Khans power establishing in this country, which supported one or another side of the warring parties. He expressed his opinion about the yuezhi ethnicity. C. Valikhanov believed that the Yuezhi are a Turkic people, but not Iranian-speaking ethnoses. In his researches, he pays great attention to composition of the Kazakh people, Kazakh Khanate formation and the definition of the ethnonym "Kazakh" occupy a significant place in his study. By Valikhanov's opinion, the formation of the Kazakh people and Alash Khan govern dates back to the middle of the XIV century.

Key words: Zhetysu, literacy, Kashgar, Khoja, traveler, aksakal, trade, tyure, dzhangir, fortress.

Введение. Ч.Ч. Валиханов четко сформулировал свой план и записал в 1856 г. в дневнике поездки на Иссык-Куль: «Думать о прошедшем и заботиться о настоящем» (Валиханов, Дневник, 1984: 308)

Творческое наследие замечательного сына казахского народа, выдающегося мыслителя, ученого, просветителя-демократа, дипломата, поборника прогресса и дружбы с русским и другими народами, отважного великого путешественника, востоковеда-историка, этнографа, публициста, фольклориста Чокана (Мухаммед-Ханафии) Валиханова (ноябрь 1835 – 10 апреля 1865 гг.) охватывает самые разные аспекты истории и культуры народов Центральной, Средней Азии, Казахстана и Западной Сибири.

Доктор исторических наук, профессор, академик Академии истории и общественных наук РК К.К. Абуев, глубоко исследовавший творчество Ч.Ч. Валиханова, справедливо утверждает: «...творческое наследие Чокана Валиханова не подвластно времени, оно как яркая звезда продолжает освещать «ниву востоковедения»... и сегодня ни

один серьезный исследователь истории Казахстана и Центральной Азии не может обойти имя Чокана Валиханова» (Абуев, 2010: 469). Однако, исторические сведения, приведенные Ч. Валихановым и его видение о народах Центральной Азии в эпоху древности, средневековья и нового времени слабо использованы в источниковедческой и историографической науке Казахстана.

Ч. Валиханов в своих исследованиях затрагивает историю народов, живших на огромном пространстве Азии в древности и средневековье.

Западный край – Джунгария, нынешний Илийский округ, Семиречье и озеро Иссык-Куль, утверждал исследователь, как прекрасные стоябища для кочевых народов, конечно, были любимыми кочевьями их с древнейших времен. По китайским историям, - отмечает ученый-востоковед, - через эти места проходили, на этих местах утвердились и сильные орды. За 220 лет до Р.Х. с границ северо-западного Китая, с Долгой стены двинулись на запад юечжи и заняли эти места, вытеснив народ сэ, т.е. саков. Вслед за тем являются усунь и, изгнав юечжей, основывают здесь свою орду. Усунь были народ сильный, владельцы их имели в супружестве китайских принцесс. Семь столетий жили здесь усунь. В VI веке утвердились тут гаогюй (уйгуры) и после дулцы (дулу – древнейшее тюркское племя). Мнение Ч. Валиханова относительно этнической принадлежности юечжи отличается от общепринятого утверждения, рассматривающего юечжи как восточную ветвь ираноязычных сакских племен, обитавших на территории Восточного Туркестана. А, по мнению Ч. Валиханова, юечжи являются тюркским народом: «Нет сомнения, что юечжи, кочевой народ, занявший нынешний Хорезм (где и ныне кочуют туркмены), и потом распростерший свое влияние на весь Туран, были тюрки, низвергавшиеся впоследствии на Азию под именем селджуков, османов, каракойлу и аккойлу. Кангюй и западные дулгасы тоже утвердились в Туране, и, по свидетельству китайцев, последние граничили далеко на западе с Фолинь (Византией)» (Валиханов, О западном, 1985: 284).

Ч. Валиханов, рассуждая о древних жителях Иссык-Куля, приводит следующие сведения: у Абулгази, в сказаниях его о тюрках, озеро Иссык-Куль является колыбелью тюрков. *Огузхан* (т.е. правитель гуннов Модэ – И.С.) имел тоже здесь зимовье, а до Чингиса тут были канглы. «Озеро Иссык-Куль, Чуй и Талас суть кочевые места канглов», - говорит историограф тюркского древа (Валиханов, Записки, 1985: 28.). Ученый имел ввиду Абулгазы. По мнению Ч. Валиханова, еще в древние времена, при сильном господстве кочевого быта часть населения Илийской долины, Семиречья вела оседлый образ жизни. Первые исторические известия об этом мы находим в китайской истории – именно, известие о городе Чигу, который, надо полагать, был на восточном берегу озера Иссык-Куль. «В средние века оседлость здесь сильно распространилась, особенно в Илийской долине. Города Алмалык (ныне Туркестанское селение), Хонакай и Кайнак (существующие теперь) и Алматы (где ныне укрепление Верное) были известны по своей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили гунзэские купцы в Китай и кипчаковские послы к великому хану» (Валиханов, Очерки, 1985: 332). Валиханов, исходя из того, что в сильную бурю из озера Иссык-Куль выбрасывается разная утварь домашнего обихода, предполагал, что данное озеро образовалось в результате землетрясения, разрушившего прибрежные города.

Чокан Валиханов, исследовав следы чудских копей – древних выработок эпохи бронзы в глубине Азии (Казахстана, Южной Сибири и др.) предполагал, что горным делом занимались не только финны, но и тюрки: «Горное дело не было исключительным достоянием финской расы. Исторические данные нам говорят, более в пользу тюрков, чем финнов, потому что туго, по свидетельству китайцев, были рудокопами жужанского дома, при покорении Сибири одно тюркское поколение было названо кузнецким, потому что оно исключительно занималось сплавкой руд и снабжало металлическими изделиями соседних монголов и финнов» (Валиханов, Очерки, 1985: 333). Эту версию Ч.Ч. Валиханова в XVIII веке высказывали ученые В.Н. Татищев и П.С. Паллас.

Большую ценность для истории и истории дипломатии Казахстана представляют приведенные Ч. Валихановым грамоты китайских императоров Цянь-Луна (1736-1796), Юньяня (1796-1820) – известного под именем Цзя-Цин, Миньина (1821-1850),

известного под псевдонимом Дао-Гуан и джунгарского хонтайджи Галдан-Церена (1727-1745). Он приводит 5 грамот: 1) тарханную грамоту джунгарского хонтайджи Галдан-Церена, данную казахскому бию и батыру Малай-Сары, грамота написана по-калмыцки; 2) грамоту императора Цян-Луна к султану, впоследствии хану Аблаю, на маньчжурском и калмыцком языках; 3) грамоту того же Цян-Луна к хану Средней орды Валию на трех языках: маньчжурском, калмыцком и на тюркском-мало-бухарском наречии; 4) грамоту императора Цян-Цина к хану Валию и сыну его Аббасу, признанному китайским правительством наследником Валия и гунном (звание – И.С.), на трех выше указанных языках; 5) грамоту императора Дао-Гуана (Гао-Канана) к султану Абайдулле на ханское звание, после смерти Валия, на трех языках (Валиханов, Черновой, 1985: 300).

«Записки об организации поездки в Кашгар», составленные в апреле-мае 1858 г. и отправленные Ч. Валихановым генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорту, раскрывают историю Восточного Туркестана – Малой Бухарии, роль ходжей, сеидов, шейхов в религиозном веровании, духовной и светской жизни населения, а также политическую ситуацию в Восточном Туркестане в 20-50-е годы XIX века.

Восточный Туркестан, сообщает Ч. Валиханов, был известен китайцам еще во втором веке до Р.Х. В 140 [г.] до Р.Х. китаец Джан-Кян доставил первое обстоятельное известие о народах Западного края. Города Кашгар, Яркенд, Хотан, Аксу, Уш, Куча, Харашар имели своих царей и, согласно китайской истории, находились под влиянием индийской цивилизации, и исповедовали буддизм. При разделе империи Чингиз хана Восточный Туркестан вошел в состав удела Джагатая, которому отец завещал весь Мавраннагр. Столицей своей Джагатай избрал уйгурский город Бишбалык. Вскоре преемники Джагатая перенесли столицу в Самарканд. В начале XIV столетия, когда Джагатайская орда после смерти Казана (25 государя из дома Джагатая) разделилась на множество независимых владений под управлением эмиров, один из принцев джагатайского рода Исенбуга с титулом хана утвердился в городах Восточного Туркестана. Сын и наследники Исенбуги Туглук-Тимур является одним из сильнейших владетелей в Средней Азии. В 763 [г.] гиджры он покорил Мавраннагр и сына своего Ильяс-ходжу оставил в Самарканде, впрочем, владычество его над Самаркандом было непродолжительным. Спустя два года сын его был изгнан эмирами Хусейном и Тимуром, впоследствии известным под именем Тамерлана. Всего более этот Туглук-Тимур замечателен тем, что первый принял мусульманскую веру и распространил ее в шести городах (Валиханов, Записки, 1985: 10). В XVI столетии мусульманство окончательно вытесняет буддизм из пределов Восточного Туркестана.

Влияние ходжей началось в Восточном Туркестане вместе с введением мусульманства. Впоследствии, - пишет Ч. Валиханов, - когда дом Джагатая прекратился, то «ходжи сделались и светскими владетелями» (Валиханов, Записки, 1985: 11). Исследователь убедительно показал, как завоеватели Восточного Туркестана умело использовали разногласия между ходжами, переросшие в враждебные отношения в борьбе за светскую власть, на примере установления власти джунгарских ханов в этой стране, поддерживавших то одну, то другую сторону враждующих партий. «Один из сеидов, потомков Магомета, происходивший в ближайшем колене от имама Ризы, ходжа Махтуми-Азиям приобрел богословскую известность в Бухаре. Приехавши в Кашгар, он был встречен народным уважением и получил от кашгарских ханов богатые поместья; а после смерти Махтуми-Азияма сыновья его, Имам-Калян и ходжа Исак-Вали, были почтены таким же уважением и сделались религиозными патронами мусульман Восточного Туркестана» (Валиханов, О состоянии, 1985: 127). Они образовали две партии, отличавшиеся не столько существом учения, сколько характером и качеством лиц, стоявших во главе их. Последователи Имама-Каляна назывались ишкия, а последователи ходжи Исаака-Вали называли себя исакия, а впоследствии, сторонники Имама-Каляна (Ходжа-и Калян) названы белогорцами, так как Имам Калян был основателем ветви белогорских ходжей – «актаглык» в Кашгаре, а единомышленники Исаака-Вали стали черногорцами. Ходжа Мухаммад Исак-Вали был родоначальником линии черногорских ходжей – «каратаглык» в Яркенде.

Вскоре по зарождении этих партий проявились и враждебные между ними

отношения, конечно, сперва религиозного характера; но когда круг каждой партии значительно расширился, когда все население шести городов разделилось на два неприязненных лагеря, тогда к религиозным распрям присоединились и стремления к политическому преобладанию. Такое направление ясно выразилось когда ходжа Аппак, глава белогорской партии, достиг через посредничество джунгаров светской власти, оно привело Восточный Туркестан к потере своей независимости, потому что как джунгары, так и китайцы умели воспользоваться взаимной ненавистью белогорцев и черногорцев и, поддерживая одну из сторон, успели подчинить всю страну своей власти.

Кашгарский хан Измаил, ревностный черногорец, принудил Аппака оставить свое отечество. Ходжа пробрался в Кашмир и оттуда в Тибет, представился Далай-Ламе и успел так ему понравиться, что тот отправил его к джунгарскому хонтайди Галдану с письмом, в котором просил его, Галдана (1670-1697), утвердить Аппака в Кашгаре и Яркенде. Галдан, пользуясь этим случаем, в 1678 году покорил Малую Бухарию и сделал Аппака своим наместником, назначив ему столицей Яркенд, а семейство кашгарского хана увез пленным с собой в Илю, где поместил их в мусльманском городе Кульдже. Далай-Лама был так доволен послушностью Галдана, что «почтил его титулом бошекту (благословенного)» - бошекту (Валиханов, О состоянии, 1985: 128).

С этого времени до покорения Малой Бухарии китайцами страна находилась под владычеством джунгаров, которые во внутренне управление вовсе не вмешивались, а ограничивались данью четыреста тысяч тянга в месяц. Внутренне управление имело с древнейших времен ту же иерархию, как и теперь: каждый город имел хакима, правителя, ишкагу – его помощника, шанбеги, газначи, тысячников, сотников и т.д. Вследствие этого внутренние раздоры и борьба партий продолжались.

Джунгарские правители Цэван-Рабдан (1697-1727), Галдан-Цэрен (1727-1745), опираясь на черногорцев, держали в подчинении города Восточного Туркестана: Яркенд, Хотан, Кашгар, Аксу, Янысар и Турфан с их окрестными селениями. В 1720 году Цэван-Рабдан «возвратил Даниель-ходжу» в отечество с уполномочием управлять шестью городами. ...По смерти Даниель-ходжи, Галдан-Черен воспользовался случаем, чтобы разделить власть в Малой Бухарии, и потому прислал грамоты и печать детям его, определив старшему Ходже Джагану – Яркенд, второму, Юсуфу – Кашгар, третьему, Аюбу – Аксу и младшему, Абдулле – Хотан. Из них особенно был известен кашгарский Юсуф. Мать его была дочь калмыцкого нойона» (Валиханов, О состоянии, 1985: 129).

Черногорец Юсуф Ходжа, воспользовавшись ослаблением Джунгарского ханства, в период кратковременного правления Даваци (1753/54 – июль 1755), в 1754 году подняв восстание против угнетателей, стал независимым мусульманским владельцем Кашгара, Яркенда, Хотана. Однако «независимость трех городов, сложивших джунгарское иго, продолжалось весьма недолго» (Валиханов, О состоянии, 1985: 131). Отложился и Янысар.

Последний джунгарский хан Амурсана (1755 – 21 сентября 1757), победив своего соперника Даваци с помощью китайской армии и утвердившись в Или, начал думать о возвращении в зависимость отложившихся городов: Кашгара, Яркенда и Хотана. Послать большое войско Амурсана находил невозможным и он прибегает к помощи белогорской партии. Бурханеддин и его сподвижники – представители белогорцев, придерживаясь ориентации Китая, кровавым путем, через казни и убийства черногорцев «достигли снова всеобщего преобладания» (Валиханов, О состоянии, 1985: 135). Белогорцы также были разбиты во время восстания маньчжурским военачальником Чжао Хойем (1708-1764), командовавшим цинскими войсками. Об этом писал Ч. Валиханов: «Впоследствии Бурханеддин, соединившись с братом своим Ханходжей, подняли в 1758 году восстание, которое хорошо известно из китайских историков. После трехлетней упорной войны Бурханеддин и Ходжа Джаган, разбитые илийским цзян-цзюнем Чжаохой и помощником его Фудя, бежали в Бадахшан, где и были убиты правителем этой страны Султан-шахом, а головы их представлены в китайский лагерь. Из всей фамилии Аппаков спасся один малолетний сын Бурханеддина – Сарымсак,

или Саали-ходжа, из остальных: четыре убиты в сражении, двое попались китайцам и отведены в Пекин. Это случилось в 1758 году.

С этого времени Малая Бухария сделалась провинцией Китайской империи. Чтобы упрочить свои завоевания в Западном крае, китайцы основали в 1764 году на реке Или на месте, где был курень джунгарских ханов, город Хой-Юан-Чен, известный у нас под названием Кульджи (коммен: правильно Хойюань-Чэн-город или Кульджа, основан в 1763 г.)» (Валиханов, О состоянии, 1985: 135-136).

К Восточному Туркестану, оказавшему сопротивление, китайцы отнеслись осторожно: сохранялось внутренне управление, в крупных городах располагали военные гарнизоны, для охранения границ поставлены пикеты, для быстроты сообщения устроены станции. Шла колонизация края.

Восстание жителей Уш-Турфана было жестоко подавлено и город был совершенно истреблен.

Многие ходжи переселились в Коканд. Китай, опасаясь ходжей, вступил в сношение с кокандским Омар Ханом (1809-1822). Китайское посольство при помощи даров убедило хана «подвергнуть строгому надзору ходжей и обязалось ежегодно давать за то кокандцам по двести ямб» (Валиханов, О состоянии, 1985: 141).

Сын белогорца Сарымсак ходжи, Джангар-ходжа, 1783 года рождения, человек предприимчивый и умный, по характеристике Ч.Ч. Валиханова, познакомившись с состоянием Китая, зная преданность к ходжам туркестанцев, решил поднять восстание. Пользуясь смертью хана Омара в 1822 году, Джангир бежал из Коканда в кочевья кыргызов и там начал готовиться к походу на Кашгар. Таким образом, «Джангир положил основание постоянным восстаниям, которые не прекращаются до сих пор. Они известны у китайцев под названием «ходжамских» бунтов, а у азиатцев – под почетным названием «газата» (Валиханов, О состоянии, 1985: 141). Инициативу Джангира поддержали кыргызские вожди Амантай, Тайлак и другие. Китайский отряд, численностью 500 человек, отправленный для наказания Джангира и его сторонников, был разбит на территории Кыргызстана, в узком проходе. «Бий Чибылды из рода бассыз атаковал их так стремительно, что только один мог спастись, а остальные были истреблены вместе со своим генералом» (Валиханов, О состоянии, 1985: 142).

Джангир стал действовать решительнее. Он известил о своей победе кокандского хана, уратюпинского владетеля и кундусского эмира и разослал своих агентов в кочевые племена узбеков, казахов и кыргызов. Весь 1825 год прошел в приготовлениях. Кашгарские эмигранты, кокандские сипаи, узбеки колен юз, кипчак, тюрк и горные таджики в черных костюмах спешили под знамя Аппаков.

В мае 1826 года войско Джангира, доходившее до двухсот тысяч человек, плохо вооруженное, имевшее несколько пушек, установленных на спине верблюдов, и обыкновенные ружья, на равнине Давлетбах, на правом берегу Тюмени разбило наголову китайцев, вышедших из Кашгара на встречу под командованием илийского цзян-цзюня. Китайцы отступили и заперлись в своей цитадели в Кашгаре, численностью «по одним сведениям, из десяти, а по другим – из восьми тысяч» (Валиханов, О состоянии, 1985: 143).

Джангир ходжа при радостных криках народа вступил в Кашгар, принял титул сеида Джангир-султана и учредил придворные и важные чины по образцу кокандскому. Джангир сумел привлечь на свою сторону не только черногорцев, но и воинов не мусульман: «Джангир умеренной политикой сумел привязать к себе самых усердных приверженцев китайского правительства, и многие беки разделяли впоследствии все его бедствия; народ питал к нему неограниченную любовь. Наконец, Джангир старался привязать к себе и черногорцев, давая им должности. Если верить рассказам, то калмыки пришли в такое брожение, что китайцы отказались употребить их против ходжи, ибо они дезертировали в больших массах. Мусульманское население в городах, оставшихся у китайцев, даже в самой Кульдже, начало думать об избавлении» (Валиханов, О состоянии, 1985: 143).

Ч. Валиханов выделил основные причины поражения освободительной борьбы в Восточном Туркестане под руководством Джангира. Ходжа медлил, не развив достигнутые успехи: Если б Джангир, после взятия Кашгарской крепости двинулся

прямо на Аксу, то, конечно, весь Восточный Туркестан был бы в его руках, и даже Кульджа // подверглась бы опасности. Джангир в ходе войны также не нашел компромисса с кокандским ханом и, в конечном счете, это привело к раздорам в войсках ходжи. В июне месяце пришел кокандский хан с 15 тысячами войска; он жаждал славы и не мог быть равнодушным свидетелем этих происшествий. Неизвестно почему Джангир встретил его весьма неблагоприятно, так что хан, предоставленный собственным средствам, сделал несколько штурмов на китайскую крепость и потерял до одной тысячи человек своих солдат. Через 12 дней вернулся он обратно и начал бить монету с титулом гази.

Семьдесят тысяч китайцев, прибывшие в Аксу, после нового года выступили в Кашгар. Ополченцы Джангира ходжи, состоящие из городов Кашгара, Яркенда, Хотана, а также из среднеазиатских волонтеров, кыргызов, таджиков, вспомогательных отрядов из Кундуза, Уратюпы, встретили неприятеля. Китайцы в ходе сражения использовали артиллерию и применили военную хитрость: Солдаты из провинции Сычуень [Сычуань], одетые в чалмы и кокандские халаты, смешались с ополченцами Джангира и произвели в них беспорядок. Кокандцы первые пришли в замешательство и обратились в бегство, а за ними и все ополчение, так что ходжа едва успел спастись в горы, потеряв владычество, продолжавшееся девять месяцев.

Китайцы отправили для преследования Джангира большой отряд, который приближался к городу Ош. Джангир, собрав полчища кыргызов, снова сразился с китайцами и изрубил их. Это был последний его подвиг. Изменники, обманом захватив Джангира, передали его в руки китайской власти. Он, как мятежник, был убит.

Ч.Ч. Валиханов подчеркнул значение восстания под руководством Джангира ходжи: «Восстание Джангира, окончившееся в 1828 году, хотя продолжалось всего девять месяцев, имеет чрезвычайное значение по своим последствиям. Свои набеги Джангир облек в законную форму домогательств претендента, ищущего наследственные права, а имя «газата» - священной войны возбуждало сочувствие фанатических мусульман Средней Азии» (Валиханов, О состоянии, 1985: 144).

После джангирского восстания, - отмечал Ч.Ч. Валиханов, - «кокандцы приобрели то политическое влияние, которым они пользуются ныне» (Валиханов, О состоянии, 1985: 145).

Китай рассматривал Коканд как враждующее государство. Наместник Синьцзяна *На Яньчэн*, чтобы наказать кокандского хана за участие в восстании, решил арестовать всех кокандских купцов как мятежников и прервать торговые связи с Кокандом. Китайцы, прекращая торговлю с Кокандом, приглашали бухарцев привозить свои товары. Средняя Азия и Афганистан пользовались тогда чаем, привозимым через Коканд из Кашгара. В 1829 году, стесненные в торговле чаем, кокандцы во главе с Мадали ханом решились открыть себе торговлю силой, с оружием в руках. Кокандский хан в войне с Китаем использовал также авторитет ходжей среди населения Восточного Туркестана. Он вызвал тайно от бухарского эмира ходжу Мдд-Юсуфа, старшего брата Джангира, постоянно жившего в Бухаре. Мадалихан обещал Юсуфу возвести его на престол предков.

В сентябре 1830 года Юсуф ходжа с войсками, собранными Мадали ханом, численностью до сорока тысяч человек, при десяти замбураках на верблюдах под начальством самого минбаши Хаккулы, тестя ханского Мдд-Шарифа, и ташкентского кушбеги Ляшкера выступил в поход. Китайцы были разбиты. Минбаши Хаккулы взял Кашгар и ввел Мдд-Юсуфа ходжу в управление. Кушбег Ляшкер овладел Янысаром, Яркендом и Хотаном, прошел до Аксу. Китайские войска находились в Карашаре. Враждебные действия бухарского эмира заставили кокандского хана отозвать Хаккулы, занятого осадой Кашгарской цитадели, и в ноябре кокандские войска возвратились обратно. Мдд-Юсуф ходжа, видя невозможность удержаться одному и будучи человеком миролюбивого характера, возвратился также в Коканд. Владычество его продолжалось ровно девяносто дней.

В 1831 году, весной приехали в Коканд послы с предложением о мире. В результате переговоров был заключен договор с Китаем, который приносил прибыль Кокандскому двору, укрепив позицию Коканда в Восточном Туркестане. Согласно Пекинскому

договору пошлина с товаров, привозимых в города Восточного Туркестана: Уш-Турфан, Кашгар, Янысар, Аксу, Яркенд и Хотан предоставляется кокандцам; для сбора этой пошлины кокандцы будут иметь в каждом из вышеупомянутых городов торгового пристава – «аксакала» под главным надзором кашгарского пристава, который «должен быть вместе с тем и политическим представителем своего владетеля; третьи, все иностранцы, приезжающие в Шесть городов, должны зависеть от кокандских приставов в административном и политическом отношениях. С своей стороны кокандцы обязаны наблюдать за ходжами и не позволять им выезжать за границы своего владения, а в случае бегства подвергать заточению» (Валиханов, О состоянии, 1985: 147).

Восстание Восточного Туркестана в 1825 и 1830 годах и последствия их, - утверждал Ч. Валиханов, - нанесли китайцам такой удар, от которого до сих пор они не могут оправиться; разъездная граница не посещалась китайцами с 1825 года, и для следования войск избран другой путь через Музартский ледник. Кокандцы, подчинив в 1831 г. кыргызов, опоясали границы Восточного Туркестана до самого Хотана; в 1832 году на Нарыне основано было кокандцами укрепление Куртка, а потом на Памире – Ташкур-ган.

Взаимоотношения Коканда с Китаем, установленные в 30-х годах XIX века, вполне удовлетворяли интересы кокандцев. Они пользовались разными привилегиями в Западном Китае. Часть населения городов Восточного Туркестана подчинялась им, и поэтому Коканд принимает меры к прекращению набегов ходжей и усиливает за ними надзор. «До 1846 года Восточный Туркестан пользовался совершенным спокойствием под управлением Хакимбека Зурдуна, человека справедливого, защищавшего интересы народа перед китайским правительством» (Валиханов, О состоянии, 1985: 148).

В 1845 году начались смуты в Коканде с возведением на ханство четырнадцатилетнего Худояра. Беспорядки в Коканде отражались и в Кашгаре. Ходжи, воспользовавшись ослаблением контроля за ними, с небольшими силами подступили осенью 1847 года к Кашгару. Китайцы, сделавшие вылазку из Кашгара, были разбиты, обратились в бегство и, преследуемые ходжами, были потоплены в р. Кызыл. На второй неделе кокандцы открыли ворота ходжам.

Восстание это под названием «бунта семи ходжей», потому что в нем участвовало семь человек из фамилии Аппаков; старший из них Ишанхан-тюре, известный более под именем Каттахана, был провозглашен владетелем, а другие ходжи назначены правителями в окрестные селения.

Ишанхан тюре (он же Каттахан), Валихан тюре и Кичикхан тюре были сыновьями Юсуф ходжи, сына белогорца Сарымсак ходжи.

Владычество семи ходжиев началось грабежом домов беков. Они, воспитанные в Коканде, не соблюдали обычаев своих соотечественников. Ишанхан тюре, глава восстания 1847 года, был человек слабый, недалекого ума, не приближался к народу. Ополчение Каттахан ходжи, отправленное для взятия Яркенда, было разбито наголову войском Китая. Каттахан поспешил в Кашгар, но жители этого города, недовольные предпочтением, которое он оказывал анджанцам, и обремененные большими налогами, заперли городские ворота. Сделавши несколько стычек с китайцами, ходжа бежал в Коканд, а китайцы без усилия заняли Кашгар.

В 1847 году, по предложению китайцев, снова были возобновлены с кокандцами торговые и политические отношения на прежних условиях. Кокандцы стали мало обращать внимания на действия ходжей, так как их действия еще более утверждали влияние кокандцев в Кашгаре. В 1855 и 1856 годах Кичик хан тюре (т.е. принц) и Валихан тюре предпринимали несколько нападений, но по малочисленности своих отрядов не могли проникнуть через границы пограничных пакетов.

В 1857 году произошло последнее восстание под руководством Валихана ходжи. Валихан-тюре, человек энергичный, неглупый, но подвержен курению хашиша и жесток». Валихан тюре, взяв Кашгар под именем сына Джангира «Бузрукхан-тюре», учредил звание минбаши, в которое возвел кокандского аксакала Нурмухамеда. Восстание распространялось быстро. Ходжа за короткое время собрал войско из семидесяти тысяч сипаев (кавалерии) и четырех тысяч сарбазов (пехоты), кроме ополчений. Ходжа имел артиллерию из восьми пушек. Пушки выливались в самом

Кашгаре и не отличались качеством. По словам очевидцев войска его были гораздо лучше устроены и вооружены, чем даже у бухарского эмира, который в этом отношении считается в Средней Азии образцом. Валихан беспрестанно увеличивал налоги и новые подати солдатам. Город Янысар был взят ходжей, но не смог он взять китайскую крепость в Кашгаре.

Валихан ходжа, вместо кашгарских обычаев, силой устанавливал кокандские. Кашгарцы были оскорблены тем, что на высшие должности в войске и при дворе назначались анджанцы. Ч.Ч. Валиханов описал кровожадную склонность ходжи. Несмотря на материальные силы, поддерживавшие владычество ходжи, нужно было однако же много терпения и преданности со стороны кашгарцев, чтобы вынести в продолжение ста десяти дней все жестокости и несправедливости этого тирана. ... мания его была жажда крови, он не мог пропустить дня, чтобы собственноручно не изрубить несколько человек. На берегах реки Кызыла он воздвигнул пирамиду из человеческих голов... Многие значительные лица сделались жертвой его лютости.

В числе без причин казненных в Кашгаре ходжей летом 1857 года «был никто другой, как ученый прусский путешественник Адольф Шлагинвейт. Имущество его и бумаги достались в руки ходжи и судьба их неизвестна» (Валиханов, О состоянии, 1985: 153). Кашгар представлял собой огромное лобное место, где повсюду валялись трупы. И поэтому кашгарцы, услышав о движении из Или огромного китайского войска, обрадовались, считая их как освободителей от этого, все парализующего ужаса. Народ отвернулся от Валихан тюре. Он со своими приближенными бежал в горное владение Дарбаз. Владелец Дарбаза Измаил-шах обобрава все, что привез ходжа из Кашгара, а его выдал кокандскому хану.

«Китайцы, занявши Кашгар, - утверждает Ч. Валиханов, - неистовствовали не менее Валихана. До августа месяца 1858 года продолжались военные экзекуции китайцев, так что в продолжение почти двух лет Кашгар был театром кровавых сцен, пыток и казни. Торговля в это время оставалась без движения. ...Хлебные поля были вытравлены, и на всех пашнях, садах и огородах паслись калмыкские табуны» (Валиханов, О состоянии, 1985: 156).

Валихан ходжа и другие сеиды пользовались привилегией как потомки святого Мухаммеда. Они, по закону, не подвергались смертной казни, телесному наказанию, освобождались от всех повинностей и налогов. Худоярхан, не имея прав наказывать Валихана и других ходжей ограничился установлением надзора за ходжами и приказал пограничным кокандским городам, чтобы каждым ходжу, который выедет за город более десяти верст, вернуть под конвоем в Коканд. Это решение отвечало интересам Китая. В 1858 году Китай разрешил кокандцам иметь своего аксакала в Восточном Туркестане и открыть торговлю на прежних основаниях. Богдыханское правительство, предоставив обширные привилегии кокандцам, требовало «от них одного – иметь надзор за ходжами и не позволять им предпринимать газат» (Валиханов, О состоянии, 1985: 185).

Ч.Ч. Валиханов заметил отличие Восточного Туркестана в понимании мусульманской веры от других стран Востока. В Восточном Туркестане «мусульманизм должен был подчиняться местным обычаям страны и ослабить свои фанатические оковы; одна уже свобода женщин – явление, которое не встречается в других мусульманских странах, служит достаточным тому доказательством» (Валиханов, О состоянии, 1985: 157). Ч.Ч. Валиханов также описал сильные и слабые стратегические пункты западной части Китая.

Кыргызы, - отметил Ч. Валиханов, - как соседи принимали участие во всех смутах, потрясавших Восточный Туркестан с XVI века, так как они своими кочевками огибают границы Восточного Туркестана от Аксу до Хотана. Кыргызы были и будут деятельными участниками ходжей. Основной принцип Китайской империи - «не допускать иностранцев в свои владения – распространяется в Восточном Туркестане на англичан и русских...» (Валиханов, О состоянии, 1985: 193).

В 50-х годах XIX века Россия не имела прямых торговых сношений с Восточным Туркестаном, хотя с 1800 годов правительство постоянно обращало свое внимание на эту страну. Прямая торговля шла с Кульджой и Чугучаком. Ч.Ч. Валиханов в

работе «О Кокандском посольстве» раскрывает дружественные взаимоотношения России и Китая в 30-х годах XIX в. В 1831 году 24 апреля прибыл в пограничный отряд на урочище Акмола посланец кокандского хана ходжа Мир-Курбан Судюр Каюмов из сословия улемов, бывший прежде в 1828 году в Петербурге, с женой, двенадцатью чиновниками для личного свидания с государем. Посольство добралось через Тобольск в город Петропавловск. В результате переписки вице-канцлер К.В. Нессельроде сообщил генерал-губернатору Западной Сибири В. Вельяминову о том, что, принимая во внимание «более всего враждебные отношения Кокана к Китаю в то время, когда с последним имеет дружественные отношения и самую выгодную торговлю – признал сообразно с обстоятельством отклонить это посольство от прибытия в Петербург. Потом под предлогом холеры, которая свирепствует здесь, принять его в Тобольске, взяв грамоту и отправить в Петербург» (Валиханов, О Кокандском, 1985: 309). Начальник штаба генерал-майор Броневский 28 июня 1831 г., прибыв в Петропавловск, посетив посланца, узнал о цели посольства и написал секретный рапорт генерал-губернатору Западной Сибири генералу-от-инфантерии Вельяминову В. Цель посольства кокандского хана: «исходатайствовать помощи от государя императора против китайцев, [в частности] артиллерии с офицерами и прочих пособий, ибо владельцу завершить войну не по силам, страшится [ее последствий]» (Валиханов, О Кокандском, 1985: 308). Посол сказал С.Б. Броневскому об личном участии кокандского хана в 1830 году в освобождении Кашгара и одержанной победе над китайским войском. Хан, не удержав Кашгар, вывел до ста тысяч семейств и поселил их ниже Ходженда на Сырдарье на урочище Дальварзы с десятилетней льготой. Хан Кокандский, обрадованный успехами своего оружия, решил уведомить о том Россию и отправил посольство. Российский император счел неуместным прием кокандского посла, учитывая поступок хана. Он, отправляя посольство, приманил к себе Саржана Касымова, который ранее присягнул императору и в то же время объявил себя покровителем столь значительного числа казахов, входящих в состав Акмолинского, Баян-Аульского, Каркаралинского округов.

Ч. Валиханов высказал свое мнение о торговле с Китаем по южному направлению: со временем казахи Большой орды и кыргызы могут подобно ордынцам сибирских казахов заняться извозом, и настоящее затруднение устраняется.

Представляют большую научную ценность маршруты городов, населенных пунктов, собранные им во время его путешествия в Кашгар, а также таблицы торговых операций.

Китайцы, - писал Ч. Валиханов, - после успешного покорения Джунгарии и Восточного Туркестана распространили свои виды и на кочевые племена, сопредельные с Джунгарией. Владельцы этих земель пришли в такой страх, что забыли на время междоусобные раздоры и стали составлять союз, во главе которого явился Ахмет-шах, владетель Кандагара, основатель династии дураниев, как сильнейший владетель в Средней Азии. В 1763 году Ахмет с сильным войском – 33 сана (в каждом сани 10 тысяч человек) и с артиллерией стал между Коканом и Ташкентом и вступил в переговоры с китайцами. Пока шли переговоры, от Ахмета было послано приглашение на «газат» - войну за веру – и к казахским ханам Нуралы и Абульмамбету с приглашением помогать против китайцев, которые наступали на южные границы. Ахмет-шах после смерти Надир-шаха (1747 г.), отторгнул от Персии провинции, лежащие от Герата, Lalungu основал Королевство Ауганское и распространил свою власть до Индийского моря на восток, на весь Пенджаб и Кашмир. Столица его была в Кандагаре. Ахмет умер в 1773 году.

В исследованиях Ч.Ч. Валиханова среди многочисленных актуальных проблем истории Казахстана заметное место занимает сложение казахской народности, образование Казахского ханства и определение этнонима «казах».

Валиханов старался установить время сложения казахского народа на основе использования народных преданий. Предания казахов, - заметил исследователь, - занимают почетное место по своей чрезвычайной простоте, ясности и по отсутствию сверх естественного и баснословного и во многом подтверждаются известиями Абульгази и особенно [«Джами'ат-таварих»], которая замечательна уже тем, что

написана кайсаком. Алаш, согласно казахским преданиям, был объединителем союза казахов: «Предание говорит определеннее: Аксак-Темир (Тамерлан) в первый свой поход на Тохтамыш, проходя через кочевье казахов Каракума, заметил их, разгромил их улусы и повесил двух ханов – *Амета* и *Самета* и отправил к ним для распространения истинных правил веры и для искоренения шаманства учителей машаиха» (Валиханов, Киргизское, 1985: 159). Амет и Самет по Жалаири, первые казахские ханы, казненные Тимуром во второй половине XIV века (Валиханов, Комментарий, 1985: 372). Ч. Валиханов перевел на русский язык наиболее интересные места для истории «Сборник летописей» (Жалаири – «Джами'ат-таварих») и извлечения из сборника широко использовал для обоснования ряда своих положений. И он одним из первых отметил историографическое значение этого произведения (Валиханов, Извлечения, 1984: 228-249).

По мнению Ч. Валиханова, сложение казахского народа и время правления Алаш-хана приходится к середине XIV века. «Начало народа *казаков* или *алач*, как *казаков*, предание это определяет довольно положительно: если Тамерлан в первый свой поход в 1392 году на Тохтамыш убил детей Алача и первого хана казахьего, то приблизительно можно полагать, что сам Алач мог жить в середине XIV столетия. ... Начало союза *Алач*, татарских казаков, как казачества, я принимаю вполне и думаю, что миф киргизский о Алаче и Аласе, как выражение этого начала, имеет основание. У народов азиатских свобода и независимость могли обуславливаться только в лице отдельного хана и своего родоначальника. Усиление казаков союзом разных выбежавших племен от орд Кипчаковской и Туркестанской, конечно, делалось и образовалось постепенно, исподволь» (Валиханов, Комментарий, 1985: 151-152).

Ч. Валиханов высказал свое мнение о времени образования казахского народа очень конкретно и связывал этот исторический процесс с XIV веком. «Народ казак (так называли себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде, начавшихся тотчас после смерти Бердибека, а не народ древний, о котором писал Фирдоуси». Каждый потомок Батыея хотел быть ханом и иметь народ: так, я думаю, образовались ханство Крымское, Казанское, орда Чорайгаковская, союз узбеков-шейбанов и казаков» (Валиханов, Письмо, 1984: 164). По мнению исследователя, в тот период этноним «казах» был еще не устойчив и «общего народного названия, как можно догадаться, не имели; каждое племя сохраняло свое название, например, кунраты, найманы, кипчаки и пр.» (Валиханов, Письмо, 1984: 167)

Ч. Валиханов дал следующее определение понятию «казах»: «Имя казак, которое, как можно полагать, из Шейбани-намэ, в то время имело значение довольно почтенное и означало возвышенность духа, здравость – соответствовало европейскому рыцарству. Кочевой степняк, для отличия от своих городских родовичей-соседей, узбеков и ногайцев, гордился именем *казака* – свободного степняка, кочевого человека» (Валиханов, Комментарий, 1985: 152). В древности слово *казак* встречается в смысле вольный и вольница; я, - подчеркивает Ч. Валиханов, - «не смею [в этом] сомневаться» (Валиханов, О формах, 1984: 286).

Друг Ч.Ч. Валиханова Г.Н. Потанин (1835-1920), великий путешественник, исследователь Центральной Азии в своих воспоминаниях писал: Чокан принадлежал к числу тех исключительных натур, которые, как метеор, являются в наш мир только на короткий срок, чтобы своей оригинальностью скрасить жизнь более или менее тесного круга людей, приходивших с ним в общение. Он имел нежное сердце и острый ум. По политическим взглядам он принадлежал к крайним либералам.

Из литературных имен наибольшее обаяние на него производили Байрон, Гейне и Лермонтов, с которым у него было кое-что родственное. Г.Н. Потанин заметил, что у Валиханова была изощренная наблюдательность, и он любил преследовать пошлость в людях своими насмешками. Он был слишком европеец. Эта привязанность к Европе не отрывала его от его народа, напротив, европейский дух, в котором он воспитывался, обязывал его смотреть на себя как на слугу своего казахского народа. «Он говорил про себя, что он любит свой народ и чувствует, что он любит также и Россию» (Потанин, 1984: 94). Задачей своей жизни Валиханов считал служение казахскому народу, защиту

его интересов перед русской властью и содействие его умственному возрождению. Но если бы у Валиханова была казахская читающая публика, может быть, в лице его казахский народ «имел бы писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне» (Потанин, 1984: 94). Во время учебы в Омском кадетском корпусе Чокан, - по воспоминаниям Г.Н. Потанина, - превосходил своих товарищей в знаниях и «в том числе и для меня был «окном в Европу»» (Потанин, Биографические, 1985: 354). Г.Н. Потанин заметил, что «в сердце Чокана любовь к своему народу соединялась с русским патриотизмом; в шестидесятых годах общерусский патриотизм не отрицал местного областного и инородческого, и два патриотизма, общий и частный, легко уживались в одном человеке» (Потанин, В юрте, 1985: 335). Г.Н. Потанин подчеркнул, что Ч.Ч. Валиханов любил свой народ. Он хотел ему добра, и служить будущему своего народа было его мечтой.

Литература:

- 1 Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 306-357.
- 2 Абуев К.К. «Неизведанный мир Чокана Валиханова» Очерк // Чокан Валиханов. Энциклопедия. Посвящается 175-летию со дня рождения. «Эрекет», Кокшетау. 2010. 512 с.
- 3 Валиханов Ч.Ч. О западном крае Китайской империи // Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 272-303.
- 4 Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 7-89.
- 5 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии // Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 325-355.
- 6 Валиханов Ч.Ч. Черновой набросок о древних грамотах // Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 300-304.
- 7 Валиханов Ч.Ч. Записки об организации поездки в Кашгар // Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 7-13.
- 8 Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858-1859 годах // Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 97-218.
- 9 Валиханов Ч.Ч. [О Кокандском посольстве] // Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 308-312.
- 10 Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 148-166.
- 11 Валиханов Ч.Ч. Комментарий // Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 371-372.
- 12 Валиханов Ч.Ч. Извлечения из Джамии'ат-таварих // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 228-249.
- 13 Валиханов Ч.Ч. Письмо профессору Березину // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 163-172.
- 14 Валиханов Ч.Ч. [О формах казахской народной поэзии] // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 280-286.
- 15 Потанин Г.Н. Чокан Чингисович Валиханов // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 90-94.
- 16 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Алма-Ата, 1985. С. 346-368.
- 17 Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Алма-Ата, 1985. С. 314-335.

Referens

- 1 Valihanov Ch.Ch. Dnevnik poezdki na Issyk-Kul // Sobr. soch.: v 5 t. Т. 1. Alma-Ata, 1984. S. 306-357.
- 2 Abuev K.K. «Neizvedannyj mir Chokana Valihanova» Ocherk // Chokan Valihanov. Enciklopediya. Posvyashaetsya 175-letiyu so dnya rozhdeniya. «Areket», Kokshetau. 2010. 512 s.

- 3 Valihanov Ch.Ch. O zapadnom krae Kitajskoj imperii // Sobr. soch.: v 5 t. T. 2. Alma-Ata, 1985. S. 272-303.
- 4 Valihanov Ch.Ch. Zapiski o kirgizah // Sobr. soch.: v 5 t. T. 2. Alma-Ata, 1985. S. 7-89.
- 5 Valihanov Ch.Ch. Ocherki Dzhungarii // Sobr. soch.: v 5 t. T. 3. Alma-Ata, 1985. S. 325-355.
- 6 Valihanov Ch.Ch. Chernovoj nabrosok o drevnih gramotah // Sobr. soch.: v 5 t. T. 3. Alma-Ata, 1985. S. 300-304.
- 7 Valihanov Ch.Ch. Zapiski ob organizacii poezdki v Kashgar // Sobr. soch.: v 5 t. T. 3. Alma-Ata, 1985. S. 7-13.
- 8 Valihanov Ch.Ch. O sostoyanii Altyskhara ili shesti vostochnykh gorodov Kitajskoj provincii Nan-Lu (Maloj Buharii) v 1858-1859 godah // Sobr. soch.: v 5 t. T. 3. Alma-Ata, 1985. S. 97-218.
- 9 Valihanov Ch.Ch. [O Kokandskom posolstve] // Sobr. soch.: v 5 t. T. 3. Alma-Ata, 1985. S. 308-312.
- 10 Valihanov Ch.Ch. Kirgizskoe rodoslovie // Sobr. soch.: v 5 t. T. 2. Alma-Ata, 1985. S. 148-166.
- 11 Valihanov Ch.Ch. Kommentarij // Sobr. soch.: v 5 t. T. 2. Alma-Ata, 1985. S. 371-372.
- 12 Valihanov Ch.Ch. Izvlecheniya iz Dzhami'at-tavarih // Sobr. soch.: v 5 t. T. 1. Alma-Ata, 1984. S. 228-249.
- 13 Valihanov Ch.Ch. Pismo professoru Berezinu // Sobr. soch.: v 5 t. T. 1. Alma-Ata, 1984. S. 163-172.
- 14 Valihanov Ch.Ch. [O formah kazahskoj narodnoj poezii] // Sobr. soch.: v 5 t. T. 1. Alma-Ata, 1984. S. 280-286.
- 15 Potanin G.N. Chokan Chingisovich Valihanov // Valihanov Ch.Ch. Sobr. soch.: v 5 t. T. 1. Alma-Ata, 1984. S. 90-94.
- 16 Potanin G.N. Biograficheskie svedeniya o Chokane Valihanove // Valihanov Ch.Ch. Sobr. soch.: v 5 t. T. 5. Alma-Ata, 1985. S. 346-368.
- 17 Potanin G.N. V yurte poslednego kirgizskogo carevicha // Valihanov Ch.Ch. Sobr. soch.: v 5 t. T. 5. Alma-Ata, 1985. S. 314-335.

BTUSE 03.20.00

MUSTAFA ÇOKAY'IN TÜRKİSTAN ÜLKÜSÜ

Kozhakeeva L.T.¹, Zhylykshybayeva K.K.², Akhmetova Zh.K.³

¹ Professor Doktor, Kazak *Ulusal Kizlar Pedagogik* Ыniversitesi, Tarih Fakьltesi
Kazakistan. Almatı. E-mail: kozhakeeval@gmail.com

² Үғretim Ыyesi Dozent, Kazak *Ulusal Kizlar Pedagogik* Ыniversitesi, Tarih Fakьltesi
Kazakistan. Almatı. E-mail: karluwa1970@gmail.com

³ Үғretim Ыyesi, Kazak *Ulusal Kizlar Pedagogik* Ыniversitesi, Tarih Fakьltesi
Kazakistan. Almatı. E-mail: akhmetova.zhanat73@gmail.com

Özet: Alaş aydınlarnının tarihi - XX. Yüzyılın başlarındaki Kazakların bağımsızlık yolundaki katı ve ağır tarihinin bir simgesidir. Bu bağımsızlık mücadel de Mustafa Çokay'ın ismi önde gelir.

XX. Yüzyılın başlarındaki milli mücadelede Mustafa Çokay'ın ayrı yeri vardır. Mustafa Çokay'ın XX. Yüzyıl başlarındaki milli mücadele önderlik eder. Bu sırada sosyal – ekonomik durumun iyileştirme için yaptığı çabaları büyüktür. Bu nedenle, daha sonra baskılanmış politikacıların kaderini paylaştı.

Bu makalede Kazak halkının bağımsızlığı ve milli şuruna bütün hayatını adayan millet ve vatan için canını feda eden, Alaş aydını Mustafa Çokay'ın hayat yolu ve milli bağımsızlık yolunda yapılan çalışmalarına değinmektedir. Mustafa Çokay, 20. yüzyılın ilk çeyreğinde Kazakistan Cumhuriyeti'nin bağımsızlığı mücadelesinin tarihinde büyük rol oynamıştır.

Anahtar kelimeler: Kazakistan, Devlet, Alaş aydınları, Türkistan, Avrupa, Rusya, sürgün, siyaset.

ҒТАХР 03.20.00

МҰСТАФА ШОҚАЙДЫҢ ТҮРКІСТАН ӨЛКЕСІ

Қожакеева Л.Т.¹, Жылқышыбаева Қ.Қ.², Ахметова Ж.Қ.³

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор м.а., Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ. Email:kozhaakeeval@gmail.com

²тарих ғылымдарының кандидаты, доцент. Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ. E-mail: karluwa1970@gmail.com

³тарих ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы. Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
E-mail: akhmetova.zhanat73@gmail.com

Түйіндемe: Алаш зиялылары тарихы - XX ғасырдың басындағы қазақ халқының қатал және ауыр тарихының тәуелсіздік үшін күресінің жарқын көрінісі. Мұстафа Шоқай осы күрестің алдыңғы қатарында тұрды.

Қазақ халқының XX ғасырдағы ұлт-азаттық қозғалысы тарихында Мұстафа Шоқайдың да орны бар. Мұстафа Шоқай XX ғасыр басындағы ұлт-азаттық және әлеуметтік қайта жаңғыру үшін басталған қозғалыстың көш бастаушыларының бірі. Сондықтан да ол кейін қуғын-сүргінге ұшыраған қайраткерлердің тағдырын бөлісті.

Мақалада Қазақ елі мен жері үшін аянбай еңбек етіп, өмірінің саналы жылдарын халыққа қызмет етуге арнаған, ұлт пен Отан үшін жанын құрабандыққа берген, Алаш зиялыларының бірі, қоғам қайраткері Мұстафа Шоқайдың өмірі мен күрес жолдары туралы қарастырылған. Қазақстан Республикасының тәуелсіздік жолындағы күресі тарихында Мұстафа Шоқайдың XX-ғасырдың бірінші ширегіндегі атқарған қоғамдық-саяси қызметінің маңызы зор.

Кілт сөздер: Қазақстан, мемлекет, Алаш зиялылары, Түркістан, Европа, Россия, қуғын-сүргін, мұғажыр, саясаткер.

IRSTI 03.20.00

TURKISTAN TERRITORY MUSTAFA SHOKAY

Kozhakeyeva L.¹, Zhylykshybayeva K.², Akhmetova Zh.³

¹Doctor of Historical Sciences, Acting Professor, Kazakh National Women's Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty. Email: kozhaakeeval@gmail.com

²Candidate of Historical Science, Associate Professor, Kazakh National Women's Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty. Email: karluwa1970@gmail.com

³Candidate of Historical Science, Senior Lecturer, Kazakh National Women's Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty. Email: akhmetova.zhanat73@gmail.com

Abstract. The history of the Alash intelligentsia is a reflection of the difficult history of the Kazakh people in the XX century for independence. Mustafa Shokay was one of the leaders of this fight.

In the history of the national liberation struggle of the Kazakh people in the XX century, Mustafa Shokay also has a special role.

Mustafa Shokay is one of the leaders of the national liberation struggle and social revival of the XX century of the Kazakh people.

That is why he later shared the fate of repressed politicians.

The result of the political activity of Mustafa Shokay in the first quarter of the twentieth century was the result of the sovereignty of our country at the present time. Mustafa Chokai played an important role in the history of the struggle for the independence of the Republic of Kazakhstan in the first quarter of the 20th century.

Key words: Kazakhstan, state, Alash intelligentsia, Turkistan, Europe, Russia, repression, Kazakh people, emigration, politics, proletariat, dictatorship

Giriş. Üç Yüzyıl boyunca, sömürgecilikle mücadele eden Kazak halkı, bugünlerde

dünya topluluğu tarafından tanınan bir ulus haline gelmiştir. Ancak, Yüzyıllarca süren acıların tarihinde, Kazak halkı büyük bir kadere maruz kalmıştır ve birçok olay yaşamıştır. Totaliterizm döneminden özgürlük, bağımsızlık ve eşitlik arzusunda olan geçmiş tarihimiz ve atalarımızın bunun için mücadele etme çabaları taripleri Rus sömürgecilik ideallerinden dolayı baskı ve etkisiye çarpılmıştır. Kazak'ın zengin tarihini, kültürel mirası, asil mirası tanıtan asil vatandaşların isimleri hiç bir yerde yazılmamıştır.

Şimdi, egemenliği kazanıp bağımsız bir devlet kurduğumuzda, ülkeyi koruyan ve ülkesi uğruna kendi hayatını kazanmış olan ülkenin soylu vatandaşlarının kurtuluş hareketinin tarihini yeniden canlandırmak önemlidir.

Özellikle tarihimizin en kritik dönemi olan XX Yüzyılın 20-30'lu yıllarındaki yapılan işkence baskılardır. XX Yüzyıl bir çok halıklar için, onların içinde Kazak halkı için umut ve şüphe dolu, yoğun çelişkiler ve kavgalar dolu bir tarih alanı olmuştur. Bunlar başında halkın tanınması ve sömürgeci baskıya karşı mücadelenin yollarını tanımlamakla meşgul olan ulusal kurtuluş hareketlerinin liderleri olmuştur (Nurepeyisov, 1998:6).

XIX. Yüzyıl içerisinde dünyada ve özellikle Türkistan'da çok büyük değişimler yaşanmıştır. Yaşanan bu değişimler Türkistan halkında derin yaralar açmıştır.

Özellikle, M. Çokay, A. Bökeikhanov, A.Baitursynov, M. Dulatov, Zh.Aimauytov, X., XX Yüzyılda Kazak halkının bağımsızlığı için mücadele etti. Dosmukhammedov, A.Ermekov, J. Akbaev ve diğerleri de «Kazak halkının düşmanı» olarak tanımlandı. Onlar hakkında bilgilere ulaşmak yasaklanmıştır. Çünkü bu bilgi ve varlıklarının altında Rusya'nın sömürge politikası ve bu sömürgeci baskıya karşı mücadelelerin acı gerçekleri vardır.

Siyasi baskılar, zulümler, yurdu terk etmeye yönelik zorlamalar ve sürgünler güden güne artmıştır. Bu baskılardan en büyük darbeyi Türkistanlı aydınlar ve devlet adamları almıştır. Vatanından uzaklarda milli mücadelelerini sürdüren bu aydınlar, hiçbir zaman yurdunun halkının istiklale kavuşma umudunu yitirmedi, verdikleri siyasi teşkilatlanma faaliyetleriyle de Türkistan halkının meselelerini dile getirmeye devam ettiler. Özellikle Rus egemenliğinde kalan Türkistan halkının uğradığı haksızlıkları Türkiye ve Türkiye dışındaki (Türkistan ve Avrupa) yayın faaliyetleriyle canlı tutmaya çalıştılar. Siyasi faaliyetlerinden dolayı yurtlarını terk etmek zorunda kalan bu Türkistanlı Aydınlarımızın birisi de Mustafa Çokay idi.

Araştırmanın amacı. Bugün XXI Yüzyılın başında, toplumumuzun yenilenmesi ve demokratikleşmesi, Tarih XX Yüzyıl karmaşık ve gizli olan sayfalarını açtı ve "alevleri" haklı olduklarını ortaya koymuştur ve o dönemde yaşayan insanların haklı çıkmasını sağlamıştır. Dönemin arşiv belgeleri bu totaliter sistemin ve Sovyet döneminin baskıcı politikalarını açığa çıkarmıştır. Bu dönemde en zor kaderlerin birini tarihi şahs Mustafa Çokay yaşamıştır.

Mustafa Çokay, bütün hayatını Türk halklarının özgürlüğü ve bağımsızlığı mücadelesine adanmış göç edilmiş devlet adamlarından biridir. Lakin, Sovyet döneminde ona Sovyet ideolojisine karşı ve bu ideolojinin gerekçelerine göre, "Vatan haini" olarak tanımlandı. Bu nedenle birçok bilgin, yazarlar Mustafa Çokay'ın hayatın ve geçmişinin tarihini incelemiştir. Bu konuyu ele alırken yaptıkları çalışmada, "Mustafa Çokay kim?" dediği soruyu cevaplama ile başlamıştır (Koygeldiev, 2004:45).

Mustafa Çokay'e gelince, adını Türkistan fikrinden ayırt etmek mümkün değil. Mustafa Çokay'ın fikirleri ve düşüncelerini bugünkü bağımsız Kazakistan'ın tarihi çıkarlarıyla ilişkilendirilerek, yalnızca Kazak halkı bağımsızlığını hayal etmiştir diye yorumlarsak büyük bir hata yapmış oluruz. Çünkü "Mustafa Çokay, Kazakistan'ın bağımsızlığın Türkistan'ın bağımsızlığından ayırt etmemiştir" dedi Profesör M. Koygeldiev (Koygeldiev, 2004:57). Bundan Mustafa Çokay'ın asıl amacı Türk halkını birleştirmek ve bağımsız bir Türkistan devleti oluşturmak olduğu sonucuna varmak mümkündür.

XX Yüzyılın başlarında ki karmaşık tarihi olaylara aktif katılım sağlayan Mustafa Çokay gibi tarihi şahısların çalışmalarının ve hayat yolunu araştırmakta her zaman objektifli değerlendirmesi ulusal tarihimiz için değil, aynı zamanda tüm Türk halklarının tarihi için de geçerlidir.

Mustafa Çokay'ın XX Yüzyılın başındaki kapsamlı sosyal ve politik faaliyetlerinin detaylı bir şekilde çalışıldığı ve iyi değerlendirildiği sonucuna varmak için henüz çok erkendir.

Sovyet döneminde Mustafa Çokay hakkında araştırmaların olmadığını ve onun hakkında hiç bir basında bahsedilmediği biliniyor. Uzun yıllar boyunca, Sovyet iktidar sistemi Mustafa Çokay'ın ismini Ulu Vatan Savaşı sırasında ortaya çıkan Türkistan Özerkliği ve Türk Ulusal

Komitesi ve Türkistan Lejyonu ile ilişkilendirilmiştir. Mustafa Çokay'ın ülke özgürlüğü için savaştığını ve Sovyet yetkililerinin ikiyüzlü politikasını açığa çıkardığını bütün dünya bilse de kendi vatandaşları bilemedi.

Kanatımızca Mustafa Çokay ile ilgili tüm belgeler yayınlanmalıdır. Ve bundan sonra tarihsel gerçekler ortaya atılacak ve doğruluk geri yüklenecektir.

Bundan asıl amacımız halkının uğruna zor bir yol geçen Mustafa Çokay'ın gerçek imajını göstermek, adil bir değerlendirme yapmaktır. Haksız yere iftiradan kaçınarak ve bununla ilgili gerçeği kayıtsız şartsız gelecek nesile ulaştırmak insanlık borcumuzdur.

Ulusal aydınların tarihine araştırırken XX Yüzyılın 20 ve 30'lu yıllarının incelenmesi ve Sovyet dönemi totaliter sistemi ile Komünist Partinin milliyet politikası, Kızıl İmparatorluğun doğu halklarıyla ilişkilerini alt üstü etmemeliyizdir. Böylelikle siyasi baskı ve bu totaliter sistemin kurbanları hakkındaki gerçeğin tamlığını açıklamak mümkündür. Anavatandan ayrı yaşayarak, vatanının bağımsızlığı oradaki insanların özgürlüğü, laykliği ve egemenliği hakkında bütün dünyaya yayan Mustafa Çokay'ın eserlerini, yaratıcı miras koleksiyonu olarak incelemek gerekmektedir. Yetmiş yeni nesilleri onun eserleriyle büyütmek lazımdır. Mustafa Çokay'ın eserlerini Kazakistan tarihinin metoduna dahil etmek gerekmektedir.

Bu malakenin ana temalarından biri de Mustafa Çokay'ın Türkistan dönemindeki sosyo-politik faaliyetlerini incelemektir.

Araştırmanın tarihsel metodu. Mustafa Çokay o dönemdeki bir çok tarihi eylemlerde yer aldığı için yurt dışına gitmek zorunda kalmıştır. Hayatının en son dönemine yani 1941 yılının sonuna kadar yurtdışında yaşayan Türklerin menevi birleştiricisi olmuştur. İlk önce Mustafa Çokay hakkında bilgiler, anılar ve kayıtları onunla 23 yıldır evli olan Maria Yakovlevna'dan bilgiler edinmek mümkündür.

Yabancı tarihçilerden Mustafa Çokay'ın mirasını incelemeye katkıda bulunan Amerikalı bilim adamı Edward Lzzarini'dir. O Mustafa Çokay'ın Aralık 1941'e kadar esirler kampında saklanan belgelerin tam bir listesini yapmıştır. Fransız bilim adamı Joseph Antoine Castanère ise, Çokay'ın yaşam tarzını ve mücadelesini tetiz inceleyerek ilk Mustafa'nın biyografisinin yazmıştır. O Mustafa Çokay'ı 1930'da Paris'te yayınlanan Kazakların içtimayı hayatı ve inançları hakkında Fransızcaya çevirilen kitabın son bölümlerinde Türk Keneşi Ulusal Konseyi'nin lideri olarak nitelendirenmiştir. Mustafa Çokay'ı Türk yazarından Namik Kemal Zeybek kalem almıştır. O Türkistan gazetesinde yayımlanan yazılardan birinde şöyle yazdı: "Mustafa Çokay Türk birliği ve bağımsızlığı, birlik fikiri için zor yollardan geçen şahıstır. Onun bu fikirler yükseltmiştir"(Namik, 2001: 7).

Şimdiki dönemde yurtdışındaki kazak tarihçilerinden biri, gazeteci ve bilim adamı Hassan Oraltay'dır. Hasan Oraltay'ın Mustafa Çokay hakkında araştırmaları, eserleri ve Türkçülük fikirleri ve yurt dışındaki faaliyetleri hakkında İstanbul'da sonra da İzmir'de bir kaç defa yayınlanmıştır. Hasan Oraltay 20 Aralık 1996 tarihinde Almatı'da gerçekleştirilen "Mustafa Çokay ve yurtdışındaki Kazak aydınları" konulu uluslararası bilimsel-teorik konferansta "Mustafa Çokay ve yurtdışındaki faaliyetleri" üzerine bir rapor sundu. Ona göre Mustafa'nın Türkiye'de çocuğu ve akrabası yok, ancak fikrinin devamı var. Kendilerine Mustafa Çokay'ın takipçileri diyorlar. Bunlar arasında, Başkurdistan Ulusal Otoritesi Başkanı ve dünyaca ünlü bir tarihçi Profesör Ahmet Zeki Valid Togan da vardı (Oraltay, 1997:7).

Mustafa Çokay'ın Türkiye'de izlerini devam ettirmekte olan profesör doktor Tahir Çağatay ve doktor Abdulahap Oktay'ı hatırlamak gerekir.

1. Özellikle Mustafa Çokay hakkında değerli eserler yazan 1916-1918 yıllarını tümüyle Türkistan'da, bu olaylarla doğrudan ilgilenenler o döneme şahitlik etmiş insanlar kalem almıştır. Bunlar arasında: Başkurdistan'ın ulusal otoritesi başkanı, yurtdışındaki Özbek diasporası Baymurza Hait (Hayit, 1995:12) ve Alman araştırmacı Patrick Won Zur Muhlen 'in (Won Zur Muhlen, 1984: 20) Ahmet Zeki Veli Togan' in (Togan,1999.) eserlerinde iyi bilinmektedir.

B. Height, Türkistan konusu üzerine 9 monografi, 13 kitap ve yaklaşık 400 makale yayınlamıştır (Takenov,1996:17). Hepsi Türkistan tarihine ve geçmişine adanmıştır. Bu eserlerde M. Çokay hakkında dikkate değer yargılar ve değerli bilgiler de vardır.

Şimdiki dönemde Mustafa Çokay hakkında yazılan en önemli eserlerin biride Darhan Kydralı'nın «Mustafa Çokay'ın Faaliyetleri ve Fikirleri» adlı eserdir (Hidiratliyev, 2001: 75).

Türkiye vatandaşı Abdukadir Kara'nın "Turkistan atası Mustafa Çokay Hayati ve Mucadelesi" adlı eseri bize Çokay hakkında bilmediğimiz birçok gerçeği ortaya koymaktadır (Kara, 2002:63).

Bununla birlikte Abdukadir Kara'nın bu eseri 2004 yılında Gülim Şadieva'nın yardımıyla "Mustafa Çokay'ın hayatı ve eserleri" adıyla Kazakçaya çevirilmiştir. Bu tetiz bir monografi olarak yayınlanmıştır (Kara, 2004:70).

Genel olarak, Mustafa Çokay hakkında birçok yayın Türkiye'de yayınlanmıştır (Mari'nin Shokay ile ilgili anıları, 1997:145).

Mustafa Çokay'ın eserleri ve Türkistan'daki sosyo-politik faaliyetlerini inceleyip Özbek tarihçileri Habib Tursunov (Tursunov,1962:328), Abdullaev, S. Agzamkhozhaev, I. Alimler kaleme almıştır (Abdullaev R.M., Agzamhodzhaev S.S., Alimov I.A, 2000: 345).

B. Sadykova, Mustafa Çokay'ın eşi Maria Çokay'ın anılarını, mektuplarını, ve bu konuyla ilgili belgeleri Fransa arşivlerinden alarak kitap olarak yayınlamıştır. Almanya ve Fransa'nın arşiv verilerine dayanarak, İkinci Dünya Savaşı'nda yüz binlerce vatandaşının Almanlar tarafından ele geçirildiğine ve Türkistan Lejyonu'nu yarattıklarına ilişkin değerli eserler de yazılmıştır.

Türkistan Lejyonu ve Türk Milli Komitesi ve M. Çokay nasıl yer alıyor? Sorusunu içeren A. Kaken, A. Takenov, G. Kokebaev, A. Kakebaev, A.A. Baishuakov'un yazıları vardır (Baishuakov, 1992).

Bu eserler M. Çokay'ın Sovyet dönemi görüşünün yanlış olduğunu kanıtlamıştır. A. Kaken Devlet Güvenlik Komitesi'nden gelen verilere dayanarak 1991 yılında Kazak Bilimler Akademisi'yle birlikte "Belye Pyatna" adını taşıyan Tarih, Arkeoloji ve Etnoloji Enstitüsü tarafından yayınlanan bir grup bilim adamının yer aldığı makale koleksiyonunu yayınlamıştır. Bu eserde Belan'ın "Pravda o Grosturkestane i Turkestanskom legione" adlı makalesini eleştirir.

Mustafa Çokay'ın sürgünde yaşadığı yıllardaki hayatı hakkında bilgiler günümüz tarihinde hala doğru bir şekilde araştırılmamış ve tanımlanmamıştır. Rus tarihçileri A.I.Zevelov, YU.A. Polyakov, L.V. Shishkina ve Özbek tarihçisi G.A Haidoyatov ve Kazakistan V.L. Osipov kendi eserlerinde Çokay'ı kendi başını kurtarmak için kaçtı diye yazmıştır.

Bilim adamları, yazarları K.N. Naribaev, M. Joldasbekov, Z.A. Mansurov, M.K. Koygeldiev, N. Aytan, V.X.Şalekenov, O. Sarsenbay, A.X. Kasımjanov ve oğlu A. Takenov, II. M. Çokay'ın "Yash Turkistan" dergisinde yayınlanan makalelerini I ve II cilt olarak yayınlamıştır.

Son yıllarda, Mustafa Çokay'ın fikirleri ve eserleri, Türkistan fikri üzerine tanınmış tarihçilerinin bilimsel araştırmalarının ana kaynağı ortaya çıkmıştır. Aynı zamanda, M. Koygeldiev (Koygeldiev,1993:7), K. Nurpeyisov (Nurpeisov, 1995:147), A.Takenov, T. Omarbekov, A. Nusiphan, kendi yazılarında Mustafa Çokay gibi büyük insana saygı duyduğunu da dile getirmiştir. Özellikle, M.K. Koygeldiev'in "Türkistan'ın Fikri Mustafa Çokay'ın Fikridir" adlı eserinde Mustafa Çokay'ın siyasi etkinliği içtenlikle değerlendirilmiş ve tüm Türkistan fikrinin ortaya çıkması, gelişmesi hakkında kayda değer sonuçlar verilmiştir.

Makalenin amacı Mustafa Çokay'nin sosyo-politik faaliyetinin Türkistan dönemine adanılmıştır. Mustafa Çokay'ın eserlerini ve yaptığı çalışmalarını XX Yüzyılın başlarındaki Türkistan'daki siyasal ve sosyal süreçlerle keşfetme gereğini göz önüne alarak, çalışmalarını objektif olarak değerlendirerek, o dönemde devlet yetkililerinin ön saflarında olduğunu ve Mustafa Çokay'ın Türkistan'da sosyal ve siyasal yaşamının tam bir analize yaptığını kanıtlamıştır. M. Çokay'ın yukarıda belirtilen sorunları çözme konusundaki sosyo-politik etkinliğini teyit etmek makalenin diğerini artıracaktır.

Türk halklarının, trajik bir kaderin asırlık trajedisi boyunca birçok olaya tanık oldukları açıktır. Rus tarihçiliğinin etkisi altında totaliterlik çağında özgürlük, eşitlik için mücadele eden atalarımızın tarihi, sömürgeci ideolojinin sömürgeciliği ile çarpıtıldı. Türk halklarının asırlık tarihi ve kültürü, Rus tarihinin gölgesinde kalmıştır.

Yirminci yüzyılın başlarında, Türk halklarının bağımsızlığı için mücadele eden ulusal entelektüeller «halkın düşmanı» olmakla suçlandı. Sovyet hükümetinin baskıcı politikasına uymayan istihbaratçılar göç etmek zorunda kaldı. Sovyet döneminde, sosyal ve politik faaliyetlerinden söz etmelerine izin verilmedi. Sonuç olarak, Avrupa'daki ulusal aydınların tarihi belirsizliğini korudu. Şimdi, Türk halklarının bağımsızlığından sonra tarihimizi

“kusurlardan” ayırabildik ve gerçekçi bir şekilde yazabildik.

Alaş ve XX. Yüzyılın ilk çeyreğinde ulusal kurtuluş hareketinin iki aşaması vardı. Birincisi, Alaş Orda hükümeti 1905’ten bu yana kuruluşu, ikincisi, İç Savaş ve Sovyetler Birliği’nin 1930’ların başında (1930, 1932) Alaş entelijensyanının yargılanmasıyla sona erdiği Aralık 1917’de sona eriyor. Alaş aydınlarının yargılanması örgütlü yargılamalarla sona eriyor. Mustafa Çokay, ulusal kurtuluş hareketinin bu iki aşamasında çalıştı ve liderliğini iyi yapmıştır.

Bu öykülerden birincisinde, Mustafa Çokay, Sovyet iktidarına karşı ulusal egemenlik ve ikincisi olan Türkistan (Kokand) ve Alaş Orda yetkililerinin oluşumuna doğrudan katılmasıdır. Yayınlanan eserleri ve devam eden baskıları ile tarihimize yeni bir çağ yaratmıştır. O dönemdeki başkentte siyasi faaliyete başlamıştır.

M. Çokay, en başından beri Sovyet hükümetinin ve komünist (Bolşevik) partinin fikirlerini reddetti. Onlar tarafından tehdit edildikten sonra yurt dışında siyasi bir göçmen olarak yaşamak zorunda kaldı.

Böylece Mustafa Çokay, Türkistan’dan Gürcistan’a (1919-1920) taşındı ve 1920’de Sovyet hükümetinin etkisinin çelişkileri sonucu Türkiye’ye geçti. Ancak bunun için fazla yer yok. Basın özgürlüğünü arayan büyük bir tarihi figür Avrupa’ya gitti.

Mustafa Çokay’ı ve diğer ülkelerini terk eden göçmenler, Sovyet yönetiminin yurtdışındaki acımasız politikasını dünyaya duyurmaya çalışmadan sınırlı kalmadı. Türkistan’ın, Rusya’nın proleter diktatörlüğünden kurtarılmasını için mücadele verdi ve bağımsızlığına kavuşmasını arzu etti. Bu, Mustafa Çokay gibi, yüz binlerce göçmenin rüyasıydı. Ülkelerine olan sevgilerini kanıtladılar ve yurtdışındayken bile ortak çıkarlarına hizmet etmeye hazırlardı

Mustafa Çokay (Çokayoğlu) (1890-1941)

1890 Kazakistan’ın Siri Derya bölgesi, Perovsk ilçesi, Jelek mıntkasında doğdu. Dedesinin adı Torgay Datka, babası Kıpçak beylerinden Çokay’dır. İlkokulu ana dilinde, ortaokulu Taşkent’te Rusça olarak okudu.

Rusya’nın o zamanki başkenti Petersburg’da Hukuk Fakültesi’ni bitirip Türkistan’a döndü. Taşkent’te çıkan “Uluğ Türkistan” gazetesinin en güçlü yazarlarından biri oldu. Yine aynı dönemde Taşkent’te “Birlik Tuğu” dergisini çıkardı.

Rusça “Hür Türkistan” ve sonra “Yeni Türkistan” gazetelerini çıkardı. 1917 yılında Kazak Türklerinin ortak devleti olan “Alaş Orda”nın öncülerinden oldu. Kurulan hükümette bakan olarak görev yaptı. Ruslar bu devleti ortadan kaldırdığında “Çarcı Rusların” başkanı Kolçak da onu ölüme mahkûm etti.

Önce bağımsız Azerbaycan’a, sonra Gürcistan’a geçti. 1919’da Kuzey Kafkasyalıların Tiflis’te çıkardığı “Hür Dağlılar” adlı haftalık gazetede Türkistan davasını dile getiren yazılar yazdı. “Yeni Dünya”, 1920’de Kuzey Kafkasya Milli Teşkilatı’nın Türkistan Millî Merkezi ile birleşerek çıkardığı gazeteydi. Burada değerli yazılar yazdı. Tiflis’te “Şafak” adıyla çıkardığı gazetede Anadolu’daki Kuvay-i Milliye hareketini destekleyen çalışmalar yaptı. Sonraki yıllarda, İstanbul’da çıkan “Yeni Türkistan”, Berlin’de çıkan “Yaş Türkistan” adlı dergilerde hep “Türk Birliği” davası için çalıştı. 27 Aralık 1941 tarihinde Berlin’de öldü. Berlin’deki Türk-İslam mezarlığına gömüldü (Bayraktar, 2013: 39). Mustafa Çokay’ın eserleri: Chez Les Soviets eb Asie Centrale, Paris 1928; Turkestan Pod Vlast’yu Sovetov, Paris 1935; 1917 Yılı Hatıra Parçaları, Yaş Türkistan Neşriyatı, Paris- Berlin 1937; Türkistan Sovyet Hakimiyatı Ostida, TMİP (Yayın yeri belirtilmemiş) 1986; 1917 Yılı Hatıra Parçaları, TMİP Neşri (Yayın yeri belirtilmemiş) 1989; 1917 Yılı Hatıra Parçaları, Yaş Türkistan Neşriyatı 28, Ankara 1988; Turkestan Pod Vlast’yu Sovyetov, Alma Ata 1993.

Hokand Muhtariyeti (Aralık-1917): İhtilal ile ortaya çıkan kısmi serbestlik havası, Türkistanlılar arasındaki siyasi akımları gittikçe hızlandırdı. Türkistanlı aydınlar siyasi gelişmeleri yönlendirmek için Nisan 1917’de İslam Şurası’nı kurarak şuranın başkanlığına da Münevver Kari’yi getirdiler. Fakat şuranın dışında hiçbir organizasyona bağlı olmayan muhafazakâr gruplar da vardı. Bütün bu grupları bir çatı altında birleştirmek de gerekiyordu. İşte bu birleşmenin gerekliliğini gören hukukçu Ubaydullah hoca Türkistan için Milli Merkez kurulmasının önemini dile getirdi. Bunun üzerine aynı yılın mayıs ayında İslam Şurası’nın adı Türkistan Millî Merkez Şurası olarak değiştirildi ve başkanlığına da Mustafa Çokay getirildi. Milli Merkez çalışmalarını hızlandırdı ve Hokand Türkistan Muhtariyetinin ilanı için uygun

bir yer aradı. Bolşeviklerin hâkim olduğu Taşkent'te bunu yapmak uygun görülmedi. Çünkü İhtilal hükümetinin iki otoriteyi kabul etmeyeceği aşikârdı. Bu şartlar altında ancak Fergane vadisindeki Hokand şehri, özerkliğin ilanı için en uygun yerdi ve sonunda Hokand şehri üzerine karar kılındı.

9-12 Aralık 1917 tarihleri arasında Hokand eski hanın sarayında 203 delegenin katılımıyla Kongre yapıldı. Kongrede 54 üyeden oluşan bir halk şurası seçildi ve daha sonra bu halk şurası da 13 kişiden oluşan hükümeti seçti.

Nitekim, 26 Aralık 1917'de Dışişleri Bakanı Mustafa Çokay, Türkistan'da kuruluş aşamasında olan Alaş Orda hükümeti ile görüşmelerde bulundu. Bu görüşmelerden büyük rahatsızlık duyan Taşkent'teki Rus İhtilal hükümeti, Moisev Kuzmin Şkarup komutasındaki askeri birliğini Hokand'a gönderdi. Bu birlik şehirdeki Ermenilerin de desteğini alarak şehri üç gün boyunca ateşe verdi ve 10 bine yakın insanı acımasızca öldürdü. 12 Şubat 1918'de Rus Birlikleri Hokand Milli Hükümetini ancak zor kullanarak dağıttı(Oktay,1950:37).

Alaş-Orda Hükümeti (Aralık-1917): Türkistanlı Kazak Aydınlar daha 1906'da Kazak Demokratik Partisi'ni kurarak partiye büyük ölçüde katılım sağladılar. Parti üyeleri milli şuuru canlandırarak toprak paylaşımının çözümü noktasında çaba sarf ettiler. Onlar bununla birlikte, 1917'nin 21-26 Temmuzunda Orenburg'da Partinin kongresini tertip ederek Kazak Demokratik Partisi'nin ismini Alaş Orda şekline çevirdiler. Kazak Muhtar hükümetinin kurulmasına çalışan partililer çok geçmeden 1917'nin 18-26 Aralık'ında Orenburg'da 3. kongresini gerçekleştirerek ve bu kongrede Alaş Orda Muhtariyet hükümetini ilan ettiler.

Hükümetin Başkanlığına Alihan Bökeyhan ve Başkan yardımcılığına Halil Abbas'ın seçildiği Muhtariyet hükümetin diğer bakanları şu şekilde oluşturuldu: A. Ermek (Harbiye Bakanı), A. Birimcan (Adalet Bakanı), M.Tynışbaev (Dâhiliye Bakanı), A. Baytursun (Maarif Bakanı), M.Çokay (Hariciye Bakanı), C. Dostmuhammed ve H. Dostmuhammed (Alaş-Orda Batı Bölgesi bakanları). Geri kalan bakanlar ise şu isimlerden meydana geldi: V. Tanaş, A. Turkbay, S. Amancol, B. Kalman, Y. Akbay, B. Mehmed ve O. Alican. Bu 15 kişilik Bakanlar Kuruluna ayrıca 15 kişi de yedek üye seçildi. Alaş Orda Hükümetinin yönetiminde bulunan toprakların çok geniş bir coğrafyayı içine alması nedeniyle hükümet yönetimi Batı ve Doğu idaresi şeklinde ikiye ayrıldı. A.Bökeyhan Başbakanlık yanı sıra Doğu yönetiminin sorumluluğunu, Hanel Dostmuhammedoğlu ise batı yönetiminin sorumluluğunu üstlendiler. Alaş Orda hükümeti ilk olarak Milli Ordu kurma çalışmalarını başlattı ve başta Orenburg, Torgay, Kostanay'da Kazak Milli Alayları kurmayı başardı, ayrıca Polis Teşkilatını da bir hayli ilerlettiler. Alaş Orda hükümetinin Başkurdistan Orenburg askeri teşkilatının başında Togan bulunmaktaydı.

Hükümetin askeri ve iktisadi teşkilatının oluşmasında Kazak ve Başkurt liderleri birlikte hareket etmekteydiler.Bu birliktelik (Alaş-Orda Hükümetinin Başkurdistan-Orenburg yönetimiyle birlikte hareket etmesi) Moskova Bolşevik liderlerini tedirgin etmiş olacak ki, bir müddet sonra Lenin ve Stalin görüşmeler yapmak üzere Zeki Uali Togan ve Ahmet Baytursun'u Moskova'ya davet ettiler. Fakat çok geçmeden Moskova hükümeti Alaş-Orda'ya bir ihtilal komitesi gönderdi ve Alaş-Orda hükümetiyle uzun süren siyasi sürtüşmeler sonucunda Alaş-Orda hükümetinin almış olduğu bütün kararları iptal ederek 1920'nin Ekim'inde Kazak Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti ilan edildi.

Türkistan Milli Birliği ve Yayın Faaliyetleri: Sovyet hükümetinin politikalarına karşı milli mücadeleyi devam ettiren Türkistanlı Aydınlar siyasi teşkilatlanmanın gerekliliğini düşünmekten hiç vazgeçmediler. Kısa zamanda siyasi teşkilatın kurulması için harekete geçseler de, Aydınlar arasında tam bir fikir birliği olmadığından süreç uzadı.Bu sırada durumdan haberdar olan Mustafa Kemal Atatürk TBMM Üyelerinden İsmail Suphi (Soysalloğlu) Bey'i Türkistan'a gönderdi. 1921 temmuzunda Buhara'ya giden İ.Suphi Bey'in görevi Türkistan Milli Birliği'nin kuruluşu için arabuluculuk yapmaktı. Onun teşebbüsleri ile Birlik kurularak teşkilatın başına da Togan'ın getirilmesi uygun bulundu. Kurulan teşkilata Orta Asya Avamı Müslüman Cemiyetleri İttihadı adı verildi.

Ancak Rus Hükümetinin baskılarından dolayı Cemiyetin ileri gelenlerinden Togan, Osman Kocaoğlu ve Müfti Sadruddin beyler bu siyasi mücadelenin yurt dışında yapılmasına karar verdiler.1923'de Kocaoğlu Afganistan üzerinden Türkiye'ye geldi.

Bu sırada (1919-1925) Mustafa Çokay, Togan gibi Aydınlar da Avrupa'nın çeşitli bölgelerine yerleşti. Özellikle Almanya'da yoğunlaşan Türkistanlı Aydınlar, aralarında

kurdukları temaslar sonucunda genel bir kongre düzenleme hususunda bir karara vardılar. Afganistan, İran ve Türkiye'deki aydınlarla gerekli yazışmalar yapıldıktan sonra 1924'ün 29 Kasım günü Orta Asya Avamı Müslüman Cemiyetleri İttihadı'nın Türkistan dışındaki ilk resmi toplantısı gerçekleştirildi.

Kongrede Sovyetler tarafından Türkistan'ın Kazakistan, Kırgızistan, Türkmenistan, Özbekistan ve Tacikistan olarak beş Cumhuriyete bölünmesi meselesi ele alındı. Kongre üyeleri, beş Cumhuriyeti beş ayrı millete parçalama olarak değerlendirdi. Ayrıca Orta Asya Avamı Müslüman Cemiyetleri İttihadı'nın adı "Türkistan Azadlık Cemiyeti" olarak değiştirildi. Bunun sebebi Orta-Asya olarak değiştirilen Türkistan adının yasaklanamayacağı ve unutturulamayacağını vurgulamaktı. Çok geçmeden 1925'in 9 Mayıs'ında Cemiyet'in Avrupa'da son toplantısı gerçekleştirildi ve yine bu kongrede önemli kararlar alındı.

Bunlar: Cemiyetin merkezinin Türkiye'ye taşınması, Mustafa Çokay'ın Cemiyetin Avrupa temsilcisi olması, İstanbul'da yayınlanacak neşriyat dilinin Kazak, Kırgız, Özbek, Tatar ve Başkurların Türkçe neşriyatlarında kendi şive özelliklerini ve ortak lehçe kelimelerini korumakla beraber etimoloji ve morfoloji hususlarında müşterek kaidelere uyulması gibi önemli kararlar. Bu kongrenin arkasından 1925 yılı içerisinde Türkiye'nin önde gelen isimlerinden Maarif Bakanı Suphi Tanrıöver, Avrupa'da yaşayan Türk dış liderlerini Türkiye'ye toplamak amaçlı bir çalışma başlattı ve kısa zamanda Sadri Maksudi Arsal, Ayaz İshaki, Fuat Toktar ve Abdullah Battal Taymas gibi isimlerin Türkiye'ye gelmesini sağladı. Böylece Türkistan Milli Hareketinin siyasi ağırlık merkezi Türkiye'ye taşındı. Kısa zamanda 1927'nin Nisan ayında Zeki Velidi Togan, Mustafa Çokayoğlu, Osman Kocaoğlu, Nasır Mahdum, Mustafa Şakuli, Abdulkadir İnan ve başkalarının da katılımıyla Türkistan Azadlık Cemiyeti'nin ilk kongresi İstanbul'da toplandı ve ilk gündem maddesiyle Cemiyetin adı Türkistan Milli Birliği olarak değiştirildi. Kongrenin en önemli kararı, İstanbul'da Yeni Türkistan adıyla Zeki Velidi ve A. İnan'ın yönetiminde dergi neşretme kararı almasıydı. Dergide Türkistan'ın siyasi ve ekonomik meselelerinin yanında ayrıca tarih, edebiyat ve kültür konularına yer verilecekti. Bunlara ilaveten Mustafa Çokayoğlu ve Mustafa Şakuli'nin Avrupa temsilciliği de kararlaştırıldı.

1920-1925 yılları arasında Sovyet yönetiminde kalan Türkistan ve Kafkas ülkelerinden birçok Türk önderleri Türkiye'ye geldi. Bunlar 1920 yılının başlarında Kırım Türklerinin önderlerinden Cafer Seyid Ahmet (Kırimer), Kafkas liderlerinden Said Şamil ve Sultan Kılıç Gerye, yine 1922 yılı içerisinde Azerbaycan Cumhurbaşkanı Mehmet Emin Resulzade gibi isimlerdi. Aydınlarımız Türkistan dışına çıkmadan önce Türkistan ve Kafkaslarda çeşitli gazeteler yayınladılar. Bunlar: Birlik Tuvi, Uluğ Türkistan, Na Rubeja ve Şafak gazeteleridir. Türkistan dışında Türkiye ve Avrupa'daki yayınlar ise Yeni Türkistan ve Yaş Türkistan dergileridir.

Birlik Tuvi (Taşkent): 1917'nin Haziranında Taşkent'te yayına başlayan Birlik Tuvi gazetesi Türkistanlı aydınlardan Mustafa Çokayoğlu'nun ilk gazete yönetim tecrübesidir. Gazete Taşkent'te yaşayan Kazakların kurduğu İttihat Birliğinin yayın organıdır. Haftalık olarak çıkan gazetenin yayın politikası Türkistan halkının birliğini tesis etmek ve halkı siyasi yönden bilinçlendirmek ve böylece Rusya Kurucu Meclis çalışmalarına hazırlamak olmuştur.

Birlik Tuvi gazetesi yayına başlamadan önce 26 Kasım 1916 tarihinde Kölbay Togısov öncülüğünde Taşkent Kazakları için Alaş adında bir gazete yayımlandı. Ancak Alaş gazetesi Taşkent'teki Kazakların dilek ve sorunlarını dile getirmekte yetersiz kaldığından yeni bir gazete ihtiyacı duyuldu. Bunun üzerine Kazak aydınlar Mustafa Çokayoğlu ve Sultanbek Kocanov etrafında birleşerek İttihat Birliğini kurdu ve birliğin yayın organı olarak Birlik Tuvi gazetesini çıkardılar. Gazetenin yönetimine Çokayoğlu getirildi. Yayınını 1918 yılı ortalarına kadar devam ettiren ve 30 sayı kadar çıkan gazete, Bolşeviklerin Türkistan'a hâkim olmasından sonra kapandı.

Türkistan(Taşkent): 1917'nin Nisan'ında yayına başlayan Türkistan gazetesi ilkin Kazan Tatarlarından Fatih Kerimi'nin yönetiminde oluştu. Bu gazetede, yazı kurulunun şeref üyesi olan Çokayoğlu'nun yazıları da yayımlandı. Yazı kurulunda Çokayoğlu dışında Molla Gazi Yunus Muhammedoğlu, Nureddin Seyfulmülükov, Lütfi Ebubekir, Muhtar Bekir ve Helef Tolak gibi isimler de yer aldı. Altı bin tiraja sahip Uluğ Türkistan gazetesi geniş bir kitleye hitap etti. Gazetenin amacı, Türkistan halkının Tatar, Sart ve Kazak olarak bölünmesinin yerine Türklük ve Müslümanlık altında birleşmesi gerektiği mesajını vermektir. Gazete

1918'in baharında Sovyet makamlarınca durduruldu (Oraltay, 1997:15).

Na Rubeja-Şafak (Tiflis): 1919 Nisanında Tiflis'e gelen ve burada 1921 Şubatının ortalarına kadar yaklaşık iki sene kalan Çokayoğlu, bu süre zarfında Na Rubeja adında Rusça ve diğeri Şafak adında Türkçe iki gazete çıkardı. Ayrıca Çokayoğlu Tiflis'te çıkan bazı gazetelerde de düzenli olarak yazılar yazdı. Bu gazetelerin biri Dağıstanlı Ahmet Salihov'un Volny Goret's gazetesini bir diğeri Bor'ba gazetesiydi. Na Rubeja ve Şafak gazeteleri Bolşeviklerin Kafkasya'yı işgaliyle yayınlarını durdurdu. İhtilal döneminde altı sayı çıkarabilen Na Rubeja gazetesi Gürcü Hükümetinin maddi destekleriyle yayımlandı. Şafak gazetesi ise Tiflis'teki Türk cemaatinin destekleriyle neşredilebildi.

Yeni Türkistan Dergisi (İstanbul): 1927'nin Haziranında ilk sayısı yayınlanan derginin adının Yeni Türkistan olarak konulmasındaki amaç, Rusya'da yasaklanan Türkistan adının tüm Orta Asya'yı kapsayan bir isim olmasıydı. Yeni kelimesi ile de milli bağımsızlık sonrası kurulacak olan Türkistan'ın kastedilme-siydi. Derginin ilk 16 sayısı Arap harfleriyle yayımlandı. Türkiye'de Latin harflerine geçişle birlikte Ocak 1929 tarihinde itibaren dergi, Latin alfabesiyle çıkmaya başladı. Yazar kadrosuna gelince; dergi yazarlarının büyük bir kısmı Türkistan Milli Birliği üyeleri ve Yeni Türkistan idaresinde yer alan kişilerdi. Dergiye baştan sona bakıldığında Mustafa Çokayoğlu, Abdulvahap Oktay, Osman Kocaoğlu, Abdulkadir İnan, Togan ve Tahir Çağatay gibi kişilerin dergide ön plana çıktıkları görülmektedir. Ayrıca dergide Azerbaycan adına yazı yazan iki yazar bulunmaktaydı. Birincisi B.E. Ağaoğlu, ikincisi Hüseyin Baykara'dır. Kırım'ı temsilen yazıları yayımlananlar arasında Cafer Seydahmed yer alır. Türkiye'den ise yazı ve şiirlerin yayımlananlar arasında Aka Gündüz, Faruk Nafiz, Nihal Atsız ve Adil Hikmet Bey'dir.

Mustafa Çokayoğlu, dergi için toplam 20 makale yazmıştır. Çokayoğlu yazılarında daha çok, Türkistan'daki Sovyet siyaseti ve Türkistan'ın iktisadi durumu üzerinde durdu. Sovyetlerin siyasetlerini, bölgeye Rus muhacirlerin getirilmesi ile Türk nüfusunu azaltmak, köylüyü pamuk ekmeğe zorlayarak diğeri tarım ürünleri açısından Moskova'ya bağlı kalmak olarak gösterdi.

Yaş Türkistan Dergisi (Berlin): Türkistan milli Birliğinin Avrupa temsilcisi Mustafa Çokay'ın rehberliği ile Ekim 1929'da Berlin'de yayınlanmaya başladı. Eylül 1939'a kadar yayınlanan 117 sayı, Arap harfleriyle yayımlandı. Derginin ana konusu ilk sayısında, Türkistan bağımsızlığı ve Türkistan halkının kendi kendini idare etme hakkını kazanma yolunda mücadele olduğu belirtildi. Mücadelenin temelini ise siyaset, kültür ve dil sahalarındaki çalışmalar oluşturdu. Öncelikle Türk Dünyasında kültür ve dil birliğinin sağlanması çok önemlidir.

Türk kültürünün tüm Türk halklarının ortak kültürü olduğu bilincine varılmalıdır. Türk halkları birbirlerinin konuştuğunu ve yazdığını aracısız, tercüman-sız anlamalıdır. İstanbul'da çıkan bir gazete Semerkant'ta okunabilmelidir. Böylece Türk halkları arasındaki birlik ve kardeşlik duyguları pekiştirilebilir. Türk halklarının aralarındaki kültür ve dil birliği ideali, onların (Türklerin) diğeri halklardan soyutlandırılmasını gerektirmez (Kara, 2002:65).

Aksine bu birlikle beraber, kendileri gibi bağımsızlık mücadelesi içindeki diğeri halklarla işbirliği sağlanmalıdır. Türk Halklarının kültür birliği, bir aile içinde bütünlüğün sağlanmasıyla eşdeğerdir. Bu bütünlüğün sağlanmasından sonra diğeri halklarla bağımsızlık ko-nusunda ittifak edilmelidir. Bu Türkistan'ın Bağımsızlığı için gereklidir. Bağımsızlığa kavuşmak isteyen Türkistanlılar için sadece öz yurdunu ve halkını sevmek yetmez, bizim Türkistan'ı ve Türklüğü başkalarına da sevdirmemiz gerekmektedir.

Derginin Paris'te değil Berlin'de yayınlanmasının sebebi, Paris'te Çokay dışında Türkistanlıların az oluşuydu. Oysa Berlin, Avrupa'daki Türkistanlıların en çok bulunduğu şehirdi. Dergi Arap harfleriyle Berlin'de yayımlandı. O devirde Arap harfleriyle dizgi yapan matbaa her yerde bulunmadığından derginin Berlin'de yayınlanması uygun bulunmuştu.

Mustafa Çokay, dergide özel bir Türkçe kullandı. Bununla o, derginin yayın politikasına uygun olarak Berlin'de çıkan bir derginin İstanbul'dan Semerkant'a kadar bütün Türk dünyasında okunmasını sağlamayı amaçladı. Bunun için Türkiye Türkçesi ile Türkistan'da konuşulan Kazakça, Özbekçe, Tatarca dillerinin karışımından oluşan bir Türkçe kullandı. Dergi bu dil politikası ile Türkistan'dayeni gelişmekte olan Türk lehçelerine yön verme çabasında oldu. Öncelikle Türkiye Türkçesinin zengin kelime ha-zinesinden faydalanmak gerekli görüldü. Böylece Türkistan'da kullanılan dil, hem Acem tesirinden hem de özellikle

gelecekte büyük bir tehlike teşkil edecek Rusçanın tesirinden kurtulabileceği düşünüldü.

Dergide işlenen başlıca konular Türkistan'da 1917 yıllarındaki milli hareketler ve liderler, Hokant, Alaş Orda ve Buhara Muhtariyetlerinin anlatımı dikkat çekmektedir. Çarlık Rusya'sının ve Sovyetlerin, Türkistan'daki sömürge siyasetinin izahına ağırlık verilmiştir.

Rusya'daki 1917 Şubat Devrimi'nden sonra, Bolşeviklerin iktidara gelmesi ve onların milletler hususundaki siyaseti, devleti demokratik yollarla yönetmemeleri ülkedeki bağımsızlık yolunda mücadele veren aydınlar ve bilim insanları ile görüş farklılıklarında dolayı çok aydınlar ülke dışında göç etmeye mecbur olmuştur.

Özellikle, Rusya'daki Türk Hareketi'nin önde gelen temsilcileri Mustafa Çokay, Ahmed Zaki Uali Togan, Fuat Toktar, Ayaz İskaki ve diğerleri önde gelen isimler yurduşına göç etti (Shildebai, 2002: 114). Başlangıçta, bu insanlar Türkistan özerkliği için savaşıyorlardı ve bütün Türkistan fikrinin ana destekçileriydi. Özellikle, tüm Türkistan fikrine göç yaşamının her aşamasında kayıtsız olan Mustafa Çokay'ın yönünü incelemek, hem tarihsel olarak adil hem de ahlaki olarak doğrudur.

Şimdi yurduşına çıkış nedenlerini bahsedelim. Bu bağlamda, Profesör M. Koygeldiev'in çalışmalarından aşağıdaki alıntıdan bazılarını verelim: "...Gürcistan'da gazeteci iken Taşkentli Sultanbek Kozhanuly'den telgraf aldı. Kokand'ın özerklerinin af olduğu ve Mustafa'nın daha sonra Taşkent'e dönebileceği belirtilmişti. Mustafa'nın çok etkili bir çözüm bulabilmiş olması harika bir şey" (Koigeldiev, 1997:21). Elbette, Mustafa Çokay'ın doğru kararı verdiğinden şüphesizdir.

Dönemin gösterdiği gibi, yaşamları savunma yoluna giden Alaş entelektüelleri, RCP'nin Merkez Komitesi (b) Komünist platformda Türk aydınlarından affedilen Mustafa Çokay, Ahmed Zeki Vali Togan gibi insanlardı. Mustafa Çokay, Ahmed Zeki'nin, Sovyet iktidarının kurulmasından sonra politikalarına katılamayacağına ikna olduktan sonra, dünyadaki Bolşevik diktatörlüklerini açığa vurmak için Avrupa'da daha geniş bir demokrasiye gitmeye mecbur olmuştur.

Bundan sonra, Mustafa Çokay 1919'da Bakü'ye gitti ve Gürcistan hükümeti başkanı N. Karcivadze ile olan iyi ilişkileri üzerine Tiflis'e gitti. Ancak orada çok fazla kalamadı, Gürcistan'dan Türkiye'ye ve daha sonra Fransa'ya yerleşti. Bu kadar uzun bir yolun ardından Mustafa Çokay Paris'e yerleşti ve Rus basınına bir makale yazdı. Makalesinin yıllık olarak yazılmasının iki önemli nedeni var. Birincisi ceza, ikincisi ise Türkistan meselesini dünya toplumuna, özellikle de Sovyetler Birliği halklarına ulaştırmaktı.

Mustafa Çokay'ın makaleleri temel olarak Sovyetler Birliği tarafından yürütülen politikanın Türk halklarının çıkarlarıyla çelişkili olduğunu göstermeyi amaçlıyordu. Ayrıca, Türkistan'ın ikinci sınıf devlet yönetişiminin önemini vurguladı ve yönetiminin her aşamasında aktif olarak çalışması gerektiğini vurguladı. Sonuç olarak, Mustafa Çokay, Orta Asya bölgesindeki sosyo-ekonomik ve politik değişikliklere karşı olağanüstü bir açık muhalefet figürü olarak ayırt edildi.

Mustafa Çokay 'ın yurduşındaki yaşamının ilk iki veya üç yılı bir "yaşam mücadelesi" ve Fransa'ya adaptasyona olam sürecidir. Örneğin, 1923'teki Almanya'daki şiddetli ekonomik kriz sırasında, yani para devalüasyonu döneminde, hem Mustafa'nın hem de karısının yaklaşık altı aydır Almanya'da yaşadığı bilgisi vardır. Ancak Mustafa Çokay Nogent'e geldikten sonra, Kerensky'nin "Dni" ve Milyukov'un "Posldnie novosti" yayınlarının yanı sıra karısı Maria'na da ıslah asistanı olarak çalıştı. Evde yemek pişirdi, tiyatrodaki çalıştı ve öğleden sonra Malçevski korosuna gitti ve şarkı söyledi. Mustafa'nın basın makaleleri için aldığı ücretler de evin gelirin katkısında bulundu. Bu zorluklara rağmen, Mustafa, Fransızca da öğrenmeyi bırakmadı.

Mustafa Çokay, Türk meselesini Sovyetler Birliği'nin Orta Asya halklarına karşı politikasını uluslararası düzeyde yükseltmeye ve dünyanın dikkatini çekmeye çalıştı. Örneğin, 1922-1923'te İsviçre'de Lozan'da toplanan "Türkiye'nin Kaderi" konulu Uluslararası Konferansta "Türkistan ve Türk dünyası" hakkında konuştu. İskaki, C. Maksudi, F. Toktar ile birlikte taleplerini ve görüşlerini belirten bir mesaj gönderdiler (Oktai, 1997:38). Böylece, Türkistan'dan Batı Avrupa'ya gelen pek çok rakamıyla birlikte Mustafa Çokay, Türk halklarının kurtuluşu için savaşımaya başladı. Paris'te İstanbul'da Zeki Veli'nin editörü ve Haziran 1927 - Eylül 1931 tarihleri arasında "Genç Türkistan" adlı bir dergi yayınladı (Oraltay, 1997:9).

Ancak kısa süre sonra, Alman hükümeti tarafından Fransa ve İngiltere'ye casusluk yapmakla suçlandı. Alman yüksek makamları bu tür suçlamaların yanlış olduğunu hızla fark etti. Ancak provokatörlere hükümet tarafından hiçbir eylem yapılmadı. Sovyetler tarafından Mustafa Çokay "Türkistan lejyonunun kurucusu" ve "Almanya'ya satılan ihanetçi" ile suçlandı. Nitekim, Mustafa Çokay, Türkistan Legyonu'nun oluşumuna karşı çıktı ve insanlık dışı etkileri nedeniyle öldürülmekte olan Türklerin hayatlarını korumaya ve iş bulmalarına öylece yaşamlarını sürdürmeye destek olmaya çalıştı. Mustafa Çokay mektubunda Almanya'daki yuttaşlarının çok kötü durumuyla ilgili Alman yönetimine şunları yazdı: "Siz, Almanlar, Avrupa'daki en kültürlü insanlar olduğunuz inaniyorum. Kültürlerinizde gördüğüm şeyse, hepimizin mahkumların acısını görmesini diliyorum" (Çokay, 1997: 156).

Lejyoner Karys Kanatbai, Mustafa'dan sözlerini şöyle hatırlıyor: "Sevgili Mastura'm": "Asıl kaygım, her birinizi gelecekteki vatanımız olan Türkistan'ın yaratılması için gerekli olan çeşitli iş işlerine koymak olacaktır!". Bunun üzerine, Almanya'da kalan Türk savaş esiri Jekebai Bapys (Jantemir), "Alman liderlerle konuşurken, Mustafa Türk halkından bir ordu kurmasına karşı çıktı. Türkleri oralarda yetleşip fabrikalarda çalışmasını istedi. Lkin bu görüş o dönemdeki Alman yönetimine uyumadı. Alman ordusu ve göçmen temsilcileri, Mustafa hayattayken, Türk savaş esirlerinde ordu kurarak yönetmek zor olduğunu iyi anlayabildiler" (Kara, 2004:76).

Sonuç. XX.Yüzyılın 20-30'ları milli aydınlarının tarihi, Sovyet dönemi totaliter sistemi ve Komünist Partinin milliyetçiliğe ve Orta Asya halkı ile Kızıl İmparatorluk arasındaki ilişkinin tarih her zaman gündemde olmalıdır. Çünkü o zamanlar totaliter sistem ifşaya açıldı. Mustafa Çokay'ın ülke ile ilgili çalışmalarını ülke, doğum yeri, oradaki insanların özgürlüğü, eşitliği ve egemenliği ile ilgili çalışmalarının toplanması ve incelemesi, sosyo-politik etkinliğin Türk halklarının bağımsızlığına yönelik olduğunu vurgulayarak, bir sonraki nesle getirilmesi gerektiği akılda tutulmalıdır. Mustafa Shokai'nin çalışmalarına bağımsız Kazakistan tarihçiliğine katılmanın modern çağın en güncel konularından biri olduğunu kabul etmek önemlidir.

Mustafa Çokaydünya çapında etnik, demokratik, gerçekçi bir Avrupa vatandaşı olarak biliniyor. Onun üstünlüğünü kanıtlayan bu gerçeklerden biride Ukrayna Dışişleri Bakanı Profesör A. Shulgin, "Mustafa büyük bir devlet adamı, tanınmış bir yazar ve bir gazeteci idi, ama her şeyden önce fikirleri ile ilgi çeken insandı. Mustafa Beyi Türkistan olmadan düşünmek imkansızdı. Her sözünden, eylemlerinden bile, onu fark etmek mümkündü o Türkistanlıydı" (Kara, 2004:78). Aslında, Mustafa Çokay hakkında konuşurken, ismini Türkistan fikrinden ayırt etmek mümkün değildir. Mustafa Çokay bugün bağımsız Kazakistan'ın tarihi çıkarlarıyla ilişkilendirirsek, yalnızca Kazak halkı bağımsızlık hayal etti dersek büyük bir hata yaparız. Çünkü Profesör Kojeldiev, "Mustafa Çokay Kazakistan'ın bağımsızlığından Türkistan'ın bağımsızlığını dikkate almıştı" dedi. Aynı zamanda, Mustafa Çokay'ın asıl amacının Türk halklarını birleştirmekti. Ve Profesör M. Koygeldiev'in görüşüne katılarak bağımsız bir Türk devleti oluşturmak olduğu sonucuna varmak mümkündür (Koygeldiev, 2004:212).

XX.Yüzyılın başlarında, Mustafa Çokay'ın karmaşık tarihi olaylara aktif katılımını ve çalışmalarını objektif değerlendirmesi sadece ulusal tarihimiz için değil, aynı zamanda tüm Türk halklarının tarihi için de geçerlidir.

Mustafa Çokay'ın XX. Yüzyılın başındaki kapsamlı sosyal ve politik faaliyetlerini detaylı bir şekilde çalışıldığı ve iyi belgelendiği sonucuna varmak için henüz çok erken. Özellikle, 1917'nin çifte devrimi sırasında Türkistan'daki halkına büyülenme hizmeti, Mustafa'nın hayatındaki en başarılı anlardan biriydi. Türkistan halklarının bağımsızlığındaki bu dönemin edindiği siyasal deneyim tarafından takip edilen bağımsızlık koşullarında ideolojik mücadelenin temel taşı olduğu bilimsel olarak kanıtlanmış bir gerçektir.

Adı Alaş olarak bilinen büyük politikacı Mustafa Çokay'a, halkının her zaman büyük bir saygısı olmuştur. Millet sevgili oğullarını asla unutmayacaklar. Mustafa Çokay 1917'de Taşkent'te "Ulugh Turkestan", Kokand'da "Yeni Türkistan", 1919'da Tiflis'te Volyn gortsy'de, "Rubezh" ve 1921'de İstanbul'da "Shabnam" gazetesinde; "Zhas Türkistan" dergisi ayrıca "Yeni Dünya" (1920), "Yeni Türkistan" (1927-1937), Türkistan (1935), Orta Asya (1928) gibi Fransızca, Türkçe ve Rusça dillerinde kitaplar içermektedir. Ayrıca birçok eser yayınladı.

Mustafa Çokay "Genç Türkistan" dergisini özgürlük ve bağımsızlık mücadelesi bayrağı

olarak seçti. Savaş bayrağının yükselmesi aynı zamanda henüz muzaffer olmadığı ve yalnızca zafer çağrısı olduğu konusunda bir uyarıdır. Özgürlük çıkarlarını arttıran derginin gerçekten muzaffer bir lamba olduğu gerçeğiyle başa çıkamayız.

M. Çokay, Sovyet ve Bolşeviklerin bu dergilerdeki ve Sovyet dönemindeki diğer ulusal gazetelerdeki Türkistan ve SSCB'nin diğer kısımlarındaki politikalarını eleştirdi. Bu yüzden her zaman politikanın kamusal-politik stratagemine ve belirli eylemlerin belirsiz doğasına maruz kalmıştır. Bu davalar M. Çokay 'ın Türkistan dönemini sona erdiren göç çabalarının ana odağı haline gelmiştir.

Son olarak, Siyasi mücadelesinin Türkistan dönemi M. Çokay, o zamana dayanarak şu sonuçları çıkardı: Birincisi, Bolşevikleri sömürgecilik politikası sömürgeciliği mücadelesinde milyonlarca silah ve gücüyle yenmek mümkün değil. İkincisi, Rusya ile savaşı kazanmanın ve hedefle savaşmanın doğru yolunu seçmek gerekiyor. Üçüncüsü, Türkistan halkı muzaffer olacak, bağımsız bir devlet olması bu mücadelede kazanmak için tümünü bir soyu bir türk halkları birleşmesi için çabalamak ve böylece Türkistan fikrini ve halkını yaşatmaktır. Mustafa Çokay hakkında özel yazıların yazılmasını umuyoruz. Asıl amacı, halkının uğruna "başıboş, kaygan" olan Mustafa Çokay'ın gerçek imajını göstermek, adil bir tahmin yapmak, gereksiz iftardan kaçınmak, gerçeği anlatmak ve tarihteki yerini net belirlemektir. Sonuç olarak, M.Çokay'ın gelişiminin, eğitim biçiminin, siyasi görüşlerin oluşmasının ve politik faaliyetinin başlangıcının, Türkistan'ın kapsamlı bir meselesi olarak kabul edildiğini düşünüyoruz. M. Çokay'ın faaliyeti, Türkistan'daki sosyal ve politik değişimler bağlamında değerlendirildi. M. Çokay bir devlet figürü olarak oluştuğu ve büyüdüğü, eğitim ortamının etkisi oldu. M. Çokay XX Yüzyılın başlarında Türk halkının çıkarlarını savunmada aktif olan ilk Kazak entelijensiyasının temsilcisidir. M. Çokay politik faaliyeti Türkistan dönemindeki politik mücadeleyle sınırlı kalmadı, her zaman liberal, düşünceli, milliyetçi fikirleri teşvik eden ve destekleyen politik bir yayıncısı oldu.

KAYNAKÇA:

Abdullaev R.M., Agzamhodzhaev S.S., Alimov I.A. Türkistan, 20. yüzyılın başında milli bağımsızlığın kökenleri tarihine. Taşkent: Köpekbalığı, 2000. S. 672.

Bayraktar. Rasim Atatürk Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi, Sayı: 39 2013 ss. 307-336 Erzurum Türkistanlı Aydınlarımızın Siyasi Ve Yayın Mücadelesi: Mustafa Çokayoğlu Ve Etrafındakiler.

Baishuakov A.A. Türkistan lejyonları hakkındaki gerçekler // Sacred Heart. 1992. 6 Haziran.

Wong Zur Mukhlen.P. Mawi Gamilinash ve kırmızı yıldız arasında meyveleri. Ankara: 1984. 20 s.

Kara A. Türkistan Ateşi - Mustafa Çokay'ın Hayatı ve Mücadeleleri, da yayıncılık // İstanbul, 2002.

Kara A. Mustafa Çokay. Almatı, 2004, s 154.

Koygeldiev M.K. Kazak Ulusal Kurtuluş Hareketi ve Mustafa Chokai // Hakikat. 1993. No.

Koygeldiev M.K. Türkistan'ın oğlu // Kazakistan tarihi. 1997, No. 2. S. 21.

Koygeldiev M.K. Ulusal siyasi seçkinlerin etkinliği ve kaderi (XVIII-XX. Yüzyıllar). Almaty: Alev, 2004. S. 400.

Mustafa Shokai. Memoirs of Mari about Çokai. İstanbul: 1997. S. 265 .

Hayit B. Turkistan Devletlerinin Milli Mucadeleleri Tarihi. Ankara. 1995.

Hidiratliyev D. Mustafa Çokay. Hayati, Faaliyetleri ve Fikirleri. Yeni Avrasya yayınları. Ankara. 2001. Aralık. S. 215.

Nurpeyisov K. Kazaklar için yirminci yüzyıl asla tamamlanmadı // Zaman Kazakistan. 1998. 30 Ocak.

Nurpeisov K. Alash ve Alashord. Almatı: Atatek, 1995. S 256.

Namık K. Z. O bir Türk mucit // Türkistan, 2001. 25 Ağustos.

Oktay A. Türkistan Milli Hareketi ve Mustafa Çokay. İstanbul, 1950.

Oktay A. Mustafa Çokay ve Türki. Türkistan, 1997. 26 Mart.

Oraltay H. Mustafa Çokay ve takipçileri yurtdışında // Kazak tarihi, 1997. № 2, S. 9.

Oraltay H. Mustafa Çokay . Türk Dünyası Tarih Dergisi// İstanbul, Ocak 1997, S. 121

- Togan A. Z.V. Hatıralar. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı, 1999.
Takenov A. Baimurza Hait (Alash Hareketi makalesinden) // Kazakistan tarihi. 1996. No. 3. s.
Tursunov H.T. Orta Asya'da ve Kazakistan'da 1916 isyanı. Taşkent: Özbek SSR Devlet Yayınevi. 1962. S. 428.
Şildebay C. Kazakistan'da Türk ve ulusal kurtuluş hareketi. Almatı, 2002, s. 164.
Çokay M. Hatıralar. İstanbul, 1997. S. 271

References:

- Abdullaev R.M., Agzamhodzhaev S.S., Alimov I.A. Turkestan at the beginning of the 20th century to the history of the origins of national independence. Tashkent: Shark, 2000. P.67. [in Russian]
Bayraktar. Rasim Atatürk University Faculty of Theology Journal, Issue: 39 2013 pp. 307-336. Erzurum Political and Broadcasting Struggle of Our Turkic Intellectuals: Mustafa Shokay And Those Who Are. [in Turkish].
Bayshuakov A. Truth about Turkestan legions // Sacred Heart 199. June 6. [in Kazakh].
Wong Zur Mukhlen P. Mavi berries between Gamilinash and a red star. Ankara: 1984. p. 20. [in Kazakh].
Kara A. Turkistan -Mustafa Shokay's Life and Challenges, publishing // Istanbul, 2002. [in Kazakh].
Kara A. Mustafa Shokay. Almaty, 2004, p. 154. [in Kazakh].
Koigeldiev M. Kazakh National Liberation Movement and Mustafa Shokai // Truth. 1993. No. 3. [in Kazakh].
Koigeldiev M. Turkistan's son // History of Kazakhstan. 1997, no. 2, p.21. [in Kazakh].
Koigeldiev M. Effectiveness and fate of national political elite (XVIII-XX centuries). Almaty: Alev, 2004. p. 400 [in Kazakh].
Mustafa Shokai. Mari'nin Shokay ile ilgili anıları. İstanbul. 1997. P. 265. [in Turkish].
Hayit B. National Struggles of the States of Turkey Date. Ankara: 1995. [in Turkish].
Hidiratliyev D. Mustafa Shokay. Life, activities and ideas. New Eurasian publications. Ankara. 2001. December. p. 215. [in Turkish].
Nurpeisov K. For Kazakhs, the twentieth century was never completed// Time Kazakhstan. 1998. January 30 [in Kazakh].
Nurpeisov K. Alash and Alashord. Almaty: Atatek, 1995. P. 256 [in Kazakh].
Namik K. He is a Turkish inventor // Turkestan, 2001, August 25 [in Kazakh].
Oktay A. Turkistan National Struggle and Mustafa Shokay. İstanbul, 1950. [in Turkish].
Oktay A. Mustafa Shokay and Turkish. Turkestan, 1997. March 26. [in Kazakh].
Oraltay H. Mustafa Shokay and his followers overseas // Kazakh history, 1997. No. 2, p. [in Kazakh].
Oraltay H. Mustafa Shokay. History of the Turkish World // İstanbul, January 1997, p. 121 [in Turkish].
Togan Z. Remembrances. İstanbul: TAN Press, 1969. p 144 [in Turkish].
Takenov. A. Baimurza Chait (from the article Alash Movement) // History of Kazakhstan. 1996. - No. 37, p. 17 [in Kazakh].
Tursunov H.T. Uprising of 1916 in Central Asia and in Kazakhstan. Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. 1962. p. 428; The uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan. Moscow: Knowledge, 1966. P.47. [in Russian]
Schildebay. Turkish and national liberation struggle in Kazakhstan. Almaty, 2002, p. 164 [in Kazakh].
Shokay M. Remembrances. St. İstanbul, 1997, p. 271 [in Kazakh].

ҒТАХР: 03.20:00

**Ә. МАРҒҰЛАНЫҢ БҮГІНГІ ҰЛТТЫҚ РУХАНИ КИЕЛІ НЫСАНДАР
ТІЗІМІНЕ ЕНГЕН ЕСКЕРТКІШТЕРДІ ЗЕРТТЕУІ (XX ғ. 40-50 жж.)**

Хамитова М.А.

т.ғ.к., Орталық Азия университеті, педагогика және гуманитарлық пәндер
кафедрасының доценті. Алматы, Қазақстан. E-mail: marvan59@bk.ru

Түйіндеме. Бүгінгі Қазақстанның киелі географиясына қатысты тылсым сырлы, киелі деп танылатын нысандардың тізімі, классификациясы жасалып, замана талабына сай тұжырымдамасы дайындалды. Мақалада осы тізімге енген киелі нысандардың біразын кезінде академик Ә. Марғұлан зерттеп, түсініктемелер дайындап, энциклопедиялық мақалалар жазып кеткені туралы айтылады. Археологиялық қазба жұмыстарымен қатар Ә.Х. Марғұлан сәулет өнері мен өнер саласын терең зерттеді. Сәулеткерлік ескерткіштерді зерттеу мақсатындағы зерттеулер: Шу өзенінің төменгі етегі, Сарысудың жағалауы, Нұра өзені бойы, Қорғалжын маңы, батысында Сағыз, Ембі өзендерінің бассейнін қамтыды. VIII–X ғасырларда тастан жасалған архитектуралық ескерткіштер мен орта ғасыр қалаларын, XIII–XIX ғ.ғ. қазақ күмбездерін ашты. Кеңгір өзені бойының ортағасырлық кесенелерін зерттеді. Қазақстанның киелі географиясы тізіміндегі Сарайшық қаласына 1950 жылы алғаш рет қазба жұмыстарын жүргізген де академик Ә. Марғұлан болатын. Мақалада ғалымның «Сарайшықтағы қазба жұмыстары» атты баяндамасына қатысты Ресей ғалымдарының пікірі сақталған Орталық Азия археология секциясының хаттама көшірмесі алғаш рет ғылыми айналымға енгізіліп отыр.

Кілт сөздер: Ә. Марғұлан, рухани нысан-ескерткіштер, экспедиция, Сарайшық, қазба жұмыстары, ұлттық сәулет өнері, күмбезді архитектура.

МРНТИ 03.20.00

**ИССЛЕДОВАНИЯ А. МАРГУЛАНА ПАМЯТНИКОВ, ВОШЕДШИХ
В СПИСОК ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ САКРАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ
КАЗАХСТАНА (40-50 гг. XX в.)**

Хамитова М.А.

к.и.н., старший преподаватель кафедры педагогики
и гуманитарных дисциплин, Центрально-Азиатского университета.
Алматы, Казахстан. E-mail: marvan59@bk.ru

Аннотация. В статье описываются некоторые широко известные в народе памятники, которые были изучены в свое время академиком А.Х. Маргуланом, им были подготовлены справочные материалы, разработаны статьи для энциклопедии. Эти памятники были систематизированы учеными в соответствии с требованиями времени и вошли в список сакральных объектов Казахстана.

Наряду с археологическими раскопками А.Х. Маргулан глубоко исследовал и архитектурные памятники. Круг исследованных им архитектурных памятников охватывал низовья реки Чу, побережье реки Сарысу, русла рек Нура и Коргалжын, на западе республики – бассейны рек Сағыз и Емба. Им были изучены каменные архитектурные памятники VIII–X вв, средневековые города, а также открыты купольные мавзолеи XIII–XIX вв. Он исследовал средневековые мавзолеи на реке Кеңгір. Первые археологические раскопки в городе Сарайчик, который вошел в список сакральных объектов Казахстана, были проведены академиком А. Маргуланом в 1950-е годы. В статье введен в научный оборот выписка из протокола заседаний секции археологии Средней Азии пленума Института истории материальной культуры АН СССР от 1951 г. с мнениями Российских ученых по докладу ученого «Раскопки в Сарайчике».

Ключевые слова: А. Маргулан, историческая география, памятники, экспедиция, Сарайчик, археологические раскопки, народное зодчество, купольная архитектура.

IRSTI 03.20.00

**RESEARCHES A. MARGULAN. OF MONUMENTS, TOP IN
THE LIST OF NATIONAL SACRAL OBJECTS OF
KAZAKHSTAN IN 40-50 years of XX century**

Khamitova M.

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department
of Pedagogy and Humanities, Central Asian University.
Almaty, Kazakhstan. *E-mail:* marvan59@bk.ru)

Abstract. The article describes some of the monuments widely known among the people, which were studied at the time by Academician A. Margulan, who prepared reference materials, and developed articles for the encyclopedia. These monuments were systematized by scientists in accordance with the requirements of the time and entered the list of sacred objects in Kazakhstan.

Along with the archaeological excavations A. Margulan deeply investigated and architectural monuments. The place of architectural monuments he studied covered the lower reaches of the Chu River, the coast of the Sarysu River, the beds of the Nura and Korgalzhyn rivers, and in the west of the republic the basins of the Sagyz and Yemba rivers. He studied stone architectural monuments of the VIII – Xth centuries, medieval cities, and also opened domed mausoleums of the XIII–XIX-th centuries. He explored medieval mausoleums on the Kengir River. The first archaeological excavations in the city of Saraichik, which was included in the list of sacred objects in Kazakhstan, were conducted by Academician A. Margulan in the 1950s.

An extract from the protocol of a meeting of the Central Asian Archeology Section of the Institute of the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences from 1951 with the views of Russian scientists on the report of the scientist «Excavations in Saraichik» was introduced into the scientific circulation.

Key words: A. Margulan, historical geography, monuments, expedition, Saraishyk, archaeological excavations, folk architecture, dome architecture.

Кіріспе. Археология институты ғалымдары Қазақстан бойынша 200-ден астам киелі нысандардың тізімін дайындап ұсынды, және олардың ең маңыздыларына жан-жақты сараптама жасалуда. Олардың қатарында кезінде академик Ә. Марғұлан зерттеулерінен таныс Жанкент V–XV ғғ., Сығанақ VI–XIX ғғ., Тараз I–XIX ғғ., Сарайшық секілді ортағасырлық қалалар, Алаша хан, Жошы хан кесенелері, Домбауыл мазары да бар. Әрине бұл тізімде Ә. Марғұлан ашқан Беғазы археологиялық кешені де бар.

Академик Ә.Х. Марғұлан Қазақстан жеріндегі археологиялық ескерткіштер кешенін іздестіру, табу және зерттеу істерін алғашқылардың бірі болып бастағаны белгілі. 1946–1975 жылдар аралығында Ә.Х. Марғұлан басқарған экспедиция мүшелері мыңдаған этноархеологиялық ескерткіштерді тауып, зерттеп, жүздеген мұраларды қазды. Ғалымның зерттеулері Батыста Іле, Сағыз, Жем өзендерінің бассейнін, Қаратаудың солтүстік беткейін, шығыста Шыңғыс тауларын қамтыды. Оңтүстік Қазақстандағы Сыр, Талас және Шу өзендерінің бойынан көне қола мәдениетінің іздерін ашты. Отырар, Тараз, Сайрам және Сығанақ қалаларына археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді.

Негізгі мәселе. Мақаланы жазудағы мақсат «Қазақстанның киелі жерлері» және «Туған жер» шеңберінде қолға алынып жатқан жобаларды іске асыруда академик Ә. Марғұлан еңбектерінің ғылыми әрі дереккөздік маңызын көрсету. Ғалымның көзі тірісінің өзінде 400-ден аса ғылыми еңбегі жарияланған екен. Ал тек қана Қазақ совет энциклопедиясына енгізілген 100-ден аса ғылыми мақалалары бүгінгі күні елімізде

«Рухани жаңғыру» мәселесінде таптырмайтын дерек көзі болып табылады. Сонымен қатар:

а) Ә. Марғұланның Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясының жетекшісі ретінде 1950 жылғы Сарайшық қаласының орнына жүргізілген қазба жұмыстарының барысы туралы есебін тыңдауға арналған ҚазКСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының Ғылыми кеңесі отырысының 22 қыркүйек 1950 ж. Хаттамасы;

б) КСРО ҒА Материалды мәдениет тарихы институты Пленумының Орталық Азия археология секциясының 1951 жылғы 24 сәуірдегі «Раскопки в Сарайчике» атты Ә.Х. Марғұланның баяндамасына және оған қатысты ғалымдар пікіріне арналған отырысының хаттамасының көшірмесі *алғаш рет ғылыми айналымға енгізіліп отыр*. Сол себепті тақырыпты ашу барысында тарихи индукциялық, яғни жаңа құжаттық және мұрағаттық деректерді жинақтап, сараптай, салыстыра қарастыру әдісі қолданылды.

Қазақ КСР Ғылым академиясының Тарих, археология және этнография институтының Орталық Қазақстанға ұйымдастырған археологиялық экспедициясы осы мәселені шешудегі алғашқы қадам болды. Сарысу, Кеңгір өзендері мен Бетпақдаланы қамтып, Ұлытауға дейінгі аумақтағы ескерткіштерді зерттеген экспедиция бұрын ешбір әдебиеттерде көрсетілмеген ертедегі архитектуралық құрылыстарды – көптеген кесене, мешіттерді ашты. Орталық Қазақстанның көп жылдар зерттеусіз, беймәлім күйде қалған көне тарихындағы олқылықтардың орнын толтыру осы археологиялық ескерткіштерді зерттеу барысында ғана мүмкін болғанын атап айту керек.

ОҚАЭ ежелгі керуен жолының бойында жатқан отырықшы мәдениет қалдықтарын зерттеу мақсатымен Қаратаудың солтүстік беткейі мен Шу өзенінің төменгі ағысында барлау жүргізіп, Тарсатөбе, Созақ, Бабата, Шолаққорған, Құмкент, Саудакент, Күлтөбе, Ақтөбе, Ақсүмбе атты көне қалаларды және атақты Ақсүмбе мұнарасын зерттеді. Ә.Х. Марғұлан қалалардың тарихи топографиялық жобасын түсіріп, Құмкент қаласын қазба деректегі Кинкат қаласымен баламалады. Жүргізілген зерттеу кезінде Ә.Х. Марғұлан ежелгі отырықшы мәдениеттің шекарасы Қаратаудың солтүстігінде, Шу, Сарысу өзендерінің төменгі ағысына және Жетіқоңыр төңірегіне дейін созылып жатқанын көрсетті.

Археологиялық қазба жұмыстарымен қатар Ә.Х. Марғұлан сәулет өнері (*архитектура*) мен өнер саласын терең зерттеді. Ә. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстан экспедициясы бірнеше мәселені мақсат етіп қойса, солардың бірі ортағасырлық сәулеткерлік ескерткіштерді де зерттеу болатын.

Алғашқы адам жауын-шашыннан, жыртқыштардың шабуылынан қорғану үшін тас үңгірлерді пайдаланса, Ә. Марғұлан жазуынша, олардың ең белгілілері – бүгінгі Қазақстанның киелі жерлері тізіміндегі Қазығұрт, сонымен қатар, Қаратау, Баянаула, Қарқаралы, Ұлытау үңгірлері (Марғұлан, Бәсенов, Меңдікүлов, 1959:56).

«Ерте дәуірдің архитектурасы» атты еңбегінде Ә.Х. Марғұлан: «Қазіргі Қазақстан аумағындағы құрылыс ісінің мыңдаған жылдық тарихы бар. Бұл өнер Қазақстанның таулары мен жазықтарын ертедегі адам бірте-бірте игеріп, бұлар алғашқы қоғамның өндіргіш күштерін дамыту үшін негіз болған заманда туған», – дейді (Марғұлан, 2010. Т.8).

1946-1956 жылдар аралығындағы сәулеткерлік ескерткіштерді де зерттеу мақсатындағы зерттеулер: Шу өзенінің төменгі етегі, Сарысудың жағалауы, Нұра өзені бойы, Қорғалжын маңы, батысында Сағыз, Ембі өзендерінің бассейнін қамтыды. VIII–X ғасырларда тастан жасалған архитектуралық ескерткіштер мен орта ғасыр қалаларын, XIII–XIX ғ.ғ. қазақ күмбездерін ашты. Ұлы ғалым Кеңгір өзені бойының ортағасырлық кесенелерін зерттеуді бірден қолға алды. Домбауыл дыңының тарихи орны, архитектуралық мәні, дәстүрлі негізі туралы ғылыми пікір айтты. Ә. Марғұлан бастаған экспедиция 1946 жылы Жошы хан кесенесі орнына (сурет 1), 1947 жылы Алаша хан күмбезі орнына археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді.

1947 жылғы археологиялық экспедиция шығыс Бетпақдаланы, Сарысу, Нұра, өзендері ағыстарының бойын, Балқаштың солтүстігі, Қарағанды облысының Жаңа-Арқа, Шет, Ақтоғай, Қарқаралы аудандарына барлау жұмыстарын жүргізді. Зерттеу

жұмыстары нәтижесінде Сарысу, Нұра, Есіл, Тоқырауын өзендері бойынан қола дәуірі ескерткіштері көптеп табылды. Беғазы I, II, III, Қызыларай I, II, Саңғыру I, II, III, Ақсу-Аюлы, Айбас-Дарасы I, II, Ортау т.б. кешендер зерттелді. Атасудағы: Атасу I, II, Дарат, Бұғылы I, II, Қарқаралы I, II, III елді мекендері; Баянауылда: Шақпақтас, Тағыбай-бұлақ; Шерубай-Нұра өзендері бойынан: Ақсу, Ахметауыл елді мекендері; Талды-Нұра өзені өңірінен: Ақкезең, Шортандыбұлақ, Байбала елді мекендері зерттелді. ҚР Білім және ғылым министрлігінің біріккен ведомстволық мұрағатында сақталған Ә.Х. Марғұланның 1947 жылғы Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының есебінде зерттеу жұмыстары барысындағы ерекшесі – Көрпетай тауларындағы «мұртты қорғандар» – деп көрсетеді (ҚР БҒМ БВМ, 104).

Сонымен қатар, 1947 жылы кіші плиталы Беғазы мавзолейі, 1948 жылы кіші плиталы Беғазы II, III мавзолейлері зерттелді (сурет 2). 1948 жылғы археологиялық барлау жұмысы нәтижесінде көптеген архитектуралық ескерткіштердің қалдықтары, кешенелер мен мешіттер есепке алынды. Барлау нәтижесінде мақала жарияланды.

1949 жылы Шерубай-Нұра өзенінің күймасы, Соқыр өзені өңірінен және Ақшатау маңынан қола дәуірі ескерткіштері табылып, зерттелді.

Сурет 1. 1946 жылы Ә. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы алғаш рет зерттеген Жұбан ана мазары. Жаңаарқа ауданы.

Сурет 2 1947–1949 жылдары Ә. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы зерттеген көне Беғазы қорымы, Ақтоғай ауданы.

1950-жылдарда репрессия толқынына тап болған Ә. Марғұлан көптеген қиындықтармен бетпе-бет келді. 1950 ж. Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясын басқару тапсырылды. 1950 ж. Ә.Х. Марғұлан басқарған Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы XIII–XIV ғғ. қыпшақтардың материалдық және әлеуметтік құрылымын зерттеді. Қазақстанның киелі географиясы тізіміндегі Сарайшық қаласына алғаш рет қазба жұмыстарын жүргізіп, Дешті қыпшақтың керуен жолдардың қиылысында тұрған саяси, сауда орталықтарының бірі Сарайшық қаласының сұлбасын жасады. Бірінші рет Сарайшық қаласынан Үргеніш қаласына, Торғай және Ұлытау далаларына қарай керуен жолдарының іздері табылды. Мұндай ой түйіндеуімізге мұрағат деректері дәлел.

1950 жылдың 22 қыркүйегінде Қазақ ССР Ғылым академиясының Тарих, археология және этнография институтының ғылыми кеңесінің отырысында Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясының бастығы Қазақ ССР Ғылым академиясының корреспондент мүшесі Ә.Х. Марғұланның және Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясының бастығы С.С.Черниковтардың Есебі тыңдалған (Протокол Заседания, 1950).

Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясының бастығы, Қазақ ССР ҒА корреспондент мүшесі Ә.Х. Марғұлан өз есебінде зерттеу барысында алған нәтижелерін төмендегідей баяндайды.

Алтын Орда ыдырағаннан кейін Сарайшық қаласы Ноғай Ордасының орталығы болып XVI ғасырға дейін өз алдына дербес күн кешкен. XVI ғасырдан қиранды күйге түскен Сарайшық қаласын XVIII ғасырда Паллас, Рычков т.б ғалымдар зерттеген. Ол уақытта қираған қала маңында күйдірген кірпіштен салынған көптеген архитектуралық құрылыстар, сарай қалдықтары әлі сақталған болатын. Кейін мұның бәрін жергілікті тұрғындар талан-таражға салып, қиратып, тіпті өз беттерінше қазба жұмыстарын да жүргізген.

Экспедицияның міндеті қаланың қираған жұртын алдын ала тексеру болған. Экспедиция солтүстік бағыт бойынша Жезқазған арқылы, Торғай даласы, Шалқар темір жол бекетіне шығады. Осы бағыт бойынша экспедиция әсіресе Торғай даласынан Оғыздар кезеңіне қатысты көптеген материалды мәдениет қалдықтарын тапқан. Шалқар темір жол бекеті арқылы барлау жұмыстарын бастап, Ембі өзені жоғары ағысынан Байғалы ауданына дейін зерттеген. Ескі керуен жолдары Сарайшықтан Үргенішке, Сырдарияға дейін Сағыз және Ембі өзендері бассейні арқылы өткені себепті, Сағыз өзені бойы зерттеулері де қызықты болған. Экспедиция зерттеу барысында Жайық өзенінің сол жақ жағалауынан көне керуен сарайының қалдықтарын тапқан. Кезінде Ибн-Батутта суреттеген көпір осы керуен сарайдың қарсысында болғанға ұқсайды деп болжайды ғалым. Сарайшықтың қираған жұқанасының оңтүстік бөлігі ең биігі 2 метрге дейін жететін жекелеген төбелерден тұрған. Сарайшықтың керуен жолдарының бағытына сәйкес, батыс жағынан және оңтүстік батыс жақтан ашылатын екі қақпасы табылған.

Экспедиция 5 рет қазба жұмыстарын жүргізген. №1 қазба жұмыстары кезінде сарайдың қирандыларына ұқсас үлкен бір ғимараттың орнына тап болған. Орта Азия мен Сырдария бойындағы қалаларға ұқсас күйдірген кірпіштен салынған ғимараттың зерттелген бөлігі төрт бөлмеден тұрған. Көңіл аударарлық мәселе – қыш трубалардан жасалған жылыту жүйесінің болуы. 2,28 метр тереңдікке дейін жететін түгіндік, оңтүстік шығыс бөлігінен ротондаға ұқсас дөңгелек ғимараттың орны табылған.

№2 қазба жұмыстары барысында үш бөліктен тұратын көне қыш күйдіргіш пеш табылса, үшінші қазба жұмыстары кезінде шеберхана орны табылған. Шаршы пішіндес алаңның сол жағында қыштан жасалған су жүретін трубамен қосылған екі пеші болған. Бұл бөлмеде металл, темір балқытылған.

Төртінші қазба жұмыстары кезінде үш қабаттан тұратын тұрғын үй-жай орнын анықтаған. Жоғары қабаты – қазақ-ноғай, екінші қабаты – алтынорда кезеңі, үшінші қабаты – моңғол ұлыстарына дейінгі ерте кезең. Экспедицияның қазба жұмыстары барысында Алтынорда кезеңіне тән емес көне материалдың табылуы Сарайшықтың моңғол ұлыстарына дейінгі ерте замандарда-ақ болғанына дәлел еді. Ә. Марғұлан қала Еділ мен Жайық өзендерінің төменгі ағысы бойында ірі қыпшақ тайпалары өмір

сүрген кезеңде, шамамен XII ғасырда пайда болған және бұл қала Дешті Қыпшақтың саяси, сауда және мәдени орталығы болған деген болжам жасаған. Сонымен қатар, экспедиция барысында Ембі, Сағыз өзендері бойынан «Үшқан», «Айгелді», «Таш кешу» секілді т.б. бірнеше керуен жолдарын ашқан.

Бұл деректер Қазақ ССР ҒА Тарих, археология және этнография институтының Ғылыми кеңесінің 1950 жылдың 22 қыркүйектегі хаттамасында сақталған.

КСРО Ғылым академиясының Материалды мәдениет тарихы институтының пленумы археологияның Орта Азиялық секциясының 1951 жылдың 24 сәуірінде өткен отырысында Ә. Марғұланның «Сарайшықтағы қазба жұмыстары» атты баяндамасын тыңдаған және баяндамаға байланысты ғалымдардың пікірлері отырыс хаттамасында сақталған.

Баяндама бойынша тарих ғылымдарының кандидаты С.С. Черниковтың пікірі тыңдалған. Жайық өзенінің жыл сайын арнасынан асуы Сарайшық қаласының жоғалып, шайылып кету қаупін туғызып отырғанын айта келіп, С.С. Черников оны зерттеу алғашқы орында болуы керек деген пікірді айтады. «Сарайшық – Хорезмнің колониясы болғандықтан, ондағы ең көне қабат – хорезмдік қабат» деген профессор Толстовтың пікірі көпшілікке таныс, ал Ә. Марғұлан қазба жұмыстары нәтижесінде Сарайшықтың ең көне қабаты қыпшақ кезеңіне жататындығына өз дәлелін ұсынып отырғандықтан, шындықты айқындау мақсатында Сарайшықтағы қазба жұмыстарын жалғастыруды ұсынған. Тарих ғылымдарының докторы А.Н. Бернштам да өзінің профессор Толстовтың пікірін қолдайтынын, дегенмен Сарайшықтың орнында Алтынорда кезеңіне дейін де қоныс болды деген Ә. Марғұланның пікірімен келісетінін және Сарайшықтағы қазба жұмыстарын жалғастыру қажеттігін баса айтады.

Орта Азиялық археология секциясының төрағасы, тарих ғылымдарының докторы М.М. Дьяков та Ә. Марғұлан жасаған баяндаманың өте қызықты болғанын атап өтіп, 1950 жылғы қазба жұмыстары аса ауқымды болмағандықтан, алдағы жылдары кең көлемде жалғастырудың қажеттігін көрсетеді (КСРО ҒА ОА археология секциясының хаттама көшірмесі, 1951). Қалай десек те, 2004 жылы шыққан ғалымның библиографиясында: «Марғұлан болса Сарайшықтан келе жатып Қызылордада ұсталды, одан емханаға түсті, қазақ ғылымын осыншама қорлаған үкімет саясатын түсіне алмай-ақ қойды» -жазыпты.

Ә. Марғұланның 1950 жылы жарық көрген «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана» атты монографиясы – ортағасырлық Қазақстан қалалары туралы жазылған алғашқы еңбек (Марғұлан, 1950). Ә.Х. Марғұлан Оңтүстік қазақстандық экспедиция тапқан материалдарға сүйене отырып, Отырар мен оның айналасындағы қалашықтар қалдықтарын сипаттайды. Еңбекте Отырар сұлбасының сызбасы, керамика суреттері берілген. «Қазақ халқы – көшпелі, жабайы халық» деген пікірге қарсы шыққан Ә. Марғұлан қазақ жерінде мал шаруашылығы, егіншілік, сауда, темір қорыту, қол өнері дамығанын, көне қалалардың болғанын, сәулет өнерінің дамығандығын, қазақ халқы таза көшпенді халық болмағанын және қазақта отырықшылық дәстүрдің ертеден келе жатқанын археологиялық, этнографиялық және сәулеткерлік материалдар негізінде көрсетті. Әлкей Хақанұлы Сырдария бойындағы қалалардың пайда болуын, дамуын қаңлы, оғыз, қыпшақ тайпаларының тарихымен, көшпелілікті отырықшылықпен ұштастыра отырып қарастырады.

Бұл еңбегінде ғалым тұңғыш рет ғылыми негізде Қазақстандағы қала өркениетінің негізгі орталықтарына толық әрі жан-жақты ғылыми сипаттама беріп, терең талдау жасаған.

Ә. Марғұлан 1951 жылы Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясымен Көрпетай тауының солтүстік-батысы мен шығысында, Нұртай өзенінің шығыс жақ аңғарында орналасқан Былқылдақ I, II, III, Қарасай, Темірбастау, Қарабие, «37 жауынгер» қорғанында зерттеу жұмыстарын жүргізді.

1952 жылы Атасу және Шерубай-Нұра өзенінің жоғары жағындағы зерттеу жұмыстарын жүйелеп, тұңғыш рет ғылыми-зерттеу объектісін жасады.

Одан кейінгі жылдарда Саңғыру I, III, Атасу I қоныстары зерттелді, Айшырақ, Елгезек, Беласар ескерткіштері, Байбала, Беғазы мавзолейлері, Бұғылы, Дандыбай, Кент, Былқылдақты ашты.

Ә.Х. Марғұланның Орталық Қазақстаннан қола дәуіріндегі қуатты мәдениет ошағын ашуы әлемдік археологияның зор жетістіктерінің бірі болды. Ол: «Орталық Қазақстандағы қола дәуірінің мәдениеті орасан бай. Оларды әйгілі түрде суреттейтін белгілер «Беғазы», «Дөңдібай», «Бұғылы» II, III, «Санғыру» (Атасу), «Ақсу-Аюлы» (Нұра өзені), «Қызыл-Арай», «Бала-Құлболды», «Беласар» (Бетпақдала), «Көктас» (Мыңбұлақ), Құсақ өзенінің бойында», – деп жазды. Археология саласында жүргізген жанкешті еңбегі мен ұшан-теңіз жаңалық ашқанына қарамастан, ғалым 1953 жылы бірнеше жылға жұмыстан шеттетілді.

1953 жылғы 13 қарашадағы институт директоры И.С. Гороховатский ҚазССР ҒА-ның вице-президенті Н. Сауранбаевқа жазған хатында Ә.Марғұланның 1949–50 жылдардағы далалық экспедиция есебі толық емес, институттың қолжазбалар қорына Ә. Марғұлан тек 1947 жылдың күнделігін ғана тапсырған. Тапсырылған – Пацевич пен Қызласовтың күнделіктері. Сонымен қатар, Орталық Қазақстанның археологиялық картасы дайындалмаған деп, Ә. Марғұланның жұмысына баға береді. Ал, 1951–1952 жж. экспедиция материалдары толығымен Ғылыми Кеңестің шешімімен институт аспиранты К.А. Ақышевқа берілген. К. Ақышев осы материалдар негізінде «Эпоха бронзы Центрального Казахстана» атты монографиясын жазған және қараша айында бұл еңбек қорғалады. И.С. Гороховатский хатында Орталық Қазақстан экспедициясы материалдарын басқа да тарихшылар пайдаланатын болады деп жазады. Ал институт Ә. Марғұланға экспедиция материалдарымен уақытша пайдалануға мүмкіндік береді деп баяндаған. Сөйтіп, жоғарыда И.С. Гороховатский көрсеткен кемшіліктер негізінде 1953 жылы наурыз айында Ә. Марғұлан жұмыстан шығарылған.

Қарап шығу үшін 15 қарашада хат Ә. Марғұланға жіберілген екен. Хатты оқыған ғалым: «Составлена большая карта. Подлинник исчез из вида, у меня сохранились лишь фотокопии. В 1952–1953 г. уничтожен весь материал Центрально-Казахстанской экспедиции. Этой подлостии Гороховатский и Агеева прибегнули только для того, чтобы доказать, что я не способен к работе и лишить меня возможности. Я уволен с работы 14 марта 1953 г.», – деп, хаттың жиегіне өз қолымен жазған.

Осы орайда ҚР ҰҒА академигі О. Ысмағұловтың «особо следует подчеркнуть, что научные стремления А. Маргулана в условиях коммунистического режима фактически олицетворяли борьбу казахского народа за собственную многовековую национальную историю»-деп пікір білдіруіне себептер әрине, болған.

Академик Ә.Х.Марғұланның «Археология және Қазақстанның ерте заман өнері» атты екі сала бойынша профессор атанғанын біреу білсе, біреу біле бермейді. КСРО Жоғары және арнайы орта білім министрлігінің Жоғарғы аттестациялық комиссиясының шешімі бойынша берілген профессорлық аттестатында «Маргулан Алкей Хаканович утвержден в ученом звании профессора по специальности «Археология и древнее искусство Казахстана» деп көрсетілген. (Аттестат профессора. МПР № 001621. Москва, 14 октября 1960 г. Решение высшей аттестационной комиссии от 28 сентября 1960 г., протокол № 46/ II).

Ғалымның сәулет өнері туралы «Кеңгір бойындағы сәулет өнерінің белгілері», «Сарысу мен Кеңгір бойындағы архитектура белгілері», «Из истории городов и строительного искусства», Т. Басенов және М. Меңдіқұловпен бірлесіп жазған «Архитектура Казахстана», «Доисламская архитектура Казахстана», «Древнейшая архитектура Казахстана из каменных исполинов», «Архитектура средневекового Казахстана» еңбектері ғалымның шығармалар жинағының «История архитектуры Казахстана» атты сегізінші томында жарық көрді (Марғұлан, 2010. Т.8.). Қалай десек те, Ә. Марғұланның археологияға қайта оралып, 1960 жылы қола, темір дәуірі ескерткіштеріне қазба жұмыстарын жүргізіп, телегей-теңіз жаңалықтар ашып, тұтас концепциялар енгізуі ғалымның тарих үшін істеген ерен еңбектерінің санатынан бекем орын алады.

1961 жылы Ұлытау қонысы, Жанайдар қорымдары, ал 1962 жылы Қарқаралы қоныстары мен Кент, Темірші, Соран, Бокты, Абыралы таулары, Түндік өзені, Талды өзендері бойы зерттеліп, қоладан жасалған құралдар, қару-жарақтар табылды. Қола дәуірінде жасалған су қоймалары, тоғандар табылып зерттелді. Ә. Марғұлан оннан аса тоғанның сипаттамасын беріп, сызбаларын (чертеж) және Нұра өзенін суландыру

жүйесінің де сызбасын жасаған.

Көп жылдық археологиялық зерттеулер негізінде академик Ә. Марғұлан Орталық Қазақстанда қола дәуірінде металлургия, оның ішінде, мыс, қола және тағы басқа түсті металл өндіру жоғары дәрежеде дамығанын дәлелдеп көрсете білді. Ғалым 3000–3500 жыл бұрын қазіргі Қазақстан жерінде бай металл кен орны, төл мәдениеті бар мәдени орталық болғанын дәлелдеді. Бүгінгі Жезқазған, Успенск, Саяк, Атасу, Степняк кен орындары заманның бозқырау шағында-ақ ата-бабаларымызға металлургия ошағы ретінде қызмет жасағанын байламды түйіндермен ашып көрсетті.

Дешті Қыпшақ даласындағы отырықшылық мәдениетті іздестіру мен зерттеу арқылы ғылымда жаңалық ашылды. Қаратаудың солтүстік беткейінен (Тарсатөбе, Баба-ата, Құмкент, Шолақ Қорған, Саудақент қалашықтары) дамыған қала мәдениетінің қалдықтары табылып, зерттелді. Бұл қалашықтардың арасынан Құмкент пен Саудақент қана жазба деректерде кездеседі. Қала мәдениетінің ескерткіштері Бетпақдаланың батысы мен солтүстік бөлігінен табылды. Бетпақдала шөліндегі моладағы күмбез, қоршау, сәулет ескерткіштері (пирамида тәрізді тас қорғандар), мазар, сондай-ақ қоныстар мен тастағы бейнелерді қазу мен қалпына келтіруге көп мән берілді.

Ғалымның басқаруымен 1968 жылғы нәтижелі зерттеулердің бірі Беласар, Елшібек кешендері, онда өзіндік мәні бар және әртүрлі керамикалық материалдар орта қола кезеңінен Беғазы Дәндібай мәдениеті кезеңінің мерзімін көрсетті. 1969 ж. Қарағанды далалы алқабынан ең үлкен, әр кезеңнің ескерткіштері бар Балақұлболды кешені зерттелді. 1970-жылдарда да ғалымның басқаруымен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы үздіксіз зерттеу жұмыстарын жүргізді.

1971 ж. Тоқырауын өзенінің жоғары ағысындағы ерте скифтер кезеңінің қорғандары зерттелсе, 1972 ж. Беғазы Дәндібай ескерткіштерінің батыс бөлігі зерттелді. Осы жылы ортағасырлық қорғандарға да зерттеу жүргізілді.

Археолог-ғалымдар – К. Ақышев пен К. Байпақовтардың біріге жазған «Қазақ археология ғылымының атасы» атты мақалада: «Ғұлама ғалым көптеген ортағасырлық көшпенділер ескерткішін бірінші болып ғылыми айналымға енгізсе, соның бірі – XIV ғасырдың бірінші жартысы деп танылған – Нұрадағы қыпшақ қабірі болып саналады» деп көрсетілген (Естеліктер, 2004:165).

Ә.Х. Марғұланның этноархеологиялық бағыттағы үлкен қызметінің бір қорытындысы «Беғазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана» (1979) атты монографиясы екені белгілі (Марғұлан, 1979). Мұнда Әлкей Марғұлан 1947 жылдан бастап барлық экспедициядан жинаған материалдарын талдаған.

Беғазы-Дәндібай секілді қола дәуірінің бай мәдени мұрасының орталық Қазақстаннан табылуы дүниежүзілік ғылымда үлкен маңызға ие болып, ғалымның аталмыш монографиясымен танысқан Лондон археология институтының профессоры А. Хатто: «С глубоким вниманием ознакомился с содержанием книги «Беғазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана». Она имеет огромное значение в расширении диапазона нашего знания об истории древних насельников этого региона. Проводимые Вами исторические известия в книге открывают новые горизонты изучения древней истории Центральной Азии», – деп жазады.

«Соңғы кезде жүргізілген зерттеулерге қарағанда, Қазақстандағы құрылыс өнерінің түп тамыры сонау көне ғасырларда жатқаны анықталды. Оның кейбір үлгілері тіпті қола дәуірінің тұсында-ақ жасалғандығы байқалды. Оңтүстік және Орталық Қазақстанда соңғы кезде жүргізілген археологиялық қазбалар өте ерте заманғы құрылыс мәдениетінің көптеген ескерткіштерін тауып, олардың түрлері мен құрылымдарын анықтады. Мұның өзі Қазақстан аумағында қола дәуірінен бастап орта ғасырлардың соңына дейінгі архитектураның құрылыс әдістерін белгілеуге мүмкіндік берді»,–деп көрсетеді ғалым.

Ә. Марғұлан қола дәуірінен жеткен құрылыстың үш түрін атап өтеді. Олар: тұрғын үй құрылыстарының негізі (іргетасы), мемориативтік құрылыстар және қабір басына қойылатын ескерткіштер.

Ғалымның сәулет өнеріне арналған зерттеу еңбектерінде қазақ халқы сәулет өнерінің ең таңдаулы үлгілері Оңтүстік және Орталық Қазақстанда, Каспий маңында

Маңғыстауда, Сағыз және Ембі өзендерінің бойында көбірек сақталғаны көрсетіледі. Олар өздерінің композициялық ерекшеліктері, әсіресе, формасы және конструкторлық шешімінің өзгешелігімен көзге түседі. Қазақтың ұлттық архитектурасының басты айырмашылығы, ерте кездегі салынған қандай құрылыстар болмасын барлығы да тек қана тас немесе кірпіштен қаланған. Олардың күмбездері де тек кірпіштен немесе тастан ғана қиылып қаланған.

Қазақстандағы халықтық сәулет өнері X–XII ғасырларда барынша дамиды. Сөйтіп, олар Орта Азия мен Қазақстан халықтары мәдениетінің қайта өркендеу заманының елеулі табыстары болып саналады. Бұл кезде елдің саяси өмірінің тізгіні Карахандар әулетінің қолында болған. Карахандар мемлекетінің аса маңызды саяси-мәдени орталықтарының бірі Жетісу жері мен Талас қаласы (қазіргі Жамбыл) болған. Сондықтан да ғалымның жазуында архитектура мен қала құрылысы бұл кезде, ең алдымен, осы Жетісу жерінде, Оңтүстік Қазақстанда, оның ішінде Сырдария өзенінің бойы мен оның сағаларында, Талас, Шу өзендерінің аңғарларында және Қаратау етектерінде барынша дамыған. X–XII ғасырларда Оңтүстік Қазақстанда көптеген қалалар пайда болған. Олардың ішінде, әсіресе, Баласағұн, Талас, Отырар, Сайрам, Түркістан, Баба ата қалаларының мәдениет пен өнерді өркендетуде елеулі маңызы болған. Қазір бұлардың көпшілігі қирап, бүлініп, жермен-жексен болып, топырақ астында қалған.

X–XI ғасырларда өмір сүрген араб географтарының айтуына қарағанда, бұл кезде Қазақстанның барлық ірі қалаларында (Баласағұн, Талас, Отырар) тамаша қоғамдық үйлер салынған. Олардың ішінде тамаша сәулетті сарайлар, керуен-сарайлар, моншалар, мешіттер, медреселер, мейманханалар (ханахи) және басқалар болған. Үлкен қалаларда су құбыры жүргізілген. Су көтергіш және су таратқыш алып қондырғылар жұмыс істеген. Әсіресе ірі феодалдардың қорған үйлері өздерінің салтанатты қақпасы, сәулетті қабырғасы және биік көркем күмбездерімен ерекше көзге түскен. Мұның мысалы ретінде Ә. Марғұлан Баба атаны атап көрсетеді.

Ғалым X–XII ғасырлардың біздің заманымызға жеткен ескерткіштерінің ішінен Айша-биді және Бабаджа Хатун мавзолейлерінің ерекше маңызын атап көрсете отырып, өз дәуірінде бұл екі ескерткіш ескі Талас қаласының әсем ансамблінің әдемі құрылыстарының бірі болғаны туралы жазады. Ал, Қазақстан жерінде моңғолдар үстемдігі дәуірінде (XIII–XV ғасырлар) салынған бірнеше архитектуралық ескерткіштер де сақталғаны белгілі. Марғұлан жазуында олардың ішіндегі ең көрнектісі жоғарыда аталған – Қарағанды облысы, Кеңгір өзенінің бойындағы Шыңғыс ханның үлкен баласы – Жошы ханның мавзолейі (ҚСЭ, 1974:481).

Академик Әлкей Марғұлан жазуында Аягөз бойындағы Қозы Көрпеш–Баян сұлудың шошак кешені – толып жатқан дың, дінгектердің бір түрі. Мұндай дың, ұйтастардың ерекшелігі – олардың барлығы ислам діні Орта Азияға тарамай тұрған кезде (VI–X ғасырлар) жасалған ескерткіштер. Қазақ совет энциклопедиясына дайындаған зерттеу мақаласында ғалым: «Дың түрік қағанаты мен қыпшақ мемлекетінің алғаш құрылған кезінде (VIII ғ.) көп тараған. Дың тұрғызуды оғыз қыпшақтар, қарлұқтар, басқа да тайпалар кеңінен қолданған. Дыңды тастан, кірпіштен, балшықтан қалап, үстіңгі еңсесін күмбезге, не шошак мұнараға айналдырады. Дыңның бұл екі түрі де өлген адамдарды қабірлеуге арналған. Құрылыстың киіз үй сияқты түрі кейін күмбез жасауға үлкен әсер еткен», – деп жазған. Ә. Марғұлан осындай ескерткіштердің қатарына 1862 жылы түсірілген фотосы сол кезде «Түркістан альбомында» сақталған Қорқыттың күмбезі, Торғай бойындағы Бақсы мола, Кеңгір бойындағы Домбауыл (сурет 3) сияқты сәулет өнері үлгілерін жатқызады. Олардың қабырғаларының мейлінше қалың, екі метрге жуық, сырт пішіндері киіз үйге ұқсайтынын жазды (Марғұлан, 1985:193).

Ғалымның пікірінше, бұл ескерткіштерді күмбездеп салу әдісі Орта Азиядағы, Ирандағы, Араб жеріндегі күмбездерден басқаша. Күмбез қалау әдісі мұнда «жалған еңсе», яғни «ложный свод» тәсілімен орындалған. Осындай «жалған еңсе» тәсілімен тұрғызылған құрылыстар – Жаманқара Тоқсанның күмбезі (Энциклопедия, 2002:195–209) және Бақсы мола күмбезі. Ә. Марғұланның пікіріне сүйенсек, сыртқы жағы күйдірген кірпіштен қаланған Бақсы моланы Қорқыт күмбезінің бір түрі деуге болады (Энциклопедия, 2002:193).

Сурет 3. 1946 ж. Ә. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы Қазақ КСР Министрлер Кеңесі жанындағы Архитектура ісі жөніндегі басқарма архитекторлары – М.Б. Левинсон және Г.Г. Герасимовтармен бірге алғаш рет зерттеген Домбауыл мазары. Ұлытау ауданы.

Ғалымның пікірінше, бұл ескерткіштерді күмбездеп салу әдісі Орта Азиядағы, Ирандағы, Араб жеріндегі күмбездерден басқаша. Күмбез қалау әдісі мұнда «жалған еңсе», яғни «ложный свод» тәсілімен орындалған. Осындай «жалған еңсе» тәсілімен тұрғызылған құрылыстар – Жаманқара Тоқсанның күмбезі (Энциклопедия, 2002:195–209) және Бақсы мола күмбезі. Ә. Марғұланның пікіріне сүйенсек, сыртқы жағы күйдірген кірпіштен қаланған Бақсы моланы Қорқыт күмбезінің бір түрі деуге болады (Энциклопедия, 2002:193).

Жалпы Қорқыт туралы, оның заманында Сырдария бойында жасалған қалалар, күмбездер, кешендер туралы айтылатын қария сөз, аңыздар өте көп. Қорқыт өмірімен байланысты айтылатын сондай тарихи хикаяның бағалысы Жанкент қаласы туралы аңыздар. Ә. Марғұлан жазуынша, Жанкент қаласының орнын бірінші рет қазып зерттеген археолог, ресейлік шығыстанушы ғалым – П.И. Лерх.

Сол ескі дәуірлерде әдемі заттар жасайтын шеберхана орны ғалымды ерекше таңқалдырған. Шеберханада сілтілік металдар ерітіндісін қорытатын пештің орны және пештің үстінде шойын қазан сақталған, оның ішінде қатып қалған глазурьдің қалдығы табылған. «Олардың бірталайы XIII–XIV ғасырдағы Алтын Орда (Дешті-Қыпшақ) заманы мәдениетінен хабар береді», – деп жазды Ә. Марғұлан. Жанкентте мыстан, күмістен жасалған, XIII–XIV ғасырлардағы теңгеліктер табылған. Кеңес дәуірінде Жанкентті толық зерттеп, қала орнынан көп нәрселер тапқан Орта Азия халықтарының тарихын зерттеуші тарихшы, этнограф, археолог-ғалым С.П. Толстов екенін білеміз. (Марғұлан, 1985:195).

Қала мен көшпелі дала өмірі бірін-бірі толықтырған және бірін-бірі қажет еткен шаруашылық құрылымы болды. Қалалар мол сулы өзендер қойнауларында бой көтерді. Іле, Сырдария бойларында Жібек жолының өтуіне байланысты қалалар санының тез өскенін атап көрсетті. Сырдария бойындағы алғашқы отырықшы кенттердің ең үлкені Шірік-Рабат, екінші ірі кент – Күйік қала аталатын (Марғұлан, 1985:80). Сырдарияның орта ағысындағы б.з.б. 650–350 жылдары пайда болған Жетіасар, Отырар, Қаратау қалалары – сақ және қаңлы мәдениетінің туындылары. Қазақ жерінде ежелгі мәдениет орталықтары ретінде тек Отырар мен Сайрам, Түркістан ғана емес, Сыр бойындағы – Жент, Баршынкент, Жанкент, Сығанақ, Талас – Шу алабындағы – Тараз, Құлан, Аспара, Баласағұн қалалары да тарихта белгілі болған. Құлан қалашығының макеті ҚР МӨМ-нің археология залына қойылған. Ә.Марғұлан сол кезеңдегі белгілі қалалар – Тараз, Құлан, Сайрам, Отырар, Баласағұн сияқты қалалардың салыну, жоспарлау

жағынан ұқсас болғандығын айтады.

Ә. Марғұлан жазуынша, араб географы әл-Мақдиси X ғасырдың өзінде Қазақстан аумағында 200-ден аса қала болғанын баяндаған. Бүгінгі Жамбыл облысы, Шу ауданы жеріндегі VI ғасырда іргесі қаланып, түркі тектес тайпалардың орталығы болған Баласағұн қаласы ортағасырлық отырықшы мәдениеттің ошағы болған. 1212 жылы қарақытайлар басып алғанда, Баласағұнда қырыққа жуық жұма намазы оқылатын мешіт, он медресе болыпты. Қазақ қалалары архитектуралық үйлесімділігі, сәнділігі жағынан өзге елдердегіден кем түспеген. Алтын Орда мемлекеті өзі өмір сүрген екі ғасырға жуық уақыт аралығында 150-дей қала тұрғызған. Солардың ішіндегі сәнділері Еділ бойындағы Бату Сарайы, Берке Сарайы және Жайық бойындағы Сарайшық қалалары болса керек. Сарайшық – соңғы жылдарға дейін елімізде, академик Ә. Марғұлан болмаса, басқа ғалымдар аса көңіл бөле қоймаған және зерттеу еңбектерінде кездеспеген қала.

Жатжұрттық саяхатшы-зерттеушілер қалдырған мәліметтері бойынша және өз байқауларынан қорытындылай келе, академик Ә.Х. Марғұлан ғылымда Сарыарқаның қалалық мәдениеті жайлы жаңалық ашты. Мәселен, Ақсу өзенінің Қаракенгірге құяр сағасындағы Хан Ордасы; Нұра өзеніндегі ортағасырлық елді мекен; Сарысу өзеніндегі Қарағаш, Қарасақал, Белен-ана, Жұбан-ана; Жезді өзеніндегі Басқамыр, Аяққамыр сынды елді мекендер зерттелді.

«Ғұндар – мыңдаған жыл сахараны қоныстап, өздерінен көп ұрпақ, бай мәдениет қалдырған ел. Олардан ұрпақ болып қалған елдер – үйсіндер, қаңлылар, оғыздар, қыпшақтар, арғындар, қоңыраттар, наймандар, керейлер, уақ-үнгіттер, дулаттар», – деп жазды Ә. Марғұлан. Ал бұлар мұра етіп қалдырған қалалар Сыр бойында, Жетісуда, Орталық Қазақстанда, Маңғыстауда да өте көп. Олардың ішінде ең үлкендері – Сайрам, Сүткент, Отырар, Түркістан, Сауран, Сығанақ, Қорған ата, Артық ата, Баршынкент, Жент, Оғыз-Дабан, Хорасан ата тағы басқалары. Бұлардан өзге Сыр бойы мен Қаратауда толып жатқан ескі қалалардың үлкен үйіндісі Субанкент, Атакент, Баба ата, Құмкент, Кенжек тағы басқалары. Жетісуда – Шу, Баласағұн, Талас, Мерке, Отлық (Атлах), Шельжі, Құлан, Ашпара, Қуяш, Екіөгіз, Қаялық, Қапал тағы басқалары. Баба ата қалашығының үлкейтілген суреті ҚР МӨМ-нің археология залында көрсетілген. Ә.Марғұлан жазуынша, бұл қалалардың барлығы өте берік, басқа елдердің жауларына қарсы тұра алатындай мықты етіп жасалған. Олардың сыртқы қамалдары берік, қабырғаларын, бұрыштарын мұнара тізбегімен бекітіп, кіретін қақпасын мықты бағаналармен биікке көтерген. Олардың ішінде әдемілеп салынған қонақүйлер мен керуен-сарайлар бар. Бұл қалаларды кейбір зерттеушілер сахараны қоныстанған тайпаларға көпсініп, оны жасаушылар ауып келген елдер деп түсінген. «Бірақ бұл шындыққа келмейтін қате ойлар» деген пікір айтады ғалым (Марғұлан, 2007:40). Осы қалаларды мекендеген тайпалардың әдет-ғұрпы, мәдениет түрі, қолөнерінің қалдығы, ою-өрнектері тегісімен көшпелі не жартылай көшпелі тайпалардың қалдығы.

Ә.Марғұлан жазуынша, Қазақстан өлкесінде күрделі цивилизация, алтын-күмістен жасалған әдемі бұйымдар, әдемі көзелер, тас мүсіндер, тас жазулар, тас-түнжырлар, таулы жер мен өзен бойын сұлулыққа бөлеген сәулетті күмбездер, тас сарайлар, шулы қалалар болған. Бірақ олар бірде көркейіп, бірде түрлі себептермен жойылып отырған.

Ә. Марғұлан Қазақстанның мәдениет тарихын зерттеу мәселесін өз назарынан тыс қалдырған емес. 1959 жылы Т. Бөсенов, М.Мендікүловпен бірлесе жазған Қазақстанның орта ғасырлық архитектурасының тарихы туралы «Қазақстан архитектурасы – Архитектура Казахстана» атты ғылыми монографияны бастырып шығарды (Марғұлан, Басенов, Мендикулов, 1959)

Сәулет өнерінің өзіндік үлгілері: Қожа Ахмет Иассауи, Айша бибі, Алаша хан, Сырлытам, Жошы хан, Қарахан ескерткіштері – неше ғасырлар бойы жаңбыр мен желге, күн сәулесі мен температуралық өзгерістерге сырын да, сынын да жоғалтпастан шыдаған ғимараттар, нағыз шебердің қиялынан туған, ұрпаққа мақтаныш боларлық ұлттық мұралар екенін бүгін мақтанышпен айтамыз. XII–XIII ғасырда қыпшақ заманында тұрғызылған Айболат күмбезі, Қаракенгір өзенінің оң жағасында Қарахан

не оғыз-қыпшақ заманында X–XI ғасырдағы сахаралық сәулет өнерінің үлгісінде салынған Алаша хан күмбезі, XVIII ғасырдағы Тарақты Алтыбай батырға арнап салынған, кірпішін жүн, май араластырып илеген – Алтыбай күмбезі, Кеңгір өзені бойындағы XIX ғасырда салынған Асанқожа күмбезі, Жошы хан күмбезі, Орталық Қазақстанда Домбауыл кешені, Қаракеңгір өзені бойындағы Жансейіт күмбезі, Дүзен күмбезі, Ұлытаудағы Ерден күмбезі, Ерубай күмбезі, Сарысу өзені бойындағы Жұбан-ана күмбездері туралы, қыпшақ заманынан келе жатқан көне архитектуралық ескерткіш – Аяққамыр туралы да Әлкей Марғұлан еңбектерінен оқып білеміз (Хамитова, 2010:50).

Ә. Марғұлан археологиялық экспедициялар кезінде үнемі күнделік жазғаны белгілі. 1961 жылы жазылған күнделігінде: «Біз 6 тамыз күні кешкі сағат 6-да Кеңгірден шығып, Ұлытауға тарттық. Қасымда суретші Власов бар. Жол Жыланды өзенін кесіп өтіп, Бас қағылға қарай созылып жатады екен. Сағат кешкі сегізге Жүзден тамның (Кеңгір өзені) қасынан өттік. Сағат сегіз жарымда Ерден тамынан өтіп, тоғыз жарымда Ұлытауға келдік», – деп жазылған. Келесі күні, яғни жетінші тамызда Ұлытау Кеңгір бойындағы көп қызыл үйлердің архитектурасы, олардың сақталуы, жасаған шеберлер, үйшілер туралы дерек жинайды. Теріскейдегі шеті ғана Бағаналы еліне қараған қызыл кірпіштен салған үйлердің картасы Қаракеңгірдің Сарыкеңгір басынан бастап құятын жеріне дейін мына түрде суреттелді деп, ғалым сексен үйді тізіп, кімдердің үйі болғанын атауларымен, оларды салған сәулетші-үйшілердің аты-жөнін, үйлердің сол сәттегі хал-жайын суреттеп жазады.

Әлкей Марғұлан жазуынша бұл үйлерді күйдірген кірпішпен өрнектеп өруші XVIII–XIX ғасырда өмір сүрген қазақ сәулетшілері: Серәлі Елеманұлы (1803–1902), Тобақабыл Тілеуқабылұлы (1824–1920), Ахмет Көтібарұлы (1819–1870), Бодық сәулетші, Данияр Кәрібаев, Әбіш Жандыбайұлы Құнанқара, Сатыбалды Қошқарұлы, Тілеубай үйші, Арыстанбек Жанабайұлы, Тайшық үйші, Бейсен Мәжікеев, Талпақ Байсарыұлы, Қойкелді Талпақұлы (1868–1940).

Олардың ең атақтысы – *Серәлі Елеманұлы*. XIX ғасырдағы қазақтың атақты сәулетшілерінің бірі, қағазға түсірілген үлгі бойынша ғимараттар тұрғызған халық шебері. Сарысу өзенінің Кеңгірге құятын сағасындағы Жандәулеттің қызыл үйі, кірпішті ақ, қоңыр, қызыл түспен күйдіре білген Елеманұлы Серәлі үй қабырғасын ілулі кілем түріне ұқсатып нақыштаған. Ә.Марғұлан зерттеуінде, Ұлытау іргесімен ағатын Жанғабыл өзені бойындағы *Төртқараның күмбезі*, Қаракеңгір өзені бойындағы *Дүзеннің күмбезі* осы *Серәлі* шебердің қолынан шыққан. Ал осы күмбездердің ішкі қабырғасына өрнектеп сурет жасаушы (бейнелі фреска) – *Ахмет Көтібарұлы*.

Кеңгір өзенінің оң жағасында орналасқан, XIX ғасырда тұрғызылған мазарлардың бірі – Жаманқара *Тоқсан күмбезінің* авторы сәулетші Әбіш Құнанқараұлы екенін де Ә. Марғұлан жазды. Сыртқы белдеулері (фриз) басқұр өрнегімен тартылған бұл күмбездің планы «крест» түрінде жасалғандықтан төрт беті бір қалыптас, қай жағынан қараса да бірдей болып көрінетін, композициялық жағынан өзге күмбездерге ұқсамайтын ерекше шығарма деп көрсетеді.

XIX ғасырда Торғай өзені бойында Терісбұлақ атты мекенде туып, өмірінің көбін Торғай қаласында өткізген, қазақ халқының атақты сәулетшісі Байторыұлы Талпақ туралы да жазған Әлкей Хақанұлы. Ол алғашқыда Торғай қаласын салуға қатынасып, онда бірнеше үй, моншалар тұрғызған, *Ыбырай Алтынсарин мектебінің сәулетшісі*. Оның қолымен тұрғызылған қызыл үйлер, күмбездер Торғай, Жалдама, Қабырға, Терісбұтақ, Жыланшық өзендерінің бойында. Тосынның құмында өте көп болған. Марғұланның жазуынша, Байторыұлы Талпақ жасаған сәулет өнерінің ең көрнектісі – Досан қопасындағы Қызыл мешіт пен Терісбұтақтағы көп күмбезді *Бердікей мешіті*.

Талпақтың баласы Қойкелді сәулетші де әкесіне тартқан шебер сәулетші, Торғай қаласында туып өскен. Әкесі екеуі Жыланшықтың бір саласы Дулығалы өзенінің бойында бір үлкен мұнаралы мешіт тұрғызады. Оның архитектуралық формасы өзге мұсылман мешіттеріне ұқсамайды, ел бас қосатын, көп кісі жиылатын бір орын сияқты. Оны көп жыл Амангелді Иманов тұрақ етіп тұрған.

«Осылардың бәріне қарағанда, халқымыз ерте заманнан мемлекеттік іске белсене қатынасып, Орта Азия көлеміндегідей үй салу, қызыл күмбез тұрғызу істеріне ерекше

көңіл аударған, қала мәдениетінен де зор хабары бар, сәулет істерін жақсы түсінген ел екенін көрсетеді. Сарысудың төменгі жағы – Жетіқоңыр, Шудың аяқ кезіндегі, Ұлытау төңірегіндегі, екі Кеңгір бойындағы толып жатқан сұлу күмбездердің барлығын салған бір ғана Бағаналы шеберлері. Қазақстанның өзге жерлерінде мұндай сәулет өнері жоқ. Халықтың искусствосына ірге болатын сәулет өнерінің белгілері бір ғана осы Ұлытау төңірегінде бар. Бұл – сәулет өнері», – деп жазды ғалым.

Осы орайда, Ә. Марғұлан 1965 жылы шыққан Қазақ КСР Жоғарғы Советі Президиумының «Қазақ ССР-інде мәдениет ескерткіштерін қорғаудың жайы туралы» қаулысын ерекше қабылдаған (Ведомости, 1965:22–25).

«Бұл қаулыны іс жүзінде бұлжытпай орындап отырсақ, мәдениет пен өнер ісінің сан алуан сәулетті түрін көп уақыт сақтап, келесі заманға мирас етіп отыруға болады», – деп жазды (Қадыров, Нұрмұхамбетов, 1966:68–78).

Қорыта келсек, «Қазақстанның киелі жерлері» және «Туған жер» шеңберінде қолға алынып жатқан жобаларды іске асыруда Ә. Марғұлан еңбектерінің ғылыми әрі дереккөздік маңызы зор. Қазақстан жеріндегі тас дәуірінен бастап, бүгінгі уақытқа дейінгі тарихи сананы жаңғыртуға қатысты тарихи нысандардың тізімге алынып, жүйеленуі – халықты рухтандырып, баршамыздың рухани дамуымызға зор үлес қосатын жоба болып отырғаны анық. Бұл жерде ескеретін мәселе – әрбір қасиетті орын сол жердің жергілікті халқының өмірімен байланысты болғандықтан, ең алдымен оған әр өңірдің түрғылықты халқы атсалысатыны белгілі. Дегенмен, жергілікті өлкетанушылар өз беттерінше зерттеу жүргізіп, дәйектерін баспасөз беттерінде көпшілікке ұсынып жатады. Нәтижесінде бұрмалаушылықтар орын алуы мүмкін. Сол себепті өлкетанушылар тарихи жазба деректерді, және танымал ғалымдардың зерттеу еңбектерін зерделей отырып, тарихшы, ғалымдармен біріге жұмыс жасауы қажет.

Әдебиеттер:

- Ақышев К., Байпақов К. Қазақ археология ғылымының атасы // Ә. Марғұлан туралы естеліктер. (Құраст. Марғұлан Д.Ә.). Алматы: Білім, 2004.
- Ведомости Верховного Совета КазССР. 1965. С. 22-25.
- Қазақ өнері. Энциклопедия. Алматы: Білік, 2002. 195-209 бб.
- ҚР БҒМ БВМ. 11қор, 1тізбе, 104 іс.
- Қадыров М., Нұрмұхамбетов Б. Ертедегі Орталық Қазақстан тайпаларының мәдениеті мен өнері // Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы: Қазақстан, 1966. 68-78 бб.
- Марғұлан А.Х., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана // Коллективная монография. Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. 172 б.
- Марғұлан Ә.Х. Шығармалар жинағы. Алматы: Алатау, 2010. Т. 8. 250 б. илл.
- Марғұлан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1950. 122 б.
- Марғұлан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: Наука, 1979. 360 с.
- Марғұлан Ә. Жошы, Жүшы (1187-1227). Жошы хан күмбезі. Қазақ совет энциклопедиясы. Алматы: Полиграфия, 1974. 481-б.
- Марғұлан Ә. Ежелгі жыр-аңыздар. Алматы: Жазушы, 1985. 368 б.
- Марғұлан Ә.Х. Күнделік дәптер. / Қолжазба. Ғалымның жеке мұрағаты.
- Марғұлан Ә.Х. Шығармалар жинағы. Алматы: Алатау, 2007. Т.3. 488 б.
- Протокол Заседания Ученого Совета Института истории, археологии и этнографии. АН КазССР, гор. Алма-Ата. 22 сентября 1950 г. (Ғалымның жеке мұрағатынан)
- Выписка из протокола заседания секции археологии Средней Азии пленума Института истории материальной культуры АН СССР 24 апреля 1951 года. Выступления по докладу А.Х. Маргулана «Раскопки в Сарайчике».
- Хамитова М. А. Академик Ә.Х. Марғұланның ғылыми мұрасының Қазақстан музей ісіндегі маңызы: т.ғ.к. ... диссер. 07.00.07 – Этнография, этнология және антропология. Алматы, 2010.

References

- Aqishev K., Baipaqov K. Qazaq archeologiya gylymynyn atası // A. Margulan turalı estelikter. Almaty: Bilim, 2004. (Qurast. Margulan D.A.).
Vedomosti Verkhovnogo Soveta KazSSR. 1965. S. 22–25.
Qazaq oneri. Enciklopediya. Almaty: Bilik, 2002. 195–209-bb.
QR BGM BMV 11qor, 1tizbe, 104 is.
Qadyrov M., Nurmuqambetov B. Ertegedi Ortalıq Qazaqstan taipalarynyn madeniet men oneri // Ejelgi madeniet kualary. Almaty: Qazaqstan, 1966. 68-78 bb.
Margulan A.Kh., Basenov T., Mendikulov M. Arkhitektura Kazakhstana //Kollektivnaya monografiya. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1959. 172 b.
Margulan A.Kh. Shygarmalar jinagy. Almaty: Alatau, 2010. T.8. 250 b. + ill.
Margulan A.Kh. Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazakhstana. Alma-Ata: Nauka, 1950. 122 b.
Margulan A.Kh. Begazy-Dandybayevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana. Almaty: Nauka, 1979. 360 s.
Margulan A. Joshy, Jushi (1187-1227). Joshy xan kumbezi. Qazaq sovet enciklopedijasy. Almaty: Poligrafija, 1974. 481-b.
Margulan A. Ejelgi jyr-anyzdar. Almaty: Jazushy, 1985. 368 b.
Margulan A.Kh. Kundelik dapter. /Qoljazba. (Galymnyn zheke muragatynan)
Margulan A.Kh. Shygarmalar jinagy. Almaty: Alatau, 2007. T.3. 488 b.
Protokol Zasedaniya Uchenogo Soveta Instituta istorii, arkeologii i etnografii. AN KazSSR, gor. Alma-Ata. 22 sentyabrya 50 g. (Galymnyn zheke muragatynan)
Vypiska iz protokola zasedaniya sektsii archeologii Srednei Azii Plenuma Instituta istorii materialnoi kulture AN SSSR. 24 aprelja 1951 goda. Vystupleniya po dokladu A.Kh. Margulana «Raskopki v Saraitchike».
Khamitova M. A. Akademik A.X. Margulannyn gylymi murasynyn Qazaqstan muzeji isindegi manyzy: t.g.k. ... disser. 07.00.07 – Etnografija, etnologija jane antropologija. Almaty, 2010.

МРНТИ 03.20

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АХМЕДА БЕРЕМЖАНОВА

Султангазы Гүлмира Жолмағамбетқызы

кандидат исторических наук, доцент.

Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева.

Казахстан, г. Нур-Султан. E-mail: g_sultangazy@kazguu.kz

Аннотация. Статья посвящена политической деятельности одного из видных представителей движения Алаш А. Беремжанова. Жизнеописание персоны является одним из старейших исторических жанров, позволяющее более глубоко и всесторонне понять и оценить сложные политические и социально-экономические процессы и соответственно реконструировать тот или иной период в более полном объеме. В этом смысле биография А. Беремжанова демонстрирует цикл ключевых событий, который переживал Казахстан в начале XX века. Особое внимание уделено его участию в сессиях Государственной Думы, где он стал членом земельного комитета и инициировал подготовку записки о земельных отношениях на национальных окраинах и этапу, связанного с работой в качестве комиссара Временного правительства. Логика развития событий обозначенного периода была продиктована с одной стороны объективными причинами, но не последнюю роль в этом сыграла плеяда казахских интеллектуалов, к которым принадлежал и А. Беремжанов.

Ключевые слова: национальная интеллигенция, Алаш, Государственная Дума, революции XX века, Временное правительство.

FTAMP 03.20

АХМЕД БІРІМЖАНОВТЫҢ САЯСИ ҚЫЗМЕТІ

Сұлтанғазы Гүлмира Жолмағамбетқызы

тарих ғылымдарының кандидаты, доцент. М.С. Нарікбаев атындағы ҚазГЮУ университеті. Қазақстан, Нұр-Сұлтан. E-mail: g_sultangazy@kazguu.kz

Түйіндеме. Мақала Алаш қозғалысының көрнекті өкілдерінің бірі А. Бірімжановтың саяси қызметіне арналған. Тұлғаның ғұмырнамасын сипаттау сияқты көне жанрлардың бірі күрделі саяси және әлеуметтік-экономикалық үрдістерін терең де жан-жақты түсіне отырып, бағалауға, соған сәйкесінше белгілі бір кезеңді толыққанды көлемде қайта құрастыра отырып, жаңғыртуға мүмкіндік береді. Бұл тұрғыда А.Бірімжановтың ғұмырнамасы ХХ ғасыр басында Қазақстан басынан кешірген барлық негізгі оқиғаларды көрсетеді. Оның жер комитетінің мүшесі бола отырып, шекараның межеленуіне байланысты жер қатынастары туралы жазбаларды даярлап, Мемлекеттік Дума сессияларына қатысқанына, Уақытша үкіметтің комиссары ретіндегі жұмысына байланысты кезеңдеріне ерекше назар аударылды. Белгіленген кезеңдегі оқиғалар дамуының логикасы бір жағынан объективті себептермен байланысты. Сол оқиғалардың өрбуінің басы-қасында жүрген қазақ зиялыларының орны ерекше, оның қатарында А. Бірімжанов та бар.

Кілт сөздер: ұлттық зиялылар, Алаш, Мемлекеттік Дума, ХХ ғасыр төңкерістері, Уақытша үкімет

IRSTI 03.20

POLITICAL ACTIVITIES OF AKHMED BEREMZHANOV

Sultangazy Gulmira

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. M. Narikbayev KAZGUU University. Kazakhstan, Nur Sultan. E-mail: g_sultangazy@kazguu.kz

Abstract. The article is devoted to the political activities of A. Beremzhanov, one of the prominent representatives of Alash movement. The biography of a person is one of the oldest historical genres, which allows one to more deeply and comprehensively understand and evaluate the complex political and socio-economic processes; therefore, to reconstruct a given period in full. In this sense, the biography of A. Beremzhanov demonstrates the cycle of key events that Kazakhstan experienced at the beginning of the twentieth century. Particular attention was paid to his participation in sessions of the State Duma, where he became a member of the land committee and initiated the preparation of a note on land relations in the national suburbs and the stage associated with working as a commissioner of the Provisional Government. The logic of the development of the events of that period was dictated on the by objective rationale, where the position of Kazakh intellectuals, together with A. Beremzhanov, also played a crucial role.

Key words: national intellectuals, Alash, State Duma, twentieth century revolution, Provisional Government.

Введение: Вторая половина XIX века в истории Казахстана охарактеризована противоречивыми процессами инноваций номадического общества охватывавшими все сферы социально-экономической и политической действительности. Объективно в этот период наблюдается становление новой социальной группы, выполнявшей связующие функции между традиционалистским этносом и имперскими властными структурами. Содержание их деятельности создало предпосылки для формирования интеллектуального поля поиска альтернативных путей адаптации общества к изменявшимся реалиям. Данная группа граждан этнически, связанная с большинством, генетически оставалась наследницей государственно-управленческой структуры

номадов, но уже на основе взаимодополняющих друг друга европейских и восточных ценностей. Казахстан в XXI веке вновь находится в состоянии цивилизационного выбора, и изучение деятельности интеллигенции начала XX века, действовавшей в схожей ситуации представляется важным не только с теоретической точки зрения, но и в качестве адаптированного опыта для применения в текущем моменте.

Материалы и методы: Документальным материалом послужили фонды архивов Оренбургского областного архива, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива Республики Казахстан. Архивные материалы, обнаруженные в фондах можно разделить на несколько групп. К первой группе источников относятся документы, касающиеся биографических сведений о А. Беремжанове, его семье и ближайшем окружении. Значительный объем составляют документы, характеризующие деятельность его отца и родственников. Данные документы хранятся в ЦГА РК: фонде 4 «Оренбургская пограничная комиссия»; Ф. 25 «Тургайское областное правление». Следующая группа источников представлена документами, относящимися к гимназическому периоду жизни А. Беремжанова. В данной связи наибольшее количество материалов зафиксировано в ГАОрО - фонде 79 «1-ая Оренбургская мужская гимназия, г. Оренбург». Материалы данного фонда концентрируют сведения относительно деятельности канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства и Оренбургской мужской гимназии. Здесь извлечена информация об обучении А. Беремжанова в гимназии: качественность его успеваемости и особенности адаптации к городской среде. К третьей группе источников относятся документы архивных фондов, охватывающие эпоху с 1905 г. до начала 20-х гг. XX века. Хронологически обозначенный период совпадает с революцией 1905 г., выборами и работой в Государственной Думе, а также с активизацией национально-освободительного движения. Думский период А. Беремжанова отражен в документах фонда Государственной Думы РГИА, Ф. 1278 и ЦГАРК, Ф. 322. Документальный материал, затрагивающий революционный период, содержится в многочисленных фондах архивов Казахстана и России. ЦГАРК, Ф. 17 «Тургайский областной комиссариат Временного правительства»; Ф.18 «Тургайская Управа Временного правительства»; Ф.16 «Тургайский областной военный комиссариат»; ГАРФ, Ф. 1701 «Туземный отдел Министерства внутренних дел. Омск 1918-1919гг.»; Ф. 749 «Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара. Уфа. 1918 г.»; Ф. 192 «Юридическое совещание при Временном Всероссийском правительстве (Директории) Омск, Уфа. 1918г.».

К другим важным источникам относятся воспоминания современников и соратников Ахмеда Беремжанова, документальные сборники и периодическая печать того времени.

Специфика темы требовала использования, в первую очередь, историко-биографического метода, позволяющего раскрыть этапы жизни и деятельности исторической личности: реконструировать и анализировать те обстоятельства жизненного пути, которые явились ключевыми и повлияли как на личностное развитие так и на исторический процесс в целом.

Обсуждения: Историография вопроса представлена двумя этапами: советским и современным. Как самостоятельная тема - жизнь и деятельность А. Беремжанова не нашла отражения ни в одном из периодов. Но его активная позиция в рамках работы Государственной Думы и партии Алаш позволяют выявить принципиальные позиции в рамках обозначенных этапов. Идеологическая составляющая трудов по политической истории начала XX века не дают нам объективной картины и оценки, а деятельность членов движения охарактеризована как контрреволюционная, преследующая узкоклассовые цели (Бисембиев, 1976; Брайнин С., Шафиро 1935; Тогжанов 1932). В то же время современная историография не только выявила круг проблем, связанных с изучением деятельности, но и предприняла попытки создания методологической базы по изучению данных вопросов. К настоящему моменту накоплен обширный материал как по истории начала XX века, так и по отдельным персонам, чья деятельность создавала содержание периода (Аманжолова 2009; Кадыралина 2012; Койгельдиев 1994; Мамраева 1997.; Нурпеисов 1995; Омарбеков 2003)

Результаты: Заметную роль в ряду казахских прогрессистов периода двух социальных расколов XX в. сыграл А. Беремжанов (1871-1927). Ахмед Коргамбекович Беремжанов родился в Тусунской волости Тургайского уезда в семье влиятельных биев из рода аргын. Он окончил Оренбургскую гимназию, получил элитное высшее образование в Казанском университете по специальности юриспруденция. В 1905-1906 гг. казахская общественность Тургайской области избирает его депутатом I и II Государственных Дум, где он представлял интересы населения казахского края. А. Беремжанов депутат от Казахстана, которого дважды избирали в народное представительство. Он являлся участником казахских съездов, проходивших в городах Уральске, Семипалатинске, Оренбурге, начиная с 1905 года. Как известно, на этих съездах проходила консолидация национальной интеллигенции, и формирование программных установок будущей партии «Алаш». А. Беремжанов находился в тесном контакте с общепризнанными лидерами национального движения А. Букейхановым, А. Байтурсуновым, М. Дулатовым. Апогеем в его политической карьере стал период с февраля 1917г. до полного установления Советской власти на территории Казахстана. В это время он назначается Кустанайским уездным комиссаром Временного правительства. С падением власти Временного правительства партия «Алаш» создает свою национальную автономию и правительство - Алаш-Орда. А. Беремжанов входит в состав Народного совета Алаш-Орды. От имени правительства Алаш-Орда А. Беремжанов ведет переговоры с антибольшевистскими правительствами, которые создавались в приграничных районах. Резко отрицательные отношения белогвардейско-террористических режимов к национальным движениям вынудило А. Беремжанова, как и многих других лидеров партии Алаш, пересмотреть свое отношение к Советской власти. Они встали на путь сотрудничества с большевиками. В годы советской власти А. Беремжанов работает в Народном комиссариате юстиции и Казахском отделе Верховного суда. Анализ биографических сведений жизнедеятельности А. Беремжанова и его политического пути в определенной мере является показательным срезом судьбы значительного круга представителей национальной интеллигенции данного хронологического периода.

Семейство Беремжановых традиционно лидировало в Тургайском регионе. Необходимо выделить в данной династии такие моменты как клановость, корпоративность, семейную сплоченность, отметить, что Беремжановы составляли конкуренцию султанским династиям и другим феодально-бийским фамилиям. Поэтому важными стимуляторами поддержания наследственной доминанты являлись воспитание, образованность, богатство, родство с влиятельными семьями казахского общества. Изменение социально-экономических отношений вызвало новационные явления в традиционном казахском социуме. Очевидным становится востребованность в европейски грамотных людях, в связи с изменениями в системе колониального делопроизводства.

Практически все члены семьи Беремжановых получили начальное мусульманское образование (ЦГАРК, 2262: 15). Однако для закрепления общественного престижа в современных условиях, необходимо было получить русское образование. Отец Ахмеда - Коргамбек пишет прошение о зачислении своего сына Ахмеда в мужскую гимназию в г. Оренбурге (ЦГАРК, 4082: 343). Сам Коргамбек был одним из первых учеников И. Алтынсарина, а впоследствии он помогал И. Алтынсарину в развитии просвещения в крае, оказывая финансовую помощь для покупки учебников, методической литературы (Васильев 1896: 127).

На формирование мировоззрения молодого Ахмеда Беремжанова оказала влияние атмосфера в семье, почитание предков, тем более что все они были неординарными личностями: Шакшак Жанибек, бий Чеген Мусин. Их отличала личная храбрость, смелость мысли. Помимо этих качеств они обладали талантом художественного слова. Их образы служили идеалом и примером для подражания. С детства в семье прививались такие качества как честность, порядочность, уважение к старшим.

Примерно в 1883 году Ахмед был зачислен в Оренбургскую мужскую гимназию, где проучился 7 лет до 1891 года. В стенах гимназии проходило становление и формирование мировоззрения Ахмеда Беремжанова. Он был очень способным

учеником, что подтверждают сохранившиеся документы за подписью директора гимназии Новикова, которые поступали из гимназии в канцелярию Тургайского областного правления, в основном, это именные списки учащихся гимназии. Беремжанов Ахмед выделяется из общей массы отличными знаниями, из класса в класс он переходил с наградами 1 или 2 степени (ЦГА РК, 467: 58).

После окончания гимназии с серебряной медалью, Ахмед Беремжанов решил продолжить обучение в Санкт-Петербургском университете на факультете юриспруденции. Однако, обстоятельства сложились таким образом, что А. Беремжанов был зачислен в Казанский университет (ЦГА РК, 467: 209).

Формирование гражданской позиции, знакомство с политическими платформами и выбор политических ориентиров произошел в университетский период.

Таким образом, формирование идейно-нравственного мировоззрения А. Беремжанова имело глубокую историческую основу. Сложный период второй половины XIX и начала XX веков отмечен бурными событиями социально-политического характера. В Казахстане в этот период времени в недрах казахского общества доминирующую роль продолжали играть номадно-ценностные установки: как-то сохранение родо-клановых отношений, значительные функции выполняла генеалогическая память. Именно при таких обстоятельствах складывался базис нравственных идеалов А. Беремжанова - выходца из бийской среды, известной в регионе активной общественной и образовательной деятельностью. Эволюция идейно-нравственных установок А. Беремжанова обусловлена контактами с известными неординарными личностями из казахской среды. Студенческий период, составляющими сегментами которого являлись европейско-светская модель образования, инновационные западнические либерально-демократические учения, сыграл определяющую роль в формировании основ общественно-политических взглядов А. Беремжанова, ориентированного на достижение казахским этносом передовых образцов государственности и культуры с сохранением национальной идентичности.

Политическая деятельность А. Беремжанова началась с участия в работе I и II Государственных дум. Он баллотировался от Тургайской области и представлял интересы всего Степного края. Возможность интегрирования интеллектуальной прослойки казахского общества в политический процесс российского государства была обеспечена принятием Манифеста от 17 октября 1905 г. А. Беремжанов, как многие представители национальной интеллигенции с радостью встретил известие о столь значительных уступках со стороны царя. По всему Казахстану прошли митинги, где выступала интеллигенция с разъяснениями документа и с призывами дальнейшей борьбы за свои политические и экономические права.

Избрание в качестве депутата Ахмеда Беремжанова от Тургайской области стал в какой-то мере закономерным, учитывая ту степень уважения со стороны соплеменников к семейству Беремжановых. При этом он не вел какой-либо политической агитации. В ответе на циркуляр военный губернатор Ломачевский пишет: «ни к какой из политических партий Беремжанов не принадлежит, а будет защищать интересы киргизского населения. Политической агитации Беремжанов не вел и был избран в члены Государственной Думы единогласно как наиболее подходящий по своему развитию» (ЦГА РК, 14: 134-135).

По прибытию в Петербург, А. Беремжанов знакомится с работой прошедших заседаний. Не имея определенной политической ориентации, кроме симпатии к партии народной свободы, А. Беремжанов примыкает к мусульманской фракции, которая объединила депутатов- мусульман Российской империи.

В Думе А. Беремжанов выступил с инициативой увеличения числа представителей от казахского края в аграрной комиссии. В связи с тем, что депутаты от Казахстана и Сибири прибыли позднее. Места, отведенные специально для них, не соответствовали количеству прибывших депутатов из вышеназванных регионов. По первоначальным соображениям в аграрную комиссию должен был войти 1 депутат из 5. И, когда встал вопрос о численности комиссии, возникли разногласия, так как никто не знал точного состава Государственной Думы. В связи с этим численность комиссии колебалась от

88 до 99. К середине июня, когда стали прибывать депутаты от Казахстана, Средней Азии и Сибири вопрос о количественном и качественном составе аграрной комиссии стал приобретать особую актуальность. По этому поводу в Думе разгорелись прения и разногласия.

А. Беремжанов будучи в то время единственным депутатом от Казахстана от инородческого населения стал лоббировать вопрос об увеличении количества мест в аграрной комиссии. Тем более, что к середине июня свободных мест в аграрной комиссии оставалось только 8, а депутаты из Сибири, Средней Азии и Казахстана либо только начинали работу или еще не приехали в Петербург. Таким образом, создалась такая ситуация, что 88 депутатов, которые либо не приехали, либо только начали работу, должны были поделить 8 мест в аграрной комиссии. Участие в работе этой комиссии было для депутатов всех регионов крайне важным, так как крестьяне внутренней России и инородцы с окраин одинаково страдали от земельного кризиса. А. Беремжанов, остро воспринимавший проблему земельного вопроса для казахов, активно включился в ее обсуждение. Он предложил депутатам Думы увеличить количество членов аграрной комиссии с 99 до 103 или до 104 членов. Как А. Беремжанов этого добивался, можно узнать из фрагмента его выступления: « В тот день, когда образовался состав аграрной комиссии, сначала была предложена цифра 88, некогда было сообщено, что число членов Думы будет доходить до 500, это цифра была увеличена на 11 и образовалась 99. Поэтому я присоединяюсь к представленным здесь соображениям и утверждаю, что число 99 не есть окончательное. По моим соображениям всех членов Государственной Думы будет 524, если это так, то число всех членов аграрной комиссии, по расчету одного члена на 5 человек должно быть 103 или 104» (Государственная Дума 1906: 1863). Дело в том, что ни в каких документах не было упомянуто о представительстве в аграрной комиссии депутатов от Казахстана. Говорилось лишь о представителях Сибири и Средней Азии. А. Беремжанов задает естественный вопрос исходя из существующего положения вещей: « И вот эти оставшиеся места были представлены Государственной Думой Сибири, Средней Азии и Кавказу, про Степные области, населенные киргизами, не было сказано, может быть, они были отнесены к Сибири или Средней Азии, но определенно в постановлении Думы об этом не говорится» (Государственная Дума, 1906: 1863). В связи с этим он просит предоставить: « 3 места или, по крайней мере, 2 киргизским областям, куда входят Семиреченская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области и Букеевская орда, Астраханская губерния в последней тоже 500000 степного населения» (Государственная Дума, 1906: 1863). А. Беремжанов не случайно перечисляет области, относящиеся к Казахстану и области, населенные казахами, таким образом, он акцентирует внимание депутатов на том, что казахи, занимая огромную территорию, тем не менее, не имеют мест в аграрной комиссии. Также депутатам было известно, что от столь огромной территории было избрано всего 6 членов Думы. А. Беремжанов говорит: «Всех членов перечисленных мною областей будет за исключением Уральской области 10 человек, по принятому Государственной Думой основанию по расчету одного на 5 должны избрать в комиссию двух, и вот я прошу Государственную Думу выяснить, куда были отнесены киргизские области, к Сибири или к Средней Азии, а если никуда то нужно выделить Семиреченскую, Семипалатинскую, Тургайскую, Уральскую, я не считаю Букеевскую Орду, Астраханскую губернию в отдельную область и представители этих областей должны избрать двух членов в аграрную комиссию. Эти 2 места должны быть предоставлены этим местностям также и потому, что в том постановлении территориальный принцип также был принят в расчет, почему и были оставлены места для представителей Сибири, Кавказа и Средней Азии» (Государственная Дума, 1906: 1863).

Выступление А. Беремжанова вызвало споры как со стороны вновь прибывших депутатов от Сибири, так как они отказывались принять депутатов от Казахстана в свои ряды, так и с уже сформировавшейся комиссии, так как они не хотели увеличивать комиссию до названной Беремжановым цифры и нарушать принцип избрания.

Представитель Сибири И. Лаптев, делегированный Сибирским казачьим войском в своем выступлении выразился так: « На 25 или 27 человек, которые вошли в Думу от

Сибири полагается самое большее 2 представителя, между тем эти 2 члена аграрной комиссии должны были представлять собою киргизов, бурят, восточносибирских крестьян, сибирских казаков и Приамурский край». Далее он поддерживает А. Беремжанова утверждая: «Нам нужно минимум пять членов аграрной комиссии, чтобы интересы всех групп населения были сколько-нибудь представлены, а не два на 25. Эти группы слишком заинтересованы в решении аграрного вопроса, а между тем они будут представлять только на половину интересы киргизов, казаков, восточносибирских крестьян» (Государственная Дума, 1906: 1863). Об изменении количества членов аграрной комиссии в пользу представителей Сибири и Казахстана выступил известный профессор, кадет Л. Петражицкий член аграрной комиссии: «Во всяком случае, я здесь усердно поддерживаю ходатайство представителей Степных областей и Сибири, чтобы им было предоставлено, по крайней мере, пропорциональное представительство, по справедливости и по существу следует сказать, что им следовало бы дать даже более, чем пропорциональное представительство, ибо при пропорциональном только представительстве, вследствие грандиозной величины и разнообразия областей, от которых они являются представителями, при сравнительно малом числе депутатов от этих областей, те области и те местности и при пропорциональном представительстве будут слабо представлены, гораздо слабее, чем другие местности и интересы» (Государственная Дума, 1906: 1864). В поддержку А. Беремжанова выступил также А. Сыртланов, представитель мусульманской фракции. В своей речи он еще раз обрисовал картину несправедливого представительства в аграрной комиссии. Он говорит: «Государственная дума, решившая избрать в аграрную комиссию 99 лиц, оставила только 8 мест на весь Кавказ, Сибирь, Туркестанский край и вообще на Среднюю Азию. Конечно, это очень маленькое число. Эти местности обижены прежним правительством в том смысле, что от них было назначено очень маленькое число членов Государственной Думы». При этом он отметил, что казахские депутаты прибыли несвоевременно не по своей вине, так как время выборов на окраинах было назначено гораздо позже. Мнение А. Сыртланова по представительству в Думе совпало с мнением А. Беремжанова: «Я вполне согласен с членами Думы из тех мест, которые ходатайствуют об увеличении числа лиц выбираемых в аграрную комиссию» (Государственная Дума, 1906: 1865). Дискуссию о представительстве киргизов в аграрной комиссии продолжил А. Черносвитов. В своем выступлении он уточнил, что казахские депутаты не упоминаются так, как решено, было, что они, то есть представители «киргизских народностей, после того как будут избраны членами в Государственную Думу от Семипалатинской и Тургайской могут принять участие в голосовании вместе с другими вновь прибывшими» (Государственная Дума, 1906: 1866).

Однако, не этот организационный вопрос и многие другие, более актуальные вопросы, не были решены в первой Думе. Так как по Именному Высочайшему Указу императора Николая II первое народное представительство России будет распущено.

Во второй Думе, вновь наиболее острым оставался земельный вопрос. Актуализация произошла в связи с новой волной переселения крестьян из внутренних губерний. Против последней акции правительства выступали не только инородцы, но и крестьяне Сибири. Например, Н. Коншин в одном из своих выступлений в Думе сказал: «Никакие переселения в Сибирь общерусского аграрного вопроса решить нисколько не помогут. Сибиряки с цифрами и фактами в руках могли бы доказать ту крайнюю неточность сведений о свободных для переселения земель, ссылаясь на которую правительство побуждает крестьян двинуться в Азию. В таком громадном общегосударственном деле как переселение всякие неправильности должны быть моментально исправлены» (Государственная Дума, 1906: 2271-2272). И эта была только одна сторона переселенческого движения. Н. Коншин не затронул вопросов о незаконном изгнании коренного населения с исконных земель, об экспроприации, проводимой переселенческим управлением. Этим проблемам был посвящен запрос на имя Председателя Совета Министров по поводу незаконного образования переселенческих участков и местных дач в Казахской степи, подписанный 53 депутатами. Как считает исследователь Л. Ямаева, инициаторами этого запроса были

представители мусульманской фракции Ахмед Беремжанов и Салимгерей Джантурин (Мусульманские депутаты Государственной Думы, 1998:10).

Главной задачей казахского депутатского корпуса стала попытка реализации равноправных с остальными гражданами России условий существования. В первую очередь это касалось судебного делопроизводства, которое велось на русском языке и школ с аналогичным языком обучения, что изолировало казаха от повседневной бюрократической жизни государства и блокировало перспективы развития. В понимании интеллигенции казахи должны получить доступ в сферу административного аппарата и не обязательно, что реализация данного права должна была произойти через изучение казахами русского языка.

А. Беремжанов во Второй Думе являлся членом комиссии по реформе местного суда. Примечательно, что инициатива о реформировании местного суда шла сверху. Министр юстиции 16 марта на 11 заседании Государственной Думы внес законопроект о преобразовании местного суда. Система суда, в особенности на местах, давно требовала изменений. Депутатами было решено создать комиссию для обсуждения внесенного законопроекта из 24 лиц, которые были уже избраны 27 марта (Государственная Дума, 1907). 14 апреля 1907 года Ахмед Беремжанов написал заявление на имя Господина Председателя комиссии о реформе местного суда. Вот его содержание: «Просим при рассмотрении основных положений проекта министра юстиции о преобразовании местного суда поставить на обсуждение комиссии вопрос о языке судопроизводства в местные суды и знание местных судей местного языка, так как по 11 проекта учрежденной делопроизводство проходит на русском языке» (РГИА, 803: 39).

Вместе с Ахмедом Беремжановым позже подписались Г. Мусин, С. Сундерлянд и Н. Коншин. Их заявление рассматривалось на специальном заседании комиссии 2 мая 1907 г. После прений по этому заявлению председатель комиссии обратил внимание на то, что вопрос о знании судьей местного языка не подлежит рассмотрению комиссией, поскольку он относится к окраинам империи, тогда как внесенный правительством законопроект касается реформ местного суда во внутренних губерниях государства. Председатель отметил, что судья, должность избираемая, и поэтому он будет выбран из местных людей и, естественно, должен будет знать местные наречия и языки (РГИА, 803: 36). Но А. Беремжанов и Г. Мусин, а впоследствии присоединившиеся к ним Н. Коншин и С. Сундерлянд указывали на то, что в некоторых земских губерниях, таких как Казанская, Самарская, Сибирская, Тамбовская, а также в Крыму есть целые уезды с населением, не владеющим русским языком. Они отмечали в своих выступлениях, что если местный мировой судья не будет знать языка этого населения, то это вредно отразится на самой технике судебного дела, и доверия к судебной системе как таковой. А. Беремжанов и другие депутаты предлагают: «Во избежании этого необходимо постановить, чтобы местный судья в таких местностях обладал знанием главнейших местных языков, удостоверяемым при избрании его путем соответствующего экзамена» (РГИА, 803: 36). Это замечание имело большое значение для национальных окраин, где местное население не владело русским языком. Заявление А. Беремжанова и других депутатов относительно деятельности суда стало предметом споров в комиссии. Но большинство членов комиссии возражали против того, что местный судья обязан знать местный язык и должен по этому поводу экзаменоваться. Возражения большинства членов комиссии сводились к тому, что местный судья, будучи избран из местных жителей, должен знать и местные обычаи, и основные местные языки и в этом отношении нужно довериться населению, которое само изберет более достойного судью, а не связывать население установлением для судьи еще и особого ценза на знание языка местных жителей. Тем более, что в применении этого ценза встретятся непреодолимые затруднения при решении вопроса о том, какому из языков местного населения дать предпочтение и какой местный язык должен знать судья. Например, в Самарской губернии проживает несколько этносов и существует разнообразие языков среди местных жителей, поэтому очень трудно будет определиться с назначением судьи.

В виду того, что среди членов комиссии вспыхнули разногласия по этому вопросу,

мнения депутатов разделились. А. Беремжанов, Н. Коншин и Г. Мусин настаивали на том, что судья обязан знать местный язык. Другие же депутаты в большинстве были против, считая, что это вызовет неразбериху при избрании мировых судей. Чтобы окончательно решить эту проблему председателем вопрос был поставлен на голосование. Большинством 12 против 7, введение этого особого ценза было отвергнуто (РГИА, 803: 36)

Актуализация проблемы использования местных языков в суде несомненно является заслугой А. Беремжанова. Дума помогла казахским депутатам сориентироваться в бурной политической жизни России. Возьмем, к примеру, анкету А. Беремжанова. На вопрос, к какой партии принадлежит, А. Беремжанов ответил: «беспартийный» (РГИА, 36: 2). Позднее, А. Беремжанов, отвечая на аналогичный вопрос анкеты, в графе партийность вписал: «мусульманская фракция» (РГИА, 36: 4). Вероятнее всего, именно здесь произошло окончательное становление А. Беремжанова как политического деятеля. Он стал активным членом двух комиссий: о преобразовании местного суда и отмене военно-полевых судов. Обе комиссии имели значение для политической жизни империи в целом и для Степного края в частности. Вместе с Ш. Косшыгуловым он был в составе комиссии при подготовке закона о мусульманском образовании. А. Беремжанов принял активное участие в составлении программы мусульманской фракции.

Но в условиях монархического режима А. Беремжанов и другие депутаты не смогли противостоять машине государственного бюрократизма, их нежеланию изменить политическую систему Российской империи. А. Беремжанов своей деятельностью в Думе способствовал росту национального самосознания. Результат этих действий проявился в активном участии казахского населения в системе выборов в Государственную Думу. Характеристика казахского депутатского корпуса показывает ориентацию большинства коренного населения на выбор европейски образованных людей из казахского общества, к которым относился и А. Беремжанов.

Февральская революция и установление власти Временного правительства привели к кадровым перестановкам в бюрократическом аппарате постимперии. А. Беремжанов получил предложение от А. Букейханов занять пост уездного комиссара Временного правительства в городе Кустанае (ЦГАРК, 7: 3). Ориентация представителей Временного правительства на назначение А. Беремжанова комиссаром объясняется его специализированной подготовкой, либеральностью, восприимчивости к новым идеологическим установкам.

В должности уездного комиссара А. Беремжанов столкнулся с проблемами, связанными с различными сторонами жизни края, начиная от аграрного вопроса, заканчивая делами школьного образования. Сложная политическая обстановка, участие России в первой мировой войне, нерешительность Временного правительства, ожидание созыва Учредительного собрания блокировали инициативу новых властных структур и не оставляли перспектив.

В то же время, несмотря на отсутствие инструментов и медлительность Временного правительства в решении стратегических вопросов и неопределенный лимит времени А. Беремжанов приступил к выполнению своих обязанностей.

Одной из актуальных задач, которая решалась уездными комиссариатами было возвращение на Родину мобилизованных на тыловые работы казахов. 14 марта по постановлению Временного правительства была приостановлена мобилизация казахов на тыловые работы (Алаш-Орда, 1992: 21). Решение школьного вопроса также входило в компетенцию уездного комиссара. Если русское образование в крае более или менее было развито, то ситуация в национальном образовании оставалась сложной. Мектебы, которые существовали практически во всех аулах, не учитывались и не считались за полноценное начальное образование. Перед А. Беремжановым и новой властью стояла задача выяснить степень распространения начального образования среди казахов и соответственно принять меры к «нормальной постановке». Для того чтобы решить этот непростой вопрос была проведена работа по сбору сведений о мектебах и медресе, об их количестве, в каких помещениях находятся, на чьи средства содержатся, число учащихся, число учителей, образовательный ценз учителей (ЦГАРК, 13: 44).

Период 1917-1918 гг. охарактеризован организацией съездов партии Алаш. Региональный анализ проведенных съездов представителями Алаш характеризует историко-территориальный объем вовлечения общественно-прогрессивных движений все больших слоев казахского общества. Несомненно, повышенная активность алашского движения в данных областях объясняется не только энергичностью действий лидеров Алаш но и толерантностью к их программным установкам казахского народа и значительной части общественности других этносов, населявших территорию Казахстана и близлежащих областей. В этот период общественной деятельности значительную роль играли специалисты-правоведы, чья деятельность должна была способствовать эволюционно-законотворческому процессу формирования будущей государственности. В связи с этим А. Беремжанов на съезде делегатов Тургайской области был включен в судебную комиссию. Миссия этого органа заключалась в выработке нового проекта судебного устройства. Несомненно, что из пяти членов комиссии, среди которых двое имели журналистское образование, А. Беремжанов должен был исполнять ключевую роль. Знаменательным показателем в развитии алашского движения являлась организация общеказахского съезда в Оренбурге, проходившего в декабре 1917 г. По всеобщему мнению делегатов съезда значительные руководящие функции играл Народный Совет Алаш-Орды. От Тургайской области в Народный Совет избирается А. Беремжанов. Народный Совет согласно решению съезда имел право объявить об автономии. А. Беремжанов, являясь членом Совета, обладал большими полномочиями и повышенной ответственностью перед обществом.

Но борьба различных общественно-политических сил, Октябрьская революция 1917 г. привели к открытому вооруженному противостоянию, то есть в гражданской войне. Это противоборство обострило ранее нерешенные вопросы, в том числе и антибольшевистской оппозиции. Таким образом, антисоветский лагерь являлся аморфным образованием, внутреннее единство которого в принципе было невозможным в силу господствовавших представлений и традиций об основах функционирования государственной власти на обширном евроазиатском пространстве с конгломератом острейших вопросов национального, социального, культурного и политического характера. Гражданская война, с присущими ей силовыми методами борьбы, в сущности своей подразумевала борьбу центра за сохранение территориальной целостности путем ущемления прав и свобод граждан всего государства и национальных окраин, отстаивавших интересы самостоятельного определения будущей государственности. Данный фактор предопределил противостояние партии Алаш двум враждебным блокам негативно настроенным к принципам национальной автономии. В сложный период противостояния, неравенства противоборствующих сил особенно проявлялся дипломатический талант А. Беремжанова, стремившегося ценой максимальных усилий достигнуть благоприятного исхода дальнейшего будущего своего народа и движения Алаш. В созданный в Самаре в июне 1918 года, оппозиционными большевикам силами, Комитет Учредительного собрания от партии Алаш, наряду с некоторыми общепризнанными лидерами, вошел А. Беремжанов. Территория распространения властных полномочий, по мнению лидеров Комуча, ограничивалась Южным Уралом, Средним Поволжьем и Екатеринбургской губернией, то есть тем регионом, который в принципе граничил с регионами действия Алаш-Орды. Таким образом, А. Беремжанов принял активное участие в создании блока союзных сил, идейно и политически противостоявшим большевикам. От автономии Алаш-орды А. Беремжанов, вкупе с несколькими представителями, участвовал в Уфимском совещании в сентябре 1918 г. Характерно, что на этом совещании А. Беремжанов зафиксирован как член Учредительного собрания. Поэтому в данном случае статус А. Беремжанова представлен в двух ипостасях: как одного из лидеров национальной организации и как представителя общегосударственного уровня. Таким образом, А. Беремжанов получил признание в своем политическом статусе от руководства партии Алаш и значительного конгломерата организаций и движений обширного региона Поволжья, Приуралья, Сибири и Казахстана. Корневым стержнем действий А. Беремжанова оставалась вера в силу Учредительного собрания. Логическим завершением этой кровавой драмы в ходе гражданской войны явился роспуск Алаш-Орды и признание ее лидерами советской

власти, что позволило снизить физические потери общественных сил и народов Казахстана в Гражданской войне.

Находясь в Семипалатинске, Ахмед Беремжанов, вместе с другими представителями казахской интеллигенции, составляет записку, адресованную в «Туземный отдел» Министерства внутренних дел, в записке был предложен проект реформ автономии в рамках Всероссийского государства. Представителями Алаш в данном документе еще раз было подчеркнуто, что первой политической задачей для них является свержение Советской власти и возрождение Российского государства и в связи с этим «киргизы сдерживают свои национальные стремления» (ГАРФ, ба: 183). Тем не менее, они предлагают свои изменения политического устройства. Например, статью о главноуполномоченном они предлагают пересмотреть. Таким образом: «Главноуполномоченный по управлению киргизскими областями, составляющими автономию Алаш, по существу своему и по смыслу указа 4-го ноября 1918 года не может быть представителем отдельного Министерства, ибо, в сущности, он заменяет Алаш-Орду. Он должен быть органом национального управления киргизского народа. Поэтому он не может, быть зависим от Министерства внутренних дел и может подчиняться лишь Совету Министров. При Главноуполномоченном должен быть Совет, помимо товарищей его» (ГАРФ, ба: 183).

По вопросу административного управления на местах А.Беремжанов и его соратники предлагают следующее: «Управление на местах должно быть построено на принципе национальном. Соответственно этому киргизский народ в области управления административного и милицейского подчиняется органам киргизского национального Управления. Поэтому в областях, уездах и волостях должны быть созданы особые органы управления, подчиненные Главноуполномоченному» (ГАРФ, ба: 184). Лидеры автономии Алаш также затронули проблемы самоуправления в крае, так как еще после Февральской революции на территории Казахстана должны были быть организованы национальные земства. В данной записке они предлагают: «Что касается органов самоуправления, то мы мыслим их в форме Земства, при чем областные и уездные земства, существующие ныне, то есть общие для всего населения области и уезда сохраняются; волостные же земства должны быть отдельные от русского населения в виду огромной разности уклада жизни киргиз и русских» (ГАРФ, ба: 184). Однако в связи со сложной военной ситуацией, наступлением Красной армии, правительство Алаш-Орды до конца не довело реформу политического управления в Казахстане. В силу ряда сложившихся обстоятельств, разочаровавшись в позиции правительства Колчака и других контрреволюционных правительств в феврале 1919 года Алаш-Орда начинает переговоры о переходе на сторону Советской власти.

Таким образом, Февральская революция, с ее демократическими изменениями вывела на авансцену истории представителей национальной интеллигенции, которые до этого времени безуспешно изыскивали различные легальные средства достижения экономических и политических свобод для Казахстана. Но, несмотря на ограниченность времени, А. Беремжановым сделано было немало: организованы земельные комитеты во избежание столкновений между казахами и русскими переселенцами, была начата работа по возвращению мобилизованных казахов на Родину, развитию национального образования, введению земства в Кустанайском уезде, подготовке к Учредительному собранию. Его деятельность неотделима от национально-освободительного движения, во главе которого стояла интеллигенция. Он, как и многие представители интеллигенции, верил и поддерживал завоевания Февраля. Все эти нововведения будут приостановлены в связи с Октябрьской революцией.

Господство советской власти с ее трансформационным процессом в сознании граждан нового государства, реалии строительства государства и нормализации делопроизводства predetermined обращение новых органов власти к сотрудникам старой административной структуры. Необходимость установления контакта с народами национальных окраин вынуждала власть привлекать в аппаратные структуры деятелей дореволюционной казахской интеллигенции, представителем которой и являлся А. Беремжанов. Солидный законодательный опыт, организаторские способности, лояльность к европейской культуре составляющие административно-

творческой деятельности А. Беремжанова. Господство идеологической установки реально ограничивало властно-управленческие полномочия старого чиновничества. Как редкостный специалист в сфере законодательной системы А. Беремжанов назначается заведующим отделом судебного строительства в Народном комиссариате юстиции. Этот период в жизни А. Беремжанова отмечен некоторыми инновационными задачами, инициатором которых он являлся. В частности им намечались мероприятия по организации выборного института следователей, развитие правового обучения среди населения, создание резерва народных судей, формирование системы передвижного народного суда на периферии, а также целый комплекс мероприятий реформирования делопроизводства на национальных языках. Руководствуясь интересами развития казахского этноса, А. Беремжанов выступал за применение норм обычного права на суде при условии не противоречия их советским декретам. Ахмед Беремжанов совместно с заведующим отделом законодательных предложений А. Клиентовым выступают за применение норм обычного права на суде при условии, что они не противоречат декретам. Предел применения обычного права может быть указан соответствующим циркуляром наркомата юстиции (ЦГАРК, 21: 45). Как профессиональный юрист и знаток народных обычаев он участвовал в разработке законопроекта об отмене калыма и куна. А. Беремжанов являлся председателем Первого съезда судебных деятелей Каз.АССР, что свидетельствует о высоком уровне доверия, оказанного советскими властями А. Беремжанову в начале 1920-х годов. С именем А. Беремжанова связано начало юридического образования в крае. (ЦГАРК, 48: 2). Именно он инициировал перестройку судебной системы. А. Беремжанов и комиссия принимали непосредственное участие в разработке программы юридических курсов для слушателей. Последние годы жизни А. Беремжанов проработал в Казахском отделении Верховного Суда. Самобытная колоритность личности Ахмеда Беремжанова способствовала выделению его из чиновничьей обоймы, поэтому и на новом поприще особенно ярко проявился во всей незаурядности талант Ахмеда Беремжанова, который и в этот период силовой модернизации общества пытался ценой личных усилий смягчить удар по этнической культуре казахов и адаптировать их к историческим реалиям посредством взвешенной тактики законотворчества в Советском государстве.

Заключение. Ахмед Беремжанов и его единомышленники по движению Алаш, равно как и другие представители национально-демократических партий и организаций, в бурный период первой трети XX века попытались произвести глобально-цивилизационные изменения движения общества, находившегося в стадии разрушительного коллапса противоречий и борьбы. Совокупность субъективных и объективных факторов исторических реалий предопределила поражение национальных и демократических сил в столкновениях с революционной стихией. Сегодняшний период демократического обновления и выхода государства из экономического кризиса ознаменован стремлением общества к интеграционным процессам взаимодействия с государствами либерально-демократической ориентации. Определенную роль в системе идейных ориентиров выполняет слой интеллектуалов подвижников прогресса. Характерно, что современная структура социально-политических воззрений тождественна общей программе творчества и развития лидеров прогресса начала XX века, к которым вполне справедливо относится и Ахмед Беремжанов.

Достижение и реализация казахским обществом политических прав, по мнению казахских лидеров, казалось возможным посредством формирования национальной партии - выразительницы интересов коренного этноса. Только в период Февральской революции 1917 года появилось возмужание формирования подобной партии, являвшейся союзницей организации кадетов по узловым проблемам государственного переустройства. Реформирование системы управления, несомненно, затрагивало интересы этносов восточных регионов государства. Ахмед Беремжанов, находившийся у истоков становления национальной государственности, в первой трети XX века сыграл значительную роль в политической истории народов Казахстана.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-технической программы: «Алаш в истории государственности Казахстана: идеи, судьбы, наследие (в контексте духовной модернизации общества)».

Литература

- Алаш-Орда. Сборник документов. Сост. Мартыненко Н. Алма-Ата: Айқап, 1992. 192 с.
- Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. 412 с.
- Бисембиев Б. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана. Алма-Ата.: Казахстан, 1976. 428 с.;
- Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата.: Казкрайиздат, 1935. 149с.
- Васильев А. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург: издание Тургайского областного статистического комитета. 1896. 226 с.
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1701. Оп. 1. Д. 6а. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906. сессия I.
- Государственная Дума, Второй созыв. Журналы заседаний. Заседание 14. Спб.1907.
- Кадыралина Ж. Алимхан Ермаков. Алматы, 2012. 320 с.
- Койгельдиев М. Алаш козғалысы. Алматы: Санат, 1994.
- Койгельдиев М. Қазақ демократиялық интеллигенциясының 1905-1917 жылдардағы қоғамдық-саяси қызметі. Тарих ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Алматы.:1994.
- Мамраева А. Общественно-политическое развитие Казахстана XX века и А. Букейханов. 1997.
- Мусульманские депутаты Государственной Думы 1906-1917. Уфа: Китап. 1998. С.10.
- Нурпеисов К. Алаш һәм Алаш-Орда. Алматы: Ататек, 1995. 178 б.;
- Омарбеков Т. Актуальные проблемы истории Казахстана в XX веке. Алматы: 2003, 552 с.
- Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1278. Оп. 1. Д. 36.
- РГИА. Ф. 1278. Оп.1. Д. 803.
- Рыскулов Т. Избранные труды.-Алма-Ата: Казахстан.: 1984. 259 с.
- Тогжанов Г. О Байтурсынове и байтурсыновщине. Алма-Ата.: Казкрайиздат, 1932. 186с.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГАРК). Ф.4. Оп.1. Д. 2262.
- ЦГАРК. Ф.4. Оп.1. Д. 4082.
- ЦГАРК. Ф.17. Оп.1. Д.7. .
- ЦГАРК. Ф.18. Оп.1. Д.13.
- ЦГАРК. Ф.25. Оп.1. Д.467.
- ЦГАРК. Ф.322. Оп.1. Д.14.
- ЦГАРК. Ф. Р.1380. Оп.2. Д.21.
- ЦГАРК. Ф. Р.1380. Оп.2. Д.48.

References:

- Alash-Orda. Sbornik dokumentov. Sost. Martynenko N. Alma-Ata: Aykap, 1992. 192 s.
- Amanzholova D. Na izlome. Alash v etnopoliticheskoy istorii Kazakhstana. Almaty.: 2009. 412 s.
- Bisembiyev B. Ocherki istorii obshchestvenno-politicheskoy i filosofskoy mysli Kazakhstana. Alma-Ata.: Kazakhstan, 1976. 428 s.
- Braynin S. Shafiro SH. Ocherki po istorii Alash-Ordy. Alma-Ata.: Kazkrayizdat, 1935. 149 s.
- Vasil'yev A. Istoricheskiy ocherk russkogo obrazovaniya v Turgayskoy oblasti i sovremennoye yego sostoyaniye. Orenburg: izdaniye Turgayskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. 1896. 226 s.
- GARF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii). F. 1701. Op. 1. D. 6a. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. 1906. sessiya I.

- Gosudarstvennaya Duma, Vtoroy sozyv. Zhurnaly zasedaniy. Zasedaniye 14. Spb.1907.
- Kadiralina J. Alimhan Ermekov. Almaty.: 2012. 320 s.
- Koyseldnev M. Alaş kozğalı. Almaty.: Sanat, 1994.
- Koyseldnev M. Qazaq demokratıyalıq intellıgensıyasınıc 1905-1917 jıldardağı qoğamdıq-sayası kızımeti. Tarıx ǵılımdarınıc doktori ǵılımp dırejesin alw ыshın dayındalǵan dıssertatsıya. Almaty. 1994.
- Mamrayeva A. Obshchestvenno-politicheskoye razvitiye Kazakhstana KHKH veka i A. Bukeykhanov. 1997.
- Musul'manskiye deputaty Gosudarstvennoy Dumy 1906-1917. -Ufa: Kitap, 1998. S.10.
- Nurpınsov K. Alaş hım Alaş-Orda. Almaty.: Atatek, 1995. 178 b.
- Omarbekov T. Aktual'nyye problemy istorii Kazakhstana v KHKH veke. Almaty.: 2003. 552s.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (dale RGIA) F. 1278. Op. 1. D. 36.
- RGIA. F. 1278. Op. 1. D. 803.
- Ryskulov T. Izbrannyye trudy. -Alma-Ata: Kazakhstan.-1984.-259 s.
- Togzhanov G. O Baytursynove i baytursynovshchine. Alma-Ata.: Kazkrayizdat, 1932. 186 s.
- Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan (dale TSGARK) F. 4. Op.1. D. 2262.
- TSGARK. F. 4. Op. 1. D. 4082.
- TSGARK. F. 17. Op. 1. D. 7. .
- TSGARK. F. 18. Op. 1. D. 13.
- TSGARK. F. 25. Op. 1. D. 467.
- TSGARK. F. 322. Op. 1. D. 14.
- TSGARK. F. R.1380. Op.2. D.21.
- TSGARK. F. R.1380. Op.2. D.48.

**ХАЛЫҚТАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ
ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
POPULATION ISSUES**

МРНТИ 03.61.91

**ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ РОДОВ, НЕ ВХОДЯЩИХ В ЖУЗЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Орынбаева Гүлмира Усенбаевна

к.и.н., заведующий Отделом этнологии и антропологии
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: orinbaevag@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению казахских родов, которые в традиционный период истории народа являлись субэтнотами, то есть имели отличия в культуре, обрядовой жизни и особый социальный статус. Статья написана на материалах Западно-Казахстанской области. Поэтому в основном описаны такие родовые группы, как кожа, толенгут, ногай-казах и каракалпак. Используются полевые материалы: данные интервью с местными краеведами, научно-популярные местные издания по теме, материалы периодической печати. Добытые материалы сопоставлены с данными современной исторической науки. В статье прослежена история появления этих родовых групп среди казахского населения, их вхождение в состав народа и превращение из субэтнической группы в казахский род.

Ключевые слова. Этногенез, казахи, шежире, родословная, кожа, толенгуты, ногай-казахи, каракалпаки.

ҒТАХР 03.61.91

**ЖҮЗГЕ КІРМЕЙТІН ҚАЗАҚ РУЛАРЫ ТАРИХЫНАН
(БАТЫС ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША)**

Орынбаева Гүлмира Усенбайқызы

т.ғ.к., Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Этнология және антропология бөлімінің меңгерушісі,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: orinbaevag@mail.ru

Аңдатпа. Мақала халық тарихының дәстүрлі даму кезеңінде мәдени дамуында, әдет-ғұрыптық өмірінде субэтнос ретінде өзіндік ерекшеліктері мен әлеуметтік мәртебеге ие болған қазақ руларын зерттеуге арналған. Мақала Батыс Қазақстан облысының материалдары негізінде жазылған. Сондықтан, негізінен қожа, төленгіт, ногай-қазақ және каракалпак сияқты ру тайпалары сипатталады. Мақалада келесідей далалық материалдар пайдаланылды: жергілікті өлкетанушылармен сұхбат мәліметтері, тақырып бойынша ғылыми-танымал жергілікті басылымдар, мерзімді баспасөз материалдары. Алынған материалдар қазіргі тарих ғылымының деректерімен салыстырылды. Мақалада қазақ халқының арасында осы рулық топтардың пайда болу тарихы, олардың халық құрамына кіруі және субэтникалық топтан қазақ руына айналуы көрсетілген.

Кілт сөздер: Этногенез, қазақтар, рулар, Бөкей ордасы, қожалар, төленгіттер, ногай-қазақтар, каракалпақтар, Батыс Қазақстан облысы.

IRSTI 03.61.91

**FROM THE HISTORY OF KAZAKH CLANS NOT INCLUDED IN THE ZHUZES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE WEST KAZAKHSTAN REGION)**

Gulmira Orynbayeva

candidate of historical science, Head of the Ethnology and Anthropology
Department of the Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov,
Almaty, Kazakhstan E-mail: orinbaevag@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of Kazakh clans, which in the traditional period of the history of the people were subethnoses, that is, had differences in culture, ritual life and special social status. The article is written on the materials of the West Kazakhstan region. So basically described such as generic groups, such as Kozha, Tolengut, Nogai-Kazakh and Karakalpak. Field materials were used: interviews with local historians, popular scientific publications on the topic, materials of periodicals. The extracted materials are compared with the data of modern historical science. The article traces the history of the emergence of these tribal groups among the Kazakh population, their entry into the people and transformation from a sub-ethnic group into the Kazakh clan.

Key words: Ethnogenesis, Kazaks, Bokey Horde, Kozha, Tolenguts, Nogai-Kazaks, Karakalpaks, West Kazakhstan region.

Введение. Одной из малоизученных тем в истории нашего Отечества является происхождение родов, не входящих в три казахских жуза. Среди казахов многих из них называют *кірме рулар*, то есть «пришлые роды». Имеются разрозненные попытки со стороны, в основном, краеведов-любителей в тех регионах страны, где компактно проживают те или иные представители этих родов, осветить историю появления и дальнейшего существования, роли в истории казахского народа этих родов: торе, кожа, толенгут, сунак, кыргыз, ногай, естек, катаган, шалаказак, курама и др. В связи с неисследованностью проблемы возникает немало обывательских предположений и домыслов об их происхождении, статусе среди остального казахского населения в традиционный период, вплоть до вопросов о принадлежности их к казахскому этносу, которые возникают и в наши дни. На сегодняшний день Институт истории и этнологии имени Ч. Валиханова ведет исследовательскую работу по изучению данной темы в рамках проекта «История и культура Великой Степи», разрабатываемой рядом казахстанских научно-исследовательских институтов исторического профиля.

Как известно, в Западно-Казахстанской области, в основном, проживают казахи Младшего жуза, преимущественно племени Байулы, состоящего из 12 прародителей-*ата*. Особенность родоплеменного состава местного казахского населения заключается в наличии указанных довольно распространенных родов, которые не входят ни в Младший, ни в какой другой казахский жуз. В данном регионе из исследуемых родов преимущественно проживают торе, кожа, толенгут и ногай-казак. Встречаются в небольшом количестве каракалпаки, переселившиеся в качестве служилых людей из состава татарского этноса, и сарты, приехавшие на ярмарки купцы из Средней Азии, оставшиеся среди кочевого местного населения.

Статья имеет цель изучить на основе местных материалов и известных научных исследований историю кожи, толенгутов, ногай-казахов, калпаков и др., т.е. не входящих в жузы родов, населяющих изучаемый регион. Исходя из выявленных источников, попытаемся проследить историю этих родов от их появления на территории Казахстана до сегодняшнего дня. В ходе изучения уделено внимание таким вопросам, как: при каких обстоятельствах произошло включение их в казахский этнос, каков был статус в казахском обществе каждого из рассматриваемых родов и как он менялся, являются ли эти роды субэтническими и этнографическими группами.

Материалы и методы. Настоящая статья написана на основе полевых материалов – сведений местных старожил, краеведов, носителей информации – сказаний, народных и семейных преданий. Местные краеведы, зачастую представители

изучаемых родов, стремятся самостоятельно проводить исследования, выдвигают гипотезы, изучают научную литературу, сопоставляя ее с народной «устной историологией». В настоящей статье в качестве источников использованы также труды, монографии и статьи западноказахстанских краеведов, как профессиональных ученых-историков, так и исследователей-энтузиастов.

При исследовании были использованы общенаучные и специальные исторические методы: анализ, синтез, а также историко-ретроспективный, историко-системный методы – выявленные в источниках факты были рассмотрены в исторической ретроспективе, в системном порядке. Кроме того, использован сравнительно-сопоставительный метод – полевые материалы – устные рассказы и местная историко-этнографическая научно-популярная литература – сопоставлены с достижениями современной, в основном, казахстанской и российской науки в области изучения темы родов, которые не входят в жузовую структуру казахского народа. Из источников использована работа А.М. Харузина «Казахи Букеевской орды», которая является наиболее подробным источником по нашей теме – родов-кірме Западно-Казахстанской области (Харузин, 1889). Кроме труда А.М. Харузина, по истории народа под названием каракалпак использованы сведения Т. Сафиева, общественного деятеля начала прошлого века («Дұрыстық жолы», 1919).

Особая осторожность, на наш взгляд, необходима при употреблении терминов, характеризующих изучаемые нами родовые группы. На сегодняшний день все перечисленные группы называют себя *ру*, то есть род, подразумевая себя как часть, входящую в родовую структуру казахского этноса. Все они в большинстве своем не имеют, подчеркнем, на сегодняшний день никаких отличительных признаков в культуре, а самое главное, обладают вполне определенной этнической идентичностью, то есть относят себя к казахскому народу. Ряд авторов, как российских, так и казахстанских, называют эти роды субэтносами, субэтническими либо этнографическими группами. Однако, современные жители Казахстана – кожа, туленгуты, ногай-казахи и, в целом, калпаки являются по сути обычными казахами, говорят на понятном для всех казахов казахском языке, считают себя казахами, не имеют каких-либо культурных отличий и таким образом не могут быть названы субэтносами.

Но следует отметить, что в традиционный период действительно эти группы имели особые, как этнические, так и социально-культурные черты, которые дают основание называть их субэтносами. Направление «Формирование субэтнических групп на территории Казахстана в Новое время» крупного научно-исследовательского проекта «История и культура Великой степи» рассматривает преимущественно историю указанных родов, не входящих в жузы, в XVIII – начале XX в., когда они действительно являлись субэтническими и этнографическими группами. То есть данное исследовательское направление, в силу очерченных хронологических рамок, должно опираться на метод ретроспективного анализа и принцип историзма и учитывать прежнее состояние этих родовых групп.

Методологические основы исследований, посвященных проблемам сложения этноса, как известно, в основном, базируются на теориях примордиализма, конструктивизма и инструментализма. С нашей точки зрения, уже сам факт вхождения в казахский этнос некогда иноэтничных элементов несколько дискредитирует примордиалистский подход. Таким образом, с нашей точки зрения, история сложения казахского народа больше указывает на близость к истине двух других методологических систем.

Обсуждение. В советское время историю казахских родов, как известно, не изучали. Это считалось проявлением казахского национализма и отсталого родового сознания. Передовой советский казах должен был забыть свое родовое происхождение, а национальное сознание ставить ниже общесоветского, – советский космополитизм приветствовался всячески. После обретения независимости Казахстаном уже беспрепятственно начинается изучение казахских родословных, происхождение родов, бурное развитие получает как профессиональная, так и любительская история и этнография больших и малых регионов.

При работе над темой предлагаемой вниманию читателя статьи были использованы

исследования И.В. Ерофеевой, этнографов З. Ибадуллаевой, Б. Смагулова (также одного из участников указанного научного проекта), Р. Ишмухамедова, В. Викторина и др., посвященные изучению данных родов.

Сведения о генеалогической группе кожа и толенгут, имеющиеся в дореволюционных российских источниках, выявлены и тщательно изучены Б.К. Смагуловым (Смагулов, 2019). Исследователи из г. Астрахани Р. Ишмухамедов и В. Викторин уделили внимание изучению истории «служилых» родов Букеевской орды, таких как ногай-казахи, толенгуты и каракалпаки, называя их в своих работах пришлыми служилыми группами. По словам В. Викторина, в население Букеевской орды вливались инородные этнические группы, постепенно перенявшие язык, культуру и образ жизни и, таким образом, превратившиеся в казахские роды (Викторин, 2015: 29). По мнению российских исследователей, возвышение ногай-казахов и каракалпаков (этнической группы казанско-татарского и мишарского происхождения), произошло в результате стремления букейординских ханов перенять татарские и ногайские традиции в образовании и хозяйствовании. Изначально эти группы являлись этносоциальными образованиями, на сегодняшний же день, по мнению Р. Ишмухамбетова, они являются субэтническими единицами среди казахов, так как сохраняют память и традиции. Потомки ногайцев в наши дни известны под именем ногай-казахов и карагаш-ногаев. Потомков татар, оказавшихся волею судьбы среди букеевских казахов-байулинцев, называют каракалпаками либо калпаками (Ишмухамбетов, 2016; Ишмухамбетов, 2017а; Ишмухамбетов, 2017b: 19).

Далее, при разборе в отдельности каждой родовой группы, также будут рассмотрены концепции вышеуказанных авторов в отношении описываемых нами родов и сопоставлены с выявленными нами материалами: устными сведениями, легендами и преданиями, публикациями западноказахстанских краеведов и этнографов.

Результаты. Кожа. По данным уральских краеведов, западноказахстанские кожа причисляют себя к подразделению Сейит кожа, – сейидам, проживавшим в районе Туркестана, которые ведут свое происхождение от Хусейна, сына Фатимы. Сейит-кожа являются элитарной группой среди остальных кожа, так как считаются прямыми потомками пророка Мухаммеда (Ибадуллаева, 2015: 34–35; Ерофеева, 2001:23). Родословные кожа можно встретить на сайте «Qojalar.kz – Тарих. Таным. Тағылым» (Qojalar), о существовании которого подсказали местные уральские краеведы. К слову, подобные сайты, социальные группы и другие современные способы консолидации родовых общин в Казахстане являются интересными объектами для исследования этнологами и социальными антропологами.

Казахи понятием кожа обозначали просвещенного человека, обладающего магическими способностями (Алпысбес, 2013: 197). Кожа жили вкраплениями, отдельными семьями либо небольшими группами семей в кочевьях казахских родов в различных регионах Степи, но при этом оставались вне традиционной генеалогической структуры трех жузов (Востров, Муқанов, 1968: 246; Ерофеева, 2001: 25). По данным историка И.В. Ерофеевой, отдельные семьи сайид-кожа, возможно, в Приуральских степях проживали уже в XVI–XVII вв. (Ерофеева, 2001: 27). Социально-правовой статус кожа в казахских кочевьях Внутренней орды отличался от статуса кожа в других регионах Казахской степи. В 20–30-х гг. XIX в. кожа здесь оформились в относительно сплоченную и влиятельную как в экономическом, так и в политическом отношении сословно-клановую группу со своими правами и интересами (Ерофеева, 2001: 32).

По данным З. Ибадуллаевой, букейординские кожа даже считали себя сословием, стоящим по статусу выше чингизидов, при этом не отличаясь богатством. Хан Жангир покровительствовал им, кожа были обложены облегченным подворным налогом в виде зякета и согыма. Управлявший после смерти Жангир хана Временный совет лишил их налоговых льгот, но все же вплоть до установления советской власти кожа все так же считались прослойкой с особым статусом (Ибадуллаева, 2015: 62). По данным А.М. Харузина, в конце XIX в. в Букеевской орде было около 500 домов кожа или около 2750 человек. Он указывает, что они имели три отделения: Мурза-Ходжа, Туе-Ходжа и Кедей-Ходжа (Мырза кожа, Төре кожа, Кедей кожа – Г.О.), последнее отделение считалось самым почетным. Кожа, также по его сведениям, в Букеевской орде жили

разбросанно, но преимущественно группировались близ Ханской Ставки (Харузин, 1889: 30).

По сведениям же современных уральских кожа, на западе Казахстана проживают представители генеалогических линий кожа, такие как Мырза кожа, Кедей кожа, Назар кожа, Ак кожа и Кара кожа (Полевые материалы автора (ПМА) – Ықсаңғали). Самым знаменитым бием Внутренней орды является Караул ходжа Бабаджанов, отец ученого-просветителя и этнографа Мухаммеда-Салыка Бабаджанова. Хан Жангир объединил их в один род и во главе его поставил своего приближенного Караул ходжу. Происхождение Караул ходжи Бабаджанова является следующим: Мухаммед кожа, его сын Мырза кожа, его сын Бабажан кожа, его сын Караул кожа (Нұрмұханов – Қојалағ). Родоначальник этой генеалогической линии Мухаммад кожа являлся племянником авторитетного в Степи суфийского шейха, который из г. Туркестан перекочевал в земли казахов Младшего жуза вместе с ханом Абулхайром в конце первой четверти XVIII в. (Ерофеева, 2001: 19). По данным И.В. Ерофеевой, в середине XIX в. потомков Мухаммеда кожа по линии Мырза кожа, одного из его шести сыновей, насчитывалось уже 128 человек (Ерофеева, 2001: 20).

По сведениям жителя г. Уральска С. Ықсанғали, однажды, а это происходило в XVII в., два брата Назар-кожа и Кедей-кожа поссорившись с сородичами, решили двинуться на территорию Западного Казахстана (ПМА – Ықсаңғали). Они были из династии Сабулт, прародителем которой являлся Шайкы Бузырык Сеит (Сафулин, 2018: 158). Назар кожа направился в район Мангыстау, где обосновался среди племени адай и распространял ислам среди местных родов (ПМА – Ықсаңғали, 2019). Здесь он женился на единственной дочери бия Альмамбета Жайыкулы по имени Икай (Сафулин, 2018: 158). После смерти бия вылечил Икай от болезни молоком газелей. После этого Назар кожа получил прозвище «киік сауған қожа» – «кожа, доящий газелей». Родившуюся у них дочь Жанию они выдали замуж за сына Жанала по имени Мырзагул. Их сын Мендыкул с детства рос у родителей своей матери, то есть в семье Назар кожа, со временем став хафизом. Повзрослев, Мендыкул вынужден был больше заниматься воинским делом, бороться с врагами своего народа. Благим делом стало его приобщение к духовной деятельности своего младшего брата – Бекета. Бекета уже в детстве стали в народе называть мальчиком-прорицателем, так как он в ходе войн давал батырам наставления относительно времени вступления в бой и др. (Сафулин, 2018: 158).

Каждый казахский род имел своих кожа, то есть лиц из этого рода, которые занимались религиозной деятельностью, просветительством и другими, присущими для этой этносоциальной группы, занятиями. Потомки Назар кожа считались кожа рода адай (Адай кожалары – Қојалағ). Мать Бекета ата была из рода Назар кожа. Святость к Бекету ата перешла по материнской линии, от его нагашы, то есть от Назар кожа (ПМА – Сафулин). А Кедей-кожа пошел еще дальше на север Прикаспия и обосновался на территории современной Западно-Казахстанской области, среди местных казахов Младшего жуза. Они были суфиями, и основной целью новоприбывших было распространение исламского учения, мусульманское просветительство. Внуком Кедей кожа являлся знаменитый в крае Матен (Мәтен) кожа, который обладал сверхъестественными, целительными способностями и был признан святым. Его могила находится в Кызылкогинском районе соседней Атырауской области и до наших дней является местом поклонения. На кулпытасе имеется надпись, указывающая, что он был воздвигнут внуком Матен кожа и сыном Кылыш кожа по имени Айса. Недалеко от этого захоронения существует место под названием Атаның майы, то есть «масло отца». Здесь было совершен обряд омовения над телом покойного Матен кожа и с тех пор на этом месте выделяется маслянистая порода, которой лечили различные кожные заболевания, слепоту и т.д. (ПМА – Куттымуратулы).

У Матен кожа было пятеро сыновей. Таким образом, западноказахстанские потомки Кедей кожа считают себя родственной группой с представителями этого рода из Атырау, произошедшими от Назар кожа (ПМА – Ықсаңғали). Большой интерес представляют различные предания, легенды из истории казахских родов, рассказанные информаторами. Так, С. Ықсанғали поведал нам народный рассказ из жизни Матен

кожа. У святого было пятеро сыновей, из них от отца святость перешла только к одному из них, к Кылыш кожа. Перед смертью Матен кожа обратился к сыновьям: кто из вас мог бы возместить мои долги? Из пятерых сыновей откликнулся Кылыш кожа, сказав, что предоставит 50 кобылиц для возмещения долга отца и получил взамен бата – благословение от отца. В результате, целительные способности от отца перешли к сыну, к Кылыш кожа. Матен кожа родился в 1739-м и умер в 1802 году в возрасте пророка Мухаммеда. На месте могилы Матен кожа был воздвигнут мазар, около которого стала сочиться черная маслянистая жидкость. Этой жидкостью лечились кожные заболевания, слепота, психические болезни. Захоронение Кылыш кожа так же имеет сакральное значение (ПМА – Ыксанғали).

По преданиям, потомки Назар кожа, которых прозвали кииксауган кожа, проживали на территории области в районах, приграничных с Атырауской областью (ПМА – Сафулин). Краевед Н. Сафулин приводит народные рассказы, согласно которым представители этой ветви рода кожа строили в этих местах подземные мечети в меловых породах наподобие мечети Бекет ата, а также в памяти народа сохранились места захоронения аулие (святых) из этого рода, ставшие местами поклонения (Сафулин, 2018: 157). До сих пор в народе ходят легенды о святости киик сауған кожа (т.е. «кожа, доящие газелей»), обладании ими сверхъестественных способностей, умения предсказывать будущее

В советское время представители этого рода скрывали свое происхождение, так как боялись возможных обвинений в пропаганде родового сознания, национализме, нападков со стороны воинствующих атеистов и т.д. (Сафулин: 2018: 158). До сих пор существует в простонародье поверье о чудодейственных способностях людей из рода кожа. Также, представители этого рода считают себя обязанными вести праведный образ жизни, соблюдать предписания ислама. Таким же образом воспитывал своих сыновей С. Ыксанғали, точно так же когда-то внушала и ему самому мать, призывая к отказу от спиртного и благочестивому поведению.

В работе этнографа З. Ибадуллаевой кожа показаны субэтнической группой в составе казахского этноса, имеющей некоторые этнокультурные особенности, отличия в самосознании, в обычаях и обрядах жизненного цикла (Ибадуллаева, 2015: 70). Однако, на сегодняшний день уже сложно утверждать, что эта родовая группа имеет какие-либо отличительные признаки и является субэтносом. На сегодняшний день все кожа придерживаются схожих со всеми остальными казахами обычаев и традиций, эндогамия уже, по крайней мере среди уральских кожа, не соблюдается.

Толенгуты. Толенгуты встречаются во всех регионах Казахстана, кроме того, их можно встретить и в Китае, Монголии, Узбекистане, Кыргызстане, Каракалпакстане и на Алтае. Существует выражение «сиырдың бөтекесіндей төленгіттер/ рассеянные по разным местам толенгуты» (буквально: «как коровьи почки»), то есть, толенгуты никогда не проживали компактно, как многие другие казахские роды (Кенжеғалиев, Әліпқали, 2004: 3).

До сих пор неизвестно происхождение слова «толенгут». Одна из версий – төленді күт, т.е. «жди выкуп за себя» (ПМА – Қалауов, 2019). То есть, согласно этому мнению, толенгуты – это ожидающие своего освобождения пленники, вынужденные служить у ханов и султанов. Однако, по версии жителя г. Уральск, писателя Тихона Алипкалиева, изучающего историю толенгутов, они были в основном представителями низших слоев общества, и поэтому ждали плату за свое освобождение из плена было делом делом безнадежным (ПМА – Алипкалиев, 2019). Еще одно толкование слова толенгут – «төреңді күт», т.е. «обхаживай своего торе», его мы встречаем в известной работе А.М. Харузина, посвященной истории Букеевской орды (Харузин, 1889: 33). Происхождение термина толенгут алтайский писатель И. Тенгерекоев ведет от названия этноса теленгит. По его мнению, изложенному в публицистическом исследовании, казахские ханы и султаны использовали пленных теленгитов в качестве военных служилых людей (Тенгерекоев, 2001: 37; Тенгерекоев, 2015). Аксакал толенгутов Уральска, подсказавший автору статьи ознакомиться с этой книгой, писатель-краевед Т. Алипкалиев считает достоверной именно эту версию происхождения слова. Вполне возможно, что изначально пленные этнические теленгиты выполняли функции личных

служилых людей при ханах, и имя этноса впоследствии перешло на название всей данной социальной прослойки казахского общества.

Существуют старинные шежире, которые происхождение толенгутов связывают с древним племенем уйсунь. Якобы у человека по имени Уйсунь был сын по имени Толенгут, который женился на дочери китайского вельможи Ля рунь. От этого союза произошли четыре ветви толенгутов: торе-толенгут, калмак-толенгут, монгол-толенгут и еще одна, неизвестная. Ученый-историк и этнограф Х. Маданов, который сам происходил из западноказахстанских толенгутов, приводит встречающуюся среди толенгутов версию, утверждающую, что толенгуты как род сформировались еще при Чингизхане, а также то, что основателем рода в стародавние времена являлся прародитель по имени Мерген (Маданов, 1993: 164–165).

По общему сложившемуся мнению, толенгуты в качестве служилых людей появились в эпоху ханства. При казахских ханах сложился институт толенгутства, и толенгуты составляли особую социальную прослойку казахского общества. Толенгуты встречаются также среди узбеков, кыргызов и каракалпаков. Согласно сказаниям, в XVIII веке толенгуты были выделены в особый отдельный род специальным указанием Абылай хана. Также при этом казахском предводителе сложился уран – клич толенгутов «Орақ-орақ», а также танба-клеймо в виде кочерги (көсеу) (Ахметов и др., 2006: 5–6).

Авторы одного из шежире, изданных в г. Уральске, описывают в числе других родов Младшего жуза родословные кожа, ногай-казахов и толенгутов. Они пишут, что в Букеевской орде кожа и толенгуты появились позднее, чем в других регионах. Если в 1801 г. ногай-казахов, по данным этого шежире, в списках населения не значилось, кожа и толенгутов было по 10 домов, то в 1812 г. ногай-казахов уже было 500 домов, кожа и толенгутов – по 100. Букей, рассчитывая на поддержку ногай-казахов, даровал им земли между озерами Эльтон и Торгун, между урочищем Жаскус и песками Дуйсе. Хан выделил им, как своим приближенным, лучшие земли – от Орды до Волги. Толенгутов же хан не пожелал располагать вблизи себя, так как уже им не доверял. Поэтому они оказались на отдаленных от Ставки землях Уялы и Ашшиозек (Мұхамбетқалиев и др., 2002: 253–254).

Так же считают и российские исследователи: в начале XIX в. институт толенгутов исчерпал свою полезность, так как произошло слияние их с общей массой казахов, в результате чего они уже не могли выполнять эффективно полицейские функции и быть, таким образом, опорой ханской власти. По мнению Р. Ишмухамбетова, историческое прошлое различных государств показывает немало примеров, когда власти прилагали усилия к привлечению иноэтничных элементов для осуществления силовых функций, привлечения подданных к повиновению. Как считает автор, именно такие функции осуществляли изначально толенгуты, а затем, после их слияния с народной массой, их стали исполнять ногай-казахи и каракалпаки. Астраханский историк подчеркивает, что усиление роли этих групп при Джангир хане было связано с новым, протатарским, вектором развития Внутренней орды (Ишмухамбетов, 2017а: 43–45).

Однако, современные уральские представители этого рода не согласны с выводом, что толенгуты в свое время потеряли доверие букеевских ханов. По их мнению, предоставление в пользование отдаленных земель – еще не доказательство недоверия хана Букея к толенгутам. Также, указывают они, в источниках есть свидетельства тому, что толенгуты продолжали верно служить хану и выполнять свои служебные обязанности (Кенжеғалиев М., Әліпқали, 2004: 5–6).

Казахские толенгуты сложились как из пленных чужеземцев, так и из представителей различных казахских родов. В частности, уялы толенгіт называют себя потомками казахского рода аргын Среднего жуза. Толенгутов, сформированных в северо-западных землях в основном из калмаков и народов Кавказа, бежавших от злоупотреблений царских чиновников, российской колонизаторской политики, женили, как сообщил один из информаторов, на казахских девушках, их потомки ассимилировались и считались казахами (ПМА – Ыксангали). Толенгуты в зависимости от способностей и удачливости исполняли различные обязанности: сборщиков

закета, согума, исполнители судебных решений, личных поручений, курьеров, слуг и др. Согласно сведениям А. Харузина, толенгуты подразделяются на семь подродов: Төре, Қалма, Ұялы, Дуан, Тораңқұл, Астаусалған, Сасықтау-қойқын. По данным же некоторых преданий, этот род состоит из четырех ветвей – Төре, Қалмақ, Қытай, Моңғол (Ахметов и др., 2006: 6).

Төре төлеңгіт компактно проживают в районе озер Далбын и Унгысын современного Бокейординского района Западно-Казахстанской области. Некоторые высказывают предположение, что торе толенгиты, якобы, это обедневшие торе, превратившиеся в толенгитов. Однако, по мнению Т. Алипкалиева, это явно ошибочное мнение, так как в отечественной художественной литературе есть свидетельства, что даже совершенно обнищавшие чингизиды неизменно всегда отличались величавостью (ПМА – Алипкалиев).

Как уже было указано, ұялы төлеңгіт в соответствии с родовыми преданиями называют себя потомками рода аргын. В 1801 г., когда султан Букей с подданными перекочевал в Нарынқум, его сопровождали самые верные воины – толенгуты из аргынов Кекіл и Жаңғак. Также по данным родословий, всего с Букеем в перекочевке участвовали десять толенгутских семей. Чтобы батыры не вздумали возвращаться в земли Среднего жуза, Букей предоставил им наиболее плодородные земли. Так, Кокил получил удобную для кочевания местность Уялы, а Жангаку была дарованы местности Ащыозек и Кольтабан. Так, букеевских толенгутов делят на потомков Кокиля и Жангака. Потомков Кокиля со временем прозвали толенгутами из Уялы – ұялы төлеңгіт. Впоследствии к ним присоединялись люди из других родов (Әліпқали, 2007: 159–160).

Дуан толенгуты, согласно также преданиям, прибыли в земли Младшего жуза из Алтая (Мұхамбетқалиев и др., 2002: 267). Предок этой ветви букеевских толенгутов после смерти Абулхаир хана являлся ахуним-имамом и казием при хане Нуралы. После переселения Букея с подданными в междуречье Волги и Урала дуан толенгуты получили в пользование пески Кориққум (Көрікқұм). Этот род, согласно родословным-преданиям, тоже пользовался покровительством букеевских ханов и из него вышло немало авторитетных степных деятелей (Ахметов и др., 2006: 50).

Род қалмақ төлеңгіті, согласно народным преданиям, появился следующим образом. В Анырақайском сражении ханом Абулхаиром были взяты в плен шестеро детей известного ему калмакского бека ханских кровей из племени торгоут, которых он сделал своими личными толенгутами. Он наделил их землей и чингизидской тамгой в виде дверной ручки, – остальные толенгуты имеют другую тамгу. Шесть калмаков-толентугов верой и правдой служили Абулхайру до конца его дней, а затем перешли на службу его сыну, Нуралы хану. В дальнейшем, калмак-толентугы последуют за сыном Нуралы Бокеем, основавшим ханство в междуречье Волги и Урала. Букей выделит им земли в районе озера Камыс Самар. Впоследствии эта местность станет известна как «аул калмақ толентугов». В трех километрах от аула находится кладбище «Жаркем», в котором от 1810-го до 1925-го года хоронили всех калмақ толентугов (Ахметов и др., 2006: 31–32). В целом, в ходе войны с джунгарами в плен к казахам попало немало количество людей, которых использовали в хозяйстве, в службе. Пленных калмычек казахская знать брала в жены. Как шутил калмыцкий писатель Д. Кугультинов, к крови каждого живущего на протяжении последних десяти поколений казаха примешана калмыцкая кровь (Кенжеғалиев М., Әліпқали, 2004: 5, 43).

Сасықтау-қойқын толентугы занимали низовья Волги. Этот род тоже считает себя потомками аргынов. Согласно преданиям, авторитетный бий аргынов Бақы би со своими храбрцами-воинами во время казахско-джунгарских войн присоединился к дружине хана Младшего жуза Абулхайра. Затем оставшиеся среди них в живых женились на девушках ханских кровей и так и остались среди казахов Младшего жуза. Их потомки также верой и правдой служили ханской династии, считались самыми преданными нукерами. Часть из них перешла вместе с Бокей ханом через Урал, им была пожалована земля в южной части ханства. Пятеро преданных нукеров Бокей хана использовали тамгу чингизидов, то есть рода торе, и поэтому получают название торе-толентугов (Мұхамбетқалиев и др., 2002: 267).

Есть еще одно подразделение казахских толенгутов с интересным преданием о происхождении под названием кытай толенгут. На самом деле, согласно преданию, они ведут свое родословие от племени уйсун. Выше эта легенда была приведена в изложении Хамита Маданова. Сын одного из уйсунских предводителей по имени Жансакал женился на дочери китайского вельможи по имени Ля Рунь. Их потомков прозовут кытай-толенгутами. Китай толенгутов можно встретить среди разных народов Средней Азии: узбеков, кыргызов, каракалпаков и среди казахов Арки, Алтая и Талдыкоргана (Мұхамбетқалиев и др., 2002: 270).

После упразднения ханской власти в Букеевской орде отпала необходимость в личной дружине и толенгуты стали вести образ жизни обычных казахов. Известно, что одна из групп толенгутов обитала на правом берегу реки Малый Узень, на юге гранича с родом алаша, а через реку Малый Узень с родом байбакты (Востров, Муканов, 1968: 264).

Наши информаторы отмечают, что до сих пор представители рода толенгут отличаются крупным телосложением. По всей видимости, ханы производили отбор среди подвластного населения, и в этой группе оказывались физически сильные люди. Толенгутов чаще можно встретить в Жанибекском районе области (ПМА – Курумбаев, 2019). Харузин в свое время характеризовал туленгутов как людей более скромных по сравнению с казахами других родов (Харузин, 1889: 33). Наш информатор Тихон ага считает, что и в наши дни толенгутам обычно свойственно дружелюбие, неприхотливость и т.д. Из рода толенгут произошли такие выдающиеся личности в истории нашей страны, как репрессированный сталинизмом политический деятель Сейиткали Мендешев, дирижер Шамгон Кажгалиев, композитор, сочинитель кюев Дина Нурпеисова.

Ногай-казак. Одним из родов, не входящих в жузы, являются ногай-казахи. Проживают они в основном в Жанибекском, Ординском и Казталовском районах Западно-Казахстанской области. Между казахским и ногайским этносами существует, как указал ногайский ученый-этнолог Р.Х. Керейтов, тесная генетическая связь, на это очевидный факт указывает общность культуры, языка и традиций. Два народа формировались в одной географической среде и почти в одно и то же время (Керейтов, 2009: 118). Название этноса исследователи обычно связывают с именем золотордынского наместника Ногайя. Как известно, в постмонгольский период Западный Казахстан входил в состав Ногайской Орды, родоплеменной состав населения которых был практически идентичен, как и других государственных объединений, отколовшихся от Золотой Орды (Керейтов, 2009: 36). В 50-е гг. XVI в. тюркские роды из Ногайской Орды массово переходили в Казахское ханство, причем, по мнению Р.Х. Керейтова, уже как представители ногайского этноса. Население восточной части Ногайской Орды постепенно растворилось в казахском народе (Керейтов, 2009: 118–119).

Однако, сами представители ногай-казахского рода зачастую не согласны с такой версией своего происхождения, считая ногай-казахов независимо от кавказских ногайцев самостоятельно сформировавшейся родовой группой, осколком населения некогда существовавшей Ногайской Орды (Ықсаңғали, 2008: 11). А.М. Харузин писал, что среди некоторых ногайцев упорно держится мнение об их автохтонном происхождении, что еще до прихода казахов из-за Урала они проживали на территории данного междуречья (Харузин, 1889: 34). Надо сказать, что такое мнение среди современных ногай-казахов широко распространено. Не раз местные жители говорили нам о том, что ногаи на территории Западного Казахстана не являются пришлым населением. В ходе экспедиции все встреченные автором ногай-казахи утверждали, что они являются издавна казахским родом, не имеющим никаких отличий ни в культуре, ни в самосознании, и протестовали против того, чтобы их называли субэтнической группой. По их версии, после вхождения этой территории в состав Казахского ханства ногаи влились в состав его населения, и, превратившись в отдельный казахский род, продолжают свою генеалогию до наших дней.

Согласно утверждению местного краеведа С. Ықсанғали, основанного на изучении народных преданий и научных исследований, проживавшие на Кубани ногайцы были вынуждены искать убежища в чужих краях из-за действий русской армии под

руководством известного полководца А.В. Суворова во время русско-турецкой войны. Так, часть ногайцев была принята чеченским народом на территории Дагестана, в то же время одна из частей перешла Волгу и оказалась в Оренбуржье. Эта последняя группа ногайского этноса и стала впоследствии «крме» в казахском Младшем жузе. В народе о казахских ногаях частенько говорят: «сбежавшие из Сакмара» (р. Сакмар протекает севернее современного г. Оренбурга). Дело в том, что кочевавшие на реке Сакмар в XVIII в. ногаи подняли мятеж против притеснений местного колониального аппарата, пытавшегося обратить их в христианство и рекрутировать в солдаты, и в результате вынуждены были откочевать.

Под предводительством Дойнашбатыра в количестве 25 семей (по другим сведениям 100 семей (Викторин, 2015: 29) они перешли реку Урал и влились в сильный казахский род *беріш* (Бқсанғали, 2008: 11). Кроме Дойнаша, прозвище которого было Уйсын, откочевкой руководили Бокей (Косын), Сыгай (Кияс) и Козей (Кулак), предварительно договорившись с ханом Букеем о вхождении их в его владения (Хайретдинов, 2009: 9). С тех пор ногай-казахи состоят из четырех отделений: Уйсын, Қояс, Қазанқұлақ и Қостанбалы. До наших дней дошли народные песни, рассказывающие о принятии ханом Букеем под свое покровительство ногаев в целях усиления мощи своего народа и противостояния внешним врагам. Произошло это примерно в 1750 г., по утверждению автора книги А. Уалиева. В Букеевской орде хан ногайскому населению определил земли на территории современного Жанибекского и Казталовского районов, пески Аймекен, Кызыл шали, Мешит кум, Каргалы, Каратокай. Эти песчаные местности до сих пор именуются как «пять ногайских песков» (Уалиев, 2003: 8–10). Ногаи занимали северо-западную оконечность песков Нарын, к западу от озера Аралсор (Востров, Муканов, 1968: 246).

В период правления Букея во Внутренней орде ногай-казахи превратились в сильный, многочисленный род, уступая по численности лишь родам черкеш, жаппас и адай. В правление же Жангир хана ногай-казахи стали одним из самых сильных и богатых родов, оплотом ханской власти в Букеевской орде. В 1829 г. в Букеевской орде насчитывалось 500 ногайских дворов (Викторин, 2015: 30). По предположению А.М. Харузина, группа ногайских семей, перешедших вместе с Букеем за Урал, постоянно пополнялась местным ногайским населением, которое уже на тот момент жило на этой территории, так как их число, судя по имеющимся данным, очень быстро росло. Уже во времена Харузина ногаи считались казахским родом, хотя казахи других родов полушутя называли их пришельцами (Харузин, 1889: 35–36).

А в середине XIX в. ногаи еще не воспринимались как казахский род, считались в казахской среде отдельным народом. Харузин считал ногаев и каракалпаков новым антропологическим элементом (Харузин, 1889: 41). Известно, что 1889 г. в Орде было уже 2000 дворов ногаев. По данным советской переписи населения 1926 г. во всем Уральском округе насчитывалось уже 5696 дворов (Викторин, 2015: 30). С давних времен считалось, что этот род имеет самых красивых девушек. Существует предание, что отец Исатая Тайманова специально ездил с друзьями к ногай-казахам посмотреть на красивых девушек, и в результате умыкнул приглянувшуюся ему девушку – будущую мать батыра, предводителя антиханского крупного восстания (Уалиев, 2003: 10).

По утверждению российского исследователя Р. Ишмухамедова, потомки «кундровских татар», под таким именем были известны в тогдашней России ногаи, как и туленгуты, выполняли при дворе букеевских ханов служебные функции. Однако, в сравнении с туленгутами, ногай-казахи пользовались большим покровительством и доверием хана Жангира. Вместе с султанами они владели третью всех земель ханства. Во время восстания Исатая Тайманова они стали единственной опорой хана, защитив его совместно с оренбургскими казаками от действий восставших. Р. Ишмухамедов высказывает интересную мысль, что наиболее преданными властителем служивыми являются чужеземцы, не имеющие никаких связывающих уз с подвластным населением. Появившись сравнительно недавно в казахской среде, ногаи были использованы букеевскими ханами в качестве военной силы для приведения в повиновение собственных подданных. Туленгуты же со временем интегрировались в казахское общество и поэтому, слившись с остальным народом, не проявили себя как

социальная группа, призванная защищать интересы ханской власти (Ишмухамбетов, 2016: 40–41).

В первые десятилетия советской власти, под влиянием гражданской войны, конфискаций, коллективизации, голода и репрессий, значительная часть ногай-казахов оказалась за пределами Казахстана – на территории Российской Федерации, где и проживает по сей день (Уалиев, 2003: 14). По мнению автора «Ногай-қазақ шежіресі», Младший казахский жуз должен состоять не только из двенадцати родов Байулы, шести родов Алимұлы и семи Жетыру, но и из не входящих в них ногай-казахов, торе, кожа, толенгитов и других, проживающих на территории Западного Казахстана и считающих себя родами Младшего жуза. Всего, считает А. Уалиев, в составе Младшего жуза должно быть 33 родовых подразделений (Уалиев, 2003: 14). Интересны описания А.М. Харузиным отличительных черт ногай-казахов: более высокий рост, расторопность, хозяйственность, трудолюбие, предприимчивость, наличие в речи татарских слов. В те времена ногай-казахи еще имели отличительные черты в одежде. Там, где была возможность, они занимались хлебопашеством (Харузин, 1889: 37).

Ногай-казахи, в настоящее время компактно проживающие в области, например, близ села Хан Ордасы, до наших дней сохранили некоторые родовые обычаи. К примеру, на традиционном надгробном сооружении в виде четырехугольной стены («төртқұлақ»), в отличие от других казахов, ногай-казахи на четырех углах не возводят «ушки» – «құлақ» (ПМА Курумбаев, 2019). Ногайцы, проживающие в Таскалинском районе, также в свое время, в 1920-е годы, в ходе переписи населения, были записаны татарами. Себя они называют ногай-татарами. Карагаши, живущие в районе села Хан ордасы имеют европеоидный облик, жители же села Сайхин – карагаши, обладают монголоидными чертами лица. На надгробных памятниках они указывают свой род как «карагаш» (ПМА Курумбаев, 2019).

Пришедшие в Букеевскую орду кобан ногайлары (ногайцы из Кубани) среди казахов получили прозвище «балташы» («владеющие топором» – Г.О.), так как являлись искусными деревообработчиками. По словам уральского краеведа и этнографа А. Курумбаева, их потомки до сих пор отличаются талантами в области прикладного искусства и художественного творчества, к примеру, мастерски изготавливают домбры, занимаются изобразительным искусством и т.д. Кроме того, ногай-казахи среди западных казахстанцев сльвут умелыми бахчеводами (ПМА – Курумбаев, 2019). Ногайцы несколько повлияли на язык казахов-букеевцев. Немало слов перешло из языка пришедших в орду ногаевцев в казахский язык, и эти слова до сих пор в употреблении. В частности, на старшую женщину говорят «тәтәй-апа», хлеб называют «өтпек», колесо – «тегершік», и другие, отсутствующие в казахском языке слова. Скорее всего, ногайскому этносу букеевские казахи обязаны распространением такого особого детского головного убора «кәләпәш», предназначенного для правильного формирования черепа. Шапочку кроили по типу шлема, обычно из ткани белого либо красного цвета (ПМА Курумбаев, 2019).

В Западно-Казахстанской области сохранились святые места, связанные с историей ногаев в регионе. Близ поселка Хан Ордасы есть захоронение двух братьев-святых родом из ногаев: Саги хазрета и Сулеймана хазрета. При жизни старший Саги лечил скот от заболеваний, младший же, Сулейман, занимался лечением людей (ПМА – Курумбаев, 2019). Имя Сулеймана хазрета Соқыранұлы более известно, он один из религиозных просветителей Букеевской Орды, им была отслужена жаназа – мусульманская панихида по покойному хану Жангиру (Энциклопедия, 2011: 268). Уральские этнографы Ж. Ерназаров и А. Курумбаев рассказали забавную историю об одной из своих экспедиционных поездок на этот мазар. Обычно к такого рода захоронениям в народе относятся с большим почтением, и, поэтому, существует поверье, что к мазару нельзя ставить машину задней частью. Водителем же в этой поездке оказался человек материалистических взглядов, скептически настроенный ко всякого рода суевериям, и поэтому, проигнорировав общее требование, поставил машину так, как ему показалось удобным. По окончании исследовательских работ на бейте, когда уже нужно было ехать в обратный путь, совершенно новая машина с полугодовой эксплуатацией вдруг отказалась заводиться. В салоне наступила гробовая

тишина, а вконец мокрый от пота и раскрасневшийся водитель трясущимися руками все-таки сумел завести машину.

Каракалпаки (калпаки). В букейординских степях проживали также и каракалпаки – этнографическая группа, о которой имеются исследования в области, но почти ничего не известно в других регионах страны. Как ногай-казахи, так и каракалпаки компактно проживают в западной части Западно-Казахстанской области, а также в Саратовской и Волгоградской областях.

История становления этой этнографической группы имеет свои особенности. В. Викторин каракалпаков подразделяет на уральских и астраханских. Уральские каракалпаки являются выходцами из Бугульмы, Бугуруслана, Бузулука и Белебея, этническими казанскими татарами. Многие из них были бежавшими в Орду солдатами-дезертирами в эпоху правления российского императора Павла I, в самом конце XVIII в. (Викторин, 2015: 31). По народным рассказам, беглые солдаты – будущие калпаки – якобы видели вещий сон о том, что им следует остаться среди казахов в Букеевской орде (ПМА – Курумбаев, 2019). Астраханские каракалпаки также считаются потомками дезертиров, но уже не казахских татар, а пензенских мишарей. Их название произошло от головного убора – черных заостренных шапок. Поэтому их стали называть каракалпаками либо просто калпаками. В 1817 г. это название было официально утверждено. В 1827 г. каракалпаки испытали на себе ханскую немилость и были изгнаны из Букеевской орды в Астраханский и Саратовский уезд. Затем, 1942 г. были приняты ханом обратно. Уже в те времена они называли себя родом, происшедшим от татар. Среди каракалпаков существовало несколько территориальных групп: это таргинские, баскунчакские и сарбастинские каракалпаки. Последние проживают на территории Жанибекского и Казталовского районов области. В ходе переписи 1926 г. около 845 человек отнесли себя к каракалпакскому народу как к этносу. В настоящий момент каракалпаки компактно проживают в Казталовском районе Западно-Казахстанской области, а также в отдельных местностях Астраханской, Волгоградской и Саратовской области РФ. В отличие от ногай-казахов, толенгутов, каракалпаков можно назвать этнографической группой среди казахов. Каракалпаки считают себя казахами, одним из казахских родов, однако при этом сохранили татарский язык, хотя казахский язык тоже считают своим родным языком (Викторин, 2015: 31–32).

Сведения о каракалпаках, записанных со слов старцев, оставил нам известный в Уральском регионе общественный деятель Тамимдар Сафиев, который сам был родом из них. Так, в письме, написанном им между 1916 и 1920 гг., каракалпаков он указывает как один из казахских родов, населявших Букеевскую орду. По данным Т. Сафиева, где-то в конце 1820-х и начале 1930-х гг. 4 каракалпакские семьи, проживавших среди рода конрат в Средней Азии, прибыли во владения хана Жангира. Хан новоприбывшим подданным выделил землю недалеко от соленого озера Баскунчак, по берегам озер Торгай и Сары басык. Постепенно каракалпаки превратились в населявший целое селение народ, занимались преимущественно соляным промыслом. В каракалпакские селения сбегались дезертиры из числа татар и башкир, которые тоже именовали себя каракалпаками. Однажды часть каракалпаков по приказу Астраханского губернатора была переселена в местность Талопке, которая сейчас известна как Казталовка. Переселившимся каракалпакам была выделена небольшая территория на границе с Самарской губернией. Они были очень бедны и жаловались на притеснения со стороны соседствующих народов. Здесь они жили вперемежку с такими родами, как толенгут, ысык, бериш, едильбай. Совместно с русскими крестьянами каракалпаки обрабатывали землю, работали пастухами у баев, летом нанимались к самарским русским богачам для выполнения различных работ. Как вспоминает Т. Сафиев, среди каракалпаков немало было ловких конокрадов, известных барымтачей (Дүрыстык жолы, 2016:238–239).

Российские же исследователи считают, что каракалпаки – это дезертировавшие из российской армии мишари и оренбургские татары и бежавшие в букеевские степи, где они маскировались при участии хана Джангира под настоящих каракалпаков из Средней Азии. Каракалпаки имели с ногай-казахами общую тамгу, что, по мнению Р. Ишмухамбетова, подтверждает факт принятия их в число служилых групп. Татары

при ханах выполняли обязанности писарей, духовных служителей, обучали детей (Ишмухамбетов, 2017b: 22–23).

Харузин сообщает, что в современный ему период калпаки, в отличие от ногай-казахов, находились на другом уровне слияния с казахским народом. То есть имели свои отличительные черты, характеризующие их как особый народ. При этом Харузин предполагает, что калпаков ждет участь ногаев, то есть они также станут частью казахского народа (Харузин, 1889: 41). Калпаки имеют отличия в своем облике, обычно бывают «сары» – бледнолицыми, светловолосыми и светлоглазыми. В Казталовском районе области калпаки в свое время, в первые годы советской власти, в графе «национальность» были записаны татарами, остальные букеевские калпаки официально стали являться казахами (ПМА Курумбаев, 2019).

В Западно-Казахстанской области также имеется казахский род сарт, образовавшийся в результате функционирования в Букеевской орде ярмарок. Приезжавшие из Средней Азии купцы, которых в простонародье называли сартами, нередко подолгу жили при ярмарках и так и остались навсегда среди казахского населения (ПМА – Курумбаев, 2019).

Заключение. Таким образом, на материалах Западно-Казахстанской области изучена история некоторых казахских родовых групп, не входящих в структуру казахских жузов, таких как кожа, толенгуты, ногай-казахи и калпаки. Большинство из этих родовых групп появились и сложились в качестве субэтносов в результате особенностей внутренней политической жизни Букеевской орды. В основном, при изначальном появлении среди казахского населения эти этнические группы выполняли особую социальную роль – как обычно толенгуты при казахских ханах и султанах, ногаи и калпаки так же являлись личной гвардией букейординского хана. Кожа были востребованы в Букеевской орде в качестве религиозных деятелей, так как хан Жангир проявлял особую приверженность исламу и стремился насаждать глубокую религиозность среди населения. Кожа, считавшиеся потомками арабских миссионеров, выполняли роль духовных наставников и просветителей. То есть, каждая из этих групп имела в казахском традиционном обществе особый социальный статус и первоначально воспринимались как представители иного этноса. Однако постепенно, в разной степени интенсивности, происходило их включение в состав казахского народа посредством заключения браков, культурного вовлечения и т.д. И, таким образом, в течение XIX в. этносоциальные группы стали восприниматься автохтонным населением, а также они и сами себя считать, в качестве казахского рода – составной части казахского этноса. Уже в годы установления советской власти указанные роды были официально причислены к казахскому народу, что так же сыграло важную роль в закреплении их идентичности.

Известно, что казахский народ изначально представлял собой конгломерат народностей и племен различного происхождения, впоследствии структурировавшихся в три жуза. Возможно, некоторые из родов (ногаи, калпаки и др.) не входят в состав жузов по причине более позднего их появления среди казахов, уже после сложения жузовой системы. Другие же, такие как торе, кожа, толенгуты, изначально существовали среди казахского этноса как особые социальные слои, поэтому, думается, интеграция их в жузы не происходила. В рассмотренных нами трудах большинство авторов называют эти роды субэтническими либо этнографическими группами в составе казахского этноса. На наш взгляд, конечно же, в традиционный период их существования среди казахов они таковыми являлись, так как сохраняли свои некоторые этнографические и этносоциальные черты. Однако, по всей видимости, из-за схожести культур, а впоследствии и воздействия советской модернизации они утратили свои особенности и на сегодняшний день субэтническими группами не являются.

Статья написана в рамках выполнения научно-технической программы BR05233709 «История и культура Великой степи».

Литература

- Адай қожалары // <https://kozhalar.kz/20163451-adaj-qozhalary>
Алпысбес М. Шежіре казахов: источники и традиции. – Астана, ИП «BG-Print», 2013. – 240 с.
- Ахметов К.Ф., Тоқсанов Б., Атаев А.Қ. Бөкейлік төленгіттер. Орал, 2006. 64 б.
- Әліпқали Т. Ағайындар ішінен шыққан ақтанкер // Шамғон шыны. Орал: Полиграфсервис, 2007. 176 б.
- Бөкей Орда ауданы. Энциклопедия. Алматы: Арыс, 2011. 384 б.
- Викторин В. Бөкей Ордасына көшіп келген рулар // Danakaz. 2015. № 4. 29 – 32 бб.
- Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.
- «Дұрыстық жолы» газеті, 1919 ж. (ғылыми-танымдық жинақ). Құрастырған Ж. Сафулин. Орал, 2016.
- Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII – XIX вв. (история, историография, источники). Алматы: ТОО «Print-S», 2001. 178 с.
- Ибадуллаева З.Ө. Қазақ халқының құрамындағы қожалар (тарихи-этнографиялық зерттеу). Алматы: Эверо, 2015. 176 б.
- Ишмухамбетов Р.В. Восстание Исатая Тайманова 1836 – 1838 гг. во Внутренней (Букеевской) Орде казахов и служилые группы ее населения // The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2016. № 4 (49). С. 39 – 47.
- Ишмухамбетов Р.В. Туленгуты в Букеевской Орде казахов. (нач. XX – нач. XX вв.) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 34 (2). С. 40 – 48.
- Ишмухамбетов Р.В. Феномен пришлых служилых групп в Букеевской Орде казахов (начало XIX – начало XX века) // The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2017. № 3 (52). С. 19 – 29.
- Кенжеғалиев М., Әліпқали Т. Төленгіттер тарихынан тәбәрік: Деректі тарихи публицистика. Орал, 2004. 176 б.
- Керейитов Р.Х. Ногайцы: особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь: Сервисшкола, 2009. 468 с.
- Маданов Х. Кіші жүз шежіресі. Алматы: Атамұра – Қазақстан, 1993. 168 б.
- Мұхамбетқалиев С., Ахметов К., Ғабдуллин Х. Байұлы мен Жетіру және Төре, Төленгіт, Ноғай-қазақ шежірелері. Орал, 2002. 290 б.
- Нурмуханов Ж. Қарауыл кожа Бабажанов. 28.07.2016 // <http://kozhalar.kz/20162816-qagaauyl-qozha-babazhanov>
- Полевые материалы автора (далее ПМА) – 2019. Западно-Казахстанская область. Алипқалиев Тихон – писатель-краевед, из рода толенгіт.
- ПМА – 2019. Западно-Казахстанская область. Курумбаев Айболат – историк-краевед.
- ПМА – 2019. Западно-Казахстанская область. Сафуллин Нуртас – журналист-краевед.
- ПМА – 2019. Западно-Казахстанская область. Ыхсанғали Серик – журналист, из рода кожа.
- Сафуллин Н. Егіндікөлдегі әзірет Әлі ұрпақтары // Сафуллин Н. Тұған жер тарихы. Орал, 2018. 153 – 159 бб.
- Смагулов Б.К. Изучение некоторых субэтнических и генеалогических групп казахов в дореволюционной российской историографии (XVIII – начало XX вв.) // Отан тарихы. 2019. № 2. С. 16–35.
- Смагулов Б.К. Генеалогическая группа «қожа» в этническом составе казахов в XVIII – XX в. // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 2 (18). URL: <http://edu.e-history.kz/kz/publications/view/1190>.
- Смагулов Б., Тылахметова А. Туленгуты в этническом составе казахов (XVIII – начало XX в.) // Отан тарихы. 2019. № 3. С. 146–158.
- Тенгерекоев И.С. Теленгеты: историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск: Уч-Сумер, 2001. 41 с. <https://ekniga.org/istoriya/158035-telengety.html>
- Тенгерекоев И.С. Теленгеты и Аблайхан. Горно-Алтайск: Полиграфика, 2015. 38 с. <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/325967-1-telengeti-ablayhan-gorno-altaysk-2015-isbn-5->

9209-0046-7-oblozhka-zasluzhenniy-hudozhnik-tebekov-valeriy-gerasimovich.php
 Уәлиев А. Ноғай-қазақ шежіресі. Орал, 2003. 54 б.
 Хайретдинов Л. Берішпен қонсы қонған // Орал өңірі. 2009. 9 сәуір. 9 б.
 Харузин А.М. Киргизы Букеевской орды. (Антрополого-этнологический очерк). М., 1889. 550+LX+16 с.
 Ықсаңғали С. Түбі бір туыстар // Орал өңірі. 2008. 14 тамыз. 11 б.
 Qojalar.kz – Тарих. Таным. Тағылым // https://kozhalar.kz/?Itemid=56&catid=11%3Acuttyktau&id=123%3AAsuinshi&option=com_content&view=article

References

- Adaj qozhalary // <https://kozhalar.kz/20163451-adaj-qozhalary> [In Kazakh].
 Ahmetov K.G., Toqsanov B., Ataev A.Q. Bokejlik tolengitter. Oral, 2006. 64 b. [In Kazakh].
 Alpysbes M. Shezhire kazahov: istochniki i tradicii. Astana, IP «BG-Print», 2013. 240 s. [In Russian].
 Alipqali T. Agajyндar ishinen shyqqan aqtanker // Shamfon shyny. Oral: Poligrafservis, 2007. 176 b. [In Kazakh].
 Bokej Orda audany. Enciklopedija. Almaty: Arys, 2011. 384 b. [In Kazakh].
 Viktorin V. Bokej Ordasyна koship kelgen rular // Danakaz. 2015. № 4. 29 – 32 bb. [In Kazakh].
 Vostrov V.V., Mukanov M.S. Rodoplemennoj sostav i rasselenie kazahov (konec XIX – nachalo XX v.). Alma-Ata: Nauka, 1968. 256 s. [In Russian].
 «Durystyq zholы» gazeti, 1919 zh. (gylymi-tanymdyq zhinaq). Qurastyrgan Zh. Safulin. Oral, 2016. [In Kazakh].
 Erofeeva I.V. Rodoslovnye kazahskih hanov i kozha XVIII – XIX vv. (istorija, istoriografija, istochniki). Almaty: TOO «Print-S», 2001. 178 c. [In Russian].
 Ibadullaeva Z.O. Qazaq halqynyn quramyndagy kozhalar (tarihi-jetnografijalyq zertteu). Almaty: Jevero, 2015. 176 b. [In Kazakh].
 Ishmuhambetov R.V. Vosstanie Isataja Tajmanova 1836 – 1838 gg. vo Vnutrennej (Bukeevskoj) Orde kazahov i sluzhilye gruppy ee naselenija // The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2016. № 4 (49). S. 39–47. [In Russian].
 Ishmuhambetov R.V. Tulenguty v Bukeevskoj Orde kazahov. (nach. XX – nach. XX vv.) // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2017. № 34 (2). S. 40–48. [In Russian].
 Ishmuhambetov R.V. Fenomen prishlyh sluzhilyh grupp v Bukeevskoj Orde kazahov (nachalo XIX – nachalo XX veka) // The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2017. № 3 (52). S. 19–29. [In Russian].
 Kerejitov R.H. Nogajcy: osobennosti jetnicheskoj istorii i bytovoј kul'tury. Stavropol': Servisshkola, 2009. 468 s. [In Russian].
 Kenzhegaliev M., Əlipqali T. Tolengitter tarihyнан tabarik: Derekti tarihi publicistika. Oral, 2004. 176 b. [In Kazakh].
 Madanov H. Kishi zhuz shezhiresi. Almaty: Atamura – Qazaqstan, 1993. 168 b. [In Kazakh].
 Muhambetqaliev S., Ahmetov K., Gabdullin H. Bajuly men Zhetiru zhane Tore, Tolengit, Nogaj-qazaq shezhireleri. Oral, 2002. 290 b. [In Kazakh].
 Nurmuhanov Zh. Qaraуyl qozha Babazhanov. 28.07.2016 // <http://kozhalar.kz/20162816-qaraуyl-qozha-babazhanov> [In Kazakh].
 Polevyye materialy avtora (daleye PMA) (Author Field Materials) – 2019. Zapadno-Kazakhstanskaya oblast. Alipkaliyev Tikhon – pisatel-krayeved iz roda tolengit.
 PMA (Author Field Materials) – 2019. Zapadno-Kazakhstanskaya oblast. Kurumbayev Aybolat – istorik-krayeved.
 PMA (Author Field Materials) – 2019. Zapadno-Kazakhstanskaya oblast. Safullin Nurtas – zhurnalist-krayeved.
 PMA (Author Field Materials) – 2019. Zapadno-Kazakhstanskaya oblast. Iksangali Serik – zhurnalist iz roda kozha.
 Safullin N. Egindikoldegi aziret Əli urpaqtary // Safullin N. Tugan zher tarihy. Oral, 2018. 153 159 bb. [In Kazakh].

Smagulov B.K. Izuchenie nekotorykh subjethnicheskikh i genealogicheskikh grupp kazahov v dorevoljucionnoj rossijskoj istoriografii (XVIII – nachalo XX vv.) // Otan tarihy. 2019. № 2. S. 16-35. [In Russian].

Smagulov B.K. Genealogicheskaja gruppа «közha» v jetnicheskom sostave kazahov v XVIII – XX v. // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz». 2019. № 2 (18). URL: <http://edu.e-history.kz/kz/publications/view/1190>. [In Russian].

Smagulov B., Tylahmetova A. Tulenguty v jetnicheskom sostave kazahov (XVIII – nachale XX v.) // Otan tarihy. 2019. № 3. S. 146-158. [In Russian].

Tengerekov I.S. Telengety: istoriko-jetnograficheskij ocherk. Gorno-Altajsk: Uch-Sumer, 2001. 41 s. <https://ekniga.org/istoriya/158035-telengety.html> [In Russian].

Tengerekov I.S. Telengety i Ablajhan. Gorno-Altajsk: Poligrafika, 2015. 38 s. <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/325967-1-telengeti-ablayhan-gorno-altajsk-2015-isbn-5-9209-0046-7-oblozhka-zasluzhenniy-hudozhnik-tebekov-valeriy-gerasimovich.php> [In Russian].

Ualiev A. Nogaj-qazaq shezhiresi. Oral, 2003. 54 b. [In Kazakh].

Hajretdinov L. Berishpen qonsy qongan // Oral oniri. 2009. 9 sauir. 9 b. [In Kazakh].

Haruzin A.M. Kirgizy Bukeevskoj ordy. (Antropologo-jetnologicheskij ocherk). M., 1889. 550+LX+16 c. [In Russian].

Iqsangali S. Tubi bir tuystar // Oral oniri. 2008. 14 tamyz. 11 b. [In Kazakh].

Qojalar.kz – Tarih. Tanyim. Tagylym // https://kozhal.kz/?Itemid=56&catid=11%3Akuttyktau&id=123%3AAsuinshi&option=com_content&view=article [In Kazakh].

ҒТАХР 39 (575.1)

СУБЭТНОС – ҚҰРАМА ХАЛҚЫНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ТАРИХЫ МЕН ЭТНОГРАФИЯСЫНДАҒЫ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕР

Қалшабаева Бибизия Кенжебекқызы

Т.ғ.д., профессор м.а. Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Қазақстан Алматы қаласы, kalshabaeva_b@mail.ru

Түйіндеме. Мақала субэтнос-құрама халқының этникалық тарихы мен этнографиясына қатысты кейбір мәселелерге арналған. Автор кіріспеде алдымен, субэтнос терминінің ұғымы жөніндегі теориялық-әдіснамалық талдауларға назар аударады. Негізгі бөлімде құрама халқының - субэтнос ретіндегі этникалық тарихы талданады. Құрама халқы негізінен бүгінде Өзбекстан республикасы аймағында мекендейтін халықтың тобын құрайды. Кезінде негізінен қазақтың ру-тайпалық бірлігінен құралған бұл субэтникалық топ бүгінде өздерін тек өзбек халқының құрамдас бір бөлігі ретінде санайды. Мақалада автор құрама халқының шығу тегіне қатысты жарық көрген зерттеулермен автордың өзі далалық этнографиялық экспедиция нәтижесінде жинаған материалдарын салыстыра отырып, тұжырымдамалар жасайды. Сондай ақ, автор құрама халқы жөнінде жазған өзбек ғалымдары мен құрамадан шыққан зерттеушілердің пікірлері мен қолжазбаларындағы, еңбектеріндегі мәліметтерді де орынды пайдалана білген. Мақалада этникалық тарихынан басқа қоныстану тарихы, орналасуы, саны және этнографиялық ерекшеліктеріне назар аударады. Олардың этнографиясындағы қазақ және өзбек халқына ұқсас жақтары талданады. Сондай ақ, олардың ХІХ ғ. ІІ жартысы мен ХХ ғ. бас кезеңіндегі сандық құрамы да басқа да жергілікті халықтармен салыстырыла қарастырылған.

Кілт сөздер: Ангрэн, Ахангаран, құрама, ру-тайпа, жалайыр, телеу, қаңлы, қазақ, өзбек.

МРНТИ 39 (575.1)

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
СУБЭТНОСА – НАРОДА КУРАМА**

Калшабаева Бибизия Кенжебековна

Д.и.н., и.о. профессора, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби,
Казахстан Алматы, email: kalshabaeva@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена некоторым проблемам этнической истории и этнографии субэтноса - народности курама. Во введении автор прежде всего акцентирует внимание на теоретико-методологическом анализе концепции субэтноса. В основном разделе статьи автор пытается проанализировать этническую историю народности курама как субэтноса. В данное время народность курама составляет одну из групп, проживающих в основном в Республике Узбекистан. Эта субэтническая группа, в свое время сформировавшаяся из родово-племенной единицы казахского народа, теперь считает себя неотъемлемой частью узбекской нации. В статье автор, сравнивая опубликованные исследования и собранные в полевой этнографической экспедиции собственные материалы, делает выводы о происхождении народности курама. Автор также уместно использовал информацию, приведенную в рукописях и трудах узбекских ученых и исследователей, представителей курама, которые писали о своем народе. В статье, помимо этнической истории, рассматриваются вопросы истории поселения, расселения, численности и этнографические особенности субэтноса. Анализируются сходные элементы этнографии казахского и узбекского народа. Также проводится сравнительный анализ численности и соотношения курама с коренными жителями во второй половине XIX в. - начале XX в.

Ключевые слова. Ангрэн, Ахангаран, курама, род-племя, жалайыр, телеу, канглы, казах, узбек.

IRSTI 39 (575.1)

**SOME PROBLEMS OF ETHNIC HISTORY AND ETHNOGRAPHY
OF THE KURAMA PEOPLE**

Kalshabayeva Bibiziya

Doctor of historical science, professor, al-Farabi KazNU,
Kazakhstan, Almaty, email: kalshabaeva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to some problems of ethnic history and ethnography of the subethnic - Kurama people. In the introduction, the author first of all focuses on theoretical and methodological analysis of the concept of subethnos. In the main section of the article, the author attempts to analyse the ethnic history of the Kurama people as a subethnos. At present, the Kurama people constitute one of the groups living mainly in the Republic of Uzbekistan. This subethnic group, once formed from the ancestral unit of the Kazakh people, now considers itself an integral part of the Uzbek nation. In the article, the author, comparing published research and his own materials collected in the field ethnographic expedition, draws conclusions about the origin of the Kurama people. The author also appropriately used the information given in manuscripts and works of Uzbek scientists and researchers, representatives of the Kurama, who wrote about their people. The article, in addition to ethnic history, addresses issues of settlement history, numbers and ethnographic features of subethnos. Similar elements of ethnography of Kazakhs and Uzbeks are analyzed. A comparative analysis of the number and ratio of Kurama with indigenous people in the second half of XIX and early XX century is also carried out.

Key words: Angren, Ahangaran, Kurama, tribe, jalayir, teleu, kangly, Kazakh, Uzbek.

Кіріспе. Қазақ халқының құрамындағы субэтнос мәселелеріне тоқталмас бұрын ең алдымен «субэтнос» ұғымының терминологиялық-анықтамалық мәнін ашып алу керек.

Этнос адамзаттың этникалық құрылымында маңызды орын алады. Бұл құрылымның күрделілігі сонда, басқа да этникалық құрылымдардың пайда болуымен байланысты. Субэтнос дегеніміз - (латынша sub - ішкі (астында) + грекше ethnos – халық) бұл халықтың бір бөлегі белгілі бір территорияда орныққан және сонымен бірге мәдени-лингвистикалық ерекшелігімен бірге жалпы этникалық өзіндік сана элементтеріне ие болған халықты айтады. Субэтникалық топтарда негізгі этникалық қауымға қарағанда этникалық ерекше қасиеттер аз қарқындылықпен көрінеді. Субэтнос этнос ішінде өзінің құрамдас мүшелерінің өзара толықтырылуына негізделген стереотипімен ерекшеленеді (Тавадов, 2016:116). Әдетте олардың өмір сүруі топтық ерекшелігінің не мәдениетінің сол не басқа компоненттерін түйсінуімен байланысты.

Субэтностың өзіндік ерекшелігі оның шығу тегімен байланысты. Кей жағдайда олар біртіндеп негізгі этникалық бірлігін жоғалтқан бұрынғы этностар, енді бірде басқалармен бір қауымда екендігін мойындайтын этникалық топтар, үшіншіден, өзіндік мәдениет белгілері бар (мәселен казактар) әлеуметтік қауым. Субэтностың арасында нәсілдік топтар негізінде құрылғандар да бар. Оған солтүстік америка ұлты ретінде қарастыруға болатын американдық негрлерін айтуға болады. Субэтностар толық емес консолидацияның нәтижесінде (мысалы, мордва құрамындағы эрзя мен мокша) немесе сепарация нәтижесінде (бөліну), мысалы миграция жағдайында этностың бөлінуі (мысалы, орыс поморлары) жағдайларымен де байланысты болуы мүмкін. Оқшаулану шаруашылық іс-әрекетінің (поморларда), әлеуметтік статусының (казактар) өзгеруімен қатар жүруі мүмкін, сондай ақ, шаруашылық-мәдени, лингвистикалық не әкімшілік-территориалды жағынан бөлінуімен байланысты да пайда болатындығын өмір көрсетуде. Осыған байланысты субэтностар әртүрлі формада- белгілі бір территорияда өмір сүретін этнографиялық топ, сословия, конфессионалдық қауым, т.б. көрінеді. Дегенмен де олардың бөліну критерийлеріне барлық уақытта мінез-құлық ерекшелігі жатады және этникалық топтардың белгілі бір этникалық топқа қатынасын сақтау кезінде қоршаған ортаға аса ұқсамайтындығымен көзге түседі. Сонымен, этностың құрылымдық ұйымынан шығатын қорытынды, бір адам бір кезеңде әртүрлі деңгейдегі бірнеше этникалық қауымға кіреді. Мәселен, орыс (негізгі этникалық қауым), дон казагы (субэтнос) және славян (метаэтникалық қауым) өзін орысқа жатқызуы мүмкін (Қалшабаева, 2016:82). Сондықтан мақалада қарастырылып отырған құрама халқы да бір кездері қазақтың құрамындағы ру-тайпалардың жиынтығынан (кейбір деректерде әртүрлі ұлт өкілдерінен) тарихи себептерге байланысты құрама атауымен субэтносты құрады десек, бүгінде олардың барлығы дерлік өздерін өзбектің ішіндегі құрама – жалайыр, құрама-телеу, т.с.с. деп атайды. Сондай ақ, кейбір зерттеулерде және өзіміз ел арасынан жинаған далалық этнографиялық материалдарда ақпарат берушілер құрама халқы тек қазақ халқының ру-тайпалық құрамынан ғана құралмағандығын, басқа да тәжік, өзбек, т.с.с. халықтардан құралған құрама тобы бар екендігін айтады.

Материалдары мен әдістері. Мақаланы жазу барысында орыс патшалығы тұсындағы XVIII-XX ғғ. жарияланған еңбектер, Кеңес дәуірі мен кейінгі кезеңде шыққан зерттеулер басшылыққа алынды. Атап айтқанда, И.Г. Андреевтің, М.А. Терентьевтің «Материалы для статистики Туркестанского края», «Статистико-экономический очерк долины реки Ангрена», т.б. еңбектерден құрама халқының шығу тегі, қалыптасуы, саны, орналасуы жөнінде материалдар негізге алынды. Ақиқатында, құрамалардың этникалық тарихы, этнографиясы жөнінде жазылған зерттеулер жоқтың қасы деуге болады. Аталған халықтың бір бөлігі қазақ халқының құрамындағы субэтносты құрайды дегенімізбен де, негізінен Өзбекстан республикасында өмір сүретіндіктен және бүгінде жергілікті халықтармен әбден ассимиляцияға түсіп, өзінің этникалық өзіндік санасын да ұмытқандықтан, олар өздерін құрама-өзбекпіз деп атайды. Сондықтан сол елдегі зерттеушілердің өзі бүгінде оларды «өзбек» халқы ретінде қарастырады. Құрамалар жөнінде Файзиевтің «О родоплеменном составе узбеков-кураминцев конца XIX-начала XX в.» мақаласы, Ырматовтың «Ырматов, 2013» және т.б. еңбектеріндегі мәліметтер негізге алынды.

Аталған тақырыпты зерттеу этнология ғылымы саласындағы «этнос», «этникалық», «субэтнос» т.б. ұғымдар жөніндегі теориялық тұжырымдар мен концептуальды қағидаларға сүйендік. Қазақ құрамындағы субэтникалық топтардың этникалық тарихын талдауда олардың қалыптасуындағы негізгі факторларға назар аудару ғылыми объективизм принципін ұстануға мүмкіндік береді.

Зерттеу жалпы ғылыми тарихи принципке, жүйелілікке, салыстырмалы және экспериментальды талдауға негізделді. Сондай ақ, методологиялық арсеналда ғылыми-қолданбалы әдістер: этнодемографиялық және далалық этнографиялық зерттеулер нәтижелері негізге алынды. Мәселеге толық, кешенді талдау жүргізу үшін зерттеудің пәнаралық принциптерін пайдалану негізге алынады. Мәселен, тарихи-салыстырмалы әдіс құрама, қазақ, өзбек халықтарының этнографиялық ерекшеліктерін саралауға, субэтнос-құраманың қай халықтың құрамдас бөлігі екендігін ажыратуға мүмкіндік береді. Олардың қазіргі кезеңдегі этникалық даму үрдісін корреляциялық талдау негізінде ассимиляцияға түскені анықталды.

Талдау. *Құрамалардың этникалық тарихының кейбір мәселелері.* Құрама халқы негізінен Ташкент облысының оңтүстік шығысы бөлігіндегі Ахангаран аңғарындағы Ангрэн өзені бойында шоғырланған. Сонымен бірге, Әндіжан облысының кейбір қыстақтарында, ақпарат беруші А. Раззақовтың айтуынша құрамалар Жызак облысы Бахмал аумағында да мекендейді. Құрамалықтар (өзбекше – *qurama*; тура мағынасында құралған, жиналған деген ұғымды білдіреді) шығу тегі бойынша өзбек және қазақ тайпаларымен руларынан пайда болған, далалық отырықшылар болып табылатын, көшпелілер мен сарттардың мекендеу аймағын бөлетін, аралық аймақта өмір сүреді (Радлов.1989:604). Антропологиялық типі бойынша және тұрмысының кейбір ерекшелігіне қарай құрамалардың бір бөлігі қазақпен қырғызға ұқсастығы бар. Тілі өзбек тілінің құрама диалектісін тасымалдаушылар, бірақ мазмұны мен морфологиясы бойынша көбіне қазақ тіліне жақын, азырақ қырғыз тіліне жақындығы да білінеді, қазіргі кезеңде бұл диалекті тіпті жоғалған, тек Ташкент облысының Құрама және Шатқал жотасындағы қарияларда ғана сақталған.

Құрамалардың шығу тегіне байланысты XVIII-XX ғғ. зерттеушілер әртүрлі пікірді айтады. Солардың бірі И.Г. Андреев өзінің еңбегінде мынадай деректер келтіреді: «Жаңадан пайда болған бұл құрама халқы туралы ештеңе айта алмаймыз. Бір білетініміз ташкенттіктер, қашқарлықтар мен бұқаралықтар оларды «жаңа қауым» деп таниды. Осыған қарағанда олар басқа жерлерден ауа көшіп келгенге ұқсайды, кейбіреулерінің айтуынша, олардың қауымдастығы хиуалықтар мен қарақалпақтардан құралған, көпшілігі қашып келген қарақшылар деп санайды. Олар көбейе келе не әскері, не билеушісі жоқ, Бұқар қалаларын иемденіп алған. Сырдарияға құйып жатқан Шыршық өзенінің ар жағындағы Ангрэн аумағы Ташкент және Қоқан қаласымен шектесіп жатыр. Олардың саны он мың адамнан аспайды, малы да егістігі де жеткілікті. Қоқан бегінің қол астында Ташкент қаласынан 50 шақырым қашықтықта жатқан тоғыз қаласы бар, олар: 1) Пскент, онда сегіз жүз түтін; 2) Кереуші, бекініс есебіндегі қала; 3) Шарукия, Ходжент қаласының билігіне бағынады; 4) Боқа, онда мың түтін бар; 5) Мұратәлі; 6) Кирейт Баксу; 7) Қарақтай; 8) Қалай-мөр; 9) Пангас, - деп көрсетеді. Бұл қалаларда құрамалардың қыста тұратын баспаналары бар. Ал жаз уақытында олар егін егіп, мал ұстау үшін қала маңына көшеді, өздерінің қалаларына жеткілікті түрде күшті күзет қояды. Бұлар да қырғыздар (қазақтар) сияқты асау халық. Бұқар керуендеріне үнемі зияндарын тигізіп келеді. Шығу тегі беріден, осы ғасырдан басталады. Мұхаммед пайғамбар заңын ұстанады. Осыдан елу жыл бұрын олар онша көп емес еді. Қазір олар қуаттанып алғаны сондай - қытайлар да, қырғыз-қайсақтар да және оларға жақын тұратын жабайы қырғыздар да оларға шапқыншылық жасай алмайды», - деп жазды (Андреев, 1796 :18.). Бұл жерде автор оларды басқа жақтан ауып көшіп келген этникалық қауым ретінде қараса, жергілікті халықтардың құрамаларды хиуалықтар мен қарақалпақтар не қашқындар деп санайтындығын айта келіп, бұл халықтың шығу тегіне қатысты нақты деректерді көрсете алмаған, тек олардың орналасқан жерлері мен қалаларын, мінез-құлық сипаты жөнінде ғана мәліметтерді келтіреді.

Құрама халқының шығу тегі жөнінде М.А. Терентьев өз еңбегінде: «Қырғыз» (қазақ) халқы 600 жыл бұрын Ангрэн аңғарына төмен түсіп, көшпелі өмір салтын тастап

отырықшылыққа көшті. Себебі, олар жердің есепсіз тиімділігін, иеленген жердің таусылмайтын құнарлылығын білді. Отырықшылыққа айналып, хутор түрінде емес, тұтас село болып орналасқан олар біртіндеп өздерінің рулық шежіресін ұмытып, қазір жалпы «құрама» атауын алып отыр. Көшпеліліктен айрықшыландығын отырықшылық өмірдің өз заңы бар. Енді өздерінің үлгісін, бұл жерде көршілермен сауда және отбасылық қатынастарды қалыптастыруын айту керек, сондықтан, әрине бұрынғы көшпелі өзінің физиономиясын жоғалтып, отырықшы көршілерден кейбір нәрселерді алады. Міне, сондықтан құрамалар қырғызға да сартқа да ұқсас, немесе оған да басқаға да ұқсамайды. Бұндай өзіндік ерекшелік, типтің айқын еместігі өтпелі жағдайда болуы азаматтық құрылыс пен дамудың келесі сатысында екендігін білдіреді, бұл құрамаларға ерекше халық деп санауға құқық береді, тіпті ол жабайы қырғыз не баба сарт еместігін мақтан тұтады. Құрама уезінде сан жағынан бірінші орында қырғыздар (қазак) болса, екінші орында-құрамалар, онан кейін сарттар, сосын тәжіктер құрайды,- деп жазды. (Терентьев, 1874:72). Көріп отырғанымыздай, М.Терентьев мұнда құрамалардың пайда болуын қазақтардың отырықшылыққа айналуымен байланыстырады. Қазақтың ертеден келе жатқан ру-тайпалық құрылымымен бірге көшіп қону, қоныстану үрдісінен айырылып, отырықшылыққа көшуі рулық шежіресінен айырылуына, отырықшы жергілікті халықтың мәдениетін сіңіруіне әкеліп, басқа этникалық қауым - құрама халқын тудырды деген пікірді айтады. Әрине қандай да болсын белгілі бір этникалық қауымның қалыптасуы біршама мерзімді қамтиды.

Құрама халқының шығу тегінің бастауын қазақтардан таратып, кейін сарт, өзбектермен араласуы нәтижесінде құрама халық атауын алғандығы жөнінде жазатын зерттеушілердің бірі А. Макшеев болды. Ол өзінің «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае» деген еңбегінде: «Құрамалар Ангрэн өзені бойындағы қоныстарды мекен етеді. Құрамалар осыдан жүз жыл бұрын, көшпелі қазақтың үш жүз руларынан құралған делінеді. Бұл қырғыздар (қазақтар-автор) әбден кедейшілікке ұшырап, көші-қонға ешқандай мүмкіндігі болмағандықтан сарттарға жақын «қораларда» немесе қала сыртына орнығып, мүмкіндігінше егін салумен айналысады. Олардың сарттармен, мүмкін өзбектермен араласуының нәтижесінде әртекті халықтар пайда болды, соның нәтижесінде оларды «құралған» немесе құрама деп атаған. Соңғы бірігулері жергілікті халықтардың айтуы бойынша 50 жыл бұрын болған. Ташкенттен алынған менің деректерім бойынша құрама халқы келесі қазақ руларынан Тама – Алшын руынан тарайды, Кердері, Жағалбайлы Керейт, Телеу, Арғын (Қанжығалы), Дулат (Үйсін) және Бестамғалы (Жалайыр бөлімі) руларынан құралған», - деп көрсетеді (Макшеев, 1868:137). Көріп отырғанымыздай, Макшеевте өз еңбегінде құрамалардың арғы тегін қазақтардан таратып, әрі қарай олардың өзбектермен араласуынан қалыптасқандығын айтады. Құрамалар жөнінде И.Г. Аристовта Андреевтің жоғарыда келтірген мәліметін негізге ала отырып: «құрама халқы» Шыршық өзенінің арғы бетін мекендейді, халықтың 10 мыңға жуығы қоқан бегі Нарботаға бағынышты, олардың тоғыз қаласы бар: 800 түтін халқы бар Пишак (Пскент, қате берілген), 1000 түтіні бар Кереуші, Шарукия, Бока (Бөке), Мұраталі, Керейт - бай-су (Андреевте - Кирейт-Бақсу), Қарактай, Клайвар (Қалаймөр) және Пангаз (Андреевте-Пангас, Пангаз құрама қоныстарының ішінде қате көрсетілген, бұл қоныс Ферғанада ал, Шахрухияның XVIII ғасырда тек қиандысы ғана болды), -деп ол да 9 қаланы көрсетеді (Аристов, 1896:162). Біздіңше, бұл жерде қала деп отырғаны қыстақтар болуы мүмкін. Осы көрсетілген қалалар атауы ішінде әлі күнге дейін сақталғаны Бөке, Пскент қалалары. Бұл қалаларда құрамалар тек қыста ғана тұрды да, жаз кездерінде егіншілік пен мал шаруашылығымен байланысты егістікке шықты. Ал, құрама этникалық қауымының пайда болуының бастамасын Н.А. Аристов беріден бастай отырып, осы ғасырдан белгілісі 50 жыл бұрын олар көп болған жоқ дейді. Олардың қауымдастығы осы жаққа өткен қарақалпақтар мен Хиуа тұрғындарының руларынан, бір тобы қашқындар мен қарақшылардан құралғандығы жөнінде кейбір еңбектерде айтылатындығын жаза отырып, құрамалардың бастауын Ұлы жүз қазақтарымен Ташкентті жоңғарлардың басып алуымен байланыстырып, XVIII ғ. бірінші ширегінің аяғына жатқызады. Сондай ақ, ары қарай еңбекте : «Құнарлы атыраптағы Ангрэн халқы кезінде аз болған жоқ, бірақ қиын қыстау кездері шейбанидтердің құлауымен

және Ташкентті қырғыз қайсақ (қазақ) хандығының иеленуімен (1598 ж.), әсіресе XVII ғасырдың соңғы ширегінде қазақтардың билігінен құтылған ташкенттіктер Шыршық пен Ангрен атырабына шабуылдау нәтижесінде халық саны азайып кетті. 1723 жылы Цеван-Рабтанның шабуылы Ұлы жүз бен Ташкентті өзіне қаратқан соң, қазақтың тек ұлы жүзі ғана емес басқа да жүздері қалмақтардың қысымынан Ташкент пен Сырдарияның арғы жағындағы елден пана іздейді. ... көптеген малынан айырылған кедейлер өздерінің руларының көшіне ілесе алмай Шыршық пен Ангренде қалып қояды, осы жерде олар сарттармен өзбектерге қосылып, бірігіп, жайылым жер мен малдың аздығынан егіншілікпен айналысады, - деп жазады (Аристов, 1896: 309-310, 311-312). Бұл жерде де Н. Аристов өзіне дейінгі жазылған зерттеушілердің пікірінен алыс кете қойған жоқ, мұнда құрамалардың тоғыз қаласы аталынып, құрамалардың көшке ілесе алмай қалған қазақ руларынан қалыптасқандығын және олардың бастауы жоңғар шапқыншылығымен байланыстылығына мән береді. Белгілі зерттеуші М. Тынышпаев өзінің еңбегінде құрамалардың шығу тегі жөнінде былай дейді: «Тарихта қазақ және өзбек деген екі туысқан халық жөнінде айтылады да ал, құрама халқы жөнінде еш жерде айтылмайды. Қазақтар мен өзбектердің арасында жекелей тайпалар: үйсін, қаңлы, жалайыр, арғын, керей, қыпшақ, қоңырат, найман, алшын, т.б. (қазақ) юз, қырқ, минг, кенегес, барлас, дурмен, барин, катаған (өзбек), аяғында қазақтың қыпшақ, найман, қоңырат, жалайыр тайпаларының жарықшақтары өзбектерде, ал, өзбектердің кейбір тайпаларының бөліктері қазақтарда кездеседі. Түркі және монғол тайпаларының негізгілерінің санынан бір жағынан қазақтар, екінші жағынан өзбектер пайда болды, бұл кезеңде де құрамалар айтылмайды», - деп көрсетеді (Тынышпаев, 1993:183). Жалпы, құрама дербес халық, жекелей түркі не монғол тайпасы екендігі негізделмеген. Тіпті оның құрамындағы тайпалардың негізгі бөлігінің өзі қазақ рулары атауымен аталады. М. Тынышпаев, «құрама» сөзін аударғанда құрақ, аралас, қосылған деген мағынаны білдіретіндігін айта келіп, қазақтардың арасында да құралған атаулардан пайда болған рулар жөнінде: «Мәселен кіші жүзден жетіру, жетімдер, қырық ру, қырық шата рулары. Құраманың құрамын қарайтын болсақ, шындығында әртүрлі тайпалардың құрағынан (жарықшағынан), әртүрлі рулармен ұрпақтардан тұратындығын көруге болады. Олардың арасында Ұлы жүздің үйсін, дулат, сыйқым, қыбрай рулары (дулат руының ұрпақтары), жалайыр, балғалы (жалайыр ұрпақтары), қаңлы, шанышқылы, сіргелі, тутамғалы (сіргелі ұрпақтары), Орта жүзден: найман бағаналы (найман руы), арғын қанжығалы (арғын руы), ашамайлы (керей руы), Кіші жүзден: жаппас, шөмекей, табын, тама, жағалбайлы, рамадан, жетіру және басқалар бар. Сонымен, құрама қазақтың үш жүзі ру-тайпасынан құралған қазақтар екендігін білдіреді», - деп жазады (Тынышпаев, 1993:182-184). Шындығында, XX ғасырдың 90 жылдарында Ташкент облысы аумағындағы қазақтармен құрамалар арасынан жиналған далалық этнографиялық материалдарда құрамалар арасында осы аталған рулардың бар екендігін және олардың негізгі бөлігі антропологиялық жағынан да, тілі де өзбектермен салыстырғанда қазақтарға көбірек ұқсас екендігін байқадық (Қалшабаева, 2011:114). Бірақ, 2019 ж. тамыз айында зерттеу-барлау жұмыстарымызда олардың көпшілігі өздерін өзбек – жалайырлармыз не өзбек–телеу, т.с.с. ағайды және тілдері де өзбек тілінен айырмашылығы байқалмайды (ДЭЭМ - Құсымов, 2019). Сондай ақ, Шәкәрім Құдайбердіұлы да өз еңбегінде: «... құрама – бұл отырықшы қазақ рулары, олар «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама» сұрапыл жылдар кезінде қазақтың басқа да руларының көшке ере алмай қалған кедейленген тобы», - деп көрсетеді. (Құдайбердіұлы, 1990:26).

Ал, енді Ангрен өзені атырабының статистика мен экономикасы жөнінде жазылған еңбекте: «Құрама халқы аты айтып тұрғандай, әртүрлі ұлттардың қосындысынан туған халықтың бір тобы. Мәселен, Ангреннің жоғарғы бойындағы құрамалар тәжіктермен көбірек араласса, өзеннің орта және төменгі ағысы бойындағы құрамалар (оның Ибелек-Моғол, Хурдан болыстығындағылар) өздерінің Ақмешіттен келгендігін жадында жақсы сақтаған. Майдантал бойындағы құрамалар өздерінің тегін қалмақтарға жатқызады», - деген мәліметтерді кездестіруге болады (Статистико-экономический очерк долины реки Ангрена, 1923:6-7). Бұл деректен байқағанымыз құрама халқының жаңа этникалық қауым ретінде пайда болуы қазақтың көшке ілесе алмай, қалып

койған әртүрлі руларынан ғана емес, басқа да жергілікті өзбек, тәжік халықтарымен араласа орналасқандықтан да «құрама» аталуы мүмкін. Себебі, осы жылдың тамыз айында бізге ақпарат беруші, Ангрен қаласы тұрғыны Абдумалик Раззақов өзінің тәжік құрама екендігін айтты (ДЭЭМ - Раззақов, 2019). Сонымен, XX ғ. I ширегінде Ташкент облысындағы Ангрен өзені бойының басым көпшілік халқын 93,1% құрамалар құраған (Статистико-экономический очерк долины реки Ангрена, 1923:6-7). Қазіргі кезеңде де аталған аумақтағы халықтың негізгі бөлігін құрамалар құрайды, бірақ олар өздерін бұрын «құрама» деп атаса, бүгінде өздерін олар «өзбек-құрамамыз» деп атайды. Құрамалардың этникалық тарихына байланысты белгілі түркітанушы В.В. Радловта өзінің еңбегінде: «Ташкент пен Ходжент аралығында (1868 ж.) өздерін құрама деп атайтын кішігірім татар тайпасының отырықшылары мекендейді. Олар бес руға: қалайыр, телеу, тама, жағалбайлы және тарақтыға бөлінеді. Этникалық қауым ретінде қалыптасуы өзбектермен қазақтардың араласуынан пайда болғанға ұқсайды. Қазақтар құрама атауын көптеген әртүрлі тайпалардан құралғандықтан (құра - әртүрлі бөліктен құралу, т.с.с.) атаған дейді (Радлов, 1989:102),

Құрамалардың шығу тегі, атауы, орналасуы мен саны жөніндегі мағлұматтар И. Зарубиннің «Список народностей Туркестанского края» еңбегінде кездеседі (Зарубин, 1925). Ангрен өзені атырабындағы құрамалардың түркі халқы екендігін, оны зерттеудің өзі үлкен қызығушылықты тудыратындығына назар аударады. И. Зарубин еңбегінде: «Құрамалар қазақ және өзбек руларының тек қан жағынан ғана емес, көп жағдайда әлеуметтік өзара араласуы сияқты, басқа тайпалық элементтермен де қосылуының жемісі. Құрамалардың этникалық топ ретінде пайда болуы XVIII ғасырдың I жартысына жатады. Қазіргі кезеңде этнографиялық көзқарас тұрғысынан алғанда құрамалар қазақтармен басқа да отырықшы түркі халықтармен араласуы нәтижесінде қалыптасқан аралық топ. Кей жағдайларда құрамалар қазақтарға жақын (киіз үйді пайдалануы, әйелдердің бетінің ашық болуы), енді бір жағдайларда сарттарға жақын болып келеді. В.В. Радлов және басқа өткен ғасырдың зерттеушілері белгілі құрама руларын көрсетіп берді. Бірақ қазіргі кезеңде көп жерлерде рулық бөлініс жоғалған, кей жерлерде белгілі руға жататынын сезінетіндер бар (мысалы, юздерде), бірақ бұл олардың ру ішінде некеге отыруына кедергі болмайды, бұл жағдай қазақтар арасында жоқ. Құрамаларда ұлттық сана, аса байқалмайды. Олардың арасында «құрама» атауынан қашатындар бар, немесе оны екінші атау ретінде атайды. Сондықтан Наманган уезінің Бабадархан болыстығының 3 елді-мекеніндегі 500 адам, Телеу қонысының құрамадан шыққан ұрпақтары өздерін өзбекпіз, түрікпіз тіпті тәжікпіз деп атайды. Сондықтан да қырғыз (қазақ)-құрама, сарт-құрама, юз, өзбек-юз деген атаулар осымен түсіндіріледі. Мұндай жағдайда құрамалардың саны мен орнын анықтау қиындау», - деп мәлімдейді (Зарубин, 1925:12-13).

Ал, В.В. Бартольдтың пікірінше, құрамалар қазақ, өзбек және Орта Азияның басқа да түркі тілдес тайпаларынан шыққан ерекше этномәдени қауымды құрайды. Олар отырықшы-егінші және көшпелі мәдени әлем аралығында пайда болған және өзінің эволюциялық дамуында көрші отырықшы-егінші этностардың құрылымына еруге бейім этномәдени топтардың бірі болды. Кеңес өкіметінің алғашқы жылдарында ол титулды өзбек этносының құрамына өкімшілік-ерікті жолмен енгізілген, - деп жазады (Бартольд, 1968:552-553).

Өзбекстан Республикасындағы Шыршық пен Ангрен өзендерін мекендеген халықтар өздерін өзбек ұлтына жатқызатын түркі тілдес ұлыс. «Құрама» термині XV ғасырдан бастап пайда болды. Құрама қазақтың үш жүзінің тайпалары, ішінара өзбек, қарақалпақ руларының араласуынан XVIII ғасырдағы «Ақтабан шұбырынды» жылдарынан кейін қалыптасқан. Осы жөнінде Мұхан Исахан «Құрама дегеніміз қандай ұлт?» деген мақаласында: И.Г. Андреев құрамалардың шығу тегін дәл көрсетіп бере алмағанмен, Құрамаларды Ташкент пен Қоқан қаласының төңірегіне басқа жақтан көшіп келгендігі мен олардың көшпенділерге тән асау халық екендігі және қарақшылықпен айналысуын айтуы, құрамалардың қазақ пен қарақалпақ руларынан құралғандығын көрсетеді. Ал, бұл жерде кейбіреулердің айтуына қарағанда құрамалар хиуалықтар мен қарақалпақтардан шыққан», деген дерек, нақты тұжырым емес, болжам ретінде айтылған деп өз пікірін білдіреді (Исахан, 2009:11). Сол сияқты мына

бір еңбекте де этнографиялық жағынан алғанда құрамалықтар әртүрлі түркі-монғол руларының жартылай отырықшыланған жинағы, - деп көрсетеді (Россия в Средней Азии. ..., 2017).

Орналасуы, рулық құрамы, саны. Құрамалар Аблық және Бөкеде онан кейін Телеу, Қанжығалы, Карис, ең соңында Пскент болыстығында 64,5 % дейін мекендейді (Статистико-экономический...,1923:6-7.). В.В. Радловта Ташкент пен Ходжент аралығында өздерін құрама деп атайтын, өте үлкен емес отырықшы татар тайпалары өмір сүреді. Олар: Жалайыр, Телеу, Тама, Жағалбайлы және Таракты деп аталатын бес рудан тұрады, - деп жазады. (Радлов, 1989:102.).

Орыс отаршылары 1864 жылы Ташкентті алған соң, отарланған аумақтағы халықтың санын білу мақсатында, алғаш рет Ұйымдастыру комитеті көмегімен санақ жүргізеді. 1868 ж. осы комитеттің жүргізген санағындағы деректерде Құрама уезіндегі (1886 ж. бастап Ташкент уезі болып қайта аталды) үш атырапқа: Тойтөбе, Ангрен, Шыршыққа біріктірілген халықтардың санына қарағанда құрамалар аумақта сан жағынан екінші орынды құрайтын халықтың бірі болған.

Кесте 1. Құрама уезіндегі үш атырапқа: Тойтөбе, Ангрен, Шыршыққа біріктірілген халықтардың саны (Терентьев, 1874:73).

Ұлт құрамы	Тойтөбе	Ангрен	Шыршық	Барлық үй саны	Жалпы адам саны
қазақтар	6150	291	14269	20710	144970
құрама	1674	9396	-	11043	77301
өзбек	2014	1526	1408	4948	34636
тәжік	1088	474	-	1662	11634

Кестеде көрсетілгендей, құрамалардың негізгі бөлігі Ангренде шоғырланған, онан кейін Тойтөбе атырабында орналасқан, ал, Шыршықта тіптен кездеспейді. Сонымен қатар көрсетілген мәліметте де халық саны жағынан құрамалар қазақтардан кейін екінші орында тұр.

М. Терентьев құрамалардың орналасуын болыстық бойынша беріп, ондағы қожалық санын көрсетеді. Онда: «Құрамалар негізінен Ангрен өзені бассейні бойынша қоныстанды, Ақтауға әкелетін биік шатқалдан бастап, Ангрен және Гиджиген бойынша Дарияға төмендей отырып, олар біртіндеп қазақ арасынан сиреп жоғала бастайды. Құрамалардың кішірек кейбір поселоктары Шыршық өзені аңғарының оң жағында, яғни Құрама уезінде кездесетін барлық халықтан тұратын этнографиялық аймақты құрайды. Бір жағынан, құрамалардың кейбір ауылдары далалы жерлерде кездеседі. Құрамалар тұратын болыстықтар мынадай тәртіпте берілген: 1) Хурдан болыстығында - 1544 қожалық, 2) Каризде- 1294, 3) Аблықта-1273, 4) Телеуде-1237, 5) Бөкеде- 1200, 6) Қанжығалыда -1191, 7) Оралда -788, 8) Аққорғанда-782, 9) Майданталда - 637, 10) Осман-атада -525, 11) Ғайб-Атада-355, 12) Той-төбеде-157, 13) Бискентте-110 қожалық. Көрсетілген алғашқы 8 болыстық Ангрен шаруашылық басқармасына жатады, қалғаны Той-Төбеге қарайды. Ал, Қарасу және Шыршықтың барлық аумағында құрамалар жоқ, қалған болыстықтарында қазақтар да өзбектерде, құрамаларда кездеседі. (Терентьев,1874:74). Н.Аристов еңбегінде де 1868 ж. алғашқы санақ мәліметінде Ангрен атырабындағы құрамалардың үй саны - 11043, адам саны - 77301 құрайтындығын көрсетеді (Аристов, 1897:312). Бұл мәліметте де жоғарыда келтірілген Терентьевтің сандық көрсеткішін нақтылайды. Л.Ф. Костенконың еңбегінде 1868 жылы құрамалар 27631 қожалықты құраса, 1877 жылы 31330 қожалықты құрап, 13% - өскенін көрсетеді (Костенко,1887:48.). Сонда, қожалықтағы әр отбасында орташа есеппен 5 адам деп есептесек 156650 адамдай болады. И. Зарубин, Ташкент уезінен басқа Ходжент уезінің Орал болыстығында 9.330 адам құрама есепке алынғандығын, жалпы құрамалар 1917 жылы 52335 адам, 1920 жылы 49697 адам болғандығын, көрсетеді (Зарубин, 1925: 12.) Көріп отырғанымыздай, XX

ғасырдың басындағы әртүрлі ағымдық және 1920 жылғы Бүкілресейлік санақтарда олардың саны үш есеге жуық түсіп кеткен. Егер санақ мәліметтері бойынша 1868 ж. санақ мәліметтерін 1917, 1920 жж. санақтармен салыстыратын болсақ, бұл жерде құрамалар 77301 (1868 ж.) болса, 1920 ж. 49697 адам яғни 27 мың шамасында азайып отырғанын көруге болады (Материалы ... 1920, 1923: 126-127). Дегенмен осы кезеңдерде де Ташкент уезі халқының 45,8% қазақтар құраса, 26,6% (91632) өзбектер, 15,3% (52808) құрамалар, т.с.с. халықтар құраған (Статистико –экономический очерк долины р. Ангрена, 1923:7.).Сөзімізді әрі қарай дәлелдей отырып, мына еңбектегі мәліметтерді келтірейік: «Құрамалар барлық қырғыздардың (қазақ) үш жүзі өкілдерімен, өзбектермен және мүмкін тәжіктермен де араласып, Ташкент уезінің оңтүстік шығыс бөлігіндегі Ангрен атырабына орналасқан. Тіркелген 49700 адамның (әйел-еркегі бірге және Республиканың 1,1% халқын құрайды) барлығы дерлік тек ауылды жерлерде мекендейді», - деп жазды (Статистический ежегодник 1917-1923, 1924:46). Бұлардың азаюын олардың кейбір бөлігінің өзбек ұлтына жазылып кетуімен байланыстыруға болады.

Зерттеуші ғалым Ёрматов өз еңбегінде қазіргі Ахангаран аумағында өзбек-құрамалардың төмендегі рулық құрамын көрсетеді. Олар: жапалақ (япалок), самаршық (самарчук), күшартүп (күчартүп), бойтүп (бойтүп), қатаған (катаған), жағалбайлы (жағалбойлы), қалмақтүп (қалмоқтүп), сүтті (сувти), ойтамғалы (ойтамғали), бестамғалы (бештамғали), құстамғалы (құштамғали), сарытамғалы (саритамғали), елтамғалы (элтамғали), ашамайлы (ачамайлы), қанжығалы (хонжиғали), самсырақ (самсирак), жалайыр (жалойир), үйсін (уйшун), керейт (керайит), алшын (олчин), арғын (аргин), кебенек (кебанак), шілікші (чиликчи), қарасирақ (қорасийрақ), қайсар (қайсар), төртуыл (тортувли), балғалы (болғали), қайтпас (қайтмас), монғол (мұғул), бораншы (бұрончи), керуенші (керовчи), тама (тама), телеу (телов), таракты (таракли), дулат (дұлот), ру-тайпалардың өкілдері тұрады (Ёрматов, 2013:77). Көрсетілген рулардың атауында жоғарыда айтылған қазақ рулары да кездеседі. Сондай ақ, құрама халқының өкілі И.Ёрматов бұл ру атауларының бірде-біреуі бекерге қойылмағандығын және олар адамдардың лауазымына, кәсібіне және басқа да сипаттамаларымен байланысты болғандығын айтады. Сондай ақ, зерттеуші оларды түсіндіру үшін қолданылатын кейбір тіркестер бүгінде көпшілік алдында сөйлеуде қолданылады, дейді. Мәселен, егер «жаманның күші жапалаққа жетіпті» деген сөз болса, жапалақ руларының аздығын, әлсіздігін байқатады, «жалайырды шақырмаңыз» («Жалойирга жар чакирма») деген сөз, керісінше жалайырлардың ерте кезден бері көп екендігін көрсетеді немесе «жалайырда қой көп, ал жанғозыда үй көп» дегені жалайырлардың күшті екендігін білдірумен қатар жанғозы руларының өкілдері қолөнермен айналысатындығын көрсетеді. Кейбір рулар бұрыннан бері өздерімен келе жатқан таңбалар атауымен аталады. Бұл таңбалар ұрысқа жарамды деп танылған он үш жастағы жасөспірімдердің сол қолындағы үлкен саусағы бар көрсеткіш саусағына салынған және сол руға тиесілі малдарға, жылқыға темір таңбаны қыздырып басып таңба салатын. Таңба арқылы соғыс кезінде өлген адамды не жоғалған малды тауып алатын (Ёрматов, 2005: 87-88).

Рулық құрамында жоғарыда айтып өткендей, қазақ руларының үш жүзі өкілдері кездеседі. А. Раззаковтың айтуы бойынша аталған аймақтарда қазіргі кезеңде де қатағандар, жалайыр, қоңырат, қанжығалы, найман, керей, телеу, рамадан, жағалбайлы, балғалы, дулат, алшын, үйсін, т.б. рулары бар. Құраманың ішіндегі ең көбі – жалайырлар. Жалайырлар моңғолдардан тарайды, аталған аймаққа келіп осы жерде қалып кеткен. Олар жүзге бөлінген. Қаратай қыстағы бар. Бұлар құрама халқының ішіне сіңіп кеткен. Олар қазір өздерін құрама деп атайды, деп пікір білдіреді (ДЭЭМ – Раззаков, 2019). Құрамалардың этникалық мінез-кұлық ерекшелігі Терентьевтің мына еңбегінде былай сипатталады: «Құрамалар барлық жаулап алушыларды қарсылықсыз мойынсұна қарсы алады, себебі олар барлығынан жапа шеккен, мәселен қоқандықтар оларды былтыр қырғыздарға қарсылық көрсетпегені үшін тонаса, бұхаралықтар оларды қоқандықтармен жанжалдасағаны үшін тонайды. Сондықтан олар екі оттын арасында қандай жағдайда болатынын біледі, біздің келгенімізді қуана қарсы алды, олар өздерінің пайдасын біледі», - деп жазды (Терентьев, 1874:125).

Шаруашылығы. Ташкент уезі (Құрама) егіншілікке және жайылымға да қолайлы

бай аймақты құрайды, сондықтан да бұл жерлерге егіншілер де мал шаруашылығымен айналысатындар да тартылды. М.Терентьев: «... уезд аумағында төжіктер де қоныстанған, көшпелі қазақтар да жүреді, екеуінің арасында отырықшылыққа көшкісі келетін құрамалар да жүр», деп жазады (Терентьев, 1874:74). Сондықтан да бұл жерде шаруашылықтың үш түрі: мал шаруашылығы, егіншілік және аралас түрі дамыды.

Кесте 2. Болыстықтар бойынша өсірілетін мал саны (Терентьев, 1874:85)

Болыстықтар	Түйе	Жылқы	Ірі қара мал	Қой
Аблық	450	2800	3000	39000
Телеу	1200	3100	3000	70000
Хурдан	420	2000	2400	14000
Қанжығалы	320	2000	3700	26000
Қариз	170	1300	3100	4000
Бөке	20	1000	1700	1800
Бискент	10	700	1200	4600
Аққорған	60	1000	1500	3200
Урал	1400	1600	1200	55000
Барлығы	4050	15500	20600	217000

Кестеде көрсетілген болыстықтарда негізінен құрамалар тұрғандықтан, олар да қазақтар сияқты қой малын көбірек өсіргендігін байқауға болады. Оған дәлел, мысалы, Аблық болыстығында тұратын халықтың түгелдей дерлігі құрамалар болыстықта -39000 қой өсірсе, Телеу болыстығының да басым бөлігі халқын құраған олар болыстықта 70000 қой өсірген.

Кесте 3. Егіншілік саласы бойынша жыртылған және егістік егетін жер көлемі (болыстар бойынша) (Терентьев, 1874:98)

Болыстықтар	айдалған жер көлемі	егістік егілген жерлер
Аблық	27653	3234
Қариз	20796	1931
Телеу	18337	2997
Қанжығалы	16550	2452
Аққорған	10842	1703
Хурдан	7176	1769
Бөке	6057	1309
Бискент	4048	1995

Келтірілген мәліметтен байқағанымыз, құрамаларда мал шаруашылығымен қоса егіншіліктің де дамығандығын байқауға болады. Құрамалар XVIII ғасырдан отырықшы тіршілікке көшіп, егіншілікпен айналыса бастады. Бау-бақша, жүзім өсіру шаруашылықтары елеулі рөл атқарады. Мақта мен күріш өсіреді, қой ешкі, ірі қара мал ұстайды.

Құрамалар кешенді мал шаруашылығы және егіншілікпен айналысып, жартылай отырықшы өмір салтын жүргізді. Өзіндік сана мен шаруашылық тәртібі, үй тұрмысы, материалдық және рухани мәдениеті өзгешелігімен ерекшеленеді, -деп жазды В.В. Бартольд (Бартольд, 1968:7). Қырлар мен адырларда мекен еткен құрамалар әдетте негізінен мал шаруашылығымен айналысты, оған олардың тұрған аймақтары ыңғайлы болды. Мұнда көбіне қой, ешкі, ірі қара мен жылқы көбірек өсірілді, -деп жазды

И. Ёрматов (Ёрматов, 2013:112). Шаруа әйелдері ірі қара малдың тезегін лақтырып жібермей, оны отын ретінде пайдаланды.

Қолөнері. Аттың жалдары мен құйрықтарының шаштары жүнмен араластырылып, ұршықпен иірілді. Ұршықпен иірілген жіптен олар кілемдер, ер-тоқымдар, шұлықтар, шляпалар, қаптар, жабдықтар және басқа заттар тоқыған. Иірілген мақта-мата жіптерден түрлі-түсті киімдерде тоқыған. Ангрен алқабының ауылдарында тұратын қарт әйелдер ұзақ уақыттан бері «Өрмек» тоқумен де айналысқан. Олар бухжама, тұтатын алаша, төсеніш алаша, шекпен, қоржын, т.б. тоқымашылық бұйымдар тоқылатын. Мысалы, алаша тоқу үшін өрмектің бірінші және соңғы екі жіп қадалары арасындағы қашықтық екі немесе үш метр болуы мүмкін, ал жұп қағылған қазықтардың арасы алпыс немесе жетпіс сантиметр болуы мүмкін. Тазаланған қой не ешкі жүнінен ұршықта иіру арқылы дайындалған жіптер, өрмек қадаларының о шеті мен бұ шетіне мықтап бекітіледі. Мысалы, 3x2 м² өлшемдегі алашаны тоқу үшін орташа 6-7 кг., 5x3м² өлшемдегі алаша үшін 8-10 кг. иірілген жіп қажет. Бұл жіптер алдымен екі жиектегі қадаларға түсіне қарай (қара, ақ, қызыл, көк және т.с.с.) үсті үстіне тартылып байланады (Ёрматов, 2013: 126). Екі қазық арасына тоқу жабдықтары қойылып, тұт ағашынан жасалған «қылыштар» мен күзеу жіп арқанмен және крестпен бекітіледі. Яғни, «қылыштың» тұтқасынан қылыштың алға-артқа жылдам және қайталанатын қозғалысы нәтижесінде көлденең жіптер ұзын жіптердің арасына қысылып қалады. Қолөнершілер қылыш пен жіптерді қанша жүгіртетінін және күзеу қаншадан байланатынын өздері біледі. Ахангаран әйелдері қазірге дейін ұзатылған қыздың тойынан соң: “жасауында бұғжама төсек орын бар ма екен, тутым алаша қылыппа?”, - деп сұрайды”

Киіз кілемге қарағанда жылы және жұмсақ болады. Оны жасау үшін әйелдер алдымен жүнді қолдарымен тазалап шығады. Содан кейін жүнді үлкен қазанда қайнатып, түрлі түске бояп кептіреді. Қара немесе ақ жүн қайнатылмайды және боялмайды. Олар болашақ киіздердің негізгі бөлігін құрайды. Киіз басумен айналысатын аналар өздерінің киіздері жеткілікті екеніне көз жеткізгенде (8-10 кг жүн), асар жасап, топырағы шықпайтын құрғақ жерді таңдап, ол жерге қамыстан жасалған шиді жаяды. Шидің үстіне екі қабат ақ және қара түсті жүнді бір қарыс етіп жайып шығады. Содан соң, түрлі түсті жүнмен үй иесінің қалауына қарай өрнек салады, одан соң жүн үстіне қайнаған ыстық су құйып, бәрі бірге әбден ұрғылайды. Оралған киізді 6-8 метрлік арқанмен қиылыстыра байлайды. Оны төрт күшті қыз немесе әйел арқандар арқылы екі жаққа тарта отырып домалатып отырады. Арқанның ұзындығы жоғарыдағы өлшемнен қысқа болмауы мүмкін. Себебі, оралған киіз үй шамамен 1,5-2 метрді құрайды. Егер арқан қысқа болса, тартушылар тез шаршап қалады. Әр кез оралған киіз үстінен қайнаған су құйып тұрады. Содан кейін, арқан тарту нәтижесінде жүн орамы бірігіп, тартылады. Алты-жеті сағаттан кейін орама қайта жазылады. Киіз пісіп болғаннан кейін, оралмаған киізді төрт әйел екі білегімен білекке алады. Бұны «білектеу» деп аталады. Киізге жиі қайнаған су құю мақсаты - киіз ұзақ жылдар бойы аяқтың астында жататындықтан оның түтіліп кетпей, мықты болуына байланысты. Содан кейін бұл ораманы белінен байлап, ши-қамыс үстіне тіке қояды, сонда 2-3 сағатта киіздің суы ағып кетеді. Бұл іс жаз және күз айларында таңертеңнен кешке дейін жалғасады. Ол үшін үй егесі арнайы тағам дайындайды, әйелдер ән мен аңыз айтады. Екі күннен кейін қожайындар киізді қайтадан бардонға орап, үстіне қайнаған су құйып, арқанмен ол жаққа бір, бұл жаққа бір домалатып қайта пісіріп алады. Сонда киіз жүндері түтіліп кетпейтіндей етіліп піседі (Ёрматов, 2013: 127).

Қонысы. А. Макшеевтің (1884 ж.) еңбегінде Ангрен аңғарында құрамалардың қоныстары 72 елді-мекенде 3280 үйді көрсетеді. Оның негізгі бөлігі 10, 20 үйден 30-60 үйден тұратын қоныстар, 4 қоныс (Шаймун, Жалайыр, Ибелек, Ақша)-100 үйден, 1(Қарақты) -150 үй, 3 (Бөке, Телеу, Аблық) - 200 үй және 1 (Пскент) – 500 үйден тұратын қоныстар санын береді. Енді осы құрамалардың 72 қоныс ішінде бізге таныс қазақ руларынан тұратын елді-мекендерді келтірейік. Мәселен, Жалайыр атында үш қоныстың бірінде 100 үй, басқасында 50 үй және 10 үй, Жағалбайлы руы атында екі қоныс бірінде 12 үй, екіншісінде 15 үй, Ашамайлы руы атында да екі қоныс бірінде 50 үй, басқасында 20 үй, Қанжығалы атында да 10 және 50 үйден тұратын қоныстар бар

болса, ірі қоныстың бірі Телеу руы атындағы қонысты құрайды (200 үй), сондай ақ, Жалайырдың бөлек Балғалы руы атында 80 үйден тұратын елді-мекен, үйсін руынан 50 үй, шөміштіден -50 үйден тұратын қоныстар кездеседі. (Макшеев, 1868:45). Көріп отырғанымыздай, қазақ руларының атындағы елді-мекендер бірнеше рет қайталанады. Ол әрине бір рудың өзі әр жерде қоныстанғанын көрсетеді.

1920 ж. санақ бойынша Құрама қоныстары тек Ташкент уезінің Ангрен аумағында ғана тіркелген. Оның Аблық болыстығы тек құрамалардан ғана тұрса, сол сияқты Аққорған, Кариз, Қанжығалы және Телеу болыстықтарында басым болып келеді, ал, Бөке, Хурдан болыстықтарында олар қоныстың жартысына жуығын ғана құрайды.

Кесте 4. Құрамалардың 101 қоныстарының көлеміне сәйкес топтары (Материалы 1920 г., 1923:19)

көлемі	қоныс саны	%	адам саны	қоныс саны	%
100-дейін	9	9	401-500	12	12
101-200	13	13	501-1000	18	18
201-300	21	21	1000-нан жоғары	11	11
301-400	17	17		11	11

Кестеге қарағанда шамамен бестің үштен бір бөлегі 400 адамнан аз тұрғындар, ал 1000-нан жоғары тек 11% құрайды. Орташа есеппен алғанда 1 құрама қонысында 467 адам саналады.

«Құрама» атауымен аталатын халықтар тек көрсетілген аумақтарда ғана мекендемейді, мәселен, Әмудария жағалауындағы Керкі және Бурдалық қалаларының аралығындағы қоныстарда өмір сүретін, өздерін киікші руына жатқызатын түркмен емес тұрғындарда өздерін құрама атауымен атайды. Жергілікті халықтардың айтуына қарағанда құрамалар Қаршы қаласының аумағында мекен етеді. Бұл құрамалар жөнінде басқа мәліметтер кездеспейді, бірақ олар ангрндік құрамалармен ортақтығы жоқ (Зарубин, 1925: 12).

Нәтижелер. Жоғарыда талданған еңбектердегі мәліметтерге келетін болсақ, оның ішінде Аристовтың, Терентьевтің, т.б. еңбектерінен байқағанымыз құрама халқының құрамын сонау жоңғар шапқыншылығы кезінде барып, кейін көшке ілесе алмай қалған қазақтың үш жүзі өкілдері құрады десек, сонымен қатар өзбек, тәжік, т.б. түркі халықтарынан құралған құрамалардың да болғандығын жоққа шығармаймыз. Құрама атауының шығу тегінің өзі осы тек қазақ халқының әртүрлі руларының араласуынан ғана емес, басқа да ұлт өкілдерінің қатар отыруынан шыққан деген тұжырымдарды мақұлдауға болады. Себебі, біз жоғарыда келтірілген ақпарат берушіміздің бірі өзін құрама-тәжік екендігін (шындығында тәжікке ұқсас) айтса, енді бірін құрама-өзбекке жатқызады. Дегенмен де, ХХ ғ. 80-90 жылдары Ахангаран ауданында отырған құрамалардың қазақтарға ұқсастығы көбірек байқалатын. Себебі, менің сол кезеңдерде жүргізілген зерттеулерімде, далалық этнографиялық материалдарды жинау әдісіндегі бақылауымда да олардың тұрмыс салты, тілі, антропологиялық бітімі өзбек, тәжік халықтарына қарағанда қазақтарға өте ұқсас болатын. Ауыл ақсақалдарының әңгімелеріне қарағанда әсіресе ХХ ғ. 60-70 жылдарына дейін құрамалардың тіліндегі қазақтарға ұқсастық жақсы сақталған, еді деп әңгімелейді. Енді бір зерттеулерде құрамалар қазақ және өзбек халықтарының некеараласу нәтижесінде қалыптасқандығы жөнінде айтылады. Сондықтан олардың қай кезеңде пайда болғандығын дәл айта қою да қиынырақ (Статистико-экономический, 1923: 6-7). Біздіңше, бірыңғай қоныста отырған әртүрлі қазақ руларынан құралған топтардан құрама халқы пайда болған. Оған жоғарыда айтып өткендей, ХХ ғ. 80-90 ж. басында Ахангаран ауданына жүргізілген зерттеулерде олардың тілі, тұрмыс-тіршілігі өзбектерге қарағанда қазақтарға көбірек ұқсастығының болуы дәлел бола алады. Ал, енді олардың бүгінде құрама-өзбекпіз деп отыруы, анық ассимиляцияланудың көрінісі екендігі айқын. Жалпы бұл терең зерттеуді қажет ететін мәселе. Сондықтан оларды кешенді түрде яғни, тек қазақ

құрамында ғана емес, басқа да халықтармен байланысын тереңдей зерттеу арқылы ақиқатқа жетуіміз мүмкін.

Қорытындылай келе, Тұрғын Файзиевтің 1963 жылғы «Өзбек-құрамалар» тақырыбында қорғалған кандидаттық диссертациясының авторефератында көрсетілгендей, Аханғаран құрамалары тарихи түрде қалыптасқан өзіне тән этникалық топтың бір түрі ретінде өзіндік әдет ғұрыптары бар. Алайда, жедел урбанизациялану нәтижесі ұлттық-жергілікті (психикалық және жергілікті) этникалық дәстүрлердің ұмытылуына себеп болды, - деп жазады (Файзиев, 1963: 41). Әрине бұл жерде Т. Файзиев сол кезеңдегі құрамалардың этнографиялық ерекшелігімен байланыстырып отырса да, сол кезеңнің өзінде олардың жергілікті халықтармен ассимиляциялануының басталғандығы жөнінде тұжырымдауға болады.

Бұл мақала BR05233709 нөмерлі «Ұлы Даланың тарихы мен мәдениеті» ғылыми-техникалық бағдарламасын орындау аясында дайындалды.

Әдебиеттер тізімі:

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина, 1896. Вып. 3-4.

Аристов Н.А., Плоских В.М. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек: Илим, 2003. 78 с.

Андреев И.Г. Описание Средней орды кыргыз-кайсаков с принадлежащими и касающимися до сего народа дополнениями и прилежащих к Российской границе Сибирской линии почасты Кольванской и Тобольской губерниях(к)крепостям, собранное 1785 года капитаном Андреевым //Новые ежемесячные сочинения. Ч.СХV-СХVІІІ. 1795-1796.

Бартольд В.В. Сочинения. Том V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Москва: Наука, 1968. С. 552-553. 759 с.

Далалық этнографиялық экспедиция материалдары, 2019 – Раззақов А. 1953 ж. туылған, құрама-тәжік, Ташкент облысы, Ангрен қаласы.

Далалық этнографиялық экспедиция материалдары, 2019 – Фардаев Ахмет. 1933 ж. туылған. Құрама-өзбек (жалайыр), Ташкент облысы, Аханғаран ауданы, Қарақалпақ ауылы.

Ғрматов И. Оангарон ўзбекларининг этник хусусиятлари ва оғзаки ижодиёти. - Тошкент: «Наврўз» нашриёти, 2013 йил.117 бет.”

Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края //Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Л.: Государс. Типограф. Им. Ивана Федоровича, 1925. Вып. 9. С.24-78.

Исахан М. Құрама дегеніміз қандай ұлт? // Zaman 2009, №17 (737), 30 сәуір, 11 бет.

Костенко,1887: Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-стратегического обозрения туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. Т. 1. СПб.1887. С.48

Қалшабаева Б.К. Орталық Азия қазақтары (тарихи-этнографиялық зерттеу). Алматы: Қазақ университеті, 2011. 406 б.

Қалшабаева Б.К. Теориялық этнология. Алматы: Қазақ университеті, 2016. 236 б.

Құдайбердіұлы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Перевод Б. Каирбекова. Алма-Ата, СП Дастан, 1990.

Макшеев А. И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. СПб., 1868. 360 с.

Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике. Часть1. Выпуск. III. Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1923. С. 142. .

Радлов В.В. Из Сибири = Aus Sibirien. М., 1989. 749 с.

Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. Litres, 2017. 868 с.

Статистико-экономический очерк долины реки Ангрена. Ташкент, 1923. С.6-7.

Статистический ежегодник 1917-1923 гг.. /составлен под. Ред. Д.П. Красновского.

Ташкент: ТЭС, 1924. Т. 1.

Тавадов Г.Т. Этнология: Учебник/ Тавадов Г.Т. 2- издание. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». 2016. 408 с.

Терентьев М.А. Статистические очерки Средне-Азиатской России. СПб: Императорской АН., 1874. С. 120

Терентьев М.А. Статистические очерки Средне-азиатской России// Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1874. // Кн.4. С. 73.

Тынышпаев М. История казахского народа. Учебное пособие. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. 224 с.

Файзиев Т. Узбеки-курама. Автореферат на соискание кандидатской диссертации. Ташкент. 1963. 26 с.

Файзиев Т. О родоплеменном составе узбеков-кураминцев конца XIX-начала XX в.// Общественные науки в Узбекистане. 1967. №11. С.46.

References:

Aristov N.A. Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskih plemen i narodnostei i svedeniya ob ih chislennosti // Zhvaya starina, 1896. Vyp. 3-4.

Aristov N.A. Ploscish V.M. Ethnicae historiae compositionem Turcic operum populi. Bishkek: Ilim, 2003. 78 p.

Andreev I.G. Medio-kaysakov cum descriptione Multitudinem Kyrgyz pertinens ad terminos gentis additiones Russiae adjacet provincia Tobolsk et Kolyvan linea Carmina (k) turribus menstrua colligi MDCCLXXXV Capitaneo Andreatta // libri Novi. Ch CXV-CXVIII. 1795-1796.

Bartold V.V. Sochineniya. Tom V. Raboty po istorii i filologii turkskih i mongolskih narodov. Moskva: Nauka, 1968. S. 552-553. 759 s.

Dalalyq etnografialic ecspedisya materialdary, 2019. Rassacov A. 1953 j. tuyilgan, qurama-tajic, Tashcent oblysy, Angren qalasy

Dalalyq etnografialic ecspedisya materialdary, 2019 – Fardaev A. 1933 j. tuyilgan, qurama –usbek (jalaiyr), Tashcent oblysy, Ashangaran audany, Karakalpak auily

Urmatov I. Oangaron yzbeklarining etnik hāsasiatlari va oaki ijodiyti. Toshkent: “Navrʻz” nashriyati, 2013 il. 117 bet.”

Zarubin I.I. Spisok narodnostei Turkestanskogo kraja //Trudy komisii po izʻcheniu plemennogo sostava naseleniya Rosii i sopredelnyh stran. L.: Gosʻdars. Tipograf. Im. Ivana Feodorovicha, 1925. Vyp. 9. S.24-78.

Isahan M. Qurama degenimiz qandai ult? // Zaman 2009, №17 (737), 30 sauir, 11 bet)

Kostenko, 1887: L.F. Turkestanskii krai. Opyt voeno-strategicheskogo obozrenia turkestanskogo voenogo okruga. Materialy dl6 geografii i statistiki Rosii. T. 1. SPb.1887. S.48

Qalshabaeva B.K. Teorialyq etnologya. Almaty: Kazakh Universitas, 2016. 235 b.

Qalshabaeva B.K. Ortalyk Asiya kazakhtary (Tarikh etnografialyq zertteu-I). Almaty: Kazakh University, 2011. 406 b.

Qudaiberdiuly Sh. Rodoslovnaya tʻrkov, kirgizov, kazahov i hanskikh dinasti. Perevod B. Kairbekova. Alma-Ata, SP Dastan, 1990.

Maksheev A. I. Geograficheskie, etnograficheskie i statisticheskie materialy o Tʻrkestantom krae.-SPb., 1868. 360 s.

Materialy Vserossiskih perepisei 1920 goda. Perepis naselenia v Tʻrkestantan respʻblike. Ch6st1. Vyp6sk. III. Poselennye itogi Syr-Darinskoi oblasti. Tashkent, 1923. S. 142. .

Radlov V.V. Iz Sibiri = Aus Sibirien. M., 1989. 749 s.

Rosia v Srednei Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya. Litres, 2017. 868 s.

Statistiko-ekonomicheski ocherk doliny reki Angrena,. Tashkent, 1923. S.6-7.

Statisticheski ejegodnik 1917-1923 gg. /sostavlenn pod. Red. D.P. Krasnovskogo. Tashkent: TES, 1924. T. 1.

Tavadox G.T. Etnologya: ʻchebnik/ Tavadox G.T. 2- izdanie. Moskva: Izdatelsko-torgovaia korporasiya «Dashkov i K». 2016. 408s.

Terentev M.A. Statisticheskyye ocherki Sredne-Azyatskii Rosii. SPb: Imperatorskoi AN., 1874. S.120

Tynysbpaev M. Istoriya kazahskogo naroda. Эчебное пособие. Alma-Ata: Qazaq әniversiteti, 1993. 224 s.

Faziev T. Uzbeki-kurama. Avtorefat na soiskanie kandidatskoi disertatii. Tashkent. 1963. 26 s.

Faziev T. O rodoplemennom sostave uzbekov-kuraminsov konsa XIX nachala XX v.// Obshestbennye nauci v Uzbekistane. 1967. №11. С.46.

МРНТИ 03.20.00

ИЗУЧЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГРУППЫ КУРАМА

Рыскулов Тимур Азизбекович

кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела внешних связей,
информации и научного кластера Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН Республики Казахстан,
г. Алматы. E-mail: Timur-Eсcehomo-1988@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается этнополитическая история группы курама, которая возникла из смешения части казахских родов и племен с оседлым тюркским и таджикским населением Ташкентского оазиса и Ангреной долины в 1730-1740-х гг. С момента своего появления и до сегодняшнего времени, курама представляла и представляет особую этнокультурную группу, проживавшую преимущественно в долине реки Ангрен. Земли населенные курама образовали одноименную область Курама, игравшую важную стратегическую роль в военно-политических отношениях между государствами и народами Средней Азии и даже Восточного Туркестана на протяжении всего периода своего существования. В культурном плане курама считаются переходным звеном между кочевниками Дешт-и Кипчака и оседлым населением оазисов Туркестана, что отражается в их языке, хозяйстве и внешнем облике. Со времени своего зарождения и до современности курама населяют долину Ангрена, отчасти Ферганскую долину и район Ходжента. По итогам национального размежевания курама оказалась в составе трех республик: Казахстана, Узбекистана и Таджикистана.

Ключевые слова: курама, этнокультурная общность, Туркестан, группа, Ташкент, казахи, Коканд, узбеки, Курама, таджики, Ангрен, оазис, национальное размежевание, смесь, кедеи, оседлый, полукочевое хозяйство.

ҒТАХР 03.20.00

ҚҰРАМА ТОБЫНЫҢ ШЫҒУ ТЕГІ МЕН ЭТНОСАЯСИ ТАРИХЫН ЗЕРДЕЛЕУ

Рыскулов Тимур Азизбекович

тарих ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институтының Сыртқы байланыстар,
ақпарат және ғылыми кластер бөлімінің ғылыми қызметкері,
Қазақстан Республикасы, Алматы қ.,
электрондық пошта: Timur-Eсcehomo-1988@yandex.ru

Түйіндемe. Мақалада 1730-1740 жылдардағы Ташкент оазисі мен Ангрен алқабында қазақ ру-тайпалары мен тайпаларының бір бөлігінің отырықшы түркі және тәжік халқымен араласуынан пайда болған Құрама тобының этносаياسي тарихы талқыланады. Құрылған сәттен бастап бүгінгі күнге дейін құрама негізінен Ангрен өзенінің аңғарында тұратын ерекше этномәдени топ ретінде ұсынылып келеді. Құрама мекендеген жерлер оның бүкіл өмір сүру кезеңінде Орталық Азия мемлекеттері мен

халықтарының, тіпті Шығыс Түркістанның әскери-саяси қатынастарында маңызды стратегиялық рөл атқарған Құрама аймағын құрады. Мәдени жағынан алғанда, құрамалар Дешті Қыпшақ көшпелілері мен Түркістанның оазистерінің отырықшы халқы арасындағы өтпелі буын болып саналады, бұл олардың тілі, экономикасы мен келбетінен көрінеді. Құрылған сәттен бастап бүгінгі күнге дейін құрамалар Ангрен аңғарында, ішінара Ферғана алқабы мен Хожент ауданында мекендеді. Ұлттық демаркация нәтижелері бойынша құрамалар Қазақстан, Өзбекстан және Тәжікстан - үш республикаға кірді.

Кілт сөздер: құрама, этномәдени бірлестік, Түркістан, топ, Ташкент, қазақтар, Қоқан, өзбектер, тәжіктер, Ангрен, оазис, ұлттық демаркация, қоспа, кедей, отырықшы, жартылай көшпелі экономика.

IRSTI 30.20.00

STUDY OF THE ORIGIN AND ETHNOPOLITICAL HISTORY OF THE KURAMA GROUP WITHIN THE FRAMEWORK

Ryskulov Timur Azizbekovich

Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of External Relations,
Information and the Scientific Cluster of the Institute of History and Ethnology
named after Ch.Ch. Valikhanova CS MES of the Republic of
Kazakhstan, Almaty. E-mail: Timur-Eccehomo-1988@yandex.ru

Annotation. The article discusses the ethno-political history of the Kurama group, which arose from the mixing of part of Kazakh clans and tribes with the settled Turkic and Tajik population of the Tashkent oasis and Angren valley in the 1730-1740s. From its inception to the present, Kurama has represented and represents a special ethnocultural group living mainly in the Angren River Valley. The lands inhabited by Kurama formed the region of the same name Kurama, which played an important strategic role in the military-political relations between the states and peoples of Central Asia and even East Turkestan throughout the entire period of its existence. Culturally, Kuramas are considered a transitional link between the nomads of Desht-i Kipchak and the settled population of the oases of Turkestan, which is reflected in their language, economy and appearance. From the time of its inception to the present, Kurama have been inhabiting the Angren Valley, partly the Ferghana Valley and the Khojent district. According to the results of the national demarcation, the Kurama was included in the three republics of Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan.

Key words: Kurama, ethnocultural community, Turkestan, group, Tashkent, Kazakhs, Kokand, Uzbeks, Kurama, Tajiks, Angren, oasis, national demarcation, mixture, Kedei, settled, semi-nomadic economy.

Введение. В нынешнем 2019 году, в рамках государственных программ «Ұлы Дала» и «Рухани Жанғыру», специалистами Института истории и этнологии им Ч.Ч. Валиханова проводится исследование по теме «Субэтнические группы казахского народа». Целью проекта является подготовка монографии, посвященной описанию ряда субэтнических групп казахского народа. В частности, одной из таких описываемых групп является курама. Данная группа на сегодняшний день представляет малоизученный предмет в современной исторической науке Казахстана, что характеризуется отсутствием цельных научных или научно-популярных монографий. Имеющиеся научные статьи распределены по разным периодическим изданиям, как по времени, так и месту выпуска. Имеющиеся статьи на некоторых сетевых ресурсах не могут рассматриваться в качестве полноценных научно-публицистических статей, поскольку не раскрывают суть вопроса в таких аспектах, как: время и причины происхождения, география расселения, численность, этнополитическая история, хозяйство и культура, историография и источниковедение и пр. В целом отметим, что сведения по нашей теме имеют фрагментарный характер, и разбросаны в различных трудах и документах, поскольку, как уже отмечалось выше, до сих пор отсутствуют

монографии и труды целиком посвященные курама. Поэтому нашей исследовательской задачей, был сбор всей доступной на сегодняшний момент информации, содержащейся в исторической литературе, архивных документах, а также сведений полученных по итогам проведенных интервью с информаторами по происхождению относящихся к курама. Как итог, полученные материалы по возможности должны раскрыть все перечисленные нами аспекты исследуемой проблемы, и таким образом, мы сможем придать рассеянным и разрозненным фактам системность, составив целостную картину для восприятия.

Материалы и методы. В основе настоящего исследования лежат принципы научного историзма и объективизма. При написании настоящей статьи нами использованы сравнительно-сопоставительный и описательный методы. В целом, вся фактическая база исследования построена на строгом критическом анализе материалов. В нашем распоряжении имеется ряд исторических источников среднеазиатского и российского происхождения, по времени относящиеся к 18 и 19 вв. Так, к первым источникам можно отнести произведения Муллы Мухаммед-Нийаз Хоканди «Тарих-и Шахрухия» (Бейсембиев, 1988); ко вторым: «Сказку» вятского купца татарина Шубая Арасланова, а также Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина (История Казахстана в русских источниках, 2007). Кроме того, к числу источников по курама можно отнести путевые записки русских путешественников Е.Л. Маркова, А.П. Хорошхина, Н. М-ева, которые лично наблюдали жизнь курама во время пребывания в их землях (Марков, 1901; Хорошхин, 1870; М-ев, 1870). Затем следует вторая группа источников – это материалы статистических переписей Туркестана дореволюционного и советского периода, и в частности материалы переписей по Сыр-Дарьинской и Ферганской областей. Особенно важные данные содержатся по Ташкентскому уезду, который составлял и составляет основной район расселения курама. Указанные переписи содержат данные по численности курама в разный период времени, название районов их расселения, количество занимаемых ими населенных пунктов, хозяйственных занятиях, языку, отношениям с соседними народами. В ходе поисков в Архиве Президента Республики Казахстан, удалось обнаружить материалы по теме в фонде 139, опись 1, дела 11 и 921, а также в фонде 141, опись 1, дело 60. Найденные документы, посвящены национальному размежеванию в Средней Азии, когда рассматривался вопрос о национально-государственной принадлежности курама, что стало предметом спора между новообразованными республиками Казахстаном и Узбекистаном.

Обсуждение. Первой исследовательской работой по курама можно назвать «Описание киргиз-кайсацкой средней орды» царского полковника И.Г. Андреева, где им уделяется целая глава по истории общности. В частности, им точно дается описание времени возникновения (середина 18 в.), политическое устройство, основные населенные пункты, численность, отношения с соседними государствами и народами. Единственно, автор дает другую версию этнического происхождения курама, относя их к хивинцам и каракалпакам (Андреев, 1998). Следующими по времени исследователями курама стали два русских генерала М.А. Терентьев и А.И. Макшеев, которые оказавшись в Туркестане, занялись изучением истории, географии и этнографии края. Курама очень заинтересовала исследователей своим поликультурным состоянием, являясь полуосевшими кочевниками, вобравших в себя черты как кочевых, так и оседлых народов. Подробные сведения приводятся авторами по численности, родоплеменному составу, а также населяемым волостям курама (Терентьев, 1874; Винников, 1959). После военных, изучением курама, начиная с 1880-х гг., стали заниматься ученые-востоковеды и тюркологи: В.В. Радлов, Н.А. Аристов, Г.Е. Грум-Гримаило, В.И. Масальский, которые используя свои и данные предшественников, попытались составить по возможно подробную историю курама, показав какие этнополитические условия способствовали этому, а также уточнить их родоплеменной состав (Радлов, 1980; Аристов, 2003; Грум-Гримаило, 1926; Масальский, 1913). Несколько позже к числу указанных ученых добавились имена В.В. Бартольда, И.И. Зарубина, П.Е. Кузнецова, составивших уже более точное описание курама, опираясь не только на данные своих предшественников, материалы статистических переписей,

но и на оригинальные восточные рукописи, как в случае с востоковедом Бартольд (Бартольд, 1963; Зарубин, 1925; Кузнецов, 1900). Кроме того, в это же время изучение курама находит отражение в трудах Шакарима и Мухамеджана Тынышпаева, которые дает довольно подробный родоплеменной состав курама, отмечая ведущую роль казахов в образовании общности (Шакарим Кудайбердыулы, 2010; М. Тынышпаев, 2009). В ранний советский период курама также остаются предметом интереса со стороны этнографической науки, вследствие происшедших в Средней Азии процессов нациостроительства. Так, антропологом А.И. Ярхо в середине 1920-х гг. были проведены полевые исследования курама долины Ангрена (Ошанин, Зезенкова, 1953). В 30-40-х гг. прошлого века ряды исследователей курама пополнились именами П.П. Иванова, Ю.А. Якубовского, В.В. Решетова, которые рассматривали курама как отдельную субэтническую группу в составе узбеков (Иванов, 1939; Якубовский, 1941; Решетов, 1945). В 1950-60-е гг. изучение курама продолжилось, несмотря на политическое решение рассматривать их как составную часть узбекского народа. Так, историки и этнографы советского Узбекистана М.Г. Вахабов, Т. Файзиев, К.Ш. Шаниязов, Турсунов Х.Т. в своих работах признавали полиэтничное происхождение курама, однако рассматривали курама как этнографическую группу находящейся в процессе полного слияния с узбекским народом (Вахабов, 1961; Винников, 1959; Шаниязов, 1964; Турсунов, 1971). В это же время изучением курама занимались такие ученые как Б.Х. Кармышева и Я.Р. Винников, которые отмечали, что, несмотря на то, что хотя и наблюдался процесс этнокультурного слияния курама с узбеками, однако динамика была медленной, и в целом, курама считали себя обособленной этнической общностью (Кармышева, 1980; Винников, 1959). Также следует выделить экспедицию 1954 г. К. Наджимова, обследовавшего курама Ангрена, и выяснившего, что у них отсутствует родовое деление (Ошанин, Зезенкова, 1953). В 1970-80-х гг. прошлого века появляются новые видные исследователи, такие как С.С. Губаева, изучавшая курама Ферганской долины (Губаева, 1991). Примечательно, что такой выдающийся казахский ученый-историк М.С. Муканов, в своих трудах, относительно курама ограничился только признанием того, что существуют различные версии происхождения курама (Муканов, 1991). Другой видный отечественный историк Т.К. Бейсембиев на основании анализа источника «Тарих-и Шахрухи», показывает этнополитическую историю курама 19 века вплоть до русского завоевания Туркестана, где они играли видную и не последнюю роль (Бейсембиев, 1988). К числу современных ученых Казахстана, так или иначе затрагивающих тему курама, можно назвать Ж.О. Артыкбаева, А.Б. Калыша, А.И. Исаеву, С.К. Елшибаева, которые как М. Тынышпаев и Шакарим отмечают казахское происхождение курама (Артыкбаев, 2006; Калыш, Исаева, 2016; Елшибаев, 2013). Данное мнение полностью разделяется независимым исследователем, по происхождению кураминцем, Р.Р. Нарзуллаевым, отмечающим, что курама сохранило предания о своем степном казахском происхождении (интервью с Р.Р. Нарзуллаевым от 7.10.2019).

Результаты. Происхождение курама связано с событиями 1720-1730-х гг., когда теснимые ойратами казахские жузы были вынуждены переселиться в ряд оазисов Средней Азии, из которых главным местом стали Ташкентский оазис и сопредельная Ангренская (Ахангаранская долина). Известно, что Ташкент с его округом был тесно связан с этнополитической историей Казахского ханства еще со времен борьбы с Шейбанидами в конце 15-го века (Аристов, 2003:162). В Ташкенте в 1620-х гг. располагалась ставка хана Турсуна, сопровителя хана Есима. Кроме того, река Ангрэн была крайней южной границей ареала казахов, начиная еще с 16 в. (Иванов, 1939: 92), а также то, что в этом районе находилась ставка Тауке хана Ханабад, где каждую осень хан собирал представителей (биев) от трех казахских жузов, кыргызов, каракалпаков, джайма, катаган и курама (Тынышпаев, 1990:57). Вместе эти факторы и обусловили выбор места для переселения, хотя немало родов и племен откочевали в Бухарский оазис. По Аристову, примерно с 1740-х гг. казахские рода и племена начинают постепенно откочевывать на север и северо-запад в степи, однако не все общинники смогли совершить обратное переселение (Аристов, 2003:163). Так, Шакарим указывает, что группа казахской бедноты – кедеев, не имея вьючного скота, не смогла откочевать,

и была вынуждена остаться на прежнем месте, и чтобы прокормиться стала заниматься земледелием по примеру своих оседлых соседей – тюрков и таджиков, постепенно вступая с ними в хозяйственные и культурные отношения, включая брачные (Шакарим, 2010:332). Именно так и возникла курама, примерно в период 1740-х гг.

Свое название курама получила по причине отхода от степной кочевой жизни и переходу к земледелию с одной стороны, а с другой – потому что ее составили выходцы трех жузов, практически из всех племен и родов, большей частью, однако, из Старшего и Младшего объединений казахов. К тому же, со временем курама стала вбирать в себя оседлый тюркский и таджикский элементы, что также оправдывало ее название. Курама во многих тюркских языках означает такие слова, как «смесь», «состав», «смешение» (Бартольд, 1968:552; Зарубин, 1925:12), кроме того, русские дореволюционные авторы переводили «курама» и как «сброд» (Терентьев, 1872:25). Также в тюркских языках встречается глагол «кур», т.е. «сшивать (одеяло) из лоскутов» (Аристов, 2003:163). Ряд русских путешественников указывал, что «курама» появилось от слова «кур», т.е. двор, поскольку казахи, перешедшие к оседлости на новых землях и названных курама, стали селиться селениями, строя глиняные жилища с внутренними дворами – курами (Хорошхин, 1970: интернет-версия). Слово курама имеет лингвистическую схожесть с чагатайским словом «*куран*», т.е. знамя, войско или боевая единица, откуда происходит казачий курень (Казачий словарь-справочник, 1966-1970). Через несколько десятилетий курама расселились на значительной части Ангренской долины, тем самым образовав одноименную область – Курама (Винников, 1959:399). Царский полковник Андреев в своем труде 1785 г. упоминал около 10 селений народа курама, среди которых главным была крепость Кереучи. Там же автор указывает, что во главе курамы был своей правитель – бек со своей резиденцией (Андреев; 1998: интернет-версия). Из Тарих-и Шахрухия мы также узнаем, что во главе селений и крепостей курамы стояли аксакалы и хакимы (Бейсембиев, 1988:88,97). Андреев пишет, что народ курама подчинялся Кокандскому правителю Нарбута-бию (Андреев, 1998). Другие источники подтверждают, что народ и область Курама подчинялись Коканду с момента своего существования до 1799-1800 гг., по причине неудачного похода Кокандского владения на Ташкент (История Казахстана, 2010:280). Тогда же правитель Ташкента Юнус-ходжа, опираясь на казахские племена шанышклы и канглы, а также ополчение Ташкента вступил в земли Курама и присоединил их к своему владению (Там же). Уже в 1803 г. новый хан Коканда Алим-хан собрав войско, решил довершить завоевание Ташкента и вернуть отпавшую Кураму (Бейсембиев, 1988:97). Свой поход он начал с покорения Курама, которая лежала между Ташкентом и Кокандским владением. Вступив в Кураму Алим-хан не встретил там вооруженного сопротивления, поскольку главы (бии, хакимы и аксакалы) кураминских крепостей Булак, Шахидан, Уйшун, Тиляу, Кариз (Кара-хитай), выразили свою покорность Алим-хану, который награждал за это кураминских предводителей жалованными грамотами и подарками, после чего запретил войскам грабежи в этих землях. Единственно, кто оказал сопротивление, была главная кураминская крепость Кереучи, которую кокандские силы подвергли ружейно-артиллерийскому обстрелу, после чего крепость капитулировала (Там же). Таким образом, за период 1804-1807 гг. Коканд восстановил свое господство над Курамой, сделав ее одним из вилайетов своего государства, откуда уже можно было совершать походы на Ташкент, используя кураминские пастбища для откорма скота и вербовать людей в военные отряды (История Казахстана, 2010: 281; Бейсембиев, 1988:97). Нужно отметить, что Курама занимала стратегически важное географическое положение в Средней Азии, поскольку через себя соединяла Фергану с Ташкентом, а оттуда дорога открывалась в земледельческие оазисы и кочевья Южного Казахстана (Терентьев, 1874:108). В свою очередь, Южный Казахстан и Ташкент сообщались с Бухарским владением и Ходжентом также через Кураму. Поэтому то, все военные действия, происходившие в крае, затрагивали Кураму, как область, так и народ.

Вновь оказавшись в составе Кокандского ханства, курама стали играть важную роль во время правления хана Мухаммад-Али (1823-1842 гг.), когда один из лидеров курамы Гадай-бай, входил в придворную группировку, которая пользовалась почти неограниченным влиянием на хана, а возможно и полностью контролировала его

политику (Бейсембиев, 1988:19). Курама в Кокандском ханстве были значительной военной силой. К примеру, в 1838 г. кокандские войска были посланы в Бухарский эмират на Пшагар, где была заложена крепость и размещен гарнизон во главе с Гадай-баем курама, который имел высокий военный титул дадхах (Бейсембиев, 1988:108). А в следующем году, в 1839 г., кураминские войска вместе с другими отрядами Коканда приняли участие в одном из сражений против войск эмира Бухары, однако кокандская армия здесь была разбита, многие командиры взяты в плен, а войска бежали (Бейсембиев, 1988:108). Затем между сторонами начались переговоры, в ходе которых видные советники Малла-хана советовали ему отдать такой важный центр Ходжент под управление дадхаху Гадай-баю курама (Бейсембиев, 1988:109). Уже в 1842 г. Курама и Ташкентское владение вновь отпали от Коканда, и вновь туда были высланы карательные силы. Так, известно, что во время осады кокандскими отрядами крепости Бука, принадлежавшей кураминскому племени тама, там находилась тысяча сторонников бухарского эмира во главе с упомянутым Гадай-баем курама (Бейсембиев, 1988:113). В итоге, отпавшие области Коканд вернул, поскольку в противном случае он оказывался бы в полной географической изоляции, находясь в Ферганской долине, куда могли обрушиться войска бухарцев. В 1857 г. курама оказались втянуты во внутренние междоусобицы двух претендентов на кокандский трон, Худояра и Малла-хана. В тот год в битве при Саманчи отряд курамы крепости Абльк оставил Худояра, покинув битву. Это также способствовало победе Малла-хана, в итоге, занявшего ханский престол (Бейсембиев, 1988:121). Однако радость победы не была долгой, поскольку с севера кокандским владениям на территории Казахстана и Кыргызстана стало угрожать быстрое продвижение русских войск, действовавших из крепости Верный. В этих условиях Малла-хан собирает армию, состоявшую из ополчений казахов, курама и Ташкента, возглавленную Каанат-шахом. Кокандские войска, дойдя до места, близ Биката (между Уч-Алматы и Аштаком) вступили в бой с русскими экспедиционными отрядами, причем как описывал автор Тарих-и Шахрухия Мухаммад-Нийаз Хоканди, кошоны (военные отряды) курама и Ташкента яростно бросились в атаку (Бейсембиев, 1988:122). Сражение продлилось только час, поскольку русские отряды подавили сильным артиллерийско-ружейным огнем силы казахов, курамы и Ташкента вынуждены были отступить (Бейсембиев, 1988:122). Затем через два года, в 1860 г., Малла-хан вновь отдал распоряжение правителю Ташкента Канаат-шаху вместе с войском Кереучи (Курама) и также кураминским племенем шанышклы выступить в поход на защиту города Туркестан от наступления русских войск. Войска прибыли к месту назначения, укрепив там власть Коканда своим присутствием (Бейсембиев, 1988:122). Также следует упомянуть, что в 1860 г. кокандский хан назначил будущего правителя Кашгара Якуп-бека хакимом (наместником) Курамы (Бейсембиев, 1988:88).

В начале 1862 года в Кокандском ханстве произошло убийство Малла-хана, а на престол был возведен Шах-Мурад-хан, которого поддерживали ферганские кочевники. Это событие вновь привело к вооруженной борьбе за власть между придворными партиями и группировками в ханстве. Известно, что находившиеся войска во главе с вали Ташкента Канаат-шахом, которого поддерживали казахи и курама не признали нового хана, а выбрали своим претендентом Худояр-хана, находившегося тогда в Джизаке (Бейсембиев, 1988:88). Спустя три года Ташкент с его округом будет захвачен русским генералом Черняевым и объявлен владением Российской империи. Почти в то же время долина Ангрена, т.е. земли курама также станут подданными ак-патши (русского императора). Уже в 1868 г. новой властью из территории Ташкентского округа и Ангреной долины будет образован Кураминский уезд (Бартольд, 1968:552), названный так по причине этнокультурного многообразия тех земель, где жили оседлые таджики, сарты, полукочевые курама, кочевые казахи и пр. Также колониальные чиновники провели перепись населения и хозяйства, для введения налогообложение и нового административно-территориального деления, разделив уезд на три хозяйственных управления или думы, по принципу принадлежности к бассейну той или другой реки (Чирчик, Ангрена), а также по названию Той-тобе - бывшей резиденции кокандского наместника в Кураме и Ташкентском округе (Терентьев, 1874:75). Вместе с другими народами уезда, курама

избирали своих представителей в Ангренскую и Той-тобинскую думы. В свою очередь думы были поделены на волости, причем в основу формирования волостей ложился как территориально-хозяйственный, так и территориально-родовой признак (Терентьев, 1874:78,79). К примеру, волости назывались Канжигалинская (канжигалы, род аргына), Каризская (селение Кариз или еще Кара-Ктай), Букинская (Бука крепость рода тама) и пр. Знарок Ташкентского уезда М.А. Терентьев очень положительно отзывался о курама, называя их очень прогрессивным народом, открытым для нового, и легко адаптирующихся к происходящим преобразованиям (Терентьев, 1874:78,79). В особенности им отмечалось то, что лучшие туземные чиновники уезда (с 1886 г. Кураминский уезд переименован в Ташкентский (Бартольд, 1968:552) происходят из курама (Терентьев, 1874:78). Кроме того, именно в кураминских волостях всегда вовремя и в полном объеме собирались налоги и разные подати. Терентьев считал, что только с приходом русских в Туркестан, для курама наступили спокойные времена, когда на них больше не нападают ни кокандцы, ни бухарцы или ташкентцы (Терентьев, 1874:108). Русские путешественники рассказывают о встрече кураминцев с генерал-губернатором Туркестана, когда он приехал в один из их селений, тогда высокого сановника очень тепло встретили: «Кураминцы поднесли генерал-губернатору, на блюдах, разные, наиболее ценные произведения своего края: виноград, фисташки, гранаты, сахар леденцовый, и т. п. Генерал-губернатор весьма ласково говорил с Кураминцами, принял хлеб-соль, благодарил за службу, за послушание русским начальникам и за доверие к новым порядкам введенным в Туркестанском генерал-губернаторстве» (Интернет-версия: М-ев, 1870). Таким образом, примерно с середины 1860-х гг. и до 1917 г. курама жили под властью Российской империи.

Установление Советской власти в Туркестане сопровождалось противодействием политической и вооруженной оппозиции в лице Кокандской автономии и повстанческого движения, так называемого басмачества, также коснулось и курама. Известно, что в 1920-1921 гг. часть кураминских волостей оказалась охвачена Ферганским басмаческим движением, образовав особый Аблыкский фронт (Материалы Всероссийских..., 1920:24). И вновь, местоположение Курамы сохраняло свое важное положение между Ферганой и Ташкентом. В 1924-1925 гг. во время проведения национального размежевания возник вопрос или даже спор о государственной принадлежности курама Ташкентского уезда, между новообразованными республиками Казахстана и Узбекистана (Вахабов, 1961:394). Стороны выдвигали вполне обоснованные аргументы на этот счет: так казахская сторона справедливо утверждала, что курама первоначально имеет казахское происхождение, к которым со временем присоединялись узбекские родоплеменные группы; узбекские деятели утверждали, что за длительное время пребывания под влиянием местной культуры, курама по культуре и быту ничем уже не отличаются от узбеков (Вахабов, 1961:394). Казахские партийные руководители указывали, что исходя из сложного этнического происхождения курама, следует предоставить им самим решить вопрос о своей национально-государственной принадлежности (АПРК, 11:77). В итоге, с завершением размежевания территорий, в составе Казахстана, в Сыр-Дарьинской области оказалось 19 тыс. человек из около 50 тысяч курама, живших долине Ангрена (АПРК, 11:53). Соответственно, оставшаяся часть курама осталась в пределах Узбекистана. Отметим, что это был не гуманитарный обмен населением, а перераспределение волостей Ташкентского уезда между Казахстаном и Узбекистаном, так что курама продолжали оставаться на своих исконных землях, поменяв государственную и административно-территориальную принадлежность. Вместе с тем, не следует забывать, что размежевание было составной частью национально-государственного строительства народов Средней Азии, предполагавшее развитие национальной культуры у казахов, узбеков, туркмен и прочих народов. То есть предполагалось создать единые стандарты в области языка, письменности, школьного образования, чтобы укрепить единство сформировавшихся наций, как и предполагалось советско-партийными органами власти. Стало быть, курама также должны были включиться в эти культурные процессы, и в зависимости от нахождения в той или другой республике интегрироваться или же инкорпорироваться в новую культурную и лингвистическую среду: казахскую или

узбекскую (Турсунов, 1971:18).

Реинтеграция курама в Казахстане, представляется несложным процессом, поскольку группа в течение своего исторического существования, находилась в постоянных контактах с казахами, живших на Ангрена (Терентьев, 1874:81; Иванов, 1939:104). Это объясняется в первую очередь общностью происхождения, что стало главной причиной постоянного союза Курамы с казахами Туркестанского района и Ташкентом, где казахские племена и рода играли важную роль, как видно по событиям, связанным с возвышением Юнус-ходжи в Ташкенте (История Казахстана, 2010:280). Кроме того, Коканд для установления своей власти в Южном Казахстане привлекал поставленных в привилегированное положение, казахские роды Курамы и Ташкентского района (Бейсембиев, 1988:130,131). Добавим, что в начале 1860-х гг. хакимом Керейчи был Рустамбек ибн Казакбай аксакал Ташканди, по всей видимости, человек казахского происхождения (Бейсембиев, 1988:123). Я.Р. Винников отмечал, что до 1917 г. хозяйственные и культурные связи курама Ферганы с казахами были постоянны, что позволяет говорить, что отношения курама Ангрена с казахскими сородичами были еще тесней (Винников, 1959:399). Кроме того, курама полностью сохранила свою родоплеменную структуру, будь то тама, жалаир, канжигалы и т.д., что позволяло им сохранить свою идентичность, несмотря на многие воспринимаемые ими элементы культуры и быта у соседних оседлых народов. Очень интересно, что у кураминских родов Ферганской долины сохранилась традиция соблюдения старшинства среди их родов и племен, когда старшим родом у курама считался джалаир, что говорит о казахском происхождении традиции как и самой группы курама (Губаева, 1991:40). Известно, что в Старшем жузе казахов самым почетным считается род жалаир (Тынышпаев, 1990:57).

В группа курама изначально вошли практически все рода и племена всех трех жузов. Так, М. Тынышпаев дает следующую родоплеменную номенклатуру курама: из Старшего жуза: уйсун, дулат, сыйкым, кыбрай (поколений дулата), джалаир, балгалы (род джалаира), канлы, чаншкылы, сргелы, ту-танбалы (род сргелы) и другие; из Среднего жуза: найман, баганалы (род наймана), аргын, канджигалы (род аргына), ачамайлы (род керей); из Младшего жуза Орды: джаппас, чомекей, табын, тама, джагалбайлы, рамадан, джетыру и проч. (Тынышпаев, 2009:224) Шакарим Кудайбердиулы дает несколько другую версию родов курама, относя к ним: кербуши, шахрухия, бука, мураталы, керейт, байсу, каракытай, калайбар, пангаз (Шакарим, 2010:332). Повидимому, это соответствует в первую очередь, названиям примерно десяти главных селений Курамы, из которых родоплеменная принадлежность прослеживается на примере керейт (Киши жуз), а также то, что по Шакариму в состав курама входило племя кара-китай, которое имело свое селение Кариз (Бейсембиев, 1988:97). Это возможно является одним из примеров того, что в составе курамы вошли местные тюркские элементы, не относящиеся к казахам. Кроме того, из Тарих-и Шахрухия нам известно, что в Кураме была местность Уйшун, а крепость Бука принадлежала роду тама (Младший жуз) (Бейсембиев, 1988:113). Кроме того, у курама было селение Телеу, что означает их принадлежность к одноименному роду в составе группы Жетыру Младшего жуза (Интервью с Нарзуллаевым), которую Тынышпаев тоже в шутку называл курамой (Тынышпаев, 2009:224), поскольку она была собрана ханом Тауке из разных племен и родов всех трех жузов. Упомянутый М.А. Терентьев описал названия волостей, в которых проживали курама, это: Хурданская, Каризская, Аблыкская, Теляуская, Букинская, Канжигалинская, Уральская, Ак-Курганская, Бискентская (Ангренская дума); Майдатальская, Осман-Атинская, Гаиб-Атинская, Той-Тюбинская (Той-Тюбинская дума) (Терентьев, 1874:75). И также, можно сказать, что названия волостей образованы как от названия родов и племен (канжигалы, теляу), так и от названия поселений: Бука, Кариз, Аблык, Ак-Курган и пр. Причем каждое из этих селений принадлежало определенному роду курама.

Казахское происхождение курама помимо родоплеменной структуры подтверждается и данными антропологии. Так, советские антропологи Л.В. Ошанин и В.И. Зезенкова отмечали, что из всех народов Узбекистана большую монголоидность во внешнем облике обнаруживают только курама долины Ангрена (Ошанин,

Зезенкова, 1953:37). Данные полевой экспедиции А.И. Ярхо свидетельствуют, что для антропометрии курамы характерны: высокий процент наличия эпикантуса (19,5 %), скудное развитие бороды (1,83), значительная уплощенность лица (1,43), относительно низкий корень носа (1,62), относительно широкое (144) и высокое (129) лицо. Таким образом, приведенные показатели доказывают антропологическую схожесть курама и казахов (Там же). Вместе с тем, помимо тюрко-монгольского элемента, как доминирующего в составе курама присутствует и европеоидный компонент в лице таджиков Ангреной долины, что отмечалось в переписи населения Сыр-Дарьинской области за 1920 г. (Материалы переписей..., 1920:53).

Язык курама по своим характеристикам является прямым результатом сложного этнокультурного происхождения группы. Так, основа курама – казахский компонент говорил на языке Дешт-и Кипчака, поселившись на территории Ангрена, оказался в окружении населения, говорившего на местных тюркских диалектах, включая чагатайский язык. Таджикский элемент, вошедший в состав курама, не оказал какого-либо значительного влияния в становлении языка группы. Таким образом, язык курама составил из северных диалектов Дешт-и Кипчака и местных тюркских наречий (Материалы переписей..., 1920:53). Это привело к тому, что, язык курама занимает промежуточное положение между казахским и узбекским языками. При этом исследователь Р.П. Нарзуллаев считает, что кураминский язык по своему содержанию и морфологии близок к казахскому языку (интервью с Нарзуллаевым от 7.10.2019).

Интересно проследить динамику численности курама с момента их появления и дальше. Так, полковник Андреев в своей книге определяет число курама в 10 тыс. ч., что по времени соответствует примерно 1780-м гг. (Андреев, 1998: интернет-версия) Такое же число для этого периода приводится в многотомном издании по Истории Казахстана за 2010 год (История Казахстана, 2010:282). Затем мы располагаем данными полученными по итогам первых переписей курама, сделанных русскими властями в Туркестане в конце 1860-х гг., согласно которым курама, жившие в бассейне Ангрена, насчитывали 11 тыс. 43 двора или 77 301 человек обоего пола, а уже в 1870 г. численность курама Ангрена отмечена в 83 тыс. человек (Аристов, 2003:163; Терентьев, 1874:79, 80). На момент 1917 г. курама отмечена в 52335 человек в районе Ангрена и Ташкента, и около 3 тыс. в Ферганской долине (Бартольд, 1968:553). После потрясений в Туркестане в 1918-1920 гг., численность курама снизилась на несколько тысяч, составив около 50 тыс., что подтверждается данными переписи 1920 г., где также указывается, что курама проживает в 101 поселке на территории Сыр-Дарьинской области, не считая курама Ферганы (Материалы переписей..., 1920:15,42). Также И.И. Зарубин приводит сведения о 9330 ч. курама, живших в Уральской волости Ходжентского уезда (Зарубин, 1925:13). Современный историк Ж.О. Артыкбаев, численность курама в начале 19 века определил как более 100 тыс. человек (Артыкбаев, 2006:185). Обращает на себя и такой факт: почему с 83 тыс. курама в 1870-м году, получаем их численность всего чуть более 50 тыс. в 1917 г. М.А. Терентьев писал, что живших курама в городе Ташкент при проведении переписей записывали в число сартов или узбеков (Терентьев, 1872:4). М. Тынышпаев, а также ряд документов по размежеванию говорят о том, что некоторая часть курама при переписях называлась узбеками, с целью сохранить за собой земельные наделы и доступ к поливной воде (Тынышпаев, 2009:226, 227). Та же ситуация была и с казахами Ташкентского уезда, что также привело к снижению реальной численности там курама и казахов (АПРК, 11:58; 921:224).

Согласно данным многих авторов, курама возникла из бедных слоев казахов (кедеев) не имевших скота и потому перешедших к земледелию на новых местах в долине Ангрена (Шакарим, 2010:332). По времени это соответствует 1730-1740-м гг., однако уже русские путешественники, проезжавшие через земли курама, отмечали, что они ведут смешанное хозяйство: занимаются хлебопашеством и содержат скот (баранов, верблюдов, коней и коз) (Терентьев, 1874:81, 85, 99). По сообщениям тех же путешественников, в Ташкентском уезде курама часто передвигались верхом на верблюдах (Хорошхин, 1870). Свой скот курама выпасали в Кураминских и Ферганских горах, кочуя вместе с племенем юз (Губаева, 1991:20). Из сведений можно заключить,

что курама были настоящими полукочевниками, что было очень характерно и распространено в пределах Ташкентского оазиса, Ангренской и Ферганской долин. С одной стороны курама сохранили свои традиционные степные занятия, а с другой – перенимали приемы земледелия у местного оседлого населения, попутно вступая с ним более тесные культурные и брачные отношения. Ремесленники курама весьма славились своими коврами, хотя в то же время их изделия из шерсти и войлока очень сближали их с казахами и каракалпаками (История Узбекской ССР, 1956:197). Тип и внутренне убранство жилища курама переняли у соседнего населения, поэтому нередко их дома имели вид усадеб, причем во внутренних дворах стояла войлочная юрта (Материалы переписей, 1920:20). Со временем, курама переняли у соседей искусство строительства глиняных печей (тандыров) для выпечки хлеба (Губаева, 1991:51). Кроме того, в целом под влиянием соседнего оседлого населения, рацион блюд курама стал более разнообразным, увеличилось потребление мучных блюд, но наряду с сохранением традиционных степных мясных и молочных блюд (Там же:50). Также авторы отмечали, что курама очень любят одежду ярких цветов, и среди них распространена тюбетейка, что по нашему мнению, также стало следствием культурного влияния оседлых народов (Марков, 1901:интернет-версия). По религии курама были мусульманами-суннитами, однако больше тяготели к суфизму, поэтому каждый род курамы имел своего наставника (пира) (Губаева, 1991:53). В целом, курама сохранили много степных традиций, конные игры (улак, кокмар), использование юрты (во дворах домов), поклонение могилам предков и великих людей (Интервью с Нарзуллаевым). Женщины курама отличались большей свободой в обществе, и не носили покрывал, по сравнению со своими оседлыми соседками (Зарубин, 1925:12). Все это в совокупности подчеркивает единое происхождение курама с казахами.

Заключение. Таким образом, курама – это этнокультурная общность или группа, сформировавшаяся из бедных представителей (кедеев) разных казахских родов и племен всех трех жузов на территории Ангренской долины примерно в середине 18-го века. С течением времени в состав курама вошли представители узбекских родов и таджиков, при этом родоплеменная структура курама оставалась преимущественно казахской. За несколько десятилетий с момента своего появления, курама стали заметной военно-политической силой в Средней Азии, а их земли - Курама, приобрели ключевое значение в отношениях государств в регионе. Курама в этническом, культурном и прочих отношениях тяготели к казахам Южного Казахстана и Ташкента, однако на протяжении своей политической истории долгое время подчинялись Кокандскому ханству, где Курама имела статус отдельного вилайета. Курама играли в Кокандском ханстве видную роль, активно участвуя как во внешней, так и его внутренней политике. К примеру, предводитель курама Гадай бай, входил в придворную группировку, оказывавшую влияние на кокандского хана Мухаммад-Али. В 1865-1866 гг. курама были покорены Россией вместе с Ташкентским владением. Географически курама проживали преимущественно в долине Ангrena, несколько тысяч переселилось в Ферганскую долину, а также некоторые группы поселились в районе Ходжента. Курама вели полукочевое хозяйство, успешно занимаясь скотоводством и хлебопашеством, а также некоторыми ремеслами. Курама, несмотря на влияние соседних оседлых народов, и культурных заимствований от них, сохраняло свою самобытность, а также кочевническое происхождение. К примеру, в домах курамы, которые были построены по примеру оседлых соседей, во внутреннем дворе размещалась войлочная юрта. К тому же контакты с единоплеменниками казахами всегда были тесными и постоянными. В 1924-1925 гг. по итогам национального размежевания курама оказалась разделенной в пределах трех республик: Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Так, из 50 тысяч курама, проживавших в пределах Ташкентского уезда, 19 тысяч вошли в состав Сыр-Дарьинской области Казахской АССР. По итогам размежевания, курама продолжали населять свои же земли, с той разницей, что они получили новый национально-государственный статус и административно-территориальную принадлежность. Важно отметить, что курама как и казахи всегда сохраняли родоплеменную структуру, а также память о тех местах, откуда их предки совершили исход в первой трети 18 века.

Литература:

Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков/ Фонд Сорос-Казахстан; Составление, транскрипция скорописи XVIII в., специальное редактирование текста и комментарии И.В. Ерофеевой. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.

Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен / Отв. ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек: Илим, 2003. 460 с.

Артыкбаев Ж. О. История Казахстана: Учебник для студентов вузов. Алматы: «Қазақ университеті», 2006. 312 с.

Архив Президента Республики Казахстана (далее АПРК), ф. 139, оп. 2, д. 11, 114 л. АПРК, ф. 139, оп.1, д. 921, 287 л.

АПРК, ф. 141, оп.1, д. 60, 85 л.

Бартольд В.В. Курама // Собрание сочинений в 9-ти томах. Том 5. «Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов». М.: Наука, 1968. 759 с.

Бейсембиев Т.К. «Та`рих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. 200 с.

Вахабов М.Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент: Госиздат Уз ССР, 1961. 588 с.

Винников Я.Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине // Среднеазиатский этнографический сборник. М: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 2. С. 382-409. 412 с.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М, 1927-1929. 10 т.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Соч. в 3-х т. Т.3. Вып.1. Ленинград, 1926. 414 с.

Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце 19 – начале 20 вв. (этнокультурные процессы). Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР. 1991. 132 с.

Елшибаев С.К. О родоплеменном составе жителей Ташкента и Ташкентской области (кураминцы: происхождение и расселение) // Вестник Российско-Таджикского Славянского университета. №1 (40) 2013.

Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. (Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран; [вып.] 9). Ленинград, 1925. 24 с.

Иванов П.П. Казахи и Кокандское ханство (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.) // Записки Института востоковедения АН СССР. Москва. Ленинград, 1939. Т. 7. 38 с.

Интервью с независимым исследователем курама Средней Азии Нарзуллаевым Р.Р. от 7.10.2019 г.

Исаева А.И., Калыш А.Б. Традиционная этнография казахов Туркестана в трудах кадровых русских генералов // Вестник Павлодарского Государственного Университета им. С. Торайгырова. Гуманитарная серия. №1. 2016. С. 32-37.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3 [Текст]: Казахстан в новое время. Алматы: Атамұра, 2010. 768 с.

История Узбекской ССР. В 2-х томах. Т.1. Кн.2. Под ред. С.П. Толстова. Ташкент. 1956. 497 с.

Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, Калифорния, С.Ш.А.. Составитель словаря Г.В. Губарев, редактор-издатель А.И. Скрылов. 1966-1970.

Кармышева Б.Х. «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX – начале XX вв. (по этнографическим данным) // Советская этнография, 1980, №1, С. 46-55.

Кузнецов П.Е. О таджиках Ташкентского уезда. / «Известия Туркестанского отделения РГО», т. I, в. 2, Ташкент, 1900. С. 31-51.

М-ев Н. От Ташкента до Каты-Кургана // Русский вестник, № 3. 1870. (интернет-версия)

Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901.

Масальский В.И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества [В 19-ти т.] // Т. 19: Туркестанский край / Сост. кн. В. И. Масальский. 1913. X, 861 с. : ил., карт.; 7 л. ил., карт. СПб., 1899-1914.

Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII - начале XX веков. Алма-Ата: «Казахстан», 1991. 64 с.

Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Сборник статей. Ташкент: Изд-во Акад. Наук Узб ССР, 1953. 164 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1980. 749 с.

«Сказка» вятского купца татарина Шубая Арасланова о его поездке с торговым караваном в 1741-1742 гг. в Ташкент. // Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII-XIX века. С.86-101. // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Том VI. Алматы: Дайк-пресс. 2007. 516 с.

Терентьев М.А. Статистические очерки Средне-Азиатской России: Из IV т. Записок Отд. Статистики Имп. Рус. Геогр. О-ва / [Соч. М. А. Терентьева]. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1874. [4], 129 с.: табл.; 30 с. табл.

Турсунов Х.Т. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане (1917-1924 гг.). Ташкент: «Узбекистан», 1971. 367 с.

Тынышпаев М.Т. История казахского народа / Составители Такенов А.С., Байгалиев Б. Алматы: Санат, 2009. 288 с.

Тынышпаев М.Т. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Алма-Ата: Алтын-Орда, 1990. 64 с.

Хорошхин А. П. Заметки по дорогам Средней Азии // Военный сборник, № 1. 1870.

Шакарим Кудайбердыулы Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий [пер. с казахского Каирбеков Б.] // Шакарим. Мое время. (Сост. Т.Шанбай). Астана: Аударма. 2010. 408 с.

Шаниязов К.Ш. Этнический состав узбеков и консолидация их в социалистическую нацию. Москва: Изд-во «Наука», 1964. 10 с.

References:

Andreyev I.G. Opisanije Sredney ordy kirgiz-kaysakov / Fond Soros-Kazakhstan; Sostavleniye, transkriptsiya skoropisi XVIII v., Spetsial'noye redaktirovaniye teksta I kommentarii I.V. Yerofeyevoy. Almaty: Gylym, 1998. 280 s.

Aristov N.A. Trudy po istorii i etnicheskomu sostavu tyurkskikh plemen. red. akad. V.M. Ploskiy. Bishkek: Ilim, 2003. 460 s.

Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (dalee APRK), f.139, op.2, d.11, 114 l.

APRK, f. 139, op.1, d.921, 287 l.

APRK, f. 141, op.1, d.60, 85 l.

Artykbayev ZH. O. Istoriya Kazakhstana: Uchebnik dlya studentov vuzov. Almaty: «Khazakh universitetn», 2006. 312 s.

Bartol'd V.V. Kurama // Sobraniye sochineniy v 9-ti tomakh. Tom 5. «Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov». Moskva: Nauka, 1968. 759 s.

Beysenbiyev T.K. «Ta'rikh-i Shakhrukhi» kak istoricheskiy istochnik. Alma-Ata: Nauka, 1987. 200 s.

Grum-Grzhimaylo G.E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray. Soch. v 3-kh t. T.3. Vyp.1. Leningrad, 1926. 414 s.

Gubayeva S.S. Naseleniye Ferganskoy doliny v kontse 19 - nachale 20 vv. (etnokul'turnyye protsessy). Tashkent: Izd-vo «Fan» Uzbekskoy SSR. 1991. 132 s.

Interv'yu s nezavisimym issledovatelem Kurama Sredney Azii Narzullayevym R.R. ot 7.10.2019 g.

Isayeva A.I., Kalysh A.B. Traditsionnaya etnografiya kazakhov Turkestana v trudakh kadrovyykh russkikh generalov // Vestnik Pavlodarskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. S. Toraygyrova. Gumanitarnaya seriya. №1. 2016. S.32-37.

Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney). V pyati tomakh. Tom 3 [Tekst]: Kazakhstan v novoye vremya. Almaty: Atamyra, 2010. 768 s.

Istoriya Uzbekskoy SSR. V 2-kh tomakh. T.1. Kn.2. Pod red. S.P. Tolstova. Tashkent.

1956 g. 497 s.

Ivanov P.P. Kazakhi i Kokandskoye khanstvo. (K istorii ikh vzaimootnosheniy v nachale XIX v.) // Zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR. Moskva. Leningrad, 1939. T. 7. 38 s.

Kazachiy slovar'-spravochnik. San Ansel'mo, Kaliforniya, S.SH.A.. Sostavitel' slovarya G.V. Gubarev, redaktor-izdatel' A.I. Skryly. 1966-1970.

Karmysheva B.KH. «Kochevaya step'» Maverannakhra i yeye naseleniye v kontse XIX - nachale XX vv. (po etnograficheskim dannym) // Sovetskaya etnografiya, 1980, №1, S. 46-55.

Khoroshkhin A. P. Zametki po dorogam Sredney Azii // Voyennyy sbornik, № 1. 1870.

Kuznetsov P.E. O tadjikakh Tashkentskogo uyezda. / «Izvestiya Turkestanskogo otdeleniya RGO», t. YA, v. 2, Tashkent, 1900, s. 31-51.

M-yev N. OfTashkenta do Katy-Kurgana // Russkiy vestnik, № 3. 1870.

Markov Ye.L. Rossiya v Sredney Azii: Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoy, Tashkentskoy i Ferganskoy oblasti, Kaspiyskomu moryu i Volge. SPb., 1901.

Masal'skiy V.I. Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva [V 19-ti t.] // T. 19: Turkestanskiy kray / Sost. kn. V. I. Masal'skiy. 1913. X, 861 s. : il., kart. ; 7 l. il., kart. SPb., 1899-1914.

Mukanov M.S. Etnicheskaya territoriya kazakhov v XVIII - nachale XX vekov. Alma-Ata: «KAZAKHSTAN», 1991. 64 s.

Oshanin L.V., Zezenkova V.YA. Voprosy etnogeneza narodov Sredney Azii v svete dannikh antropologii. Sbornik statey. Tashkent: Izd-vo Akad. Nauk Uzb SSR, 1953. 164 s.

Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika. M.: Nauka, 1980. 749 s.

Shakarim Kudayberdiyuly Rodoslovnaya tyurkov, kirgizov, kazakhov i khanskikh dinastiy [per. s kazakhskogo Kairbekov B.] // Shakarim. Moyevremya. (Sost. T.Shanbay). Astana: Audarma. 2010 g. 408 s.

Shaniyazov K.SH. Etnicheskii sostav uzbekov i konsolidatsiya ikh v sotsialisticheskuyu natsiyu. Moskva: Izd-vo «Nauka», 1964. 10 s.

«Skazka» v 1741-1742 gg. v Tashkent. // Putevyye dnevniki i sluzhebnyye zapiski o poyezdkakh po yuzhnym stepyam. XVIII-XIX veka. S.86-101. // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vekov. Tom VI. Almaty: Dayk-press. 2007. 516 s.

Terent'yev M.A. Statisticheskiye ocherki Sredne-Aziatskoy Rossii: Iz IV t. Zapisok Otd. Statistiki Imp. Rus. Geogr. O-va / [Soch. M. A. Terent'yeva]. SPb: Tip. Imp. Akad. nauk, 1874. [4], 129 s. : tabl. ; 30 v. tabl.

Tursunov KH.T. Natsional'naya politika Kommunisticheskoy partii v Turkestane (1917-1924 gg.). Tashkent: «Uzbekistan», 1971. 367 s.

Tynyshpayev M.T. Istoriya kazakhsko gonaroda / Sostaviteli Takenov A.S. i Baygaliyev B. Almaty: Sanat, 2009. 288 s.

Tynyshpayev M.T. Materialy k istorii kirgiz-kazakskogo naroda. Alma-Ata: Altyn-Orda, 1990. 64 s.

Vakhabov M.G. Formirovaniye uzbekskoy sotsialisticheskoy natsii. Tashkent: Gosizdat Uz SSR, 1961. 588 s.

Vinnikov YA.R. Sovremennoye rasseleniye narodov i etnograficheskikh grupp v Ferganskoy doline // Sredneaziatskiy etnograficheskii sbornik. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. Vyp. 2. S. 382-409. 412 s.

Vsesoyuznayaperepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkiyevodki / izd. TSSU Soyuz SSR. M., 1927-1929. - 10 t.

Yelshibayev S.K. O rodoplemennom sostave zhiteley Tashkenta i Tashkentskoy oblasti (Vestnik Rossiysko – Tadjikskogo Slavyanskogo universiteta. №1 (40) 2013.

Zarubin I.I. Spisok narodnostey Turkestanskogo kraya. (Trudy komissii po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya Rossii i sopredel'nykh stran; [vyp.] 9). Leningrad, 1925. 24 s.

**ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY**

МРНТИ 03.41.91

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ
В ВОСТОЧНОМ ПРИАРАЛЬЕ**

Тажекеев А.А.¹, Курманиязов И.С.²

¹кандидат исторических наук. Кызылординской государственной
университет имени Коркыт Ата, руководитель центра «Археология и этнографии».

E-mail: azik8484@mail.ru

²PhD докторант кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ имени
аль-Фараби. e-mail: egypt.993@mail.ru

Аннотация. В статье представлены краткие результаты археологических исследований, проведенных в Восточном Приаралье. В рамках проекта «Традиционные методы водоснабжения в аридных зонах Казахстана: этнологические и геоархеологические подходы» представлены основные результаты нового поселения Урген и собранного на нем керамического материала. Керамический комплекс с поселения дает нам возможность восстановить историю заселения Приаралья с эпохи неолита и ранней бронзы до раннего железного века. Приаралье в данную эпоху была ареной устойчивой миграции кочевых и полукочевых племен шедших как с юга, так и с востока.

Основным хозяйством в это время, по всей видимости, было отгонное скотоводство, о чем свидетельствует наличие костей КРС в поселениях эпохи неолита и ранней бронзы Приаралья. Однако в этих же стоянках мы находим в большом количестве кости диких животных из семейства лошадиных и антилоп. Охота занимала большое место в жизни древнего человека и открытая стоянка – поселение Урген – является одним из свидетельств этому. Здесь на протяжении тысячелетий древние люди охотились сезонно на мигрирующих диких животных.

Ключевые слова: Восточное Приаралье, Сырдарья, Урген, керамика, колодец, поселение.

ҒТАМР 03.41.91

**ШЫҒЫС АРАЛ МАҢЫ КӨНЕ ЕСКЕРТКІШТЕРІНДЕ
ЖҮРГІЗІЛГЕН ЖАҢА ЗЕРТТЕУЛЕР**

Тажекеев Ә.Ә.¹, Құрманиязов И.С.²

¹Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті,
«Археология және этнография» ғылыми- зерттеу орталығының жетекшісі, т.ғ.к.

Қызылорда қ., E-mail: azik8484@mail.ru

² докторант, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: egypt.993@mail.ru

Түйіндеме. Мақалада Шығыс Арал маңында жүргізілген археологиялық зерттеулердің қысқаша берілген. «Қазақстанның аридтік аймақтарында сумен қамтудың дәстүрлі әдістері: этнологиялық және геоархеологиялық тұрғыда қарастыру» атты жобасы аясында осы аймақтан жаңадан ашылған Урген қонысы және одан жиналып алынған керамика материалдары негізі қорытындылары келтірілген. Керамика материалдары толықтай қаралып қайта қалпына келтіріліп, зерттеулер бойынша бұл қоныс материалдарын неолит қола және ерте темір дәуір кезеңдеріне кіргізіліп отыр.

Қоныстан табылған керамикалық кешен бізге неолит және ерте қола дәуірінен ерте темір ғасырына дейін Арал өңірінің орналасу тарихын қалпына келтіруге мүмкіндік

береді. Бұл дәуірде Арал маңы Оңтүстіктен де, Шығыстан да өткен көшпелі және жартылай көшпелі тайпалардың тұрақты көші-қон алаңы болды.

Осы кездегі негізгі шаруашылық негізгі мал шаруашылығы болды, бұл туралы неолит дәуіріндегі және Арал өңірінің қола дәуіріндегі қоныстарда мал сүйектерінің бар екендігі сонымен қатар, біз бұл қоныстан жабайы жануарлардың сүйектерін – жылқы және антилопа тұқымдастарын көп табылып отыр. Аң аулау ежелгі адам өмірінде үлкен орын алды және жаңадан ашылған Үрген қонысы-олардың бірі болып табылып отыр.

Кілт сөздер: Шығыс Арал маңы, Сырдария, Үрген, керамика, құдық, қоныс.

IRSTI 03.41. 91

NEW RESEARCH OF ANCIENT MONUMENTS IN THE EASTERN ARAL SEA REGION

Tazhekeyev A.A.¹, Kurmaniyazov I.S.²

¹candidate of history, Director Research Centre for Archaeology and Ethnography Korkyt-Ata State University of Kyzylorda. E-mail: azik8484@mail.ru

²PhD doctoral student of the Department of archaeology, Ethnology and museology of al-Farabi Kazakh national University. e-mail: egypet.993@mail.ru

Abstract. The article presents brief archaeological research conducted in the Eastern Aral sea region. The project “Traditional methods of water supply in arid zones of Kazakhstan: ethnological and geoarchaeological approaches” presents the main results of the new settlement of Urgen and ceramic materials collected from it. The ceramic complex from the settlement gives us the opportunity to restore the history of settlement of the Aral sea region from the Neolithic and early bronze age to the early iron age. The Aral sea region in this era was the scene of steady migration of nomadic and semi-nomadic tribes coming both from the South and from the East.

The main economy at this time, apparently, was otgonnoe cattle, as evidenced by the presence of cattle bones in the settlements of the Neolithic and early bronze age of the Aral sea. However, in these same sites we find a large number of bones of wild animals - the family of horses and antelopes. Hunting occupied a large place in the life of ancient man and open Parking-the settlement of Urgen is one of them. Here for thousands of years, ancient hunters were hunting on a seasonal migratory species of wild animals.

Key words: Eastern Aral sea region, Syrdarya, Urgen, ceramics, well, settlement.

Введение. Общеизвестно, что природные условия Приаралья определили постоянное соседство и хозяйственное взаимодействие земледельцев и скотоводов на протяжении всех периодов исторического развития, после разделения этих видов хозяйственной деятельности. Особую роль в истории этого процесса имеют низовья Сырдарья и население этого региона, так как эта территория находилась в центре кочевого мира Евразийских степей, в окружении групп оседлых и полуседлых скотоводов, как в древности, так и в средние века.

Научной базой для изучения культуры и истории древних кочевников степной и полупустынной части Приаралья являются довольно скудные упоминания в письменных источниках и археологические материалы, объем которых за последние полвека стал довольно значительным. Кроме того, следует учитывать данные по экологии региона, которые в сочетании с этнографическими материалами позволяют реконструировать историю хозяйственного освоения территории.

История изучения. Первые стоянки первобытных людей открыты геологами, географами и биологами, проводившими свои исследования в Приаралье в довоенный период.

В 1944 году А.Л. Яншиным в 8 км к северу от станции Саксаульская, в верховьях балки, огибающая гору Терменбес, была найдена большая стоянка, получившая одноимённое название «Саксаульская». Позднее А.А. Формозов анализирует собранные

подъемные материалы и публикует несколько статей, посвященных этому памятнику (Формозов, 1945: 6-8). По его мнению, Саксаульская стоянка датировалась концом III-началом II тысячелетия до н.э и относилась к поздне-кельтеминарской культуре. Значительный сдвиг в археологии Юго-западного Казахстана, произошел с открытием памятников кельтеминарской культуры в Северном Приаралье, под руководством А.А. Формозова. Его работы также нашли отражение в «Археологической карте Казахстана», которая была издана в 1960 году в Алматы (Археологическая карта Казахстана).

Крупномасштабное изучение этого региона несколько десятилетий проводила Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. (Толстов, 1962; Виноградов, 1963; Андрианов, 1960; Итина, 1977).

В 1955 году А.В. Виноградов проводил комплексные археологические разведки на территории Аральского района и открыл многочисленные неолитические стоянки. Тщательно были обследованы окрестности города Аральска в радиусе до 20-30 км вплоть до станции Конту. В итоге был собран подъемный материал из двадцати стоянок эпохи неолита, энеолита и бронзы. Также были открыты и обследованы группы стоянок Саксаульская II, Конту, Жалгыз-агым I, II, III, Шулкун, Тампи и др (Виноградов, 1959: 76-85).

В 1954 и 1958 гг. А.В. Виноградовом были найдены и позже опубликованы небольшая стоянка Есен-тюбе и группа стоянок Жалпак. Исследованиями 1963 и 1973 гг. обнаружена еще одна группа небольших разветвленных стоянок (Космола 1-6, Талас 1, Аймора 1). Это разветвленные памятники, бедные находками, вытянутые в цепочки и тяготеющие к котловинам выдувания. В космолинской группе представлена керамика и кварцито-кремневая индустрия, но с малым количеством инвентаря. Керамические комплексы по аналогиям с жалпакской группой и скоплением 2 из Саксаульской отнесены к поздне-неолитическому времени (Виноградов, 1963: 91-97).

В 2004-2011 годах в ходе разведочных работ Северо-Восточном Приаралье Чиркирабатской археологической экспедиции (начальник экспедиции Ж. Курманкулов) был выпущен «Свод памятников Кызылординской области» на русском и казахском языках, в которых были уточнены расположения памятников (Байпаков, 2004; Свод памятников, 2007).

Основная часть. В ноябре 2018 года сотрудники научно-исследовательского центра «Археология и этнография» КГУ им. Коркыт Ата, провели рекогносцировочные работы на территории Кызылординской области по проекту «Традиционные методы водоснабжения в аридных зонах Казахстана: этнологические и геоархеологические подходы» руководитель проекта Т.Е. Картаева. Целью исследования были выявление и анализ объектов традиционных методов водоснабжения, водоотведения, водопользования и новых памятников археологии².

Одними из значимых объектов исследования является поселение Урген, выявленный в 2018 году. На нем проведены подъемные сборы, определена культурно-хронологическая канва.

На стоянке Урген 2018 году был собран выразительный набор артефактов из развалов и фрагментов глиняной посуды, каменных орудий труда и заготовки. Поскольку это были первые сборы открытого нового памятника, сборы проводились не тотально, а выборочно с тем, чтобы зафиксировать объект и сделать необходимые документальные процедуры для подготовки памятника к последующим раскопкам.

Поселение Урген. Временное поселение Урген расположено в 300-400 км от колодца «Ащы Урген» - соленый колодец, рядом с которым расположен дом пастуха (рис 1). Это разветвленный памятник, находящийся в котловине выдувания, бедный находками, здесь малое количество каменных орудий, однако большое количество фрагментов керамики и костей. Следует упомянуть, что в этом регионе 2013 году был

² Авторы статьи благодарят проводнику разведки Аманжол Жумабекова за содействие изыскательным работам.

выявлен памятник бронзового века Тапа, находящийся на расстоянии 30 км от Урген (Тажекеев, Онгар, Шораев, 2013).

Методика исследования. На стоянке Урген 2018 году был собран выразительный набор артефактов из развалов и фрагментов глиняной посуды, каменных орудий и заготовок. Поскольку это были первые сборы нового памятника, сборы проводились не тотально, а выборочно с тем, чтобы зафиксировать объект и сделать необходимые документальные процедуры для подготовки памятника к последующим раскопкам.

Лабораторная обработка материала производилось с использованием традиционных методов фиксации и описаний и были направлены на получение максимальной информации.

Во первых, полевые материалы были тщательно очищены от культурного слоя, помыты и просушены. Затем артефакты поделены на группы по исходному материалу-глина, камень, кости.

Научная обработка коллекций глиняной посуды сводилась к следующим процедурам:

- Все фрагменты керамики были разложены на хронологические группы исходя из типологии и технологии изготовления керамики.
- Далее внутри каждой группы керамики, фрагменты были сгруппированы по зонам сосудов- шейки, тулово, придонная часть и днища.
- Затем производилось подборка и склейка аналогичных фрагментов керамики.
- Следующей операцией было определение диаметров фрагментов шеек сосудов при помощи картонного шаблона диаметров.
- Прорисовка профиля фрагментов.
- Реконструкция формы сосудов исходя из степени сохранности и количество фрагментов.
- Прорисовка орнамента на всех зонах поверхностях сосудов.

Керамика. Керамика было разделена на несколько групп. На рисунке 2 представлены 6 реконструированных сосудов (рис. 2, 1-6).

Обломки представлены шейками: Первый фрагмент шейки глиняного сосуда, отражает реконструированный диаметр сосуда в 22 см. Высота обломка 7 см, ширина под венчиком 3 см, толщина разреза под венчиком 0,8 см, на противоположном конце – 0,8 см. Сосуд ручной лепки, тесто черного цвета с примесью шамота. Наружная поверхность грязно- желтого- светло- коричневого цвета со следами затертости травой и щепкой.

Внутренняя поверхность черного, с элементами современной охры и песка. Поверхность также обработана травой и щепкой, фиксируются легкие углубления от пальцев в процессе формовки сосуда. Внешняя поверхность слегка ангобирована.

Орнамент представлен жемчужинами, образованными от давления трубочки с внутренней поверхности. Жемчужины располагаются в один ряд на расстоянии 2 см от плоскости венчика. Расстояние между жемчужинами 2,5 см, диаметр их – 0,8 см, диаметр вдавлений изнутри – 1 см.

Второй фрагмент шейки глиняного сосуда определяется диаметром 23 см. Высота обломка 5 см, ширина под венчиком 2,5 см, толщина в разрезе под венчиком 0,9 см, на противоположном конце – 0,9 см. Сходство по технологии изготовления сосуда, есть с предыдущим фрагментом. Сосуд ручной лепки, тесто черного цвета с примесью шамота. Наружная поверхность грязно-желто-светло-коричневого цвета со следами затертости травой и щепкой.

Внутренняя поверхность черная, местами охристого цвета с включениями песка. Поверхность также обработана травой и щепкой, фиксируются легкие углубления от пальцев, оставленные в процессе формовки сосуда. Внешняя поверхность слегка ангобирована.

Орнамент представлен жемчужинами, образованными от вдавления трубочкой со стороны внутренней поверхности. Жемчужины располагаются в один ряд на расстоянии 2 см от плоскости венчика. Расстояние между ними 2,5 см, диаметр жемчужин – 0,8 см, диаметр вдавлений изнутри – 1 см.

Третий фрагмент шейки глиняного сосуда без орнамента, горшечной формы

ручной лепки, определяет диаметр горшка в 26 см. Сосуд с открытой слегка вогнутой шейкой. Венчик уплощенный, шириной 1,3 см. фрагмент шириной – 4 см высотой – 3 см. На наружной поверхности фиксируются защипы на уровне 2,6 см от венчика в интервале 1,8 см. Техника ручной лепки, поверхность аногобирвана, имеет охристый цвет.

Четвертый фрагмент шейки глиняного сосуда имеет реконструированный диаметр 30 см. Высота обломка 5,3 см, ширина под венчиком 6,5 см. В разрезе черепок под венчиком – 0,8 см, на противоположном конце – 0,7 см.

Сосуд ручной лепки, тесто красно- черного цвета, с примесью шамота. Наружная поверхность грязно-красно-коричневого цвета, со следами затертости травой и щепкой.

Внутренняя поверхность черного, с элементами охристого цвета и включениями песка, обработана травой и щепой. Внешняя сторона слегка ангобирвана.

Орнамент представлен жемчужинами, образованными от вдавления трубочкой с внутренней поверхности стенки. Жемчужины располагаются зигзагообразно, на расстоянии 2,6 см и 1,7 см от поверхности венчика. Расстояние между жемчужинами 2,5 см, диаметр их – 0,8 см, диаметр вдавлений изнутри – 1 см.

Пятый фрагмент шейки глиняного сосуда имеет реконструированный диаметр 25 см. Высота обломка 6,4 см, ширина под венчиком 5,5 см, толщина разреза под венчиком 1,1 см, противоположном конце – 1,3 см.

Сосуд ручной лепки, тесто черного цвета с примесью шамота. Наружная поверхность грязно-желто-светло-коричневого цвета со следами затертости травой и щепкой.

Внутренняя поверхность черного, с включениями охры и песка. Поверхность также обработана травой и щепкой. Фиксируются легкие углубления от пальцев мастера в процессе формовки сосуда. Внешняя поверхность слегка ангобирвана.

Орнамент представлен жемчужинами, образованными от вдавления трубочкой с внутренней поверхности. Они располагаются в один ряд, на расстоянии 0,9 см от плоскости венчика. Расстояние между жемчужинами 2,5 см, диаметр их – 1,4 см, диаметр вдавлений изнутри – 2 см.

Шестой фрагмент шейки глиняного сосуда имеет реконструированный диаметр в 22 см. Высота обломка 3,9, ширина под венчиком 4,5 см. Толщина в разрезе черепка под венчиком – 0,9 см, на противоположном конце -1 см.

Сосуд ручной лепки. Тесто черного цвета с примесью шамота. Наружная поверхность грязно-желто-светло-коричневого цвета, со следами затертости травой и щепкой.

Внутренняя поверхность черного, с элементами охры и песка. Поверхность также обработана травой и щепкой. Фиксируются легкие углубления от пальцев мастера в процессе формовки сосуда. Внешняя поверхность слегка ангобирвана.

Орнамент представлен жемчужинами, образованными от вдавления трубочкой с внутренней поверхности сосуда. Жемчужины располагаются в один ряд на расстоянии 2,1 см от плоскости венчика. Расстояние между ними – 2,5 см, диаметр их – 1,4 см, диаметр вдавлений изнутри – 0,7 см.

В рисунке 3 представлены 8 реконструированных сосудов (рис. 3, 1-8).

Первый фрагмент сосуда определяет диаметр сосуда в 23 см. Высота черепка 5,5 см, ширина под венчиком 6 см, ширина под шейкой 5 см, толщина под венчиком 0,8 см, толщина у концов обломка – 1 см. Сосуд ручной лепки. В разрезе – тесто желто-светло-коричневого цвета, с примесью песка и шамота.

Наружная поверхность желтого цвета, с золистыми пятнами образованными в процессе обжига.

Поверхность с наружи хорошо затерта, внутренняя – коричневатого цвета с золистыми пятнами. На внутренней поверхности выступают легкие жемчужины от следов ямочных вдавлений с наружной стороны. Орнамент бедный, представлен ямочными вдавлениями в один ряд под шейкой, в 2,5 см от края сосуда и на расстоянии 3,5 см между ямочными вдавлениями.

Второй фрагмент шейки сосуда, имеет высоту 6,5 см. Его ширина под венчиком составляет 5 см, толщина под венчиком – 0,9 см, толщина у конца обломка – 0,8 см.

Сосуд ручной лепки. В разрезе тесто черного цвета, с примесью мелкого песка и шамота.

Наружная поверхность черепка красно-серого цвета, обработана травой и мелкой щепой. С наружи поверхность ангобирована. Внутренняя сторона также ангобирована и имеет светло-коричневый цвет.

На наружной поверхности фиксируются горизонтальные вдавления от пальцев древнего мастера, оставленные в процессе формовки сосуда.

Орнамент, в виде еле заметных жемчужин, представлен редкими ямочными, трубчатыми вдавлениями изнутри сосуда. Диаметр реконструированного сосуда составляет 22 см.

Третий фрагмент шейки от сосуда баночной формы черного цвета, изнутри и снаружи имеет тесто черного цвета с примесью песка и шамота.

Сосуд с открытой горловиной, венчик уплощенной формы. Под венчиком на расстоянии 1,4 см, нанесены ямочные вдавления круглой палочкой диаметром 0,5 см. Изнутри они маркируются жемчужными бугорками диаметром 0,8. Ширина фрагмента – 4,5 см. высота – 3 см. ширина венчики – 1 см. Толщина стенки – 0,8 см. Сосуд относится к поздней бронзы и раннему железному веку.

Четвертый фрагмент шейки глиняного сосуда определяет реконструированный диаметр – 28 см. Высота фрагмента – 4,8 см, ширина под венчиком – 4,7 см.

Венчик уплощенно-вогнутой, клювовидной формы, отогнутый на внешнюю сторону. Ширина венчика составляет 1,9 см. Сосуд ручной лепки, с примесью в тесте песка и шамота. Наружная сторона ангобирована, имеет серо-коричневый цвет. Внутренняя поверхность – светло-коричневого цвета, с оттисками углублений.

Реконструируется сосуд как горшечной или баночной формы, со слегка закрытой горловиной. На внешней поверхности нанесены ямочные вдавления.

Пятый фрагмент шейки глиняного сосуда определяет диаметр сосуда в 26 см. Высота обломка – 4 см, ширина под венчиком – 5,2 см, толщина под венчиком – 1,1 см, на противоположном конце – 1,2 см. Сосуд ручной лепки, тесто красно-черного цвета, с примесью шамота. Наружная поверхность грязно-желто-светло-коричневого цвета, со следами затертости травой и щепой.

Внутренняя поверхность черного, с элементами охры и песка. Поверхность также обработана травой и щепой, фиксируются легкие углубления от пальцев древнего мастера в процессе формовки сосуда. Внешняя поверхность слегка ангобирована.

Орнамент представлен жемчужинами, образованными от вдавления трубочкой с наружной поверхности.

Шестой фрагмент шейки глиняного сосуда определяет диаметра в 12 см. Высота обломка – 8,7 см, ширина под венчиком – 3 см, в разрезе толщина под венчиком – 1 см, на противоположном конце – 1 см. Сосуд ручной лепки, с примесью в тесте песка и шамота. Тесто красно-черного цвета, наружная часть ангобирована, имеет красноватый цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

Седьмой фрагмент шейки глиняного сосуда реконструирует диаметр в 18 см. Высота обломка – 4,2 см, ширина под венчиком – 5 см, толщина под венчиком 0,7 см, на противоположном конце – 0,8 см. Ямочные вдавление нанесены торцом круглой палочки диаметром 0,7 см. Снаружи они маркируются жемчужными бугорками диаметром 1 см. Сосуд ручной лепки, красного-черного цвета.

Восьмой фрагмент шейки глиняного сосуда реконструирует диаметр в 23 см. Высота обломка – 4,9 см, ширина под венчиком – 5,3 см, толщина в разрезе – 1,3 см. Сосуд ручной лепки, с примесью в тесте песка и шамота. Тесто черного цвета, наружная часть ангобирована, имеет красно-серый цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

В рисунке 4 представлены 8 реконструированных сосуда (рис. 4, 1-8).

Первый фрагмент шейки глиняного сосуда реконструируется диаметром в 21 см. Высота обломка – 5,3 см, ширина под венчиком – 3,9 см, толщина в разрезе – 2,9

см, Тесто черного цвета, наружная часть ангобирована, имеет красно-серый цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по изгибу шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком. Орнамент отсутствует.

Второй фрагмент шейки без орнамента, определяет диаметр сосуда в 22 см. Высота обломка – 4,3 см, ширина под венчиком – 4,5 см, толщина разреза – 0,7 см. Тесто черного цвета, с примесью песка и шамота. Наружная часть серого цвета. Внутренняя – грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

Третий фрагмент шейки без орнамента определяет диаметр сосуда в 16 см. Высота обломка – 3,2, ширина под венчиком – 4,4 см, толщина разреза – 0,9 см. Тесто черного цвета, с примесью песка и шамота. Наружная часть ангобирована, имеет красно-серый цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

Четвертый фрагмент шейки без орнамента определяет диаметр сосуда в 22 см. Высота обломка – 2 см, ширина под венчиком – 5 см, толщина разреза – 1,3 см. Тесто черного цвета, наружная часть ангобирована, имеет красно-серый цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

Пятый фрагмент шейки без орнамента определяет диаметр сосуда в 18 см. Высота обломка – 5,9 см, ширина под венчиком – 4,6 см, толщина разреза – 0,8 см. Тесто черного цвета, с примесью в тесте песка и шамота. Наружная часть ангобирована, имеет красный цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

Шестой фрагмент шейки без орнамента определяет диаметр сосуда в 23 см. Высота обломка – 4,8 см, ширина под венчиком – 4,9 см, толщина в разрезе – 1 см. Тесто черного цвета, с примесью песка и шамота. Наружная часть ангобирована, имеет красный цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

Седьмой фрагмент шейки без орнамента определяет диаметр сосуда в 10 см. Высота обломка – 6,2 см, ширина под венчиком – 6 см, толщина разрез – 0,9 см. Тесто черного цвета, с примесью песка и шамота. Наружная часть ангобирована, имеет красный цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

Восьмой фрагмент шейки без орнамента определяет диаметр сосуда в 12 см. Высота обломка – 2,6 см, ширина под венчиком – 4,3 см, толщина в разрезе – 0,7 см. Тесто черного цвета, с примесью песка и шамота. Наружная часть ангобирована, имеет красный цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком.

На рисунке 5 представлены 2 реконструированных сосуда (рис. 5, 1-2).

Первый фрагмент шейки определяет диаметр сосуда в 24 см. Высота обломка – 6,9 см, ширина под венчиком – 7,3, толщина в разрезе – 1,1 см. Тесто черного цвета, с примесью песка и шамота. Наружная часть ангобирована, имеет красный цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком. Орнамент бедный, представлен ямочными вдавлениями диаметром 0,5 см.

Второй фрагмент венчика определяет диаметр сосуда в 16 см. Высота обломка – 7 см, ширина под венчиком – 5 см, толщина разреза – 0,9 см. Тесто черного цвета, с примесью песка и шамота. Наружная часть ангобирована, имеет красный цвет. Внутренняя поверхность грубо обработана. Судя по фрагменту шейки, сосуд имел горшечную форму с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком. Орнамент бедный, представлен ямочными вдавлениями диаметром 0,9 см.

Рисунок 7. На нем представлен один реконструированный из фрагментов сосуд (рис.7).

Фрагмент шейки сосуда представлен баночной формой с закрытой горловиной.

Реконструируется диаметр сосуда и составляет 26 см. Венчик уплощенной формы, шириной 1,4 см, украшенный сетчатыми гребеченчатыми оттисками. Внутренняя часть заглажена пальцами древнего мастера. Ширина вдавлений 1 см.

Наружная поверхность красно-коричневого цвета с известковым белым налетом. Внутренняя сторона темно-серого цвета и равномерного обжига. В разрезе тесто черного цвета с включениями мелкого шамота и песка.

Ширина фрагмента у венчика равна 6 см, максимальная высота – 6 см, толщина у венчика – 0,9 см.

Рисунок 8. В рисунке представлены 3 реконструированных сосуда (рис. 8, 1-3)

Первый фрагмент шейки происходит от сосуда баночной формы с открытой горловиной и оттянутым наружу венчиком. Сосуд имел диаметр 26 см, Ширина фрагмента – 4,4 см высота – 4,3 см толщина по шейке – 0,6 см толщина у плеча – 0,9 см.

Сосуд качественной формовки и выделки теста серо-коричневого цвета с наружной стороны. Внутренней стороны черепок темно-серого цвета.

На внешней поверхности орнамент нанесен двумя зонами; сразу под венчиком – идут косые оттиски линий, по центру шейки идет четкая легкая горизонтальная полоса. На стыке шейки и стенки помещается уступчик плеча, который маркируется второй горизонтальной линией по плечу. По стенке нанесены треугольные вдавления. Венчик округлой правильной формы, слегка оттянут наружу. Типологически керамика относится к алакульской культуре андроновской культурно-исторической общности.

Второй фрагмент стенки определяет диаметр сосуда – 8 см, толщиной – 0,8 см. Высота фрагмента – 7,2 см ширина – 3,8 см. Внутренняя поверхность ангобирована, имеет светло-коричневый цвет. Наружная поверхность черного цвета. Стенка орнаментирована трех рядовыми горизонтальными линиями шириной 0,3 см.

Фрагмент керамики технологически относится к эпохе бронзы и не связан с выше описанной керамикой.

Третий фрагмент сосуда относится к эпохе развитой бронзы, состоит из двух фрагментов шейки одного сосуда светло-коричневого цвета. Сосуд с хорошим равномерным обжигом с одинаковым внутри и снаружи светло-коричневым цветом.

Сосуд горшечно-баночной формы с открытой горловиной, украшен под венчиком на шейке равнобедренными треугольниками, заполненные наклонной штриховкой. Толщина стенок 0,6-0,7 см. Тесто хорошо отмучено с примесью мелкого шамота.

Каменные орудия. Тёрочник наковальня выполнен из желтого серого гранита уплощенных двух сторонами. Таршинок наковальный, плане овальной кругловой максимальной диаметр 11,4 см, минимальный диаметр 10,3 см. Толщина варьирует 3 см и 2 см. Одно поверхность обработано слегка вогнутом с работой вида затертой. Второй противоположной тоже использован в работе. Торцовая часть овальной заглутыми углами горизонтальном следами с работностей использовался как тёрочник для растерения породы или шлифовка каменных изделий (рис. 9).

Заключение. Археологические работы по выявлению следов первобытного освоения древней дельты Сырдарьи древним человеком, показало, что культуры первобытной эпохи изучены недостаточно. Краткий обзор аналогий керамики стоянки Урген дает возможность вновь рассмотреть предположение, высказанное некоторыми исследователями о времени заселения и хозяйственном освоении Восточного Приаралья. В ходе лабораторный исследований были восстановлены 2 крупных сосуда, первый сосуд (рис. 10, №1) высота 27 см, ширина тулова 29 см, горловина 21 см.

Второй сосуд (рис. 10, №2) ширина тулова 18 см, высота 26 см. по характерам сосудов сделавший этих сосудов один мастер.

Предварительные результаты исследований, в том числе анализ сосудов с местонахождений Урген, их можно датировать концом II тыс. и началу I тыс. до н. э.

Литература:

- Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья М.1960.
Археологическая карта Казахстана. Реестр Алма-Ата, Изд-во АН КазССР. 1960, 450 с.

Байпаков К.М., Борофкко Н., Савельева Т.В., Ахатов Ф.А., Лобас Д.А., Ержанова А.А. Итоги археологических исследований по проекту INTAS «CLIMAN» // Известия НАН РК. №1 Серия общ. наук 2004. С. 236-254.

Виноградов А.В. Археологическая разведка в районе Аральска – Саксаульской в 1955 г. // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. 1959. С. 76-85

Виноградов А.В. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры // МХЭ. Выпуск 6. 1963. С. 91-97.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья // ТХЭ. 1977. Т. X. 239 с.

Свод памятников истории культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы. Аруна, 2007. 376 с.

Тажекеев, Онгар, Шораев. Археологические исследования. Кызылорда, 2013.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 324 с.

Формозов А.А. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. «Вестник КазФАН», 1945. №2. Алма-Ата. С. 6-8.

References

Andrianov B.V. Drevnie orositelnye sistemy Priaralia M.1960.

Arheologicheskaya karta Kazahstana. Reestr Alma-Ata, Izd-vo AN KazSSr. 1960, 450 s.

Баупаков К.М., Борофкко Н., Савельева Т.В., Ахатов Г.А., Лобас Д.А., Ержанова А.А., Итоги археологических исследований по проекту INTAS “CLIMAN” // Известия НАН Р.К. №1 Серия об. наук 2004. С. 236-254.

Vinogradov A.V. Arheologicheskaya razvedka v raione Aralska – Saksaulskoi v 1955 g. // Trudy IIAE AN KazSSR. T. 7. 1959. S. 76-85.

Vinogradov A.V. Novye materialy dlia izscheniia kelteminarskoi keltory // MHE. Vypusk 6. 1963. S. 91-97.

Itina M.A. Istoriia stepnyh plemen Iujnogo Priaralia // THE. 1977. T. X. 239 s.

Svod pamiatnikov istorii keltory Respöblikı Kazahstan. Kyzylordinskaia oblast. Almaty. Aröna, 2007. 376 s.

Tazhekeev, Ongar, Shoraev. Arheologichiskie issledovania. Kyzylorda, 2013.

Tolstov S.P. Po drevnim deltam Oksa i Iaksarta. M., 1962. 324 s.

Formozov A.A. Ob otkrytii kelteminarskoi keltory v Kazahstane. «Vestnik KazFAN», 1945, №2, Alma-Ata. S. 6-8.

Рис. 1. Общий вид поселения Урген 2018 год.

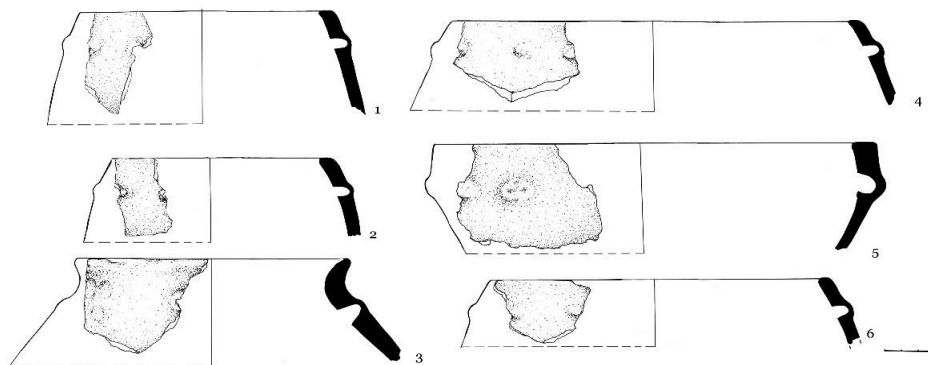

Рис.2 Фрагменты керамики поселения Урген.

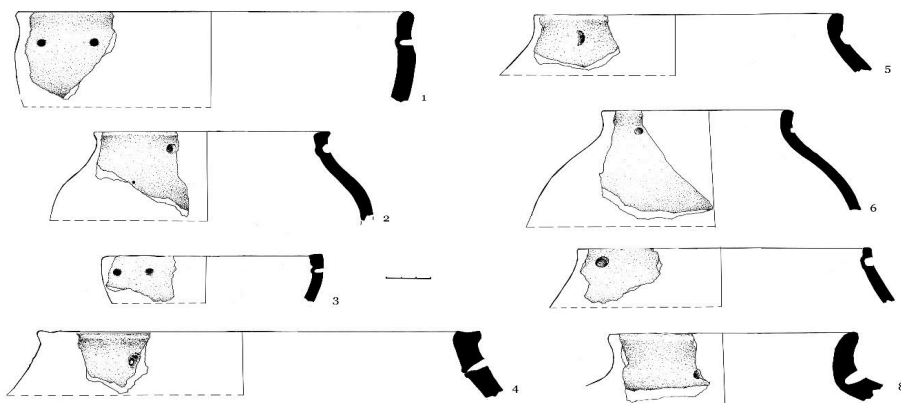

Рис.3. Фрагменты керамики поселения Урген.

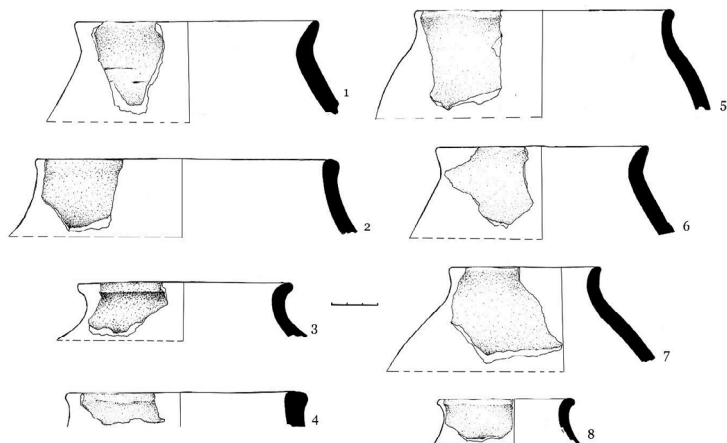

Рис.4. Фрагменты керамики поселения Урген.

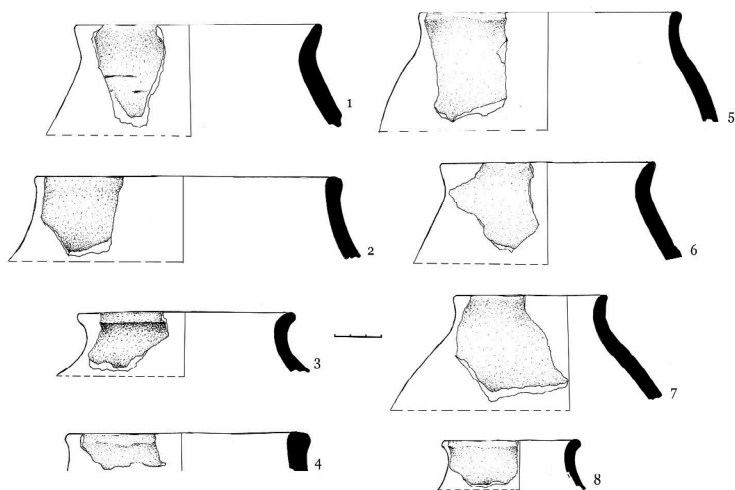

Рис.5. Фрагменты керамики поселения Урген.

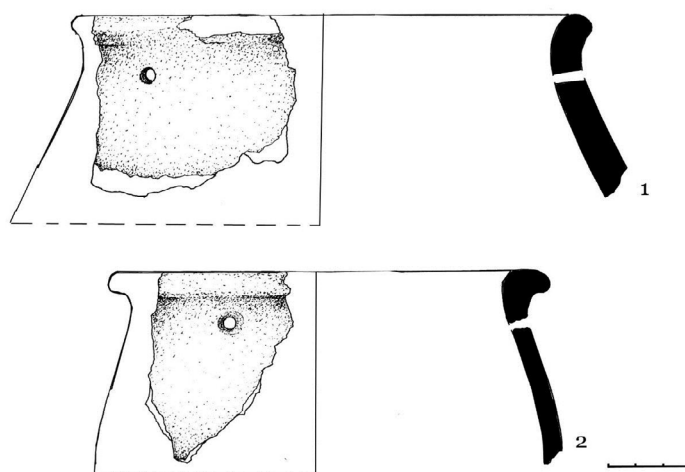

Рис.6. Фрагменты керамики поселения Урген.

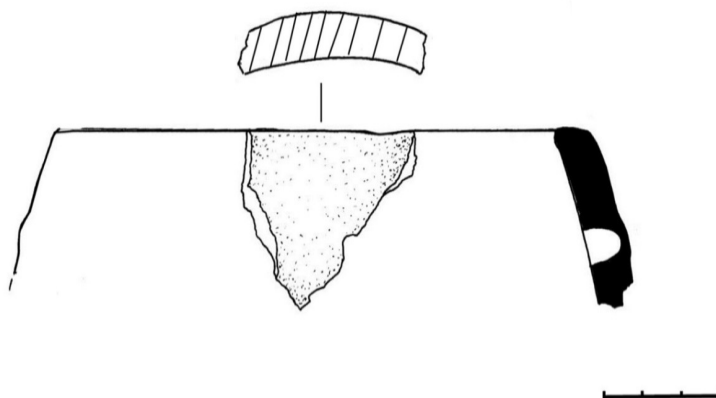

Рис.7. Фрагменты керамики поселения Урген.

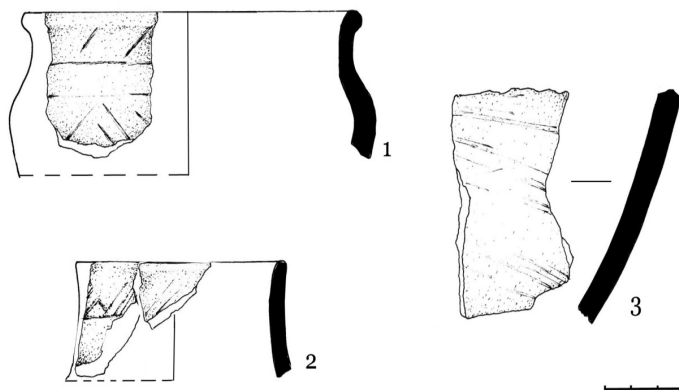

Рис.8. Фрагменты керамики поселения Урген.

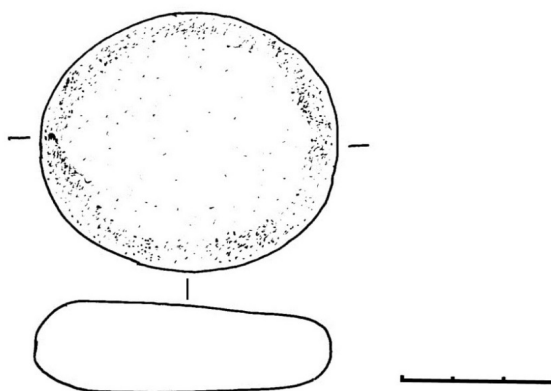

Рис.9. Каменные орудия. Тёрочник поселения Урген.

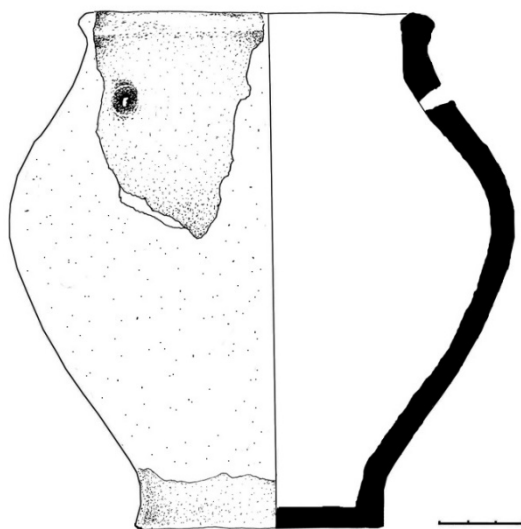
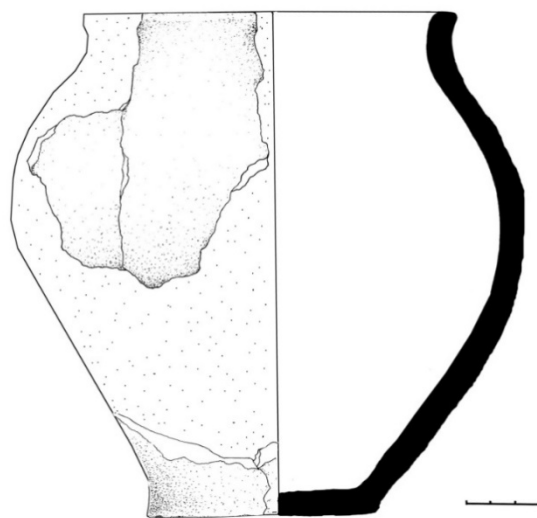

Рис.10. Реконструкция сосуда №1, 2 поселения Урген

**ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТАРИХИ ТОПОНИМИЯСЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ КАЗАХСТАНА
HISTORICAL TOPONYMY OF KAZAKHSTAN**

ГТАХР39.29.15.

**АТЫРАУ ОБЛЫСЫНДАҒЫ ГИДРОНИМДЕР АТАУЛАРЫ:
ТАРИХИ-ТОПОНОМИЯЛЫҚ ТАЛДАУ**

Жұмабаева Жұмазия Кенжебаевна¹, Өтепқалиева Мәнет Қазихановна²
№т.ғ.к., қауымдастырылған профессор, Х. Досмұхамедов атындағы Атырау
мемлекеттік университеті, Атырау қ. Қазақстан, E-mail: zia_88@mail.ru
²магистрант, Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті,
Атырау қ. Қазақстан, E-mail: manet-1962@mail.ru

Түйіндеме: Мақалада «Рухани жаңғыру», «Туған жер» бағдарламаларын жүзеге асыру аясындағы «Атырау облысының жер-су атауларына тарихи талдау» атты зерттеу бойынша аймақтың басты гидронимдерін тарихи-топонимиялық талдауға үмтылыс жасалды. Зерттеуде пәнаралық әдістерді (тарих, этнология, тарихи география, лингвистика) қолдану арқылы Атырау аймағының басты гидрономастикасының (Каспий теңізінің әртүрлі атаулары және Жайық өзені) антропогендік сипаты негізделіп, түркі тілдес халықтардың таралу ареалы болған деген тұжырым бекітілді. Каспий теңізінің қолданыстан шыққан әртүрлі атаулары, бір жағынан, оны өткен дәуірлерде мекендеген халықтардың этникалық кеңістігін және аймақ тарихының даму кезеңдерін айқындады, екінші жағынан, олардың көне замандар мен орта ғасырлардағы әлемдік өркениеттегі әлеуметтік-экономикалық мәнін (Ширван, Дербент, т.б) көрсетті. Облыстың ең ірі гидронимі – «Жайық» атауының мыңдаған жылдарға созылған тұрақтылығына оның көнетүркілік негізі ықпал етсе, ал Жем, Сағыз, Ойыл, Қайнар өзендері атауларының семантикасы қазақ ұлтының дүниетанымы, тұрмыстық, тарихи-әлеуметтік тәжірибесі мен құндылықтары негізінде жасалып, табиғи-географиялық сипатта болған деген қорытынды жасалды.

Кілт сөздер: Атырау тарихы, гидронимдер ономастикасы және топонимикасы, тарихи талдау, Каспий, Жайық, Жем, Сағыз, Ойыл өзендері.

МРНТИ 39.29.15.

**ГИДРОНИМЫ АТЫРАУСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИКО-
ТОПОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Жұмабаева Жұмазия Кенжебаевна¹, Утепқалиева Мәнет Қазихановна²
№к.и.н., ассоциированный профессор Атырауского государственного университета
имени Х. Досмұхамедова, г. Атырау, Казахстан, E-mail: zia_88@mail.ru
Магистрант Атырауского государственного университета имени
Х. Досмұхамедова, г. Атырау, Казахстан, E-mail: manet-1962@mail.ru

Аннотация: В свете реализации государственных программ, инициированных Елбасы Н. Назарбаевым: «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» и «Туған жер» в данной статье проводится лингвистико-исторический анализ гидронимов Атырауской области. В процессе исследования посредством применения междисциплинарных методов (история, этнология, историческая география, лингвистика) сделаны следующие выводы: в большинстве топонимов Каспийского моря отражены этнические процессы различных племен и народов, а в гидрониме «Жайық» – антропогенно-мифологический пласт, которые подтверждают вывод о том, что южноуральский и каспийский регионы были ареалом распространения

тюркоязычных племен и народностей. Вышедшие из употребления, старые названия Каспийского моря, с одной стороны, свидетельствуют об этнических пространствах древних народов и исторических периодах развития данного региона, с другой стороны, об их социально-экономической роли в мире (Ширван, Дербент, т.д.). Топоним Яик-Жайык характеризуется древнетюркским пластом, что придает ему устойчивость в течение многих тысячелетий. Семантика малых рек Жем (Эмба), Сагиз, Уил (Ойыл), Кайнар связана с природно-географическим фактором, историко-социальным и бытовым опытом казахского народа.

Ключевые слова: История Атырау, ономастика и топонимика, исторический анализ гидронимов: Каспий, Жайык, Жем (Эмба), Сагиз, Уил (Ойыл), Кайнар.

IRSTI39.29.15.

HYDRONIMS OF ATYRAU REGION: HISTORICAL-TOPONOMIC ANALYSIS

Zhumabaeva Zhumaziya Kenzhebaevna¹, Utepkaliev Manet Kazikhanovna²

¹Ph.D., Associate Professor, Kh. Dosmukhamedov Atyrau State University,
Atyrau, Kazakhstan E-mail: zia_88@mail.ru

²Master's Student of the Kh. Dosmukhamedov Atyrau State University,
Atyrau, Kazakhstan, E-mail: manet-1962@mail.ru

Abstract: In the light of the implementation of government programs initiated by Elbasy N. Nazarbayev: "A look into the future: modernization of public consciousness", "Tugan zher", this article examines the linguistic-historical analysis of the names of hydronyms and water systems in Atyrau region. In the study through the use of interdisciplinary methods (history, ethnology, historical geography, linguistics), the following conclusions are drawn: in the majority of toponyms of the Caspian Sea, ethnic processes of various tribes and peoples are reflected, and in the hydronym Zhaiyk, an anthropogenic and mythological stratum, which confirms the conclusion that South Ural and Caspian regions were the distribution area of Turkic-speaking tribes and nationalities. Obsolete old names of the Caspian Sea, on the one hand, testify to the ethnic spaces of ancient peoples and the historical periods of development of this region, on the other hand, about their socio-economic role in the world (Shirvan, Derbent, etc.). The toponym Yaik-Zhailk is characterized by the ancient Turkic stratum, which gives it stability for many millennia. The semantics of the small rivers Zhem (Emba), Sagiz, Uil (Oyyl), Kaynar are associated with the natural-geographical factor, historical, social and everyday experience of the Kazakh people,

Key words: Atyrau history, onomastics and toponomics, historical analysis of hydronyms: Caspian, Zhayyk, Zhem (Emba), Sagiz. Wil (Oyyl), Kaynar.

Кіріспе. Жас ұрпаққа «туған жер» деген киелі де қасиетті ұғымның мән-мағынасы мектеп қабырғасынан бастап оқып-үйретіледі. «Рухани жаңғыру» бағдарламасының басты бағыттары – өзін-өзі танып-білген және тарихы мен ұлттық құндылықтарын жалпыадамзаттық құндылықтармен ұштастыра алатын, орасан бай табиғи ресурстарын ел игілігіне жаратуға машықтанған саналы да сапалы білімді ұрпақ тәрбиелеу. Себебі туған өлкесінің тарихын, салт-дәстүрін, әдет-ғұрпын, мәдениетін терең білмеген ұрпақ ұлтына адал қызмет ете алатын тұлға болып қалыптаса алмайды. Әсіресе, жаһандану заманында бәсекеге қабілетті елдің басты күші - отаншыл, рухты жастар екені анық.

Аталмыш мақаланың ғылыми маңыздылығы өлке тарихына қызығушылық және оған деген құрметті қалыптастыратын тәрбиелік негізімен сабақтас. Атырау топонимикасын зерттеудің «Туған жер» бағдарламасы және жалпыұлттық қасиетті жерлер ұғымын сіңіретін «Қазақстанның киелі жерлерінің географиясы» жобасын жүзеге асыруға серпін беретін тәжірибелік маңызы зор, өйткені «...туған жердің әрбір сайы мен қырқасы, тауы мен өзені тарихтан сыр шертеді. Әрбір жер атауының төркіні туралы талай-талай аңыздар мен әңгімелер бар. Осының бәрін жас ұрпақ біліп өсуге тиіс» (Назарбаев, Болашаққа бағдар...).

Осыған орай мектептегі өлкетану бағытындағы шаралардың тиімділігін арттыру бағытында Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университетінің ғалымдары мен магистранттары өлкетану бағытында ғылыми ізденістер жүргізуде.

«Атырау облысының жер-су атаулары: тарихи талдау» атты зерттеу жұмысы өлке тарихының топонимикалық атауларының шығу тарихына назар аударып, олардың туындауына тарихи процестер мен оқиғалардың, ата-бабаларымыздың өмірі мен тұрмыс-салты, дүниетанымдық қозқарастарының әсерін саралап, өскелең ұрпақты елжандылыққа, азаматтық белсенділікке тәрбиелеуге ықпал етеді.

Географиялық атаулар жайдан-жай пайда болмайды, қоғамның даму заңдылықтарына сәйкес, сол ареалда белгілі бір тарихи кезеңнің өзіндік ерекшеліктерінен және ондағы халықтардың материалдық және рухани мәдениетінен көрініс береді. Олар тілдің сөздік құрамының бөлігі ретінде тарих, география, этногеография және этногенез мәселелерін зерттеуге маңызды құрал бола алады. Осыған орай Атырау өлкесінің гидронимдері, яғни өзен-көлдері мен су ресурстарының тарихына топонимикалық талдау жасалады.

Гидронимдер топонимиканың ең көне қатпары болғандықтан, номинативтік қызмет атқарып қана қоймайды, осы атау берген халықтың ұлттық, тілдік сипаты мен сапасын, әдет-ғұрпы мен дәстүрлерінің айнасы саналады. Гидронимдерді зерттеудің маңыздылығы тарихи қайнарларды, ақтаңдақтарды іздестіру және антропогендік, климаттық өзгерістер негізінде жоғалып кету қаупінің алдын алу мақсатында орындалады.

Зерттеу методологиясы пәнаралық әдістерге негізделіп, дүниежүзілік тарих, тарихи география, этнология, лингвистика пәндерінің тәсілдеріне (салыстырмалық, тарихилық, объективтілік принциптері, деректемелік, картографиялық, климатологиялық қайнаркөздерді талдау, ментальдық тарих, ауызша тарих, семиотика-семантикалық әдістері) сүйенеді.

Тақырыптың өзектілігі мен жаңалығы оның алғаш зерттелуінде, облыстың жер-су аттары тарихи тұрғыдан бұрын зерттелмеген.

Солтүстік Каспий далаларында орналасқан Атырау аймағының өткені мен бүгінгі Каспий теңізінің, Жайық өзенінің елестетуі мүмкін емес. Сондықтан Каспий климатологиясының мәліметтері бойынша теңіздің су деңгейінің бірнеше рет өзгергеніне сүйенсек, Атырау қаласы орын тепкен жердің әртүрлі тарихи кезеңдерде біресе су астында қалып, біресе құрғап, немесе батпақ болуы мүмкін. Осыған байланысты көшу жылдары мен миграциялық және керуендік сауда жылдарының сілемдері мен бағыттары үнемі өзгеріп отырған.

Сонау бір арғы замандарда үлкен мұхитпен жалғасқан Каспий теңізі бүгінде құрылық ортасындағы көлге айналса да, оның ежелгі атауы мен флора-фаунасы оның теңіз екендігінен хабар береді. Мысалы, онда итбалықтардың болуы соның дәлелі сияқты, өйткені ол көлде болмайтыны белгілі. Бұл туралы орыс ғалымы П.С. Паллас Каспийдің ондаған миллион жылдар бұрын Қара теңізбен жалғасып, ежелгі Тетис мұхиты құраған деп болжап, Каспий теңізінің ең көне шекараларын жасақтап, картаға түсіреді. Ғалым Каспий мен Қара теңіздердің балықтары мен моллюскаларының ұқсастығына қарап, Каспий теңізінің Маныч ойысы арқылы Азов және Қара теңіздерімен жалғасқанын, кейін Маныч бұғазының кебуінен Қара теңіз тарылып Босфор бұғазы арқылы Жерорта теңізімен жалғасқан деген пікір айтады (Чибилев, 1993: 38).

Адамзат тарихының мифтік кезеңдерінен бері қарастырсақ, Каспий теңізі жағалаулары – ежелгі өркениеттер тоғысқан тарихи аймақ. Каспий теңізі кең байтақ Еуразияның батыс қақпасы ретінде Батыс пен Шығысты, Еуразия далалары мен қалаларын ежелгі Таяу Шығыс Қосөзен: Шумер-Аккад, Вавилон, Ассирия, Хетт, Элам, Мидия, Персия) және солтүстік африкалық белдеумен (Египет) байланыстырып, ежелгі өркениеттердің пайда болуына ықпал еткені белгілі. Сонымен қатар, ежелгі киммерийліктер, гиксосар, т.б., с.с., көшпелі халықтардың Алдыңғы Азияға, Египетке барғандығы болжамнан шындыққа айналды.

Каспий бойы жолын көне грек-римдік авторлар *Caspiā via*, деп атап, Қара теңіздің солтүстік-батысындағы сауда-мәдени орталықтар: Пантикапей, Танаис, Херсонес,

т.б. арқылы бұл трассада египеттік, сириялық, әйнек және фаянс әшекейлер, римдік тауарлар, селевкидтік (парсы), римдік, бактриялық, басқа да шетелдік монеталар тасымалданды. Мысалы, бұл көне сауда жолында эллинистік Египет билеушісі III Птолемей Эвергеттің (б.з.д. 246-222 жж.) монеталары табылған

Солтүстік Каспий жағалауы, Жайық өзені және оңтүстік Орал далалары – Халықтар қақпасы атанды. Антикалық авторлар адамзатқа өркениет беруші ізгі жандар мекені - Гипербореяны да (б.з.д. X-VI мыңжылдықтар) осы аймаққа жатқызады. Сонымен қатар, б.з.д. III-II-мыңжылдықтар тоғысындағы арий тайпаларының да Қара теңіз, солтүстік Каспий, Еділ-Жайық аралығында өмір сүргені тарихтан белгілі (Байжумин, 2013:18).

Европалық тарих ғылымында Солтүстік Каспий далалары туралы ең көне деректер б.з.д. V ғасырда өмір сүрген грек тарихшысы Геродоттың «Тарих» атты еңбегінің 4-ші кітабының «Мельпомены» атты тарауында көрініс тапқан. Геродот бұл өлкеде болмаса да, б.з.д. VII ғ. ежелгі сауда жолымен Грекияның Проконесс қаласының тұрғыны, ақын Аристейдің Скифияға, одан әрі Еділ-Жайық аралығынан оңтүстік Орал бөктеріндегі исседондар еліне, барғаны туралы жазған – «Аримаспея» поэмасына сүйенеді. Аристейдің аримаспыларға арналған бұл поэмасы біздің заманымызға жетпесе де, Геродот «Тарих» еңбегінде, Каспий теңізінің арғы жағындағы жерлерді «көз жетпес жазықтық» деп суреттеп, онда массагеттер тұратынын жазғаны (Историки античности, 1989:115) белгілі.

Рим тарихшысы, әрі географы Страбонның пікірінше, Каспийдің батыс жағалауларында, Қара теңіз бен Еділ өзені аралығында керуендік сауданы сармат тайпасы – аорстар жүргізіп, «армян мен мидиялықтардан алған үнді және вавилон тауарларын түйелермен тасыған». Страбон аорстардың саудадан байып, «алтын әшекейлері көп болғаны» туралы мәлімет береді. (Страбон, XI, 5, 8). Бұл мәліметтер Төменгі Еділ және Қара теңіздің солтүстік–шығысында жүргізілген археологиялық қазбалар барысында расталып, сармат қорымдарынан көптеген алтын бұйымдар табылғаны мәлім.

Біздің заманымыздан бері санасақ, транзиттік сауда жолы бойында әр елден сапар шеккен саяхатшылар мен зерттеушілер Каспийді назардан тыс қалдырмаған, оған теңіздің әр тарихи замандардағы атаулары куә: Гиркания, Ширван, Албан, Табристан, Хорасан, Хазар, Гуз, Тартар, Хвалын, т.б. Бұл атаулардың бәрі теңіз жағалауында өркениет күрған тайпалар мен халықтармен тығыз байланысты қойылған.

Хазар, Гуз, Тартар атаулары әр түрлі тарихи кезеңдердегі түркі тайпаларына қатысты болса, Гиркания (қасқырлар елі) аталуы- түркілердің түп атасы көк бөріге орайласады, ал *Ширван* - «шеруен» (осы сөзден кейін «керуен» сөзі шыққан - Ж.Ж) және «шеру», «көш» деген мағына береді және бұл Каспийдің оңтүстік-батысындағы халықаралық сауда жолы өтетін Ширван хандығына да байланысты қойылған. *Табристан* сөзі «тавр»(тау) сөзімен байланысты, бұл Каспий жағалауындағы таулы алқап - Кавказ тауларына қатысты болса керек.

Хорасан сөзі - Каспийдің оңтүстік жағалауын мекендеген парсылық Хорасан аймағына, ал *Албан* атауы - қазіргі Әзербайжан, Дағыстан территориясындағы ежелгі Албания мемлекетімен тығыз байланысты. Ғалымдар Кавказ Албаниясын Балқан түбегіндегі Албаниямен және қазақ этносы құрамындағы албан тайпасымен еш қатыстырмаса да, қосалқы деректер оның көшпелілермен қарым-қатынаста болғанын көрсетеді. Кавказ Албаниясының Сарматиямен шекаралас жазықта, мал шаруашылығымен айналысқаны, бұл мемлекеттің 26 тайпаның одағы болғандығы туралы деректер Британ энциклопедиясында және орыс кеңес тарихшылары В.Ф. Минорский мен В.В. Бартольд, А.П. Новосельцев еңбектерінде кездеседі.

Рим заманындағы грек тарихшысы Страбонның «Географиясында» албандардың мал шаруашылықты болғандығы және көшпелілермен жақын араласқаны, Албаниямен көршілес амазонкалардың өмір сүргені айтылған (Страбон, 1994:475-478). Армян тарихшысы Мовсес Каланкатуацидің пікірінше, Кавказ Албаниясын басқарған патшалардың тегі массагет көсемдерінен бастау алады. Тарихшы К.В. Травердің пікірінше, «амазонка» сөзі «алазон» этнонимінің бұрмаланған түрі, матриархаттық ұзақ сақталған қоғам болған және бұл терминнің мағынасы да «көшпелі» ұғымын

білдіреді. Зерттеуші албандардың Кура өзеніне Алазонка өзенінің құяр сағасында қоныстанғанын, астанасының Кабалақ атанғаны туралы мәлімет береді [Тревер, 1959:49-50].

Көне Албанияның түркілік еместігі тұжырымдағанмен, жоғарыда көрсетілген деректер албандардың көшпелілер – скиф, сарматтармен (аорс тайпасы) байланысты болғандығын, және қазақ халқын құраған ежелгі тайпалардың Понт (Қара) - Каспий теңіздері аралығында өмір сүргендігі туралы деректер олармен арғы байланыстылықты көрсетсе керек. М. Тынышпаев және басқа да қазіргі қазақстандық зерттеушілер «алазон» атауымен қазақтың ескі этнонимі «Алашты» сабақтастырады (Тынышпаев, 1993: 100-105).

Теңіздің *Каспи* атауы да арғы тарихпен сабақтас. Төрткүл дүниені жалғастырған сауда қатынастарында Кавказ Албаниясындағы албандық тайпа-*каспилердің* орны айрықша. Осы тайпалардың әлемдік саудадағы орнына орай, Каспий теңізі солардың атымен аталды. Геродот каспилердің парсы әскері құрамында соғысқанын, олардың киімінің ешкі терісінен жасалғанын, садақпен қаруланғаны жөнінде мәлімет береді (Историки античности, 1989:146 с.). Олар түйе өсіріп, керуендік саудамен кәсіби айналысты, Ұлы Жібек жолындағы ірі қала – Экбатанамен сауда жасады (Ael. De anim., XVII, 32) (Гаджиев, 1996: 37-39).

Страбонның «Географиясында» *каспи* тайпаларының Кавказ тауы және Каспий теңізі атауларына негіз болғандығы және кейде Кавказ термині орнына орнына Каспий атауы қолданылғаны айтылған: «... эта гора возвышается над обоими морями – Понтийским (Черное море) и Каспийским, перегораживая как бы степей разделяющий их перешеек. Гора отделяет Албанию и Иберию, и с севера сарматские равнины. По словам Эратосфена, местные племена называют Кавказ – Каспием, может быть, от имени племени каспиев» (Страбон, 1994:472] *Дербент* қақпасы Каспий жолының маңызды тірек пункті болып, грек-рим авторларына «Каспий қақпасы», «Каспий бекінісі», «Албан қақпасы» деген атаулармен белгілі болды. Осыған орай, біз Каспий теңізінің *Дербент теңізі* деп те аталғанына назар аударамыз.

Каспий аймағында б.э.д. дәуірлердегі скиф, киммирий, мидий, парфия, т.б. ежелгі халықтар мекендесе, ерте орта ғасырларда ол ғұн, авар, мажар /мадьяр/, печенег (баджанак), бұлғар /дулу/, оғыз, қыпшақ сияқты түркі тайпаларының батысқа қарай жылжыған дәстүрлі көші жолында болып, транзиттік қақпа мен бағыттарға негіз салды.

Каспий жағалауында өзіндік тарихи орнын қалдырған көне тайпалардың бірі – ғұндар. I-ғасырда Қытайдан жеңіліп, мемлекеттілігін жоғалтқан Орталық Азиядағы қуатты Хун ордасынан бөлінген, «ірікілмес», жауынгер хұндар II-ғасырда Еділ-Жайық аралығынан табылып, IV-ғасырда «ғұн» атауымен батысқа жылжыған, Каспийдің батысындағы аландарды бағындырып, Батыс Рим империясын күйреткен Аттила ғұндарының тарихи тағдыры да Каспиймен байланысты (Мэн, 2007:78-79).

Каспий аймағы Еуразия халықтарының этникалық және мәдени бастауларының ошағы ретінде де айрықша маңызға ие. Каспийдің солтүстік жағалаулары мен Орал тауының оңтүстік сілемдері арасындағы «халықтар қақпасы» атанған, қазіргі Атырау, Батыс Қазақстан, Ақтөбе облыстары және Ресейдің оңтүстігіндегі Башқұртстан, Татарстан, Пермь, Пенза жерлері арқылы Еуропаға қоныс аударған ғұн, бұлғар, мажарлар-Венгрия, Болгария, Албания мемлекеттерінің этникалық құрылымын қалыптастырды. Оғыз тайпаларының экспанциясы Каспийдің шығыс, батыс оңтүстік жағалаулары арқылы жүріп, қазіргі Түркменстан, Өзбекстан, Тәжікстан, Әзербайжан, Түркия сияқты мемлекеттердің негізін қалады.

Хазар атауы Каспийге I-мыңжылдықтың VII-X ғғ., теңіздің солтүстік-батыс жағалауларындағы Хазар қағанатына қатысты қойылған. «Европаның қараңғы көкжиегінде жарық метеордай жарқыраған Хазар державасы» (В.В. Григорьев) қуатты еуразиялық мемлекет болғаны, оған сол кездегі Киев Русі, Еділ Бұлғариясы алым-салық төлеп тұрғаны және сол Хазар қағандығының түркілік держава екендігі де ақиқат. Кейбір тарихи мәліметтер және карталар Каспийдің солтүстік-шығыс жағалауларының (Атырау, Маңғыстау облыстары) да Хазария құрамында болғанын көрсетеді (Жұмабаева, 2019: 129). Араб авторы Ибн Хаукал Каспийді X ғасырда Хазар

теңізі деп атаған (Кенжеахмет, 2019: 164).

Каспий теңізі ұлы Шыңғысханның жорығының да куәсі. 1220-1223 жж., моңғол армиясының Хорезмді талқандау шайқастары Иранның солтүстігі және Каспий теңізінің оңтүстігінде жүргізіліп, батыс және солтүстік жағалауларын жаулаумен аяқталғаны мәлім. Кавказ, Дағыстан, Азов теңізі, қазіргі Ставрополь, Краснодар аймақтары, Каспийдің солтүстік жағалаулық далалары, Кама Бұлғариясы (қазіргі Татарстан, Башқұртстан территориялары) бағындырылып, Жошы ұлысының негізі қаланған болатын (Жұмабаева, 2009:142-143).

Орта ғасырларда Каспий теңізі Шыңғысханның үлкен ұлы-Жошының иелігі болған Алтын Орданың астанасы – Сарай атымен *Сарай теңізі*, Таяу Шығысқа шығатын «темір қақпа» мағынасында – *Дербент* теңізі (Афанасий Никитин) деп аталуы және XV ғ.Казвини картасында Гурган (Журжан), Каннидо картасында Ширван аталуы, жалпы Каспийдің тарихтағы 70 атауы – оның әлемдік тарихтағы маңызын көрсетеді (Кенжеахмет, 162-165).

Жайық өзені Атырау өлкесінің ең басты сужүйесі, оның трансқұрылықтық, трансшекаралық тарихи маңызы айрықша. Бастауын Ресейдің Орал тауларынан алып, Каспий теңізіне құятын Жайық (орысша - Урал) өзенінің (3700 км), Қазақстандағы аумағы -1670 км, Атырау облысында - 300 шақырымдай бөлігі енеді.

Каспий және Жайық өзені, оларды жағалай мекендеген скиф, сак, сарматтар туралы антикалық авторлар келтірген мәліметтерге жоғарыда тоқталдық. Бұл халықтардың протоқазақ этногенезіне қатыстылығы тарих ғылымында дәлелденген тұжырым. Оны қазіргі кездегі Батыс Қазақстанның Атырау, Орал, Ақтөбе аймақтарындағы археологиялық қазба жұмыстары барысында ашылған сармат қорғандары дәлелдеді(Сдыков, Гуцалов, Бисембаев, 2003; Касенов, 2016:79-82).

Б.з. 90-168 жылдары өмір сүрген атақты грек ғалымы Клавдий Птолемейдің картасында қазіргі Жайық өзені «Даиск» деген атпен берілген және оның Каспий теңізіне құятыны көрсетілген (Чибилев, 1987:8). Бұл атауға тарихта болған дай тайпаларының ықпалы туралы айта аламыз, өйткені дай тайпаларының өмір сүрген ареалы Каспий айналасынан алыс кетпейді.

Сонымен қатар, түркі мифологиясындағы тәңірінің Жайық аталуы да бұл атаудың тарихи негізі бар екенін дәлелдейді. С. Қондыбайдың пікірінше, «...Алтайлық мифте Жайық бас тәңірдің, не болмаса бас тәңірдің ұлының есімі болады. Мысалы, тува мифіндегі Яйык бас тәңір - Үлгеннің ұлы, телестерде Кан Джайык – тәңір ұлы, телеуттерде - Яяче (Джайяшы) – ғалам жасаушы, т.б. Жайықтың Күн ретінде «тастан шығуы, жаратылуы мүмкін» деген миф ерте заманда болған шығар дей аламыз» (Қондыбай, 2008:16).

«Даиск» атауының орыс тіліндегі нұсқасы 1229 жылғы жылнамада «Яик» деп берілді, бұның түркілік атау «Жайықтан» шыққаны байқалады, яғни түркі және қазақ тілдерінде «жайық» – «жайылған» деген мағына береді. Өзеннің көне атауы «Яик» Жайық казак-орыстары арасында 1773-1775 жж. Емельян Пугачев бастаған Ресейдегі шаруалар көтерілісіне байланысты жойылды. 1775 ж. II Екатерина патша бұл көтерілісті ұмыттыру мақсатында өзен атауын Урал, ал Жайық қалашығын – Уральск етіп өзгертті. Өзен атауын бұлайша өзгерту әлемде бұрын кездеспеген жағдай еді. Алайда автохтонды қазақ халқының тарихи жадында ол «Жайық» атауын ешуақытта жоғалтқан емес.

Біздің заманымыздың басынан бастап Жайық өзенің алқабын ғұндар тайпасы, одан кейін печенегтер, қыпшақтар қоныстанған. Біздің заманымыздың II ғасырында Еділ -Жайық аралығына кеңестік белгілі түрколог Л.Н. Гумилев «*ірікілмес ғұндар*» деп атаған қытай шекарасындағы ғұндардың бір тобы қоныстанып, өріс жайды. Ес жинап, өсіп-өнген, ғұндар екі ғасырдан соң батысқа жылжып, Каспий теңізінің солтүстік-батыс жағалауындағы сарматтар ұрпақтары-аландарды, олармен көршілес, I ғ. Қара және Каспий теңіздері аралығындағы германдық гот тайпаларын (вестгот, остгот) бағындырып, Рим империясына қауіп төндірді (Өтениязов, 2001, №4: 17-20).

Б.з. VI ғасырында қазіргі Қазақстанның ауқымды бөлігі Түрік қағанатына кірді. Түркілердің батысқа жылжуы Каспий теңізі жағалауларымен (солтүстік Каспий далалары мен Иранның солтүстігі) жүрді. Қара теңіз бен Сары теңіз аралығындағы

бұл алып империяны құрған Бумын қаған эфталиттерді бағындырып, Елхан атанды. Оның мұрагері Мокан (Дизабул) 562 жылы Қытайдан Персияға дейінгі аралықтағы түркі халықтарын биледі, ол қазіргі Атырау жері және Каспий теңізі жағалаулары арқылы Византиямен байланыс орнатты (Жұмабаева, 2006: 3-6). 568 жылы Византия (Шығыс Рим) императоры II Юстиниан түрік қағаны Дизабулға (Мокан ханға) өз елшісі – Земархты жіберді. Қазіргі Тараз маңында түрік қағанымен кездескен Земархтың Византияға қайту жолы VI ғ. II-жартысындағы Византия тарихшысы – Меандр Протектор еңбегінде көрсетілген: «ұзақ жол жүріп, олар ұлы да шалқар көлге (Арал) тоқтады. Бұл жерде үш күн аялдаған Земарх 12 күн бойына көлдің құмдауыт жағалауларымен жүріп, Иха (Жем), Даих (Джайық) өзендеріне өтіп, Каспий ойпатының батпағын кешіп, Еділ (Итил) өзеніне жетті» (Магидович И.П., Магидович В.И.). Бұл деректерде Арал теңізінен Еділге дейінгі қазіргі заманда да қолданылып жүрген маршрут көрсетілген.

VIII-XIX ғасырларда Жайық (Орал) өзені – Европа мен Азияны бөліп жатқан құрылықаралық су жолы саналды. Антикалық заманда Европаның шығыс шекарасы -Дон арқылы өтсе, орта ғасырларда ол шығысқа қарай Еділ (Волга) өзеніне ығыстырылды.

Одан беріректе Жайық өңірі туралы мәліметтер X-XII ғасырлардағы араб саяхатшыларының еңбектерінде кездеседі. X ғасырда Атыраудың көне өлкесін көргендердің бірі атақты араб саяхатшысы Ибн-Фадлан. 921-922 жж. ол қазіргі Татарстан жерінде орналасқан ежелгі мемлекет – Еділ (Кама) Бұлғариясына араб халифатынан елші боп барды. Оның маршруты Каспий ойпаты және Еділдің шығыс жағалауы арқылы жүргені белгілі. Ибн-Фадланның маршруты Үстірт қыраты, Жем және Сағыз өзендері өткелдері арқылы өткен, ол өз жазбаларында Жем өзенін Джам (Эмба), Сағыз өзенін - Джахым, Ойылды - Узил деп атайды.

Географиялық тұрғыдан қарастырсақ, Үстірт қыраты Маңқыстаудың Бейнеу ауданымен шектеледі де, одан кейін қазіргі Атырау аймағының Жылой, Мақат аудандары басталады. Фадлан Индер көлін (Түзбұлақ - Ж.Ж.) «суы ағысы жоқ теңізге ұқсайды» деп сипаттайды. Одан кейін ол қазіргі Батыс Қазақстан облысындағы Шалқар көлі туралы мәлімет береді (Ж.Ж.). Бұдан біз Фадланның Еділ Бұлғариясына қарай қазіргі Индер және Батыс Қазақстан облысы аумағымен жүргенін көреміз. Өйткені ол қазіргі Орал қаласы маңында «ен үлкен және ағысы күшті Джаих» (Жайық) өзенінен өткел арқылы өткен.

Яғни Фадланның маршруты астанасы – Бағдат қаласы болған Аббас әулеті басқарған араб халифатының құрамына кірген Иран, Орта Азия арқылы Үстіртке, одан Атырау аймағындағы Жем, Сағыз, Ойыл, Жайық өзендері арқылы солтүстікке бағытталған. Ол Жайық өзенінің оң жағалауындағы Шаған өзені арқылы «башқұрт (башгирд) еліне жетеді. Одан кейінгі оның жолы Үлкен Ырғыз, Самараның төменгі сағасы Кинел, Сак, Үлкен Черемшан өзендері арқылы және Еділдің сол жағалауы арқылы өтеді. Белгілі кеңес тарихшы, географ И. П. Магидовичтің пікірінше, Ибн-Фадлан «солтүстік Каспий аймағы мен Еділ бойы туралы мәліметтер жазған, біздің заманымыздағы алғашқы саяхатшы және ол Каспий ойпатын кесіп өтетін өзендердің ең дұрыс тізбесін жасады»-деп бағалады (Магидович И.П., Магидович В.И.)

II-мыңжылдық басында, яғни 1000 жылдардан бастап солтүстік Каспий мен Еділ-Жайық аралығындағы халықтар мен араб елдері арасындағы байланыс тұрақты сипат алды. Шығыс ғалымдары бұл алыс өлке туралы хабардар болатын. 1154 жылы араб географы әл-Идриси Башқұрт жерінде болған саяхатшы-кезбенің сөзіне сүйеніп, ондағы тау мен өзендер туралы мәліметтер қалдырды: 1бұл таулар ғүз (оғыз) елінен басталатын үлкен өзен жағасында орналасқан, оның шығысында Аскарун тауы бар; өзеннің атауы–Руза. Бұл үлкен өзен, одан барқалар арқылы өтуге болады... Өзенге солтүстіктегі таудан бастау алатын өзен құяды. Бұл таулар ғүз елін башқұрт жерінен бөліп тұрады, атауы – Мургар, ал өзен – Магра деп аталады. Өзен тасыған кезде түбінен саф алтын, лазурит өндіріледі. Бұл таулар мен өзендер тармақтарында асыл тастар-рубин, бирюза, т.б.тастар көптеп кездеседі. Тау беткейлеріндегі орман тоғайларда құстар өте көп. Географтар Әл-Идриси жазбаларындағы Руза өзенінің – Жайық, Магранның – Сакмар екенін анықтады. Ал ғүз немесе оғыздар Жайық өзенінің

оңтүстік-шығысындағы түркі тайпалары» (Чибилев, 1993:10).

Орта ғасырларда Жайық өзені туралы мәліметтер қалдырған саяхатшылар мен көпестер, миссионерлер мен елшілер қатарында Рим папасының елшісі – Плато Карпини (1246 ж.), француз королінің елшісі фламандық Б. Рубрук (1253 ж.), әйгілі ағайындылар – Николо мен Матео және Марко Поло да (1265) бар. Б. Рубрук өз жолын төмендегіше суреттейді: «Этиден (Волга) шыққаннан кейін 12 күн өткенде, біз Ягак (Яик) деген үлкен өзенге келдік, ол Паскажир (Башкирия) жерінен ағады» (Чибилев, 1993:11).

Алтын Орданың ислам дінін қабылдаған ханы – Өзбек басқарған кезде араб жиһангездерінің жаңа жерлерге саяхаты күшейгенін білеміз. XIV ғасырда Мароккодан шыққан атақты араб саяхатшысы Ибн Баттута Алтын Орда астанасы Сарайға барар жолда, 1333 жылы, Жайық өзенін өтеді. Ол өзенің күнделік жазбаларында осы өлкенің өзен-суы, мал жайылымдары жөнінде және Жайықтың бойындағы Сарайшық қаласы туралы мәліметтер келтірілген. Ол 1334 жылы Алтын Орданың астанасы – Сарайдан (Берке-Сарай) «Кіші Сарай» Сарайшыққа 10 күнде, келгенін, Сарайшықтың Ұлысу аталатын үлкен және ағысы қатты өзен жағасында орналасқанын, ондағы жүзбелі көпірдің Бағдаттағыдай екенін және одан әрі - Хорезмге 30 күнде жеткенін» жазған (Жұмабаева, Кипиев, 2015:17).

Географиялық тұрғыдан оңтүстік Орал далалары, соның ішінде, батыс қазақстандық жерлер, Жайық бойы XVI ғасырдың соңынан бастап жете зерттеле бастады. XVII-ғасырдағы қазақ хандығы мен Ресей патшалығы арасындағы қарым-қатынастың жоғары болғандығын дәлелдейтін маңызды құжаттың бірі – «Үлкен Сызба (Большой Чертеж)» деп аталатын Москва мемлекетінің картасы. Онда XVI ғасырдың соңында орыс жер өлшеушілері картаға түсірген Еділ-Жайық аралығындағы және одан шығысқа қарайғы жерлер көрсетілген. Бірақ бұл аса маңызды деректері бар «Сызбаның» түпнұсқасы да, көшірмесі де сақталмаған. Қазіргі біздің заманымызға дейін жеткені XVII-ғ., яғни 1627 ж. «Үлкен сызба Кітабы (Книга Большому Чертежу)» делінетін тізімі ғана.

Бұл тізбедегі мәліметтер оны құрастырушылардың Еділ-Жайық аралығындағы жерлермен жақсы таныс болғанын көрсетеді. Онда 300 км созылатын Нарын құмы, Басқұншақ және Индер тұзды көлдері, Қамыш-Самар көлі, Шөже (Чижи), Төрін (Дюрин) жайылма сулары, Каспий ойпатындағы кейінгі зерттеушілер «бәр төбелері» деп атаған құмдауыт шоңғалдар (гряды) көрсетілген. Сонымен қатар Жайық өзенінің шығысындағы Ойыл (Уил), Сағыз, Гем (Жем) өзендері бастау алатын Айрық-Мұғалжар (орысша: Урук-Мугоджар) тауы, және қазіргі кезде халық «Шалқартеңіз» атандырған Ақбасты (Ақбашлы) картаға түсірілген. Бұл атаулардың түркі және қазақ тілдік негізі шүбә келтірмейді. «Ойыл» атауы өзеннің ойыс, ойпатта орналасқанын көрсетсе, «Сағыз» – осы өзен жағалауларында өсетін, дәні каучук тәрізді өсімдіктің көптігіне байланысты қойылған. Ал Жем (Гем) атауын түркі тілдестерде көп кездесетін «жем» терминінен шығаруға да болады, дегенмен, бұл атау әлі де зерттеуді қажет етеді. Орысша бұл атаудың неліктен «Эмба» аталғаны да көптеген сұрақ туғызады. Осы мәселе лингвистикалық тұрғыдан қосымша зерттеулерді қажет етеді.

Уақыттар пен дәуірлердің ауысуы және халықтардың көшіп-қону процестерінен «Жайық өзені» атауы өзгеріске ұшыраған. Мысалы, Византия елшісі Земарх б.з. 568 ж. оны «Даих» десе, X ғ., араб елшісі Ибн-Фадлан (922 ж.) «Джаих» деп атайды. 1253 ж., осы өзеннен өткен Ватикан елшісі Рубрук оны «Ягак», ал венециялық саудагер Марко Поло жазбасында «Ягат» атауымен көрсетіледі. Әл-Идриси (1154 ж.) және Ибн-Баттута (1333 ж.) жазбаларында өзен атауы мүлде басқаша – «Руза» және «Ұлысу» аталады. Дегенмен, XV ғасырдан бастап, орыс және еуропалық құжаттарда «Яик» атауы бекітіліп, осы атау XVIII ғ. II жартысына дейін сақталды.

«Үлкен сызба Кітабында» Жайық өзенінің бассейні мен оған жапсарлас Арал маңындағы кішігірім өзендерге қысқаша сипаттама берілген. Онда «...Жайық өзені Орал тауының оңтүстігінен басталып, Каспий (Хвалын) теңізіне құятыны, Айрық-Мұғалжар тауынан басталатын жалпы ұзындығы 1050 км Жем өзенінің Каспий теңізіне 20 шақырым жетпей, бір көлге айналатыны» және Ойыл, Қайнар, Сағыз өзендері туралы мәліметтер берілген (Книга Большому чертежу, 1950: 92-94).

Осы жерде Урук деп көрсетілген тау Айрық немесе Мұғалжар тауы екендігін және Жем өзенінің Каспий теңізіне жетпей, көлге құяды деген мәліметті нақтылауды жөн көрдік. Бұл – қазіргі Жылой, Мақат аудандары тоғысындағы Ақкөл көлі. Жем суы көп болғанда, үлкен көлге айналып, су аз келсе, көлшік болатын Ақкөл – бұл! Жем өзенінің аяғы – Ақкөлдің тарихи маңызы Жылой ауданы және Атыраумен ғана емес, ноғай халқы тарихымен де байланысты. Белгілі ресейлік тарихшы В. Трепавловтың «Ноғай Ордасы тарихында» келтірілген 1492 ж. «Посольская Грамотада» ноғай биі – Жанбыршының Жем аяғы – Ақкөлде отырғаны жазылған: «...а Ямгурчей мырза – на Емь, аяге, на Белозере» ([Трепавлов, 2002: 107-108). Жем өзені бұрын Каспий теңізіне жетіп құйса, XV ғасырда құм ортасындағы көлге айналған.

Кіші Жүздің ханы Әбілқайырдың қыстаулары – Ырғыз бен Сырдария алқабын, жаз жайлауы – Елек пен Жайық аралығын қамтығаны белгілі. XVII-XVIII ғғ. жоңғарлардың қыспағынан Кіші Жүз қазақтары Арал маңынан қазіргі Атырау аймағындағы Жем өзеніне ығысып, қалмақтар мен Жайық орыс-қазақтарымен көршілес отырды.

XVIII ғ. I Петр реформаларына орай, Ресейде географиялық зерттеулерге ерекше мән берілді. Осыған дейін Ресей түкпірлерінің зерттелуі арнайы ғылыми дайындығы жоқ саяхатшылар мен саудагерлер жазбаларына сүйенсе, XVIII ғ. 30-жылдарынан басталған орыс отарлауы кезінде Жайық бойындағы далаларды жаратылыстанушы ғалымдар – В.Н. Татищев, П.И. Рычков, т.б., кәсіби картографтар: И.К. Кириллов, геодезист И. Красильников, XVIII ғ. II-жартысында Ресей Ғылым Академиясының П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.П. Фальк экспедициялары зерттеді.

В.Н. Татищев өзі қызмет еткен Орынбор өлкесінің тарихы мен географиясын дамытуға зор үлес қосты. Оның «Ресей тарихы (История Российская)» (1739-1750), «Великороссия империясының тарихи және географиялық сипаттамасына кіріспе» (1744-1745), «Россиялық тарихи, географиялық және саяси лексиконы» (1745) деген еңбектерінде Орынбор өлкесінің автохтонды тұрғындары, яғни қазақтардың тарихы мен этнографиясы, өлке табиғаты: таулары, өзендері, Жайық өзені туралы өте бай мәліметтер бар. Қазақстанды отарлап, Орынбор қаласы салынып, Орынбор губерниясы құрылғаннан кейін, Ресей Жайықты (Урал) Европа мен Азияның шекаралық өзені етті.

Татищевтің бұйрығы бойынша Жайық өзенінің ландкартасы жасалып, ол «Челябин облысындағы Верхнеяиц пристанынан (қазіргі Верхнеуральск қаласы) Қазақстанның Орал (Уральск) қаласына дейін жерлерді қамтыды. Бұл – Жайық өзені, оның жоғарғы және орта ағысының жағалауларындағы елді мекендер енгізілген тұңғыш карта еді. Татищевтің Жайық өзені туралы сипаттамасын келтірсек: «Жайық өзені өз бастауын Башқұрт жеріндегі Қалқан тауынан алып, 3000 шақырымдық ұзақ ағыспен Каспий теңізіне құяды... Бұл еліміздегі ең балыққа бай өзен ретінде бағаланады» (Татищев, 1955: 23).

Одан кейін П.И. Рычков Каспий және Арал теңіздерінің, ірі өзендер мен көлдердің сипаттамасын берді. Гурьев (Атырау) аймағындағы Индер сияқты ірі көлдерінің алғашқы географиялық сипаттамасын жасады. Гурьев (Атырау) жеріндегі Индер тауы етегіндегі Индер көлін Рычков Жайық қалашығынан (қазіргі Орал қаласы -Ж.Ж.) төменге қарай 390 шақырымда, Жайық өзенінен 9 шақырымда орналастырады. Онда мұз сияқты қатқан күлгін түсті тұз жиналғанғанын, ал ыстық күндері айдында тап-таза ақ тұз түзілетінін, оны асқа пайдалануға болатынын жазған. Ол өзінің «Орынбор Топографиясында»: «Жем (Эмба) өзені өзінің бастауын қырғыз-қайсақ (қазақ - Ж.Ж.) даласында 49 градустық ендікте орналасқан Мұғалжар (Мугоджары) тауларынан алып, Каспий теңізіне құяды. Жоғары ағысында тас арасынан ағып, тереңдейді, өткелдері көп, құм даламен аққанда өткелдері жоқ, ені – 30 сажендей, кей жерлерде одан да кеңірек. Мұнда жайын, сазан сияқты балық көп, құяр сағасында қызыл балықтан – белуга, шоқыр кездеседі. Жағалауында – тал, қарағаш, көктерек, жиде, кей жерлерінде камыс өскен», - дейді (Рычков, 1762: 205, 207-217, 309). Ғалым табиғи рельефті сипаттай келе, Солтүстік Мұзды мұхиттан Мұғалжар тауларын дейінгі таулар жотасын алғаш рет Орал тауы деп атады. Тарихшылар арасында Татищевтен кейін, ол Орал жотасы арқылы Европа мен Азияның шекарасын бөлді.

Рычковтың Индер көлі, Жем, Сағыз өзендері туралы мәліметтері әлі күнге дейін маңызын жойған жоқ. Ол «Жайықтың арғы бетіндегі далаларда, Орынбордан атпен

жүргенде, 12 күндік жерде, Жем өзеніне құятын Сағыз өзенінің бастауларындағы далалық аймақта, өзеннен жарты шақырым жерде жергілікті халық «Қарамай» деп атайтын, мұнай орны туралы айтты» (Рычков, 1762: 270). Кейін оның болжамдары шындыққа айналып, XX ғасырда Атырау облысының Жылой ауданында «Ембімұнай» атты ірі мұнай бірлестігі пайда болды. Оның Жайық маңындағы далаларда киіктердің көптігі, сонымен қатар, жабайы жылқы - тарпаңдар туралы мәліметтері де айрықша қызықты. «Тарпаңдар жылқыдан биік, жүндері сарғыш және көкшіл келеді. Қырғыз жылқыларынан бастарының үлкендігімен және маңдайындағы шұңқырымен ерекшеленеді. Қырғыздар (қазақтар) оларды қолға үйретіп, жүріске пайдаланады», - дейді (Рычков, 1762:290-291).

П.С. Паллас Жайық өзенін жылдың 4 мезгілінде зерттеген. Қыстағы зерттеуі барысында белуганың мұз ойықтан ауланғанын, мамыр айында шоқыр мен қызыл балықтың аумен ауланғанын, қазан және желтоқсан айларында ұсақ , қара балықтар ауланатыны туралы жазғандары аймақтағы балық кәсіпшілігіне қатысты маңызды деректерді құрайды.

Атырау облысындағы көлемі жағынан ең үлкен көл – Индер көлі, Жайық өзенінің сол жағалауында 10 шақырым жерде, Индер(Дендер) тауының етегінде орналасқан тұйық көл. Ауданы 110 шаршы шақырым. Көктемде Индер тауынан басын алатын шағын жығалар өкелген су есебінен ұлғайып, жазда таяздайды. Көл сазды балшық арасынан шыққан бұлақтармен қоректенеді. Индер көлінен құрамында бром калийі бар жоғары сапалы тұз өндіріледі. Көл түбіндегі тұз қабатының қалыңдығы жоғары сапалы тұз өндіріледі. Индер (Дендер) тауының атауы жөнінде пікірталас көп. Көпшілік зерттеушілер бұл қалмақ сөзінен шыққан дейді. Оны марқұм, жергілікті өлкетанушы – М. Жолжанов та қолдайды. Бірақ олай болмауы да мүмкін. Тағы бір деректерде бұл Дандара, Орал тауының оңтүстік сілемі делінеді. «Дандара» сөзінің көне түркілік негізі байқалып тұр. Бұл ежелгі түркілердің құдайы – Тәңір атауының бөлекше түрі деп негіздеуге де болады.

П.С. Паллас Индер көлін 1769 жылы зерттеген (Паллас, 2014:119-121). Индер тауында карст түзілуін тұз және гипс қатпарларының шайылуымен түсіндіріп, онда жанғыш сланц қоры бар екенін болжады. Ғалымның Жайық өзенінің шығысындағы жазық далаларда болашақта ашылатын байлықтың жасырынып жатқаны туралы болжамдары да рас боп шықты және оны Атырау мен Маңқыстау аймақтарындағы мұнай кендерінің мол қорының ашылуы дәлелдеді.

Паллас зерттеулерінде Каспий теңізінің климаттық жағдайларға байланысты деңгейінің өзгеретіні тұжырымдалған. Оның Арал, Каспий және Қара теңіздер бассейндерінің қалыптасу жолдары туралы болжамы кеңес кезеңінде ғылыми дәлелденді. Геологиялық зерттеулер нәтижелері «Каспий теңізінің Қара теңізден бөлінгенін, ал Каспий бойы ойпатының (оған Жем бойы қыраты және Арал маңы кірмейді) 3 рет мұз дәуірінің төртінші — Баку, Хазар, Хвалын трансгрессиясы кезінде, Каспий суы астында қалғаны туралы тұжырымды бекітті. Бұл кездерде Маныч ойпаты суға толып, Каспий мен Қара теңіздер қосылатын болған» (Чибилев, 1993: 38).

Атыраулық белгілі өлкетанушы М.Жолжановтың айтуынша, «қазақ халқының ертеден өмір сүріп келе жатырған жерінің аумағы кең,көлемді, соған қарамастан ата-бабаларымыз олардың әрқайсына ат қойып, сыртқы жаудан қорғап,кейінгі ұрпаққа мұра етіп қалдырған. Олардың тілдік белгілері өздері мекендеген жердегі топонимикалық атаулар арқылы ұрпақтан-ұрпаққа мұра болып жетті (Жолжанов,1977/ Коммунистік еңбек газеті; 22.10).

Қорытынды. Мақала көлемі Атырау аймағындағы барлық өзен-көлдер, бұлақтар мен су ресурстары топонимиясын толық қамтуға мүмкіндік бермейді. Атырау облысы аумағындағы өзен-көлдер қатарында Ақтөбе облысындағы оңтүстік Орал – Мұғалжар (Айрық) тауларынан бастау алатын: Ойыл, Сағыз, Қайнар өзендері; Жайық өзенінің оң салалары – Бақсай, Бүгілөзек, Бағырлайсай, Ақсу өзендері, Еділ өзенінің тармақтары –Бозан, Қиғаш өзендері мен олардың салалары енеді. Сонымен қатар Жалтыр көлі, жергілікті маңызы бар Саркөл, Қаракөл, Қамыскөл, Мешер, Дәулет,Толоғай-сор, Соркөл,т.б.,мыңнан астам шағын көлдер бар деп есептеледі. Бұл су көздерінің тарихи атауларын анықтау зерттеудің келесі кезеңдерінде жүзеге асады.

Зерттеу барысында облыстағы басты гидронимдер атауларының (Каспий, Жайық, Жем, Ойыл, Сағыз, т.б.) осы аймақты мекендеген түркі халықтарының тарихымен, олардың дүниетанымымен тығыз байланыстылығы ашылды. Әсіресе, Каспий теңізінің жағалауларының мыңжылдықтар бойына халықтар мен өркениеттер ошағы болғандығы оның әртүрлі атауларымен түсіндірілді. Облыстың ең ірі гидронимі – Жайық өзені атауының сан қилы этникалық және миграциялық процестерге қарамастан, мыңдаған жылдарға созылған тұрақтылығы, түркілік тілдік қабатты сақтап қалғаны, оның көнетүркілік сипатына байланысты деген тұжырым жасауға болады.

Гидронимдерді зерттеудің маңыздылығы тарихи қайнарларды, ақтандақтарды іздестірумен қатар, топонимиялық атаулардың антропогендік және климаттық өзгерістер негізінде жоғалып кету қаупінің алдын алу мақсатымен де байланысты. Гидронимдер – топонимиканың ең көне қатпары болғандықтан, аймақтағы өзендер номинативтік қызмет атқарып қана қоймай, осы атау берген халықтың ұлттық, тілдік сипаты мен сапасын, әдет ғұрпы мен дәстүрлерінің айнасы рөлін де атқарады.

Каспий теңізінің қолданыстан шыққан әртүрлі атаулары, бір жағынан, өткен дәуірлерде оны мекендеген халықтардың этникалық кеңістігін және аймақ тарихының аму кезеңдерін айқындады, екінші жағынан, олардың көне замандар мен орта ғасырлардағы әлемдік өркениеттегі әлеуметтік-экономикалық мәнін (Ширван, Дербент, т.б.) көрсетеді, ал Жем, Сағыз, Ойыл, Қайнар өзендері атауларының семантикасы қазақ ұлтының дүниетанымы, тұрмыстық, тарихи-әлеуметтік тәжірибесі мен құндылықтары негізінде жасалып, табиғи-географиялық сипаты басым болғандығы тұжырымдалады.

Әдебиеттер:

Болашаққа бағдар: Рухани жаңғыру атты мақаласы http://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy

Байжумин Ж. Тұран. Адамзат қоғамының тарихына көзқарас. Алматы: «Арыс», 2013. Екінші дөптер, 2013. 184 б.

Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ на пути к ранней цивилизации. – Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996. С. 37-39.

Жұмабаева Ж.К., Ұлы Дала өркениеті және Хазария (124-130 бб.) «Жошы ұлысы және Сарайшық-Қазақ мемлекеттілігінің бастауында» // Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдары (10 қазан 2019 ж. Алматы, 2019. 319 б.

Жұмабаева Ж.К., Бейбарыс тағдыры: қыпшақтар мен моңғолдар // Ұлттық-мәдени мұраларды білім мазмұнына енгізудің ғылыми-әдістемелік мәселелері» атты республикалық ғылыми-практикалық конференция жинағы. Атырау. 2009. 244 б.

Жұмабаева Ж.К. I-VII ғасырлардағы түркілер // Қазақ тарихы. №6. 2006. 3-6 бб.

Жұмабаева Ж.К., Кипиев М.Қ. Сарайшық – бабалар мұрасы // Сарайшық қалашығының тарихы туралы дереккөздер / Құр. Ж.К. Жұмабаева, М.Қ. Кипиев. Ғыл. ред. Ж.К. Жұмабаева. Атырау: «Ағатай» баспасы, 2015. 224 б.

Жолжанов М. «Жер-су аттары хаһында бірер сөз» «Коммунистік еңбек» 1977 ж. 22 қазан.

Историки античности. Т. 1. Древняя Греция. М. Издательство «Правда». 1989. 624 с.

Кенжеахмет Н. Ортағасырлық Шығыс карталарындағы Маңғыстау және Каспий теңізі // «Жошы ұлысы және Сарайшық-Қазақ мемлекеттілігінің бастауында» / Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдары (10 қазан 2019 ж. Алматы, 2019. 319 б.

Книга Большому чертежу: под редакцией Сербина К. Изд.АН. СССР. М-Л., 1950. 229 с.

Қондыбай С. Шығармалар жинағы. 1 том, 89-91 бб.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т.1. <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/magidovich-iosif-petrovich/oчерki-po->

istorii-geograficheskikh-otkritij-t-1 дата обращения: 24.11.2019. 15.31

Мэн Д. Аттила/Джон Мэн;(пер. С англ. Г. Сахацкого). М.: «Эксмо», 2007. 320 с: ил.

Новосельцев А. П.К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период//[http:// www.vehi. net/istoriya/ armenia/ kagantv/ novoseltsev. html#_ftnref15](http://www.vehi.net/istoriya/armenia/kagantv/novoseltsev.html#_ftnref15).

Өтениязов С. Ертедегі ғұндар // Қазақ тарихы. №6. 2001. 10-13-бб.

Өтениязов С. Хүн ордасының пайда болуы // Қазақ тарихы. №4. 2001. 17-20-бб.;

Паллас П.И. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Известия о киргизах// История и культура Атырау в русских источниках XVIII-XX вв. Т.1. Атырау. 2014. 400 с.

Рычков П. Топография Оренбургская, обстоятельное описание Оренбургской губернии, коллежским советником и императорским Академии Наук корреспондентом П. Рычковым. Часть I. СПб. 1762. 262 с.

Страбон. География. В 17 кн.// Перевод и комментарии Г.А. Стратановского. М. «Ладомир». 1994.// [http:// naturalhistory1. narod. ru/ person/lib/Strabon](http://naturalhistory1.narod.ru/person/lib/Strabon)

Сдыков М.Н, Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск. 2003; Касенов М.С., Мираш С.А. Аландық деформацияланған бас сүйек// Ұлттық тарихты зерделеудегі өлкетану: бүгінгі мен болашағы» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары». 12 қазан 2009. Атырау. 2009. 193 б.

Татищев Н. Избранные труды по географии России. М. 1955. С. 156.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в., до н.э. VII в., н.э. (источники и материалы). М.-Л. Изд. Академия наук СССР. 1959. 389 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Изд. РАН«Восточная литература». 2002. С. 752.

Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы. «Қазақ университеті». 1993. С. 104-105.

Чибилев А.А. Река Урал. М.: Госметеиздат, 1987. 166 с.

Чибилев А.А. В глубь степей: очерки об естествоиспытателях Оренбург. края / А.А.Чибилев; Оренбург.фил. Рус. геогр. о-ва. Екатеринбург: Наука, 1993. 120 с.:ил

References

Bolashaqqa bagdar: Rəhani jańgyrǵa atty maqalasy [http://www.akorda.kz/kz/ events/ akorda_ news/press_ conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy](http://www.akorda.kz/kz/ events/ akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy)

Bajjəmin J. Turan. Adamzat qogamynyń tarihyna kyzqaras. Almaty.: “Arys”, 2013. Ekinshi dǵpter, 2013. 184b.

Gadjiev M.S Mejdə Evropoi ı Azier: Iz istorii tovgovyh sviazei Dagestana v albanosarmatskii period. Mahachkala, 1997. Gadjiev M.G. Severo-Vostochnyi Kavkaz na pəti k rannei tsivilizatsii—Mejdə Azier ı Evropoi.Kavkaz v IV-I tys. do n.e.: Materialy konferentsii, posvishennoi 100-letiiu so dnia rojdeniia A.A.Iessenova. SPb., 1996, s. 37-39.

Zhumabaeva Zh.K., Uly Dala Yrkenieti jǵne Hazarua (124-130 bb.) “Joshy ulysy jǵne Saraishyq-Qazaq memlekettiliginiń bastaýynda” Halyqaralyq gylymi-tǵjiribelik konferentsiasynyń materialdary (10 qazan 2019j № Almaty, 2019.319 b.)

Zhumabaeva Zh.K., Beibarys tagdyry: qypshaqtar men mońgoldar // “Ultyyq-mǵdeni muralardy bilim mazmunyna engizėdiń gylymi-ǵdestemelik mǵseleleri” atty respublikalyq gylymi-praktikalyq konferentsia jinagy. (Atyraǵ. 2009. 244 b.)

Zhumabaeva Zh.K. I-VII gasyrlardygy tǵrkiler // Qazaq tarihı. №6. 2006. 3-6 bb.

Zhumabaeva Zh.K., Kırıev M.Q. Saraishyq-babalar murasy // Saraishyq qalashygynyń tarihı tǵraly derekkyzder/ Qur. Zh.K. Zhumabaeva, M.Q. Kırıev. Atyraǵ : “Agatar” baspasy, 2015. 224b.

Joljanov M. “Jer-sə attary hahynda birer syz” “Kommənistik eńbek” 1977j. 22 qazan.

Istoriki antichnosti. T.1. Drevniia Gretsua. M. Izdatelstvo “Pravda”. 1989. 624 s.

Kenjeahmet.N Ortagasyrlyq Shygys kartalaryndagy Mańgystaǵ jǵne Kaspiı teñizi // “Joshy ulysy Saraishyq-Qazaq memlekettiliginiń bastaýynda”. Halyqaralyq gylymi-

- tǵjiribelik konferentsiasynyń materialdary (10 qazan 2019j. Almaty, 2019. 319 b.)
Knıga Bolshomə chertejə: pod redaktsıı Serbina K. Izd.AN. SSSR. M-L. 1950. 229 s
Qondybaı S. Shygarmalary jinagy. 1 tom, 89-91 bb.
Magidovich I.P., Magidovich V.I. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiı. T.I. <https://litresp.ru/chitat.ru/%D0%9C/magidovich-iosif-petrovich-po-istorii-geograficheskikh-otkritij-t-1> data obrasheniye 24.11.2019. 15.31.
Men D. Attila/Djon Men; (per. S angl. G.Sahatskogo). M.: "Eksmo", 320s: il. 2007.
Novoseltsev A.P. K voprosə o politicheskoi Armenii i Kavkazskoi Albanii v antichnyı period // http://www.vehi.net/istoriya/armenia/kagantv/novoseltsev.html#_ftnref15;
Ytenuazov S. Ertedegi gundar // Qazaq tarihy №6. 2001. 10-19 bb.
Ytenuazov S. Hun ordasynyń paida boləy. // Qazaq tarihy №4. 2001. 17-20 bb.;
Pallas P.I. Pəteshestvie po raznym provintsıam Rossiiskoi imperii. Izvestiia o kirgızah// Istorıia i kəltəra Atyraə v rəsskih istochnikah XVIII-XX vv. T. Atyraə. 2014. 400s.
Rychkov P. Topografıı Orenbėrgskaıa, obstoiatelnoe opisaniie Orenbėrgskoi gəbėrnıı, kollejskim sovetnikom i imperatorskim Akademii Naək korrespondentom P. Rychkovym. Chast 1. S. Peterbėrg. 1762. 262 s.
Strabon. Geografıia. V 17kn. // Perevod i kommentarıı G.A. Stranaovskogo. M. "Ladomir". 1994. // <http://naturalhistory1.narod.ru/person/lib/strabon>
Sdykov M.N., Guzalov S.U., Bisembaev A.A. Sokrovisha skifov Zapadnogo Kazakhstana. Uralsk. 2003; Kasenov M.C., Mirash C.A. Alandyq deformazialangan bas suek // "Ultyq tarihty zerdeleudegi ylketanə: bygini men bolashagy" Halyqaralyq atty gylymı-tǵjiribelik konferentsıa materialdary (12 qazan 2009j. Atyraə. 2009. 193 b.
Tatishev N. Izbrannye trədy po geografıı Rossii. M. 1995. s. 156.
Trever K.V. Ocherki po istorii i kəltəre Kavkazskoi Albanii IV., do n.e. -VII v. n.e. (istochniki i materialy). M.-L. Izd. Akademiia naək SSSR. 1959. 389 s.
Trepavlov V.V. Istorıia Nogaiskoi Ordy. M. Izd.RAN «Vostochnaıa literatəra». 2002. s. 752.
Tynyshepaev M. Istorıia kazahskogo naroda. Almaty. «Qazaq əniversiteti». 1993. 104-105 bb.
Chıbilev A.A. V gləb stepı: ocherki ob estesvoispytateliıah Orenbėrgskraıa / A.A. Chıbilev; Orenbėrg. fil. Rəs. gerogr. o-va. Ekaterınbėrg: Naəka, 1993. 120 s.: il
Chıbilev A.A. Reka Əral. M. Gosmeteoizdat 1987. 166 s.

МАЗМҰНЫ

**ДЕРЕКТАНУ ЖӘНЕ ТАРИХНАМА
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
SOURCESTUDING AND HISTORIOGRAPHY**

Садвокасова З.Т.
ИЗЫСКАНИЯ В РЕДКИХ ФОНДАХ БИБЛИОТЕК
(НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ).....5

Галиев А.А., Гейбуллаева Р., Баткалова К.
ЭТНОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ.....18

**САЯСИ ТАРИХ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
POLITICAL HISTORY**

Күникеев А.Д., Мурзаходжаев Қ.М.
ЕСЕТ КӨТІБАРУЛЫ БАСТАҒАН КӨТЕРІЛІС.....32

Жанбосинова А., Казбекова А.
АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-ЧЕЧЕНЦЕВ
НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА.....45

Байпейсова Г.М., Рамазанова Ф. С.
К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ ПОСЛЕВОЕННОГО КАЗАХСТАНА.....59

Abdildabekova A.M, Pyassova Z.S, Teleuova E.T.
THE CONCEPT OF EURASISM AND THE DEVELOPMENT OF MAIN
BRANCHES OF STRATEGIC PARTNERSHIP IN CONTEMPORARY
HISTORY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....74

**ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ ҰЛЫ ЕСІМДЕРІ
ВЕЛИКИЕ ИМЕНА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ
THE GREAT NAMES OF THE GREAT STEPPE**

Игибаев С.К.
ВКЛАД Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....84

Kozhakeeva L.T., Zhylkyshybayeva K.K., Akhmetova Zh.K.
MUSTAFA ÇOKAY'IN TÜRKİSTAN ÜLKÜSÜ.....96

Хамитова М.А.
Ә. МАРҒҰЛАННЫҢ БҮГІНГІ ҰЛТТЫҚ РУХАНИ КИЕЛІ НЫСАНДАР
ТІЗІМІНЕ ЕНГЕН ЕСКЕРТКІШТЕРДІ ЗЕРТТЕУІ (XX ғ. 40-50 жж.).....109

Султангазы Г. Ж.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АХМЕДА БЕРЕМЖАНОВА.....122

**ХАЛЫҚТАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ
ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
POPULATION ISSUES**

- Орынбаева Г.У.
ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ РОДОВ, НЕ ВХОДЯЩИХ В ЖУЗЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....136
- Қалшабаева Б.К.
СУБЭТНОС – ҚҰРАМА ХАЛҚЫНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ТАРИХЫ
МЕН ЭТНОГРАФИЯСЫНДАҒЫ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕР151
- Рыскулов Т.А.
ИЗУЧЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ГРУППЫ КУРАМА.....165

**ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY**

- Тажекеев А.А., Курманиязов И.С.
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ
В ВОСТОЧНОМ ПРИАРАЛЬЕ.....178

**ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТАРИХИ ТОПОНИМИЯСЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ КАЗАХСТАНА
HISTORICAL TOPONYMY OF KAZAKHSTAN**

- Жұмабаева Ж.К., Өтепқалиева М. К.
АТЫРАУ ОБЛЫСЫНДАҒЫ ГИДРОНИМДЕР АТАУЛАРЫ:
ТАРИХИ-ТОПОНИМИЯЛЫҚ ТАЛДАУ.....191

Басуға 23.12. 2019 қол қойылды

Шартты баспа табағы –12,5

Офсеттік басылым

Таралымы 150 дана.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы

Тарих және этнология институты, «Отан тарихы»
журналының редакциясында басылды